

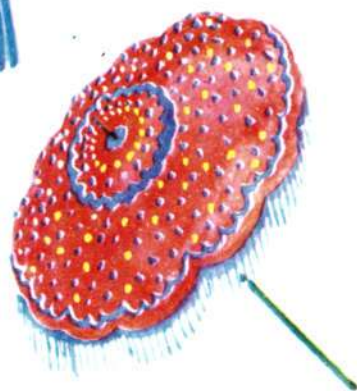
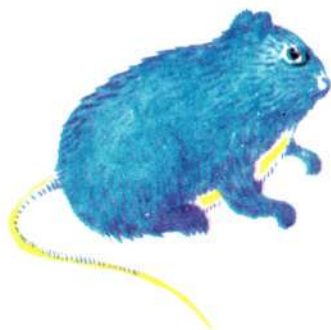
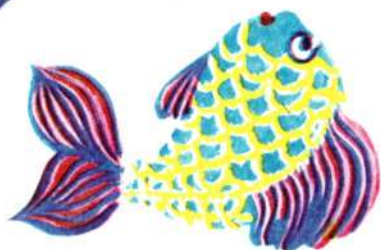
СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

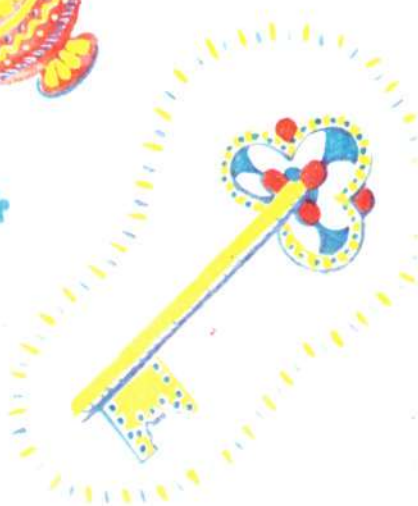
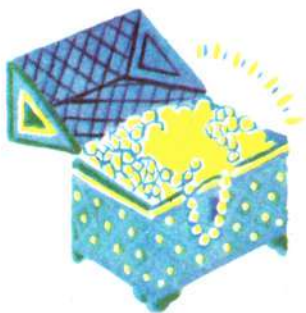

Подарки феи

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

Подарки феи

Сказки из жизни
эльфов, троллей и фей

1 9 9 3

Москва - Санкт-Петербург
«КИМОС» - фирма «РИТА» - «БИБЛИОПОЛИС»

Оформление серии
Владимира Волипца

Художник
Ольга Платова

ISBN 5-86138-009-0

© Составление, оформление
«КИМОС», 1993.

ВОЛШЕБНАЯ ПЕЩЕРА

МАЛЕНЬКИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Французская сказка

горных пещерах и в глубине земли живет племя маленьких человечков, которых называют карликами, или гномами.

Гномы ростом Не выше фута. У них длинные волосы и длинные бороды, они ходят в мохнатых колпачках, красных костюмах и серебряных башмаках, вооружены саблями и копьями. Эти человечки не христиане. Они будут жить до конца мира, а тогда умрут, но уже не воскреснут в день Страшного суда.

Гномы — народ не злой и даже оказывают людям услуги. Но если вы хотите увидеть, как они багровеют от гнева, вам стоит только закричать по-гусиному: «Га! Га! Га!» Гусей гномы не любят, потому что гуси, как только завидят гнома, начинают изо всей силы щипать его. Если же хотите увидеть гномов веселыми, как зяблики, скажите только. «Сегодня будут деньги».

В старые времена гномы иногда показывались людям. Теперь о них что-то не слышно. Может быть, они покинули нашу страну. Л может быть, не решаются выходить днем из страха перед злыми людьми и гусями, которые их обижают.

Гномы пьют и едят, как мы. Сейчас расскажу вам, как они добывают себе все, что им нужно.

Земля дает нам в каждом месяце года что-нибудь новое: в июне — сено, в июле — хлеб, в сентябре — виноград и кукурузу. Дает и разные плоды, которые родятся каждый в свое

время, и скот, крупный и мелкий. Все это для нас, христиан. Эти дары земли мы можем видеть и трогать, когда вздумается.

Но есть и другие урожаи, другие плоды и другой скот, крупный и мелкий. Этих даров земли христианам не приходится ни видеть, ни касаться: земля родит их для маленьких человечков в один только вечер, в новогодний сочельник, от заката солнца до полуночи. И до восхода солнца все это должно быть собрано и сложено под землей.

Поэтому в течение семи часов гномам приходится работать не покладая рук. У них остается еще ровно час на то, чтобы вынести и проветрить при свете дня свое золото — груды луидоров и испанских золотых, которые они хранят внутри скал. Если это желтое золото не выносить на свет раз в год, оно портится и становится красным. Тогда гномы им уже не дорожат и выбрасывают его вон.

Я вам рассказываю только то, что знаю, — это так же верно, как то, что мы все умрем. Наконец, я легко могу вам доказать, что говорю правду. Вот послушайте.

Жил когда-то в Сент-Ави один ткач, обремененный большой семьей и бедный, как церковная крыса. Настоящее его имя было Ключе. Но когда он потом разбогател, люди из зависти дали ему кличку Навозное золото. Мой дед (упокой, Господи, его душу!) часто рассказывал мне, как этот ткач стал богачом. И вы сейчас услышите его историю.

Ключе охотился за кроликами. Никто не мог с ним сравниться в умение ловить их во всякое время года силками, или охотиться на них с хорьком, или подстрелить из засады даже в самые темные ночи.

На своем веку он погубил больше тысячи этих зверьков, а его жена и дочь носили их продавать на базар и на ярмарки в Лектур и Астафор.

Знатные господа и богатые горожане, которые любят охотиться на кроликов, злились на Ключе. Они обзывали его мошенником, браконьером и натравливали на него жандармов. Но Ключе только смеялся над этим, потому что лектурские судьи благодаря ему частенько едали вкусное кроличье рагу, которое недорого им обходилось. И, конечно, эти господа не склонны были судить такого услужливого человека, как Ключе.

Раз зимним вечером, под Новый год, Ключе поужинал, как всегда, супом в кругу своей семьи. Поев, он сказал жене:

— Вот что, женушка! Завтра день новогодних подарков. Я хочу подарить несколько кроликов начальству в Лектуре. Уложи детей и ложись сама. А я пойду на охоту.

Клюзе взял свое ружье, мешок и вышел. На дворе морозило, и на черном безлунном небе сверкали звезды.

Только что наш ткач притаился в засаде между Жерских скал, как услышал, что кто-то кричит у него под ногами:

— Эй, вы, лентяи, поторапливайтесь! Ровно в полночь все должно быть готово!

— Знаем, знаем, повелитель! Ведь нам дана только одна эта ночь под Новый год!

Клюзе понял, что это гномы готовятся к своей работе, и остался в засаде: ему хотелось услышать и увидеть, что будет.

У входа в пещеру появился самый старший гном с кнутом в руке, посмотрел на небо и закричал:

— Полночь! Живее, лентяи! Поторапливайтесь! До восхода солнца нужно снести под землю все наши запасы на целый год.

— Будет сделано, повелитель! Ведь у нас только одна ночь в году.

Из пещеры под шелканье кнута старшего гнома высыпало несметное множество маленьких человечков с косами, серпами, цепами, с садовыми ножами и корзинками для сбора винограда, с коромыслами, палками-погонялками — словом, всем, что нужно для сбора урожая и для того, чтобы согнать скот в одно место.

Когда человечки убежали, их повелитель окликнул ткача:

— Клюзе, хочешь заработать монету в шесть ливров?

— Как не хотеть, господин карлик!

— Так вот, Клюзе, помоги моим людям.

Через час некоторые гномы уже воротились.

Одни везли тележки величиной с полтыквы, нагруженные сеном, виноградом, кукурузой, разными фруктами. Другие гнали перед собой быков и коров величиной с собаку, стада овец, которые были не больше ласки.

Клюзе немало потрудился, помогая гномам, которые теперь уже сотнями сходились со всех сторон. А повелитель гномов все время шелкал кнутом и покрикивал:

— Живее, лентяи! Поторапливайтесь! Все запасы должны быть под землей до восхода солнца!

— Мы торопимся, хозяин. Мы знаем, что у нас есть только одна ночь под Новый год.

К восходу солнца все запасы гномов были уже под землей.

Тогда повелитель гномов сказал ткачу:

— Клюзе, вот твои шесть ливров. Ты их честно заработал. Хочешь заработать еще экю?

— Как не хотеть, господин карлик!

— Ну, так помогай моим людям!

Маленькие человечки уже выходили из глубины пещеры, сгибаясь под тяжестью мешков, полных желтого золота, луидоров, испанских золотых. А их повелитель все щелкал бичом и кричал:

— Живее, лентяи! Поторапливайтесь! У нас остается ровно час на то, чтобы проветрить желтое золото. Если это золото раз в год не вынести на дневной свет, оно портится, становится красным, и его приходится выбрасывать вон.

— Мы же работаем, хозяин, работаем изо всех сил.

Ключе немало потруился, высыпая золото из мешков, вороша его, чтобы все оно проветрилось и увидело дневной свет.

Как только прошел час, гномы подхватили свои мешки с золотом и поскорее унесли их в глубь пещеры.

А их повелитель, щелкнув кнутом, сказал:

— Ну, Ключе, получай второе эку. Ты его честно заработал! Но мои люди ничего не стоят! Из-за их ротозейства десять пудов желтого золота вот уже больше года не видели дневного света. Оно перележало, испортилось и стало красным. Эй, вы, бездельники! Выбросьте вон эту гадость, чтобы она не валялась у нас под землей.

Гномы послушались. Они выбросили из пещеры десять пудов красного золота. Потом скрылись вместе со своим повелителем в глубине пещеры.

Ключе взял один луидор и один испанский золотой, а остальное золото зарыл и пошел домой.

— Ну что, муженек, удачная сегодня была охота?

— Удачная, женушка.

— Покажи, что принес.

— Нет, не сейчас. Мне нужно уйти по делам.

Даже не поев, Ключе отправился в город Ажен и вошел в лавку золотых дел мастера.

— Здравствуй, хозяин! Погляди-ка на это красное золото! Вот луидор и испанский золотой. Что, они так же ценятся, как желтое золото?

— Да, мой друг. Если хочешь, я их тебе обменяю на эку.

Сосчитав деньги, Ключе тотчас, не поев, не попив, отправился в Сент-Ави. Когда он пришел домой, он уже едва был в силах сказать:

— Скорее, жена, скорее давай суп. И хлеба, и вина! Я умираю от голода и жажды.

Поужинав, ткач лег спать и храпел пятнадцать часов кряду. Но следующей ночью он, ничего никому не говоря, отправился к Жерским скалам и воротился с тремя пудами красного золота. Еще два раза ходил он ночью туда и забрал остальное. Когда все золото было принесено, Ключе позвал жену.

— Смотри! Что, разве не прав я был, сказав тебе, что охота под Новый год была удачна? Теперь мы богаты. Уедем отсюда и заживем на славу!

Сказано — сделано. Ключе и его семья покинули Сент-Ави и уехали далеко-далеко, дальше Муассака, в землю Кверси. На свои десять пудов золога Ключе купил там большой лес, водяную мельницу с четырьмя жерновами, двадцать мыз и великолепный замок, где он жил долго и счастливо с женой и детьми. Он был хороший человек, всегда готовый услужить соседу, и никто щедрее его не помогал беднякам. Но это не мешало людям завидовать ему. Оттого и дали ему кличку Навозное золото.

ДВА ГОРБУНА И ГНОМЫ

Французская сказка

Жили-были два горбуна, два товарища, Нонник и Габик. Занимались они портняжеством и каждое утро отправлялись искать работу по окрестным фермам и замкам: один — в одну сторону, другой — в другую.

Однажды вечером Нонник возвращался с работы один, и когда он проходил по пустынной местности Пенанроку, недалеко от городка Плуара, он услышал тоненькие голоса. Они напевали:

*Понедельник — день,
вторник — день,
среда -- день...*

«Кто же это тут поет?» — подумал он и тихонько подкрался поближе. Была чудесная лунная ночь, и он увидел ночных плясунов — гномов; они кружились в хороводе, держались за руки и пели. Один из них начинал:

*Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...*

А другие хором подхватывали:

*Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...*

И так без конца. Нонник часто слышал о ночных плясунах, но никогда не видал их. Он спрятался за скалу и стал наблюдать. Но его заметили и потащили прямо в круг. И гномы стали плясать и кружиться вокруг него, припевая:

*Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...*

Они сказали горбуну:

— Пляши и пой с нами вместе!

Нонник был не из робкого десятка — он вступил в хоровод и стал плясать и петь вместе с ними:

*Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...*

Однако, подметив, что они все время повторяли только эти слова и ничего больше, он спросил:

— А дальше что? Больно уж коротка ваша песенка.

— Это все, — ответили гномы.

— Как так все? Почему вы не продолжаете: и четверг тоже день, да и пятница — день...

— Верно, — согласились они, — это очень мило.

И они запели, притоптывая и прыгая от радости:

*Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...
И четверг тоже день,
да и пятница — день...*

Тут они закружились, словно бесноватые!

Когда Нонник изнемог от усталости и хотел уйти, гномы стали между собой совещаться:

— Что мы дадим Ноннику за то, что он помог нам сочинить такую хорошую песенку?

— Что угодно: серебра и золота вдоволь, а если он захочет, мы избавим его от горба.

— О, — воскликнул Нонник, — если вы избавите меня от этого груза, который я уже так давно ношу на себе, забирайте себе и золото и серебро!

— Хорошо, снимем ему горб!

И они натерли ему спину чудодейственной мазью, от которой горб исчез как по волшебству, и он вернулся домой налегке — стройный, прямой, словом, очень красивый.

Назавтра, когда его горбатый собрат увидел его, то был очень удивлен и даже не сразу его узнал.

— Как! — воскликнул он, осматривая Нонника со всех сторон. — А где же твой горб?

— Исчез, как видишь.

— Но как же это случилось?

Тогда Нонник все ему рассказал.

— Ах, я тоже пойду повидать ночных плясунов в Пенанроку, и сегодня же вечером, не откладывая!

Так он и сделал.

Когда он появился среди скал, гномы уже плясали там, напевая.

*Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день... —*

затягивал один голос, а другие хором подхватывали:

*И четверг тоже день,
да и пятница — день...*

Как они кружились, прыгали и скакали!..

Габик подошел к ним, и гномы закричали:

— Идем плясать с нами!

И вот он уже вступил в хоровод и давай плясать и петь, как они:

*Понедельник — день,
вторник — день,
среда — день...
И четверг тоже день,
да и пятница — день...*

- А дальше? — спросил он.
— Это все. Разве ты знаешь дальше?
— Еще бы!
— Ну, говори скорей, говори же!..
А Габик в ответ:

*И суббота — день
и воскресенье!*

— Ну, это плохо! Это не в рифму! Он нам испортил песенку, такую хорошую песенку! Надо его за это проучить. Что мы с ним сделаем? — закричали гномы все разом, суется и снуя вокруг Габика, точно муравьи в муравейнике.

— Надо прибавить горб Нонника к его горбу! — посоветовал кто-то.

— Вот это верно — прибавим горб Нонника к его горбу.

Сказано — сделано. И несчастный Габик вернулся домой пристыженный, сгибаясь от непосильной тяжести. И пришлось ему всю жизнь вместе с собственным горбом носить горб своего товарища!

ОВСЯНАЯ ЛЕПЕШКА

Шотландская сказка

На всем острове Скай не было женщины ленивее Морэг, жены фермера Дональда из Дантулма. Как будто жаловаться ей было не на что: с хозяйством в маленьком домике Дональда управиться нетрудно, и колодец с питьевой водой от крыльца рукой подать, да и пачкать-то, собственно, некому — ни ребенка нет в доме, ни собаки. Дональд же был работяга: он и торф для очага заготавливает и за двумя коровами ходит, а уж хлеба выращивает всем на загляденье. Но Морэг только, бывало, плачет да причитает день-деньской, а сама палец о палец не ударит. Наконец даже Дональд из себя вышел — чуть не

стукнул ее суповой ложкой. Вот встала она однажды поутру и видит: кухня не прибрана, в очаге полно золы, кровать не застелена, посуда не вымыта, прялка — и та серая от пыли и паутины.

Помешивает она кашу и приговаривает:

— Бедная я, несчастная. И всю-то жизнь я должна работать да работать. Можно ли придумать что-нибудь хуже!

И так ей стало жалко себя, что она и про кашу забыла, а та загустела и пристала ко дну. Разозлилась Морэг пуще прежнего. Но тут она вдруг вспомнила, что людям иногда удается уговорить гномов работать на себя. А ведь позади их дома — волшебная гора, так соседи говорили!

«Дай-ка, — думает ленивица, — заманю их к себе».

Наложила она каши в миску, добавила сливок и выставила па крыльцо. Уж перед таким угощением гномы не устоят! И действительно, трудно было придумать лучший способ завлечь маленьких человечков. Спряталась она за дверью и стала ждать.

Вскоре послышался быстрый топот ног по дорожке. Потом костяная ложка застучала о миску с кашей. Морэг выглянула из-за двери. Так и есть! Десятка два гномиков толпились вокруг миски и по очереди уписывали кашу. Они были такие махонькие — ребенку по колено, одеты по все зеленое и проворные, как мышки.

Миска мигом опустела. Как только гномы покончили с кашей, они начали стучать в дверь, и Морэг поспешила их впустить.

— Добро пожаловать, — приветствовала она гостей, — надеюсь, вы пришли поработать?

— Ты угадала, хозяйшка, — отвечали они. — Работы мы не (юимся, но тебе придется кормить нас. Так что неси сковороду л начинай печь лепешки, скоро мы проголодаемся.

Морэг принесла сковороду и принялась печь овсяные лепешки, а гномы знай себе снуют, как трудолюбивые муравьи. Кто пол подметает, кто паутину сметает, кто масло сбивает, кто ткань начинает, а несколько гномов взялись трепать и чесать шерсть. Вот уж и прялка весело зажужжала. Никогда в этом доме так усердно не чинили, не штопали, не скребли и не чистили!

Тем временем Морэг все пекла да пекла лепешки, и они то и дело вырастали горой на кухонном столе. Но не успевали они остыть, как гномы прекращали работу и уплетали все до последнего кусочка. Это повторялось так часто, что Морэг пришла в отчаяние. Но

жаловаться она боялась — того гляди, гномы заколдуют ее и утащат к себе в волшебную гору. Так и пекла она лепешки, пока вся мука не вышла. Ну и шум тогда поднялся! Гномы требовали лепешек. Морэг сказала, что пойдет к соседке одолжить мучицы, а сама пустилась что есть мочи в деревню, к домику одной старой-престарой бабушки. Пришла и горько заплакала:

— Бабушка, бабушка, помоги мне. Муж мой на горном пастбище, кухня полна гномов, и они скоро съедят все до крошки. Научи меня, как избавиться от них.

— Ты сперва скажи мне, как они к тебе попали? — спросила бабушка.

Морэг призналась, что заманила гномов кашей со сливками, чтобы они на нее работали.

— Поделом тебе, Морэг-белоручка, никогда больше не ленись и не полагайся на гномов. А теперь ступай домой и, когда подойдешь к двери, отвори ее и крикни: «Бегите, бегите! Ваш дом горит!» Гномы побегут к горе. Но знай, когда они увидят, что ты обманула их, они вернутся и утащат тебя с собой.

— Бедная я, несчастная, — пуще прежнего заплакала Морэг. — Не хочу я жить в волшебной горе до конца дней! Неужели нет способа не пустить их в дом?

— Когда вернешься, — сказала бабушка, — переверни все, что гномы держали в руках, иначе они войдут, даже если ты запрешь дверь на все замки.

Морэг поблагодарила бабушку и поспешила домой. Подойдя на цыпочках к двери, она прислушалась. Гномы были заняты работой. Она приоткрыла дверь и крикнула: «Бегите, бегите! Ваш дом горит!» Гномы сразу бросили работу и высыпали гурьбой из дому. Быстро перебирая маленькими ножками, они помчались к волшебной горе, а Морэг шмыгнула в дверь и заперлась изнутри.

Она все перевернула вверх дном и такой устроила беспорядок, что чуть не заплакала от огорчения: ведь гномы так аккуратно прибрали в доме. Едва она успела покончить с этим, как они вернулись и стали пищать за дверью, требуя впустить их.

— Открой нам, хозяйюшка! — кричали они через замочную скважину.

— Я не могу отойти от сковороды, — отвечала Морэг, — лепешки пригорят.

— Метла, метла, что стоит у очага, открой нам!

— Не могу, я стою на голове, — отвечала метла.

— Прялка, прялка, открой нам!

— Не могу, мое колесо привязано, — отвечала прялка.

Так же ответили разозлившимся гномам кастрюли, сковородки, деревянные тарелки — все, что было в кухне. Наконец они обратились к маленькой овсяной лепешке, закатившейся в темный угол.

— Лепешка, лепешка, открой нам! — закричали они своими пронзительными голосками, и маленькая лепешка сразу покадилась по полу.

Она перепрыгнула через ногу Морэг, обогнула стол и добралась бы до двери, если бы Морэг, бросившись вперед, не наступила на нее. Тут с улицы послышался голос Дональда. Чары рассеялись. Гномы умчались, словно их ветром сдуло.

С тех пор Морэг даже и не поминала о гномах. Куда девалась ее лень! Она стала хорошей женой фермеру Дональду. Правда, он никак не мог уговорить ее испечь лепешек, но ведь это и не удивительно, не так ли?

ВОЛШЕБНАЯ ПЕЩЕРА

Шотландская сказка

Много есть историй — всех и не упомнишь — о волынщиках, которые попадали в незнакомые пещеры и больше не возвращались. Две такие истории я вам расскажу. В первой речь пойдет об Аласдэре Бэне с острова Скай, юноше из знаменитой семьи волынщиков Маккримон.

Однажды Аласдэр Бэн сушил на горе папоротник для подстилок на зиму. Как всегда, он захватил с собой волынку, чтобы поиграть после работы. Но солнце так припекало, что он скоро устал и с удовольствием прилег на мягкий мох отдохнуть.

Вскоре он заснул, и приснилась ему тихая речка, на камешке у воды сидит черный дрозд и поет, глядя на свое отражение. Когда Аласдэр проснулся, песня водяного дрозда все еще звучала у него в ушах. Рядом с юношей лежала его любимая волынка, и захотелось ему сыграть мелодию, которую он слышал во сне. «Ничего, — сказал он себе, — как только разучу песню, еще усерднее примусь за работу». Едва он начал играть, как ветер стих и произошло что-то странное: с громким треском гора разверзлась, и глазам Аласдэра предстала глубокая, темная пещера.

Какой юноша устоит перед соблазном заглянуть в пещеру! Страшно стало Аласдэру, но пещера влекла его с необычайной силой. Эхо повторяло и изменяло звуки его волынки в гулкой глубине, и еще чудеснее звучала мелодия. Юноша смело шагнул в пещеру и дошел до поворота. Вдруг стало совсем темно. Аласдэр оглянулся и увидел, что гора закрылась; солнечный свет исчез. Страх снова охватил юношу, и он стал поспешно искать выход. Но в темноте он натыкался на стены; откуда-то сверху капала вода. Наконец утомленный Аласдэр присел отдохнуть. Вскоре он услышал топот маленьких ножек. Появился свет, и он увидел перед собой крошечных гномов.

— Долго ты не приходил, Аласдэр Бэн, — пропищали они своими пронзительными голосками, — но мы рады тебе.

Они повели его в глубь горы, освещая путь фонариками, и вошли в огромный зал. На стенах горели факелы. На золотом троне сидела дева редкой красоты, а перед ней — стол со всякими яствами. Никогда не видел он девушки прекраснее.

— Входи, Аласдэр Бэн, — приветливо сказала она, — отведай наших кушаний, а потом сыграешь нам на своей волынке, а мы станцуем.

Когда пир закончился, Аласдэр начал играть. Гномы скакали вокруг него на своих неутомимых ножках. Факелы стали меркнуть, пальцы у юноши болели, но он не переставал играть: чары, околдовавшие его, не давали ему остановиться.

Тем временем дома хватились Аласдэра. Искали его и в долинах, и в горах, и на топких болотах, но, кроме папоротника, который он положил сушить на склоне горы, над полем своего отца, не осталось от него никаких следов. Иногда людям чудилось, что ветер доносит звуки его волынки, временами мелодия слышалась словно из-под земли. А матери его часто казалось, что слабая музыка раздается из-под очага. Но Аласдэр не возвращался, и она горько оплакивала пропавшего сына...

Аласдэр не знал, долго ли он играл. Но настало время, когда пальцы его перестали двигаться.

— Рад бы служить тебе, волшебная королева, — сказал он устало, — но больше играть я не в силах.

И он упал без сознания возле трона. Свет тотчас погас, гномы и дева исчезли, а когда Аласдэр Бэн поднял голову, он увидел, что снова лежит на склоне горы.

Утром он подошел к своему дому. Вокруг выросли деревья, появился высокий забор, которого не было прежде. Сгорбленная старушка доставала воду из колодца. Она посмотрела на

высокого незнакомца и спросила, кто он такой.

— Ваш сын, матушка, — воскликнул он, обнимая ее, — Аласдэр Бэн. Вчера я пошел сушить папоротник и заснул на горе, и приснился мне странный сон. Как хорошо, что я снова дома! Но что случилось с вами, матушка, и почему здесь так все изменилось?

Старушка с трудом узнала своего сына в бородатом страннике. Долго ждала она его возвращения, дни складывались в месяцы, месяцы в годы, и так прошло десять лет. Но когда она выслушала удивительную историю о гномах, танцевавших внутри горы под его музыку, она все поняла и заплакала от радости.

Аласдэр дожил до глубокой старости и стал знаменитым музыкантом, но никогда больше не играл он странной песни маленького водяного дрозда, которую слышал во сне.

ВОЛШЕБНАЯ КРАСКА

Шотландская сказка

Давным-давно в горах за озером Файи в маленьком белом домике жил пастух по имени Кол. Пасти овец ему помогали две большие собаки, с которыми он никогда не расставался.

Однажды утром отправился он искать овец, отбившихся от стада, и забрел в долину между горами Айм и Вейн. Высоко в небе пели жаворонки, на болоте кричали чибисы.

Кол все шел и шел, но овец нигде найти не мог. Вскоре солнце начало припекать, и ему захотелось отдохнуть. Кол присел на пригорке, голова его постепенно стала клониться набок, и он было заснул, как вдруг до него донеслись звуки голосов.

Кол посмотрел по сторонам, но вокруг никого не было.

«Должно быть, это ветер шумит в камышах», — подумал пастух и прилег поудобнее. Но едва успел он положить голову на мягкую траву, как ветер снова донес до него отдаленные голоса.

Пастух обернулся — ему было интересно, слышат ли голоса его собаки, но с удивлением увидел, что они исчезли. «Вот странная история! Куда это запропастились мои собаки? А может, я ослышался!» — с удивлением думал пастух. Он встал и продолжал свой путь по склону горы.

Вскоре внизу показалась зеленая ложбина, посреди которой виднелось маленькое озеро. На берегу горел костер, а возле него копошились какие-то фигурки. Он тихонько приблизился и от удивления широко раскрыл глаза: несколько гномов в ярко-зеленой одежде подносили в корзинах торф и бросали его в костер. Гномы так были заняты своей работой и так громко разговаривали, что не заметили пастуха, наблюдавшего за ними с горы.

Когда костер разгорелся, они достали из зарослей папоротника котелок и поставили его на огонь. Пока в котелке что-то бурлило и кипело, они принялись весело танцевать под звуки волынки, на которой играл один из гномов.

Солнце уже высоко поднялось, а гномы все продолжали танцевать. Наконец гном-музыкант отложил свою волынку, и веселье закончилось. Тотчас же гномы подбежали к кипящему котелку, сняли его с огня и понесли к озеру. Вынув из котелка большой кусок материи, они прополоскали его и положили на берегу сушить.

С удивлением смотрел Кол на материю — никогда он не видел такого ярко-зеленого цвета. Она была ярче, чем первые восходы на полях, и сверкала ослепительнее радуги. Даже первые листки папоротника по сравнению с ней казались блеклыми.

— Разрази меня гром, — воскликнул Кол, — ну и повезло же мне. Ведь я нашел место, где гномы красят себе материю.

Он наблюдал за гномами, пока они не сложили высохшую материю. Спрятав котелок, гномы убежали и скрылись в горе. Пастух рассердился на себя: «Какой же я дурак! Не догадался забрать котелок. Будь у меня такая волшебная краска, каким бы я стал богачом!»

Возвращаясь домой, он все время думал о виденном и чем больше думал, тем сильнее ему хотелось вернуться назад. Наконец он решил пойти к озеру поутру и притаиться в укромном местечке, как хитрый лис. «Когда гномы будут полоскать материю, — думал он, — я унесу котелок».

И вот на следующий день, едва забрезжил рассвет, пастух отправился к волшебному озеру, спрятался и стал ждать. В полдень ветер донес до него голоса приближающихся гномов. Весело болтая, они пробирались через заросли папоротника. Выйдя к озеру, гномы принялись за работу: одни подносили торф, другие разжигали огонь сухими корнями вереска.

Как и накануне, один из них уселся на пригорке и заиграл на волынке. Веселье началось, и Кол сам чуть не пустился в пляс. Но он хорошо знал, что, если высунет голову или пошевелится, не видать ему котелка.

А гномы все водили хоровод, и Колу казалось, что волынка никогда не замолкнет. Наконец настало время вынимать материю из котелка. Нетерпеливо смотрел пастух, как гномы тащат котелок к воде.

Но тут произошло что-то странное. Ветер внезапно изменил направление. Холодный и порывистый, он подул с озера и понес дым от костра в ту сторону, где спрятался пастух. Кол отчаянно вертел головой во все стороны, но дым ел глаза и щекотал нос. Он громко чихнул, и эхо разнеслось в горах.

Гномы тотчас же закричали тонкими, пронзительными голосками:

— Убегайте, убегайте, человек идет!

Кол вскочил и стремглав помчался к берегу. Но он опоздал. Гномы увидели пастуха и, оберегая секрет волшебного котелка, быстро потащили его к озеру. Когда Кол подбежал, они уже успели вылить содержимое котелка в воду и исчезли.

— Будь проклят этот ветер! — сказал запыхавшийся пастух, продолжая чихать. — Но все же мне досталась зеленая материя и пустой котелок.

И действительно, материя и котелок лежали там, где их оставили гномы. Но едва пастух нагнулся, чтобы взять материю, она сразу же превратилась в траву, которая завяла от его прикосновения, а котелок распался на мелкие кусочки, которые тут же обратились в пыль.

Но что это произошло с маленьким озером? Его вода больше не была прозрачной, она стала ярко-зеленой и сверкала в лучах солнца!

И поныне Лэг Уэйн — зеленая ложбина с волшебным озером близ Инвергласам — хранит цвет краски, вылитой гномами.

ГНОМ И ЧЕРНЫЙ ПОРОСЕНОК

Шотландская сказка

Жил некогда в Аргайле вождь, и был у него сын Брон — гордый и себялюбивый.

А неподалеку в лесу жил старый-старый гном. От времени борода его стала похожа на лишайник, а спина согнулась, как коряга. Шел однажды гном домой с большой вязанкой хвороста на спине. Вдруг из леса на лихом коне выскочил Брон, сын вождя, и сшиб его. Не успел старый гном опомниться, как полетел в канаву, поросшую колючим шиповником, и вся вязанка его рассыпалась.

Увидев, что гном запутался в кустах и лежит, дрыгая короткими ножками, Брон громко рассмеялся, но и не подумал ему помочь. Только было гном поднялся, как Брон пришпорил коня и, подняв облако пыли, поскакал прочь. Пыль застлала гному глаза, и он снова упал в колючие кусты.

С трудом выбрался старый гном из канавы, собрал свой хвост, а последнюю хворостину воткнул в колею на дороге, прикрыл травой, пошептал над ней и пошел восвояси.

На следующее утро, когда Брон, как обычно, скакал по лесу, конь его споткнулся о спрятанную хворостину, и Брон кувыром полетел в шиповник, а конь поскакал к дому. Кусты раздвинулись, но вылез оттуда уже не Брон, а маленький черный поросенок, который мигал на солнце подслеповатыми глазками.

— Эй, ты, Поросенок, — послышался голос, и, обернувшись, Брон увидел старого гнома. — Черненький поросенок со смешным пяточком! Вчера ты был сыном вождя и сбросил меня в канаву, а сегодня сам вылезаете оттуда в обличье животного. Отправляйся же странствовать по белу свету и испробуй на себе, как плохо приходится тем, кого обижают. Пусть это послужит тебе уроком!

— Неужели мне придется всю жизнь трусить на четырех ногах, уткнувшись носом в землю? — жалобно прохрюкал Брон.

— Ты останешься поросенком до тех пор, пока не поймешь свою вину и не отгадаешь загадку.

— Тогда задавай мне ее поскорее, гном.

— Слушай же:

*Палка суковатая по голове ударит,
Гладкий камешек со дна реки,
Лист с верхушки бузины,
Поцелуй красавицы от колдовства избавит.*

Проговорив это, гном исчез в лесной чаще.

Черный поросенок медленно побрел по дороге, раздумывая над странной загадкой гнома. Копытца его поднимали пыль, которая разъедала ему глаза. Временами на пути ему встречалась корова, и он испуганно отскакивал в сторону. В другой раз собака почуяла его приближение и с лаем погнала его в глубь леса. Если бы мог он разгадать смысл хотя бы первой строчки загадки, ему стало бы немного легче!

Тут повстречался ему крестьянин. Не успел поросенок убежать, как тот набросил на него аркан и потащил к своему дому. Но поросенок так упирался, что крестьянин не на шутку рассердился.

— Ах, так, храбрый вояка! Может быть, палка заставит тебя идти? — воскликнул он, поднял суковатую палку с земли и ударил поросенка по голове.

Палка сразу же взлетела вверх, и крестьянин отпустил веревку. Черный поросенок стремглав убежал в лес. Вот что значила первая часть загадки гнома — про суковатую палку!

Поросенок бежал, не останавливаясь, пока не добрался до широкой реки. Как бы ему достать гладкий камешек со дна? Ведь приблизился бы желанный день, когда он снова станет Броном. Но напрасно совал он свой пяточок в воду, напрасно пытался нырнуть. Каждый раз его выталкивало на поверхность, и камешки на дне реки были все так же недосыгаемы.

Много дней поросенок бегал по берегу реки, завидуя рыбам и выдрам, сновавшим в воде. Ему так и не удалось достать дна реки, но все же в знойный день приятно было плескаться в прохладной воде.

Однажды утром, проснувшись, он увидел, что русло реки почти пересохло — только тоненький ручеек струился меж камней. Он быстро подбежал и схватил зубами гладкий камешек. Так исполнилась вторая часть загадки гнома!

Теперь надо было найти бузину. Набрел он на нее только к вечеру. Но куст был такой высокий, что казалось, ветвями он достает до облаков. Напрасно старался поросенок вскарабкаться по стволу — его короткие ножки и толстое туловище не были приспособлены для лазания по деревьям, и каждый раз он срывался и падал на землю.

Но вот первые капли дождя упали на землю, и вскоре хлынул ливень; в потемневшем небе засверкали молнии, загредел гром. Черный поросенок прижался к стволу бузины. Река переполнилась и вышла из берегов. Вода достигла корней бузины и стала подмывать их. Наконец корни обнажились, куст покачнулся и рухнул. Поросенок завизжал от радости и схватил лист с самой макушки! Теперь оставалась последняя, самая трудная задача.

Но чем больше он думал о поцелуе красавицы, который ему предстояло заслужить, тем печальнее становился. Глядя на свое уродливое отражение в реке, бедный поросенок понимал, что ни одна девушка не захочет пачкать губы о его пяточок. Впервые в жизни он смирил свою гордыню и заплакал.

Вдруг он услышал, что кто-то плачет так же горько, как он сам. Обернувшись, он увидел слепую старушку, запутавшуюся в зарослях колючего кустарника. Вначале она испугалась хрюканья поросенка, но, когда он потянул ее за подол и повел к дороге, она охотно пошла за ним. Два странных спутника долго брели, пока не показался маленький домик. Залаяла собака.

— Это голос Граффа, — обрадовалась старушка.

Дверь домика отворилась, и навстречу им выбежала молодая девушка — внучка слепой старушки.

— Как я рада, что с тобой ничего не случилось, бабушка, — воскликнула девушка. — Я искала тебя в горах и долинах, и вот ты вернулась с черненьким поросенком!

— Да, я дома, Мэри. Но если бы не этот черненький поросенок, которого я не вижу, я пропала бы в лесу.

Мэри обняла бабушку, потом схватила поросенка и поцеловала его прямо в уродливый пяточок. Он упал к ее ногам. Поднялся с земли уже не поросенок, а Брон, сын вождя. Чары гнома рассеялись.

Не успел месяц совершить свой путь, как Брон и Мэри, внучка слепой старушки, сыграли свадьбу. Гном, узнав об этом, благословил их. И говорят, что, когда Брон стал вождем после смерти отца, не было вождя, который правил бы более мудро и так заботился о ближних.

ЗАКОЛДОВАННАЯ МАСЛОБОЙКА

Шотландская сказка

Лахи исполнилось девять лет. Хоть и невелик ростом был он, да зато крепкий и гибкий, как ива. А уж бегал Лахи быстрее всех мальчишек в долине, даже быстрее своего сводного брата, высокого и грубого Данкена, который был старше Лахи на целый год. Не по душе это было Данкену, который не упускал случая подразнить Лахи.

Данкен пас скот на горном пастбище, а маленький Лахи оставался работать на ферме. И завидно было Лахи, что Данкен целое лето проводит в горах и всех дел у него — смотреть, как бы стадо не разбрелось.

Как-то Лахи, доставая воду из колодца, услышал жалобный плач. Обернувшись, он увидел по ту сторону рва маленького человечка, заваленного плитками торфа, свалившимися с вы-

сокого штабеля. Перебравшись через ров, Лахи раскидал торф и помог человечку подняться. Тут ему стало немного не по себе, потому что, увидев зеленую одежду, остроконечный колпачок и башмачки маленького человечка, он догадался, что это один из гномов, живущих в горах. Лахи готов был пуститься наутек, но гном схватил его за рукав.

— Скажи мне, Лахи, — спросил он, — для чего ты сидишь здесь, на ферме, в то время как Данкен проводит все дни на горном пастбище?

— Сегодня мне надо натаскать воды, — ответил Лахи, — вымыть подошники и помочь сбить масло.

— Я тоже умею сбивать масло, — сказал зеленый человечек, — да еще такое вкусное, какого ты никогда не ел. Покажи мне твою маслобойку, и я научу тебя, как это делать.

Лахи повел гнома на кухню и показал ему маслобойку. Она была большая и очень тяжелая, и Лахи был уверен, что гном не сможет даже ручку повернуть. Но маленький человечек не притронулся к маслобойке. Он сел на скамеечку и запел странную песенку, которую Лахи никогда раньше не слышал.

Гном пел, ритмично покачиваясь в такт песне. И вот кувшин со сливками начал сползать с полки, медленно наклонился, и сливки полились прямо в маслобойку — ни одна капля не пролилась мимо.

Тут и маслобойка начала покачиваться в такт песенке, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, словно весело приплясывая, а тем временем сливки сбивались, и не успел Лахи оглянуться, как масло было готово. Гном спрыгнул со скамеечки, поклонился заколдованной маслобойке и, быстро назвав имена Пяти Сестер — так зовутся горы в Кинтейле — по порядку с востока на запад, проговорил:

*Маслобойка, стой-ка, стой-ка,
Не крутись, остановись!*

Лахи смотрел и не верил своим глазам. Гном достал масло и протянул несколько маленьких кусочков Лахи для пробы. И правда, никогда мальчик не едал такого вкусного масла. Он повернулся, чтобы поблагодарить гнома, но тот исчез. В это время вошли родители Лахи. Увидев янтарное масло, они удивились, а когда попробовали его, то не могли нахвалиться ловкостью сына.

С этого дня масло сбивал только Лахи.

Вскоре о чудесном масле проведали и соседи. Все в один голос говорили, что лучше масла не найти, и со всех сторон стали приходить люди, чтобы купить его. Родители Лахи так разбогатели, что не знали даже, куда деньги девать.

Но Лахи никому ни слова не сказал о гноме и о секрете маслобойки.

Братец Данкен, как вы сами можете догадаться, с каждым днем все больше завидовал Лахи, но как только он начинал его расспрашивать, тот убегал. Куда уж было неповоротливому Данкену догнать его!

Наконец Данкен решил сам узнать секрет Лахи. Поднявшись чуть свет, он прокрался на кухню и спрятался за деревянным ящиком. Когда пришел Лахи, Данкен стал внимательно смотреть, что тот делает. А Лахи, усевшись на скамеечку перед маслобойкой, запел песенку гнома. И сразу же сливки из кувшина вылились в маслобойку; она весело закачалась в такт песенке, и через несколько минут масло было готово. Лахи поклонился маслобойке, как это сделал гном, и, назвав имена Пяти Сестер Кинтейла с востока на запад, проговорил:

*Маслобойка, стой-ка, стой-ка,
Не крутись, остановись!*

Видя, как Лахи раскладывает янтарные куски масла на полке, Данкен ухмыльнулся: «Ого, теперь я знаю секрет маслобойки. Я тоже буду сбивать масло, и оно будет еще повкуснее, чем у Лахи».

Спустя несколько дней, когда в кувшинах накопилось достаточно сливок, Данкен встал раньше всех, пробрался на кухню, сел на скамеечку перед маслобойкой и запел песенку, которую слышал от Лахи. Сразу же кувшины послушно вылили сливки в маслобойку, она весело закачалась и начала сбивать масло. Данкен от радости захлопал в ладоши. Вот уже и масло готово. Попробовав его, Данкен убедился, что оно такое же вкусное, как и у Лахи. Но жадность одолела его. Он все пел и пел, пока масло не полезло через край. «Я столько собью масла, — говорил он себе, — что смогу продавать его по всему Кинтейлу, и тогда я стану самым богатым человеком в Шотландии».

Глупый Данкен наполнил янтарным маслом все кувшины и корыта, оно уже вываливалось из маслобойки на пол, и он

сгребал его прямо в кучу. Наконец Данкен решил, что масла достаточно, и попытался остановить маслобойку. Он поклонился ей, как это делал Лахи, и назвал Пять Сестер, но — увы! — порядок имен он забыл.

Маслобойка продолжала вертеться, масло вываливалось не переставая. Оно дошло ему до колен, потом до пояса, наконец Данкен не мог уже пошевелиться. Вот оно достигло подбородка, и Данкен испугался, что его жадность будет стоить ему жизни. «Остановись, остановись!» — в испуге кричал он. От его воплей проснулись Лахи и его родители. Они бросились на кухню и увидели, что она полна масла, из которого торчит одна голова Данкена, а маслобойка все продолжает весело вертеться. Тогда Лахи поклонился маслобойке, быстро прошептал волшебные слова, и она тотчас остановилась.

Только к полудню родителям с большим трудом удалось вытащить Данкена. И лишь к заходу солнца они смогли очистить кухню от масла. Родители больно отстегали Данкена за его проделки. Но с тех пор песенка гнома утратила волшебную силу. Никогда больше маслобойка не будет весело приплясывать, сбивая масло.

Грустно было Лахи, но зато с того дня родители заставляли сбивать масло Данкена, а Лахи все лето пас скот на горном пастбище.

ЧУДЕСНЫЙ САПОЖНИК

Шотландская сказка

Юэн Грант трудился больше всех других земледельцев на землях Аллигина у Лох-Торридона. Да и как же иначе, ведь почва здесь была скудная и каменистая и канавы никогда не просыхали, потому что дожди по эту сторону гор всегда шли обильные и снега было много. Но сколько он ни трудился, вместо одного сорняка вскоре вырастало два. Юэн выбивался из сил, чтобы как-нибудь прокормиться.

Так и жил скромный работяга Юэн в бедности. Но вот однажды прилег он отдохнуть на зеленый холмик и стал жаловаться на свою судьбу. Ох, уж эти холмики и кочки в Горной стране! Мало какие из них не заколдованы гномами, которые водят хороводы. Холмик, на котором лежал Юэн, порос мягкой зеленой травкой, ветерок ласково касался его щек, будто мыш-

ка бархатным ушком, и на солнце было тепло, словно под крылом у дрозда. Но и тут не нашел он покоя. Только закрыл глаза, как послышалось: тук-тук-тук.

Сначала он подумал, что это каменка долбит камешки в зарослях дрока. Но в этих тихих горных местах никаких птиц не водилось. Юэн прислушался. Стук раздавался у самого уха. Он заглянул в крохотную норку, не больше кроличьей, и увидел малюсенького гномика за работой — он чинил башмаки. Юэн с любопытством смотрел на него. Маленький сапожник зевнул.

— Старость не радость, — пожаловался он. — Ох и устал же я. Сiju тут день-деньской и все латаю, чиню да тачаю чужие башмаки. А будь я попроворнее, забрался бы вон туда, на самую вершину Бен-Аллигина, разыскал бы клад, набрал золота вдоволь и жил бы себе припеваючи. Да куда мне, спина у меня сгорбленная, как старый сук, а ноги короче кротовых. Мне и на кровать-то мою взбираться по вечерам все равно, что на гору.

Юэну и самому было не легче, чем гному, и он слушал, не проронив ни слова. Он наклонился к самой норке и тихонько сказал:

— Добрый день, маленький сапожник. Ты словно обо мне говоришь. И я тоже устал от тяжелой работы, но ноги еще носят меня. Коли и вправду на вершине Бен-Аллигина клад спрятан, то, может, я смогу разыскать его для тебя.

— Ну-ка повтори, что ты сказал, добрый человек! — воскликнул старый гном, пристально посмотрев на Юэна, и тот повторил свои слова. — Прекрасно, — сказал гном. — А теперь слушай. На вершине горы лежат рядом серый и черный камень, а между ними белый с твою голову, но в семь раз тяжелее. Возьмись рукой за белый камень и откати его в сторону. Под ним ты увидишь горшок, до краев полный золотых монет.

— Если я найду его, — ответил Юэн, — то взвалю себе на плечо и притащу сюда еще до захода солнца, и мы разделим клад между собой.

— Нет, нет, не делай этого, — воскликнул маленький сапожник и погрозил ему крошечным пальцем. — Ты возьмешь из горшка лишь столько, сколько поместится в твой спорран¹, и за каждую золотую монету, что ты возьмешь, я возьму три.

¹ *Спорран*—кожаная сумка с мехом—часть костюма шотландского горца. — *Прим. перев.*

Юэн с радостью согласился. На том они и порешили. Забыв усталость, Юэн отправился в горы и взобрался на вершину. Там он долго искал и наконец нашел серый камень и черный и между ними белый поменьше. Откатил он белый камень в сторону и увидел под ним горшок, до краев полный блестящих золотых монет. Трудно ему было удержаться, чтобы не наполнить ими не только свой спорран, но и черную шапочку, однако он сделал все так, как сказал ему маленький сапожник, и стал спускаться с горы к Лох-Торридону.

Солнце уже садилось, и гном ждал его. Уселись они рядышком и стали делить золото. Одну монету брал Юэн, три забирал гном. Но как же удивился Юэн, когда поделили они золото: кучки были совсем одинаковые!

— Скажи мне спасибо за то, что я рассказал тебе про клад! — воскликнул гном. — Хи-ри-хо-ро! Спасибо и твоим длинным ногам. А теперь мы унесем золото домой! — И с прыжками и ужимками чудесный сапожник исчез в своей норке.

Ну а Юэн купил себе коров, овец, кур-несушек да свинью на откорм; два стула да стол, полотна для простынь на новую мягкую кровать и еще много всякого добра — всего и не упомнишь. И вскоре весть о его богатстве разнеслась по всей округе

— Скажи, откуда у тебя такое богатство? — допытывался его сосед Финлей.

Юэн сдуру взял да и рассказал ему про маленького сапожника и про горшок с золотом на вершине Бен-Аллигина. Много было алчных людей близ Лох-Торридона, но самым алчным был Финлей. Тут же отправился он в горы. Взобравшись на вершину, стал он торопливо искать клад и ворочать камни, пока не нашел белый камень, под которым был горшок.

— Ага! — закричал он, запустив руки в блестящие золотые монеты. — Юэн Грант богатый человек, а тут осталось еще столько золота, что я буду в десять, нет, в двадцать раз богаче его!

Наполнил он золотом свой спарран и шапочку, снял чулки и башмаки — и в них насыпал золота, сделал мешок из рубашки — и его тоже наполнил золотом. Жаль ему было, что не может он набрать золота в рот и прихватить остаток. «Ну да ладно, — подумал, — остальное припрячу, а завтра приду сюда снова».

Согнувшись в три погибели под тяжестью золота, Финлей потащился обратно к Лох-Торридону. Когда он проходил мимо холмика,

в котором жил маленький сапожник, он подпрыгнул от неожиданности, услышав, как кто-то пропищал тоненьким голоском:

— За каждую монетку отдай мне три!

Финлей посмотрел себе под ноги и увидел гномика, который выглядывал из норки.

— Ни гроша тебе не дам! — буркнул жадюга. Он разозлился, что его увидели с такой ношей, и хотел раздавить гномика босой ногой. Но гномик был юркий, как ласка, и Финлей попал ногой в ямку. И тут же земля расступилась, и Финлей свалился в большущую яму, которая все росла и росла.

До смерти испугавшись, бросил он сначала чулки с золотом, потом башмаки, потом рубашку и все остальное, и только спорран с золотом остался у него. Но яма становилась все глубже, и, чтобы удержаться, пришлось ему выпустить из рук и драгоценный спорран. После этого он тотчас же выбрался из ямы и свалился в полном изнеможении.

Когда же он снова открыл глаза, то очень удивился: холмик был точно такой же, как раньше — зеленый и гладкий, а ямка в нем совсем крохотная, какую мог выкопать кролик. Со всех ног бросился Финлей домой, словно злые духи гнались за ним по пятам, и никому не рассказал о том, что с ним приключилось.

Однако с того дня все стали замечать, что Финлей стал добрым, услужливым и внимательным к соседям, и жил он долго и безбедно, чего, впрочем, не заслужил.

ДОБРЫЕ СОСЕДИ

Шотландская сказка

Еще не рассеялся утренний туман в горах, а миссис Бакхэм на ферме Бедрул давно уже встала и хлопотала по хозяйству. В хлеву, где она доила корову, звуки молока, лившегося в ведро, почти заглушали пение жаворонков, которые взлетали высоко в небо над раскинувшимися вокруг фермы лугами, влажными от росы. Когда хозяйка вернулась на кухню, огонь в очаге уже разгорелся, а в котелке пыхла вкусная овсяная каша. Вскоре в кухню ворвалась шумная ватага малышей, голодных, как волчата. Только на минутку воцарилась тишина, когда пришел отец и сел за стол. Накинувшись на завтрак, дети принялись уплетать кашу, запивая ее свежим густым молоком.

Позавтракав, отец сказал матери, что погода как будто проясняется, и отправился в пристройку, тяжело ступая грубыми башмаками по мощенному булыжником двору. Уже настала пора жатвы, но весь август шли дожди и хлеба стояли еще зеленые. Миссис Бакхэм видела, что муж угрюм и молчалив. Да она и сама тревожилась, так как муки в ларе оставалось на доньшке, а голодные ребятишки то и дело просят есть.

Но вот выглянуло солнышко, и дети высыпали на улицу. Тотто обрадовалась мать: в этот день она задумала печь овсяные лепешки, и ей было на руку, что малыши убежали. Время от времени до нее доносились веселые голоса детей, и она знала, что они где-то поблизости. Подходя к ларю за мукой или подбрасывая дрова в очаг, она видела в кухонное окно светлые фартучки детей, мелькавшие среди кустов у ручья, где ребята обычно играли.

Жаркое августовское солнце разогнало утренний туман и высушило росу. У порога сладко дремала овчарка Боути. Время от времени она нетерпеливо отмахивалась от назойливой мухи, жужжавшей у нее над ухом. Миссис Бакхэм уже напекла немного лепешек. Она стояла у кухонного стола, спиной к очагу, перепачканная мукой. В кухне вкусно пахло жареными лепешками. Сонная тишина нарушалась лишь стуком скалки, которой хозяйка раскатывала тесто, да грохотом сковороды, которую она то и дело поворачивала.

Миссис Бакхэм была настолько занята, что не слыхала легкого стука в дверь. И странное дело, собаки не залаяли, как обычно при появлении гостя на ферме Бедрул. Подняв голову, она вздрогнула от неожиданности: в дверях стояла маленькая женщина в зеленой одежде.

— Доброе утро, — приветливо поздоровалась хозяйка. — Я и не слыхала, как вы вошли. Я очень занята и никак не могу оторваться.

— Вижу, что пришла не вовремя, — сказала маленькая женщина и, помолчав, добавила: — Хорошо, что у вас еще есть мука, в других семьях нашей округи уже давно ни щепотки не осталось.

— Да и я последнее выскребла, — ответила миссис Бакхэм. — Теперь сама ломаю голову, где бы достать муки.

— Жаль, — грустно сказала маленькая женщина, — а я-то надеялась одолжить у вас немножко овсяной муки всего на один-два дня.

Бакхэм взглянула на маленькую женщину. Ростом она была

ненамного выше ее старшей дочери. Незнакомка не похожа была на крестьянку — падавшие ей на плечи красивые золотистые кудри делали ее похожей на госпожу.

Миссис Бакхэм никогда не могла отказать, если к ней обращались за помощью. Собрав остатки муки со стола, она всыпала полную горсть в маленький мешочек, который ей протянула женщина в зеленом.

— Такому маленькому созданию этого хватит, — сказала миссис Бакхэм, — а меня эта горсть все равно не спасет.

— Спасибо вам, большое спасибо, — воскликнула незнакомка, — вы добрая женщина. Пусть же ваш ларь для муки никогда не будет пустым!

С этими словами она проскользнула на улицу мимо Боути, которая только хвостом махнула, словно отгоняла муху.

Глубоко вздохнув, миссис Бакхэм продолжала работу. С луга, поросшего лютиками и клевером, доносились детские голоса. Приближался обеденный час, и мать подвинула котелок с супом ближе к огню.

Наконец погода установилась, сентябрь выдался жаркий. Работники вышли в поле и весело посвистывали, глядя на спелые колосья хлеба, отливавшие золотом. Часть собранного зерна они сейчас же отправили на мельницу, и как раз вовремя, так как ларь для муки был пуст.

Несколько дней спустя миссис Бакхэм, тщательно вымыв подойники, выставила их на солнце, чтобы высушить, и вдруг заметила, что возле нее стоит та же маленькая женщина в зеленой одежде.

— Я пришла, чтобы возвратить вам овсяную муку.

— Быстро вы пришли, — сказала миссис Бакхэм. — Подождите минутку, я высыплю муку в ларь и верну вам мешочек. Кажется, погода устанавливается, — проговорила она, подойдя к ларю.

— Да, вы соберете богатый урожай, миссис Бакхэм, — ответила маленькая женщина. — Пусть же в вашем доме всегда царит благополучие за то, что вы помогли мне.

С этими словами маленькая женщина, слегка подпрыгивая и потряхивая золотистыми кудрями, пошла к лесу и скрылась между деревьев.

И странно, после этого дня всякий раз, как миссис Бакхэм доставала из ларя муку и думала: «Ну, вот и конец запасам», — там всегда оставалась горсть муки на одну выпечку. Она только диву давалась: этой горстке не было конца.

На ферме все шло хорошо. Стояла ясная и теплая погода. Спелые хлеба шумели на полях. Жатва была в полном разгаре. Работники, метавшие стога, смеялись и перекидывались шутками. Наконец шумной ватагой подошли они к последней полоске и мигом скосили ее. Потом начали подбрасывать вверх косы и закружились в веселом танце, припевая:

*Хлеба скосили,
Убрали последний сноп!
Хо-хо, гоп-гоп!*

И они взяли последний сноп, торжественно принесли его на ферму, сделали из него бабу, украсили красивыми лентами и повесили на кухне до следующего года.

Закрис ТОПЕЛИУС

КНУТ-МУЗЫКАНТ

Жил на свете мальчик по имени Кнут. Отца и матери у него не было, и жил он у своей бабушки в бедной хижине на берегу моря. Берег назывался Жемчужным, хотя, по правде говоря, никто никогда не находил здесь даже самой маленькой жемчужины.

У Кнута была одна рубашка, одни штаны, одна куртка и одна шапка. Летом он бегал босиком — и это не так уж плохо. А на зиму у него были шерстяные чулки и деревянные башмаки — это уж совсем хорошо.

Кнут редко бывал сыт, но зато всегда был весел. А ведь не так-то просто смеяться, когда от голода все время сосет под ложечкой! Не всякий может этим похвастаться!

Бабушка Кнута пряла шерсть, а Кнут носил продавать ее в усадьбу господина Петермана.

На деньги, которые приносил Кнут, бабушка покупала ржаную муку, а из муки пекла лепешки. Если выручка была хорошая, на столе появлялось даже кислое молоко. Но чаще всего приходилось сидеть на картошке со своего огорода. Правда, ее тоже хватало ненадолго — весь огород был не больше бабушкиного одеяла. Много ли соберешь с такого клочка земли!

Однажды поутру Кнут сидел на Жемчужном берегу и перебирал желтоватые круглые камешки, которые были очень похожи на теплые

варенные картофелины. Только, к сожалению, их нельзя было есть, и Кнут забавлялся тем, что ловко закидывал их в воду. И вдруг он увидел среди камней маленькую камышовую дудочку. Это была самая обыкновенная дудочка. У Кнута было таких с десяток — и подлиннее, и покороче, и потолще, и потоньше. Но эта, конечно, тоже не была лишней.

Кнут приложил дудочку к губам и легонько дунул.

— Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! — весело залилась дудочка.

Кнут дунул еще раз, и дудочка жалобно затянула:

— Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

Кнут дунул в третий раз, и дудочка ласково запела:

— Баю-бай! Баю-бай!

Кнут снова и снова прикладывал дудочку к губам, но никакой другой песенки она не знала.

Кнут спрятал дудочку в карман, а сам уселся на камень возле воды. В этот день Кнут был очень голоден. На завтрак у бабушки не нашлось ничего, да и на обед, наверно, будет немногим больше.

«Ах, как было бы хорошо попасть сейчас на кухню господина Петермана!» — подумал Кнут, и ему даже показалось, что он слышит запах жареной салаки.

Чтобы не сидеть сложа руки, Кнут решил закинуть удочку. Но рыба, как назло, не клевала.

После вчерашней бури море было беспокойно. Волны, как большие стеклянные горы, набегали на берег и, коснувшись песка, снова отбегали назад.

И вдруг одна волна — самая большая, самая высокая — подкатилась к ногам Кнута, и в шорохе воды ему послышались слова:

— Кнут, не нашел ли ты дудочку морской царевны? Она поет только три песенки. Когда она поет: «Тра-ла-ла!» — все смеются; когда она поет: «Баю-бай!» — все засыпают; когда она поет: «Ой-ой-ой!» — все плачут.

— Вот как! — сказал Кнут. — Значит, это волшебная дудочка? Да, я нашел ее, но теперь-то уж ни за что не отдам. Ступай-ка своей дорогой, волна!

Волна что-то сердито пророкотала, но что — нельзя было разобрать, и отхлынула от берега.

А Кнут достал дудочку из кармана и принялся ее разглядывать.

— Так, значит, ты умеешь колдовать? А ну-ка наколдуй, чтобы рыба от меня не уходила!

Кнут дунул в дудочку, и она протяжно запела:

— Баю-бай! Баю-бай!

И вот — не прошло и минуты — у самого берега всплыл один окунь, за ним другой, за другим третий, потом всплыли лососи, щуки, сиги, а там пошла плотва, салака, корюшка и прочая быстрохвостая мелочь, какая только водится в море. Вся рыба, скованная сном, лежала на боку, тихонько покачиваясь на волнах. И уж столько ее было, что хоть руками выбирай!

«Ого! Сегодня у меня будет богатый улов!» — подумал Кнут и побежал домой за корзинкой.

Но, когда он вернулся, к берегу нельзя было подойти. Дикие утки, гуси, лебеди и другие незванные гости слетелись сюда, почуяв добычу, и с жадностью пожирали сонную рыбу.

Самыми ненасытными, самыми горластыми были чайки.

— Хватай! Хватай! — кричали они наперебой так, что было слышно на полмили вокруг.

И вдруг прямо в гущу этого крикливого птичьего базара врезался морской орел. Он выхватил из воды самого большого лосося и полетел прочь.

Кнут чуть было не заплакал от обиды.

— Вот я вам покажу, воры! — закричал он и, схватив полную пригоршню камней, стал швырять в птиц.

Кому он подбил крыло, кому зашиб лапу, но птицы все равно не разлетались.

Кто знает, чем бы это кончилось, но туг со стороны залива ударил выстрел, потом еще и еще. После каждого выстрела птицы замертво падали в воду и так же, как рыбы, покачивались на волнах.

Скоро почти все птицы были перебиты, а те, которых не настиг выстрел, с громким криком разлетелись в разные стороны.

В это время из-за мыса выплыла лодка с тремя охотниками. Это был господин Петерман со своими друзьями.

Сегодня охотники были очень довольны. Еще бы! Такой охоты у них в жизни еще не было!

— А, это ты, Кнут! — крикнул господин Петерман. — Как это тебе удалось подманить столько птицы?

— Да я вовсе не подманивал этих птиц, — сказал Кнут. — Я играл на своей дудочке рыбам, а птицы, как видно, тоже захотели послушать мою музыку!

— Видно, ты очень искусный музыкант, — сказал господин Петерман. — С сегодняшнего дня я так и буду называть тебя: Кнут-Музыкант.

— Что ж, я согласен, — сказал Кнут.

Да и почему бы он стал спорить? Ведь Кнут-Музыкант звучит ничуть не хуже, чем, например, Кнут Андерсон, или Кнут Седерлунд, или Кнут Маттсон.

— Послушай, Кнут-Музыкант, — сказал господин Петерман, подбирая из воды убитую птицу, — что это с тобой случилось? Ты стал тощий, как жердь.

— На что же мне быть похожим, если обедать мне приходится вприглядку? — весело сказал Кнут.

— Пожалуй, ты прав, — согласился господин Петерман. — Но сегодня я приглашаю тебя к себе на обед. Ведь если бы не ты, мы никогда бы не настреляли столько дичи. Только приходи не раньше четырех, а то птицу не успеют зажарить. Но смотри, не опаздывай — я не люблю ждать.

— Благодарю вас, — сказал Кнут, — я приду ровно в четыре.

А сам подумал: «Тому, кто ничего не ел со вчерашнего дня, не так-то легко ждать до четырех часов».

Наконец лодка, нагруженная дичью, отчалила от берега, а Кнут с пустыми руками пошел домой.

— Ну, Кнут, много ли ты наловил рыбы? — спросила бабушка.

— Наловить-то я ничего не наловил, а видеть — много видел. Но рыбу съели птицы, а птиц подстрелил господин Петерман.

— Плохо дело, Кнут! — сказала бабушка. — Сегодня на обед у нас только и есть что четыре картофелины, две салаки и полломтя хлеба.

— Пусть все это останется вам, бабушка, — сказал Кнут. — Я сегодня дома не обедаю. Господин Петерман пригласил меня к себе на обед, и я принесу вам в кармане кусочек сыру.

— Смотри только, не ходи через Киикальский лес, Кнут, — сказала бабушка. — Там живут эльфы. Там находятся владения горного короля, снежного короля и королевы лесов. Самое лучшее — идти берегом.

— Берегом очень далеко, бабушка, а я ведь со вчерашнего дня ничего не ел.

— Ну иди, как знаешь. Да не думай о еде, а то еще больше захочется есть.

— Не беспокойтесь, бабушка. По дороге я буду повторять правила грамматики, — сказал Кнут и отправился в путь.

«Неужели же я потащусь по берегу, когда лесом дорога вдвое короче!» — думал Кнут, и, дойдя до поворота, он свернул на тропинку, которая вела прямо в Киикальский лес.

«Существительные бывают собственные и нарицательные... Что сие значит?» — спрашивал самого себя Кнут, пробираясь лесной чащей.

Но он еще не успел ответить на этот трудный вопрос, как вдруг увидел маленького, сухонького старичка, который изо всех сил толкал тележку, нагруженную железными листами.

— А, здравствуй, здравствуй, Кнут-Музыкант! — сказал старичок. — Что это с тобой? Ты очень похудел!

— Как же я могу потолстеть, когда со вчерашнего дня во рту у меня не было ничего, кроме правил грамматики! Но кто вам сказал, что меня зовут Кнут-Музыкант?

— А я никого не спрашивал. Я сам знаю, кого как зовут.

«Это удивительно, — подумал Кнут. — Ведь даже я не знал еще сегодня утром, что меня зовут Кнут-Музыкант».

— Не могу ли я чем-нибудь помочь вам? — снова спросил Кнут старичка. — Я вижу, что вам трудно тащить эту тележку.

— Что ж, помоги, если хочешь, Музыкант, — сказал старичок.

Кнут налег на тележку, и они двинулись дальше в глубь леса.

У подножия горы, спрятавшейся в самой чаще, старичок остановился.

— Ну вот мы и дома, — сказал он. — Пойдем со мной, Кнут, и я угощу тебя на славу, за то что ты помог мне дотащить тележку.

«Пожалуй, не будет большой беды, если я зайду на минутку», — подумал Кнут и вслед за стариком полез в расселину горы.

Они долго пробирались по узким каменистым ходам, пока наконец не дошли до огромной пещеры.

Стены, пол, потолок — все тут сверкало и блестело золотом, серебром и драгоценными камнями.

— Неужели вы здесь живете? — спросил Кнут.

— Ну да, это мой дворец. Ведь я горный король, — сказал старичок. — И завтра я справляю свадьбу моей дочки. Все мои придворные так заняты приготовлениями к свадебному пиру, что некому позаботиться о моем сегодняшнем обеде. Вот мне и пришлось самому отправиться в кладовую за припасами.

— Но, если я не ошибаюсь, вы привезли какое-то железо, — сказал Кнут.

— Не какое-то, мой мальчик, а листовое, и к тому же самого лучшего сорта. Оно гораздо вкуснее простой железной руды. Листовое железо — мое самое любимое кушанье, особенно если его

раскалить добела. Ну-ка признавайся, приходилось тебе когда-нибудь есть листовое железо, да еще раскаленное добела?

— Что-то не припомню, — ответил Кнут.

— Ну так сейчас ты узнаешь, что это такое! — сказал горный король. — Смотри, вот я кладу в печь два железных листа. Через три минуты они будут совсем белые. Тогда лезь прямо в печь и откуси кусочек свежераскаленного железа.

— Благодарю вас, — сказал Кнут, — но я бы предпочел кусок свежвыпеченного хлеба и миску простокваши.

— Посмотрите-ка на него! — воскликнул горный король. — Этот мальчишка, видно, совсем не понимает толка в еде! Полежай, говорят тебе, в печь, железо уже совсем готово!

— Нет уж! В печь я не полезу. Не очень-то приятно сгореть там, как щепка!

— Что за вздор ты мелешь? Там совсем не жарко. Обыкновенная комнатная температура.

И, схватив Кнута за шиворот, старик потащил его к пылающей печи.

Тут уж Кнут не стал долго раздумывать: что было сил рванулся он из рук старика и бросился бежать.

К счастью, он сразу нашел выход из пещеры. Он бежал по лесу напрямик, не разбирая дороги. Колючие кусты можжевельника хватали его за куртку, словно хотели сорвать ее с плеч, еловые ветки кололи ему глаза, вереск и голубика цеплялись за ноги.

Только когда каменная гора осталась далеко позади, Кнут перевел дух.

«А ведь бабушка недаром говорила, что не надо ходить через Киикальский лес», — подумал Кнут, шагая тропинкой. И, чтобы идти было не так страшно, он снова принялся повторять правила грамматики:

«Существительные бывают собственные и нарицательные... Что сие значит?»

Между тем в лесу становилось все холоднее и холоднее.

«Что сие значит?» — с удивлением подумал Кнут.

Земля кругом была покрыта снегом, а поперек дороги высилась огромная снежная гора.

«Вот так штука! — подумал Кнут. — Среди лета — зима!..»

Он сделал несколько шагов по снегу и вдруг провалился в глубокую яму.

Когда Кнут поднялся на ноги, ни леса, ни тропинки не

было. Он стоял в сверкающем ледяном дворце. Все стены дворца были украшены зеркалами из чистейшего льда, полы устланы коврами из сверкающего инея, а потолки усыпаны снежными звездами.

Неуклюжие снежные чучела катались из угла в угол, а посередине стоял снежный великан — прямой, неподвижный, окоченевший. Борода у него была из ледяных сосулек, халат — из тонкого хрустящего льда, а башмаки — из замерзшего ягодного сока.

— Здравствуй, Кнут-Музыкант! — сказал великан. — Что это с тобой случилось? Ты таешь, как сосулька на солнце.

— Что же в этом удивительного, если со вчерашнего дня я не ел ничего, кроме кусочка каленого железа, — ответил Кнут, стуча зубами от холода.

— И все-таки не следует горячиться, молодой человек, — сказал великан. — Я — снежный король и от всех своих подданных требую хладнокровия. Поэтому-то из них и получают настоящие снежные шары, крепкие и круглые. И тебя я тоже сделаю круглым, как шар... Эй, Снежное Чучело! Окуни-ка этого мальчишку семь раз в ледяную воду да повесь его на сучок — пусть промерзнет хорошенько!

— Пойдите! — закричал Кнут. — Я и так уже промерз от головы до пят. Дайте мне лучше кружку парного молока и кусок жареного мяса.

— Слишком ты горяч, слишком горяч!.. Эй, Снежное Чучело! — приказал великан. — Дать этому мальчишке кусок замороженной ртути и кружку лихорадки!

Тут Кнуту и пришел бы конец, если бы он не вспомнил вдруг о своей дудочке. Кнут поспешно сунул ее в рот и стал дуть изо всех сил.

— Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! — заиграла дудочка.

И сразу лицо великана скривилось — не то от злости, не то от смеха. Он был вне себя от ярости, но почему-то ни с того ни с сего ему захотелось смеяться. Смех так и разбирал его. И чем больше он злился, тем громче смеялся. Он так хохотал, так хохотал, что сосульки со звоном посыпались с его волос и бороды. Его прямо трясло от смеха, и в конце концов колени у него подогнулись, а голова скатилась с плеч и разбилась вдребезги.

И все его придворные тоже покатались со смеху и катались до тех пор, пока совсем не развалились.

Даже ледяные зеркала во дворце и те лопались от смеха.

Кнут и сам чуть не смеялся, но все-таки он играл и играл на своей дудочке, пока весь дворец не превратился в огромный сугроб... Поднялась метель. Снежный вихрь подхватил Кнута, закружил и куда-то понес...

Когда Кнут открыл глаза, он снова стоял на лесной тропинке. Снег растаял, по всему лесу зашумели ручьи. Опять вернулось лето.

«Теперь буду глядеть в оба», — подумал Кнут, пробираясь лесом.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как вдруг увидел чудесную зеленую полянку. Тут было столько земляники, что казалось, будто вся трава забрызгана красными капельками.

«Пожалуй, не случится большой беды, если я полакомлюсь немного ягодами. Ведь обед будет не раньше четырех», — подумал Кнут.

Но едва только он протянул руку за земляникой, как все ягодки бросились от него в разные стороны.

«Ну и дела! — подумал Кнут. — В этом лесу, кажется, все заколдовано, даже земляника».

Он наклонился к самой земле и тут только разглядел, что это вовсе не земляника, а крошечные лесные человечки — эльфы. Ростом они были не выше кустиков земляники, и все — в красных юбочках и красных шапочках.

А на зеленой кочке посреди поляны сидела сама королева эльфов.

— Здравствуй, здравствуй, Кнут-Музыкант! — сказала королева. — Так это ты распугал весь мой народ?

— Прошу простить меня, ваше величество, — сказал Кнут, кланяясь королеве, — но я принял ваших подданных за спелую землянику.

— Бедный мальчик! — воскликнула королева. — Ты, наверно, очень голоден?

— Как же мне быть сытым, если со вчерашнего дня я ничего не ел, кроме каленого железа и замороженной ртути! — сказал Кнут.

— Да, этим, пожалуй, сыт не будешь, — согласилась королева эльфов и, обернувшись к своим фрейлинам, приказала: — Дайте ему маковую росинку и комариную ножку! Пусть бедняга хоть раз поест досыта.

— Благодарю вас, — сказал Кнут. — Но не лучше ли будет, если вы дадите мне корзинку земляники и ведро молока?

— Ну и грубиян ты! — воскликнула королева. — Мало того, что ты явился в мое королевство без спросу и раздавил тридцать моих верных подданных! Ты еще смеешь спорить со мной!.. Эй, лесные пауки! Сюда! Принимайтесь за работу!

И тотчас с деревьев спустились тысячи длинноногих пауков. Они обступили Кнута со всех сторон и принялись опутывать его паутиной.

Кнут попытался было разорвать паутину руками, но руки его словно прилипли к куртке. Он хотел убежать, но не смог сделать ни шагу, как будто его спеленали. Глаза ему залепила густая паутиновая сетка, и кончилось тем, что он как подкошенный свалился в траву!

Ну и смех поднялся кругом! Вся лесная полянка смеялась над ним. Никогда еще эльфы так не веселились! Они прыгали и скакали вокруг Кнута, танцевали на нем, щекотали ему нос и шею и вообще были в восторге от всей этой забавы.

— Теперь лежи здесь, пока сам не запросишь капельку росы и комариную ножку! — пищали они ему в самое ухо.

«Плохо мое дело», — подумал Кнут.

И вдруг в голову ему пришла прекрасная мысль.

— Послушайте, маленькие эльфы, — взмолился Кнут, — для того чтобы вы на меня не сердились, я готов съесть не то что комариную ножку, а даже кусочек тростника! Пусть только кто-нибудь достанет его из моего кармана и сунет мне в рот.

Всем известно, что эльфы очень любопытны. Поэтому им, конечно, захотелось посмотреть, как это человек будет есть тростник.

И вот четверо смельчаков полезли, словно в глубокую пропасть, в карман Кнута. С трудом выволокли они тростниковую дудочку и потащили ее сначала вверх по руке Кнута, потом по его плечу, потом по шее, до самого подбородка. Тут они разом взялись за нее, подняли и приставили к губам Кнута.

И снова эльфы принялись танцевать и прыгать вокруг Кнута. Они так громко смеялись, что можно было подумать, будто целые тучи комаров пищат над поляной.

А Кнут, едва только дудочка оказалась у него во рту, дунул в нее легонько, и дудочка жалобно запела:

— Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

И сразу на поляне затих веселый смех. Потом стало слышно, как на траву упала одна капля, потом другая, третья, и вот словно зашумел внезапно хлынувший дождь. Кнут, хоть и не видел

ничего, но сразу догадался, что это плачут эльфы. Ему даже стало жалко, что эти маленькие веселые существа так горюют.

— Послушайте, — сказал наконец Кнут, — если вы освободите меня, я прикажу моей дудочке развеселить вас. А не освободите — так вечно и будете лить слезы!

Ничего страшнее этого эльфы не могли себе представить. Громко всхлипывая, они бросились срывать с Кнута паутину, распутывать ему руки и ноги.

И вот наконец Кнут встал во весь рост и оглядел своих маленьких врагов. Ну и жалкий был у них вид!

Но все-таки Кнут не мог отказать себе в удовольствии еще раз пугнуть их.

Он снова дунул в дудочку, и она снова протяжно и жалобно затянула:

— Ой-ой-ой!..

Бедные эльфы! Больше всего на свете они хотели смеяться, а эта ужасная дудочка заставляла их плакать.

Но Кнут не стал долго мучить их. Он еще раз дунул в дудочку, и громкая, веселая песня зазвучала над поляной.

— Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! — заливалась дудочка.

Что тут случилось с эльфами! Они чуть не сошли с ума от радости. Они прыгали так высоко, что могли достать даже жаворонков в небе. Кнут то и дело отряхивался, потому что эльфы сыпались на него, словно осенние листья.

— Ну, мне пора идти, — сказал Кнут, когда эльфы вволю наплясались. — До свидания, маленькие эльфы! Веселитесь, да не забывайте о моей дудочке!

И Кнут снова отправился в путь.

«С горным королем, со снежным королем и с эльфами я уже познакомился. Интересно, чем угостит меня королева лесов?..» — думал Кнут, шагая по лесу.

Он отошел не очень далеко, как вдруг увидел в стороне от тропинки болото, поросшее морошкой.

«А что, если я съем несколько ягодок? — подумал Кнут. — Кажется, это самая обыкновенная морошка — не ходит, не говорит, не плачет и не смеется».

У края болота лежала огромная старая ель, поваленная, как видно, бурей. Раздвигая густые, мохнатые ветки, Кнут полез через толстый ствол. И вдруг — он так и обмер от страха — ель поднялась во весь рост, а Кнут повис высоко над землей, зацепившись за ветку.

— Кто это осмелился потревожить меня после обеда? — хриплым, скрипучим голосом проговорила ель. — А, это ты, Кнут-Музыкант! Ты что же, не знаешь, где находишься? Я — королева леса. На семь миль кругом тянутся мои владения. Видишь, какой у меня прекрасный дворец?

Кнут посмотрел по сторонам, но на семь миль кругом не было видно ничего, кроме дикой, непроходимой чащи.

Стараясь говорить как можно вежливее, Кнут спросил, нельзя ли ему спуститься на землю, чтобы собрать немного морошки.

— Что! Морошки? — зашумела ель. — Если ты голоден, ешь мох. Я прикажу тебе дать семь возов моха. Вот это будет настоящее королевское угощение!

— Благодарю вас, — сказал Кнут, — но я с большим удовольствием съел бы воз яблочного киселя и семь бочек меда.

— Кисель, говоришь? Да я из тебя самого сделаю кисель!.. Эй, мой верный орел! Бери этого мальчишку! Можешь приготовить из него обед для своих птенцов!

Кнут поднял голову. Тут только он увидел на верхушке ели огромного орла, который смотрел на него кровожадными глазами. Хотя сам Кнут и не прочь был пообедать, но ему не очень-то улыбалось достаться на обед орлу. Он хотел спрыгнуть вниз, но не тут-то было — колючие ветки крепко держали его за руки и за ноги.

Кнут совсем приуныл. И вдруг он почувствовал какое-то легкое прикосновение — словно кузнечик пробежал по его рукаву, прыгнул на воротник, вскочил в нему на подбородок. Кнут скосил глаза. Это был маленький эльф. Когда все эльфы на поляне плясали и прыгали вокруг Кнута, он попал Кнуту в карман да так и застрял там.

С трудом, точно из глубокой пропасти, выбрался он теперь из кармана и тащил за собой волшебную дудочку, которая была раз в шесть больше его самого.

— Играй! — сказал эльф, приставляя дудочку к губам Кнута. Кнут сжал дудочку губами и дунул в нее.

— Баю-бай! Баю-бай! — протяжно запела дудочка.

И сразу ель стала зевать, потягиваться всеми своими ветками и наконец, что-то бормоча о невежах, которые помешали ей поспать после обеда, снова растянулась на болоте...

Когда Кнут выкарабкался из-под веток, весь лес храпел так, как будто рычала добрая сотня медведей. Даже у кровожадного орла слипались глаза, и, тяжело взмахивая крыльями, он полетел прочь, засыпая на лету.

Кнут быстро перебрался через деревья, поваленные сном, и вышел на проселочную дорогу.

Отсюда до усадьбы господина Петермана было уже совсем недалеко.

Кнут прибавил шагу. Но как он ни спешил, а все-таки к обеду опоздал.

Когда Кнут вошел в дом, все уже сидели в столовой за столом и ели жареную утку. Утка, как видно, была очень вкусная, и гости, не уставая, хвалили охотника, который ее подстрелил, и повара, который ее зажарил.

— Добро пожаловать, Музыкант! — сказал господин Петерман, увидев Кнута. — Что же ты опоздал к обеду?

— Как же мне было не опоздать, когда я уже четыре раза был на званых обедах и отведал каленого железа, замороженной ртути, комариной ножки с приправой из утренней росы и на сладкое семь возов моха! — весело сказал Кнут.

— Ого, не слишком ли это много? Боюсь, не объелся ли ты! — воскликнул господин Петерман. — Хорошо, по крайней мере, что мы тебя не ждали. После таких лакомств ты, конечно, откажешься от обыкновенной жареной утки! — И он весело подмигнул гостям, очень довольный своей шуткой. — А чтобы тебе не было скучно смотреть, как мы едим, — добавил господин Петерман для утешения, — поиграй нам на своей дудочке, Кнут! Ты ведь отличный музыкант!

«Пожалуй, это будет потруднее, чем есть каленое железо и замороженную ртуть», — подумал Кнут. Но вслух сказал:

— Извольте! Если вам так хочется, я поиграю.

Он вытащил дудочку и легонько дунул в нее.

— Ой-ой-ой! — грустно затянула дудочка.

И сразу же господин Петерман тяжело вздохнул.

Глядя на него, стали вздыхать и гости, на глазах у всех выступили слезы, никто больше не хотел вкусной жареной утки.

— Ой-ой-ой! — протяжно пела дудочка.

— Знаешь что, Кнут, — громко всхлипывая, сказал господин Петерман, — лучше уж садись с нами обедать! Что-то твоя музыка не очень веселая... — И, уткнувшись лицом в салфетку, он залился слезами.

— Ну что ж, если вы просите, я, так и быть, составлю вам компанию, — сказал Кнут.

Он спрятал дудочку в карман и сел к столу.

Понемногу гости успокоились. Они вытерли слезы и, с опаской поглядывая на Кнута, снова придвинули к себе тарелки.

А Кнут как ни в чем не бывало принялся за суп, за пирог и за жареную утку.

Он был очень доволен, что проучил господина Петермана. Да и утка была отличная. Но что там ни говори, а дома, с бабушкой, обедать гораздо веселее! Поэтому Кнут поспешил домой. Но свое слово он сдержал и принес бабушке обещанный кусочек сыру.

Возвращался он берегом, и ему пришлось пройти лишние две мили.

И все-таки дорога эта оказалась вдвое короче, чем дорога через Киикальский лес.

Якоб и Вильгельм ГРИММ

ГНОМ-ТИХОГРОМ

Жил на свете мельник. Был он стар и беден, и ничего-то у него не было хорошего, кроме дочки. Зато дочка и вправду была хороша — красивая, веселая, работающая. Старик нахвалиться ею не мог. Вот раз довелось мельнику разговаривать с самим королем. Ну, каждому человеку приятно своими детьми похвастаться. Он возьми да и скажи:

— Есть у меня дочка. Уж такая умница, такая разумница — из соломы золотую пряжу прядет!

Король очень удивился.

— Неужели, — говорит, — из соломы? Это мне нравится. Если твоя дочь и в самом деле такая мастерица, приведи ее завтра ко мне во дворец. Надо испытать ее искусство.

Мельник очень обрадовался. А на самом-то деле рано было радоваться. Он, видите ли, попросту хотел сказать, что дочка у него славная рукодельница и может даже из плохого волокна прясть хорошей пряжи, а из плохой пряжи — наткать хорошего полотна. Только и всего.

А король подумал, что она и вправду умеет прясть из простой соломы золотую пряжу.

В том-то и беда, что короли не всегда понимают, о чем толкуют простые люди. А простые люди не всегда знают, что думают короли.

Но как бы там ни было, а мельник очень обрадовался такому почетному приглашению и велел дочке собираться назавтра в гости к королю.

Она принарядилась, как могла, — надела свое праздничное платье, цветную ленточку на шею, колечко на палец — и, веселая, отправилась во дворец, раздумывая по дороге о том, что ей велят делать — ткать, шить, вязать или всего-навсего чистить кастрюли и мыть лестницы?..

«Ну пусть что хотят, то и приказывают, — говорила она себе. — Уж я-то не ударю лицом в грязь».

Каково же было ее удивление, когда сам король встретил ее на пороге, отвел в комнату, битком набитую соломой, велел принести ей прялку и сказал:

— Ну вот что, девушка! Твой отец рассказал мне, какая ты искусница. Принимайся-ка за работу. Если ты к завтрашнему дню перепрядешь мне всю эту солому в золото, я тебя по-королевски награжу. А нет — на себя лентяй. Ни тебе, ни твоему отцу несдобровать — вам обоим палач отрубит головы на городской площади. — И с этими словами король вышел, запер дверь на ключ и вернулся к своим делам.

Ах, как испугалась Мельникова дочка! Она была мастерица на все руки: умела печь пироги, варить пиво, начинять колбасы; она вышивала золотом по бархату и цветным шелком по кисее; плела кружева легкие, как паутина; умела ткать самое тонкое полотно и вязать из шерсти узорные чулки, колпаки и одеяла, — но прясть из соломы золото она не умела. Да и никто не умеет.

Целый день просидела бедная девушка, ломая голову над тем, как ей выпутаться из беды. Она плакала, вытирала слезы своим вышитым передником и опять принималась плакать. Но так ничего и не придумала. Впрочем, она еще надеялась вечером, когда стемнеет, как-нибудь ускользнуть из этой страшной комнаты.

«Ведь откроют же они дверь хоть на минутку», — думала она.

И в самом деле — дверь открылась. Ей принесли ужин и три толстые свечи, чтобы она могла работать до рассвета. Но не успела она и с места встать, как дверь снова захлопнулась и ключ дважды повернулся в замке.

А под окном ходили все время двое часовых с алебардами, да и окно находилось под самой крышей. Разве что на крыльях можно было из него вылететь. Но Мельникова дочка не умела летать, так же как и прясть из соломы золото.

От таких мыслей она заплакала еще горше, хотя ей и казалось, что за день она выплакала все свои слезы до одной.

И вот, когда она уже совсем потеряла надежду на спасение, в углу что-то заскреблось, словно мышка пробирается из подполья на волю, солома зашевелилась, и в комнате появился маленький юркий человечек — большеголовый, длиннорукий, на тонких ножках.

— Добрый вечер, прекрасная мельничиха! — сказал он. — О чем это ты так горько плачешь?

— Ах, как же мне не плакать! — ответила девушка. — Король приказал мне напрясть из этой соломы золота, а я не умею.

— Ну и что же? — спросил человечек.

— Мне отрубят за это голову, — ответила она.

Человечек задумался.

— Да, это очень неприятно, — сказал он. — Ну, а что ты мне дашь, если я за тебя напряду золота из соломы?

— Цветную ленточку с шеи и мою благодарность до конца дней моих.

— Очень хорошо, — сказал человечек.

Она пододвинула ему свой ужин и зажгла свечу. Ужин он съел с удовольствием, а свечу задул и сказал, что ему и так светло — от собственных глаз.

После этого он уселся перед прялкой и — ж-ж-ж... Колесо так и жужжало. Не успела девушка сосчитать до трех, как вся шпулька была обмотана золотой пряжей.

Тогда он взял другую шпульку, третью, четвертую...

До самого рассвета жужжало колесо прялки. Девушка только и успевала подавать человечку шпульки и сматывать в клубки золотую пряжу.

И вот в комнате не осталось ни одной соломинки. Человечек взял у девушки обещанную ленточку и пропал, будто его и не было.

А тут и король постучался в дверь. Он так и обмер, увидев, что вся солома превратилась в чистое золото. Об одном только он пожалел: о том, что комната, набитая соломой, была недостаточно велика.

Но комнат во дворце было много, а соломы на дворе — еще больше.

Король велел набить соломой от пола до потолка другую комнату, гораздо больше прежней, сам отвел туда Мельникову дочку и приказал сейчас же приняться за работу, если только жизнь ей дорога.

Бедняжка ничего не ответила и молча села за прялку, вытирая слезы.

Но, когда стало совсем темно, в комнате опять появился маленький человечек и спросил у нее:

— Что ты мне дашь, если я и на этот раз напряду тебе золота из соломы?

— Вечную мою благодарность и колечко с пальца.

— Хорошо.

Человечек взял кольцо. И снова завертелось и зажужжало колесо прялки.

А когда наутро король пришел поглядеть, что поделывает его пряха, он увидел, что она крепко спит, а вокруг нее лежит столько золота, сколько вчера было соломы.

Король еще больше обрадовался, но сказать «довольно» у него не хватило сил.

Он приказал набить соломой третью комнату. Она была втрое больше, чем обе прежние, вместе взятые, и соломы в ней помещалось тоже втрое больше.

— Ну вот что, — сказал король. — Если ты и эту солому превратишь в золото, ты станешь моею женой и королевой.

«Ничего, что она простая девушка, Мельникова дочка, — думал он. — На всем свете я не найду себе невесты богаче, чем она».

И вот девушка опять осталась одна. А когда стемнело, к ней снова явился маленький человечек и спросил:

— Ну что ты мне дашь, если я и в третий раз напряду для тебя золота из соломы?

— У меня больше ничего нет, кроме благодарности, — ответила она.

— Этого мне мало, — сказал человечек. — Ты скоро станешь королевой. Обещай мне отдать своего первого ребенка — и я сейчас же сяду за прялку. А нет — прощай!..

«Кто знает, что еще будет, — подумала Мельникова дочка. — Может, король вовсе и не женится на мне? Может, у меня и детей-то никогда не будет...» — И она пообещала человечку своего первенца.

Человечек опять сел за прялку. И, когда король поутру вошел в комнату, он зажмурился и закрыл лицо руками: вокруг лежало столько золота и оно так блестело, что даже смотреть на него было больно.

Король сдержал слово. Не прошло и трех дней, как во дворце сыграли пышную свадьбу. И Мельникова дочка стала королевой.

А через год у нее родился ребенок.

Королева была очень счастлива и даже думать забыла о человечке и о своем обещании.

И вот как-то раз ночью, когда она сидела у колыбели, в углу что-то заскреблось, словно мышка хотела выкарабкаться из подполья на волю.

Королева вздрогнула, подняла глаза и увидела, что рядом с ней стоит маленький юркий человечек — большеголовый, длиннорукий, на тонких ножках.

— Ну, — сказал он, — мое — мне! Давай-ка сюда то, что обещала! — И он протянул к ребенку свои длинные руки.

Ах, как испугалась королева! Как горько она заплакала, умоляя человечка взять у нее все драгоценности, все богатства в королевстве — даже мантию и корону — и только оставить ей ребенка!.. Но человечек стоял на своем.

— Нет, — говорил он. — Живое, тепленькое для меня милее всех сокровищ на свете.

Тут уж королева едва не лишилась чувств. Она упала перед человечком на колени и сказала, что умрет, если он не сжалится над ней.

И человечек сжалился.

— Хорошо, — сказал он. — Даю тебе три дня сроку. Если за это время ты узнаешь, как меня зовут, дитя твое останется у тебя. — И с этими словами он исчез.

Всю ночь королева перебирала в памяти имена, которые когда-либо слышала. На рассвете она разослала во все концы своего королевства гонцов и велела им разузнать в городах и деревнях, какие где встречаются имена и прозвища.

И вот пришла ночь, и человечек опять появился у нее в комнате.

— Может быть, тебя зовут Каспар? — спросила королева дрожащим от страха голосом.

— Нет.

— Мельхиор?

— Нет.

— Бальцер?

— Нет.

Королева называла по порядку все имена, какие только знала, но человечек всякий раз качал головой и усмехался.

— Нет, — говорил он. — Меня зовут не так.

На другой день она послала гонцов в соседние государства, чтобы узнать, какие имена дают людям в чужих странах.

Когда человечек явился к ней, она перебрала самые мудреные имена и прозвища, которые узнала от гонцов.

— Может быть, тебя зовут Реброхвост?

— Нет.

— Круторог?

— Нет.

— Лови-Догоняй?

— Нет, нет.

Что бы она ни сказала, он твердил в ответ одно и то же:

— Меня зовут не так!

И вот наступил третий день. Королева не могла больше припомнить ни одного нового имени и с нетерпением ждала возвращения своих гонцов, которым велела побывать на этот раз в самых глухих углах и закоулках, в хижинах угольщиков и в пещерах горных пастухов.

Один за другим гонцы возвращались во дворец, но никто из них не сказал королеве ничего нового.

Наконец вошел последний гонец.

— Королева! — доложил он. — Целый день ходил я по горам и лесам, но не услышал ни одного неизвестного прозвания. Имен на свете меньше, чем людей. Новые люди рождаются и получают старые имена. Я уж хотел было возвращаться домой, да зашел невзначай в такую чашу, где только лисы да зайцы желают друг другу доброй ночи, а человеческого духу и не бывало. И тут, меж тремя старыми деревьями, увидел я маленький-маленький домик. Перед домиком был разложен костер, а вокруг костра плясал человечек — большеголовый, длиннорукий, на тоненьких ножках. Он подскакивал то на одной ноге, то на другой и распевал:

*Пусть клубится дымок,
Пусть печется пирог —
Славный выкуп мне завтра дадут!
На земле никому, никому невдомек,
Как меня под землю зовут.
А зовут меня Гном,
А зовут меня Гном,
А зовут меня Гном-
Тихогром!*

Можете себе представить, как обрадовалась королева, услы-

хав это имя. Она щедро наградила гонца и села у колыбели поджидать человечка.

Он скоро появился, потирая свои длинные руки и посмеиваясь.

— Ну, госпожа королева, — сказал он, — как меня зовут?

— Может быть, Франц? — спросила она.

— Нет.

— Может быть, Кунц?

— Нет.

— А может быть, Гейнц?

— Нет.

— Ну так, может быть, Гном-Тихогром?

— Это тебе сам черт подсказал! Сам черт подсказал! — закричал человечек и от гнева так сильно топнул ногой, что она ушла в землю по самое бедро. Тогда он обеими руками схватился за левую ногу и в ярости разорвал себя пополам.

КАРЛИКОВ КАМЕНЬ

Шотландская легенда

Далеко-далеко, на самом краю зеленой долины на острове Хой высится громадный валун. Валун этот — полый, и жители северных островов прозвали его «Карликов камень», потому что в нем, по преданию, много веков назад жил карлик Снорро.

Никто не знал, откуда пришел Снорро на остров Хой и как долго он прожил в темной пещере внутри валуна. Известно только, что роста он был крошечного, что тело у него было уродливое — кособокое, горбатое, зато лицо — дивной красоты. И он не старел. Он всегда казался юношей, и улыбка не сбегала с его прекрасного лица.

Ходили слухи, будто отцом Снорро был не простой смертный, но эльф и что он одарил сына даром вечной юности. Но никто этого не знал наверное, ибо Снорро поселился в валуне задолго до того, как родились самые древние старики, что тогда жили на острове Хой.

Одно было ясно: от матери своей — а она, по общему мнению, была смертной женщиной — он унаследовал тщеславие и честолюбие — свойства опасные. И чем дольше он жил, тем тщеславнее и честолюбивее становился. Он даже носил на шее зеркальце из полированной стали и то и дело смотрелся в него, любуясь своей красотой.

Люди нередко обращались к нему за помощью, но помогал он лишь тем, что смиренно кланялись ему и говорили с ним так же почтительно, как с королем.

Надо сказать, что он почти все свои дни проводил в горах, собирая — или только притворяясь, что собирает, — разные лекарственные травы. Потом он приносил их домой, в свое темное жилище, готовил из этих трав целительные снадобья и настойки и продавал их окрестным жителям за большие деньги.

Еще была у него какая-то таинственная книга в кожаном переплете с медными застежками. Снорро читал ее часами и гадал по ней простодушным островитянам, если они просили его об этом.

Люди трепетали перед книгой Снорро не меньше, чем перед ним самим, ибо ходил слух, что книга эта некогда принадлежала богу Одину. И, упоминая имя карлика, они осеняли себя крестным знамением, чтобы защититься от его злых чар. Но никто не знал, почему Снорро поселился в Карликовом камне. А поселился он там вот почему.

Поблизости от валуна был холм очень странного вида. Он походил на громадную бородавку, и так его и прозвали «Хойская горка-бородавка». Говорили, будто где-то на этом холме лежит волшебный карбункул и того, кто его отыщет, камень одарит тремя драгоценными дарами — здоровьем, богатством и счастьем, иначе говоря, всем тем, чего жаждут люди.

И еще говорили, будто этот карбункул можно увидеть. Но увидит его лишь тот, кто придет на некое место в некое время. Однако где находится это место и в какое именно время туда надо прийти, не знал никто.

И вот Снорро твердо решил отыскать волшебный камень. Казалось, он только тем и занимается, что читает свою большую книгу да готовит лекарства из трав. Но на самом деле он блуждал по горам и внимательно осматривал каждый камень и каждый пучок травы в поисках волшебного карбункула. А ночью, когда все спали, он выходил из своего жилища с заступом и киркой в руках, копал землю и перевортывал камни в надежде найти желанное сокровище.

Куда бы он ни шел, его всегда сопровождал огромный ворон с седой головой. Ворон жил у Снорро в валуне и был ему верным другом и товарищем. Островитяне боялись этой зловещей птицы, пожалуй, не меньше, чем ее хозяина. Хоть они и ходили к Снорро за советом, когда попадали в беду, хоть и покупали у него лекарства и приворотные зелья, но всегда опасались его и подозревали, что он водится с нечистой силой.

В те времена Оркнейскими островами совместно правили два графа. Они были единокровные братья. Старший, Поул, был высокий красивый юноша с темными волосами и глазами как терновые ягоды. Все островитяне любили его потому, что он был человек добрый и мягкосердечный, а кроме того, очень искусный в рыцарских ратных трудах и забавах. При виде его глаза стариков светлели, а дети выбегали ему навстречу, когда он ехал верхом мимо их дома.

И все это казалось тем более примечательным, что граф Поул был хоть и приветлив, но до того неразговорчив, что люди дали ему два прозвища: «Поул Бессловесный» и «Поул Молчаливый».

Брат его, Гарольд, отличался от него, как день от ночи. Волосы у него были светлые, глаза голубые, и его прозвали «Гарольд Златоуст», потому что он был очень словоохотлив и красноречив.

Однако его не любили. Он был человек надменный, завистливый, вспыльчивый. При виде его не светлели глаза стариков, а дети, вместо того чтобы бежать ему навстречу, прятались от него в материнские юбки.

Гарольд знал, что все любят его молчаливого брата, и так завидовал ему, что братья начали сторониться друг друга.

Как-то раз летом граф Гарольд поехал в гости к шотландскому королю, и вместе с ним поехали его мать, графиня Хелга, и ее сестра, графиня Фрокёрк.

И вот в то время, когда они гостили при дворе шотландского короля, Гарольд встретился с молодой красавицей ирландкой. Ее звали леди Морна, и она приехала из Ирландии в Шотландию, чтобы служить шотландской королеве.

Леди Морна была так мила, добра и прекрасна, что завоевала сердце графа Гарольда, и он решил на ней жениться. Но как он ни старался, не смог понравиться леди Морне. Она догадывалась, что он ревнив и завистлив, видела злобу в его глазах, слышала, как грубо он ругал слуг, и не хотела выходить за него замуж. И когда граф Гарольд стал просить ее руки, она, к великой его досаде, отказала ему, уверяя, что предпочитает остаться в девушках.

Граф Гарольд скрежетал зубами в бессильной ярости. Но он понял, что настаивать бесполезно, и решил добиться своего хитростью. Он попросил свою мать пригласить леди Морну погостить у них на Оркнейских островах, надеясь, что там он рассеет ее недоверие и уговорит ее выйти за него. О своем

брате, графе Поуле, он совсем позабыл, а если и помнил, то никак не думал, что тот может сделаться его соперником.

Но это как раз и случилось. Леди Морна, не подозревая ничего худого, приняла приглашение графини Хелги и поехала с нею, когда та вместе с сестрой и сыном вернулась к себе, в графство Оркни. Там граф Поул, очарованный ирландской красавицей, полюбил ее с первого взгляда, а леди Морна полюбила его с того часа, как увидела.

Конечно, они не смогли скрыть свои чувства, и когда Гарольд догадался, что они любят друг друга, его гнев и ревность перешли все границы. Схватив кинжал, Гарольд бросился к брату в башенку и пригрозил убить его на месте, если тот не пообещает ему отказаться от женитьбы на их прекрасной гостье. Но Поул быстро его успокоил.

— Не тревожься, брат, — мягко проговорил он. — Правда, я полюбил леди Морну, но это еще не значит, что я ее завоюю. Неужели она изберет того, кого люди прозвали Бессловесным, если может выйти за такого, как ты? Ведь ты, брат, за словом в карман не лезешь, так что люди дали тебе лестное прозвище — Гарольд Златоуст.

Эти слова польстили тщеславию Гарольда, и он решил, что, пожалуй, его единокровный брат прав. «Куда ему, бессловесному, ухаживать за такой красавицей, как леди Морна! Не удастся ему завоевать эту девушку!» — подумал Гарольд и бросил на пол свой кинжал. Он пожал руку брату и даже попросил у него прощения за свои недобрые мысли. Потом ушел, очень довольный собой и всем светом.

К тому времени подошел праздник Рождества. А у графов Оркнейских был обычай покидать перед святками замок Керкуолл, в котором они жили всегда, и несколько недель проводить в огромном дворце Орфире, расположенном в девяти милях от Кёркуолла. Граф Поул решил уехать на несколько дней раньше прочих, чтобы все подготовить в Орфире к приезду графской семьи.

Но вот случилось так, что накануне отъезда он увидел леди Морну в большом зале. Она сидела у окна и плакала, потому что ей грустно было расставаться с графом Поулом. А он, как увидел ее слезы, уже не смог больше сдерживаться. Обнял красавицу, стал шептать ей о своей любви и попросил ее стать его женой.

Она сразу же согласилась. Прижавшись румяной щечкой к его

плечу, она призналась, что полюбила его в тот день, как впервые увидела, и тогда же решила, что не выйдет ни за кого другого.

Некоторое время они сидели рядом, наслаждаясь своим новым счастьем, но вот Поул встал.

— Пойдем, возлюбленная моя, сообщим эту добрую весть моей мачехе и брату, — сказал он. — Может быть, Гарольд вначале и будет досадовать — ведь он сам хотел жениться на тебе. Однако его доброта вскоре возьмет верх над досадой, и он будет радоваться вместе с нами.

Но леди Морна покачала головой. Она лучше знала, как отнесется к этому известию граф Гарольд, и ей хотелось отдалить признание, грозившее бедой.

— Нет, лучше пока ничего не говорить, — молвила она. — Скажем после Рождества. Ведь нам самым сладко будет хранить нашу тайну хотя бы короткое время. Успеем открыть ее позже.

Граф Поул поневоле согласился. На другой день он уехал в Орфир, а его возлюбленная осталась в Кёркуолле.

Но он не знал, какая опасность ему грозит. Сестра его мачехи, графиня Фрокёрк, случайно зашла в зал, когда он объяснялся в любви леди Морне, и спряталась за занавеской. Старуха слышала каждое слово влюбленных, и в сердце ее вспыхнула черная ярость...

Графиня Фрокёрк была женщина честолюбивая и жестокая. Она всю жизнь ненавидела графа Поула, — ведь он не был ее кровным родственником и, больше того, стоял на дороге у своего брата, ее родного племянника. Если бы Поул умер, Гарольд стал бы единоличным правителем графства Оркни.

А теперь, когда старуха узнала, что он в довершение всего похитил сердце леди Морны, девушки, которую полюбил Гарольд, ненависти ее и гневу не было предела. Как только влюбленные расстались, графиня поспешила к сестре, и они проговорили всю ночь, до рассвета.

На другой день чья-то лодка поплыла по узкому проливу, что отделяет остров Помону (иначе — Мейнланд) от острова Хой. В лодке сидела женщина, но кто она была такая, люди не знали, ибо она с ног до головы закуталась в черный плащ и закрыла лицо темной густой вуалью.

Лишь карлик Снорро узнал ее, и даже раньше, чем она сбросила плащ и вуаль, — графиня Фрокёрк была его старая знакомая. Не раз за свою долгую жизнь она прибегала к его помощи, когда замышляла какое-нибудь злое дело, и всегда щедро платила ему червонным золотом. Поэтому Снорро радушно принял графиню. Но когда он

услышал, с какой просьбой она к нему явилась, улыбка сошла с его лица, и он покачал головой.

— Раньше я хорошо служил тебе, леди, — сказал он, — но теперь боюсь выполнить твою просьбу. Подготовить убийство знатного графа — это опасное дело, особенно когда все так его любят, как любят Поула... Ты знаешь, почему я поселился в этом глухом углу, знаешь, что я ищу волшебный карбункул. Знаешь также, что люди боятся и ненавидят меня. А если молодой граф умрет, подозрения падут на меня, и придется мне бежать с острова, потому что жизнь моя станет дешевле песчинки. И тогда рухнут все мои надежды отыскать карбункул. Нет, леди, не могу я пойти на это. Не могу!

Злая графиня предложила карлику гору золота. Она соблазнила его, суля богатство и высокое положение, и в конце концов даже обещала выхлопотать для него видную должность при дворе шотландского короля. Тут в карлике с новой силой вспыхнуло честолюбие. Он заколебался в своем решении и наконец согласился выполнить просьбу графини.

— Я достану свой волшебный ткацкий станок, — сказал он, — и сотку тончайшую ткань дивной красоты. Но перед тем, как ее соткать, я отравлю пряжу ядовитым зельем. Тот, кто наденет одежду из этой ткани, умрет, даже не успев ее поносить.

— Плут, а умен! — отозвалась графиня с жестокой усмешкой на злом лице. — Награду получишь! Дай мне ярда два этой чудесной ткани, а я сошью из нее хорошую безрукавку и в сочельник подарю ее прекрасному молодому графу. Наденет он мой рождественский подарок и не доживет до конца года.

— Не доживет! — подтвердил карлик Снорро с коварной улыбкой.

И они расстались, условившись, что ткань будет прислана во дворец Орфир накануне сочельника.

Пока графиня Фрокёрк ездила по своим злым делам на остров Хой, в замке Кёркуолл произошло одно событие. Гарольд воспользовался тем, что брат его в отъезде, и опять предложил свою руку и сердце леди Морне, а она снова отказала ему и, опасаясь, как бы он не повторил своего предложения, призналась, что уже обещала стать женой его брата.

Как только Гарольд это услышал, ревность и ярость вспыхнули в нем с такой силой, что чуть не пожрали его самого. Обезумев от злобы, он бросился вон из дома, вскочил на коня и помчался к морю.

И вот пока он во весь опор скакал по берегу, взгляд его упал

на оснеженные горы острова Хой, что возвышались над проливом. И тут он вспомнил про карлика Снорро, у которого тоже бывал когда-то, как и его тетка.

— Выход найден! — вскричал он. — Дурак я был, что сразу же не подумал об этом! Я пойду к Снорро и куплю у него приворотное зелье. Леди Морна выпьет его и возненавидит моего дорогого братца, а мысли свои обратит на меня.

Он нанял лодку и поплыл по бурным волнам к острову Хой, а причалив к берегу, поспешил в ту уединенную долину, где высился Карликов камень. Самого карлика ему не пришлось долго искать. Снорро стоял у входа в свою пещеру с вороном на плече и молча смотрел на закат.

Странная улыбка мелькнула на его лице, когда он слышал чьи-то шаги. Он обернулся и увидел молодого графа.

— Что привело тебя сюда, сэр граф? — весело спросил он, предвкушая поживу.

— Я пришел за приворотным зельем, — ответил Гарольд и рассказал карлику про свою любовь к леди Морне. — За зелье я тебе заплачу, только давай его поскорее!

Снорро окинул его взглядом с головы до ног.

— Слепа та девушка, сэр Златоуст, — сказал он, — которой нужно выпить приворотное зелье, чтобы полюбить такого доблестного рыцаря, как ты.

Граф Гарольд сердито расхохотался.

— Легче поймать солнечный луч, чем привлечь к себе неуловимую прихоть женщины, — сказал он. — Некогда мне болтать! Есть пословица: «Прилив и время не ждут человека». Вот и меня прилив ждать не станет. Давай зелье, давай сейчас же!

Видя, что он не шутит, Снорро молча вошел в свою пещеру и вскоре вернулся с небольшой склянкой, полной розоватой жидкости.

— Влей это в винную чарку леди Морны, — сказал он, — и ручаюсь, что не пройдет и суток, как она полюбит тебя сильнее, чем ты ее любишь.

Он махнул рукой, как бы приказывая графу удалиться, и скрылся в пещере.

Граф Гарольд поспешил домой, в замок. Но прошло два дня, а ему все не выпадало случая вылить приворотное зелье в винную чарку леди Морны. Наконец этот случай представился. Однажды вечером, за ужином, Гарольд вылил зелье в чарку и, отстранив маленького пажа, сам подал ее леди Морне.

Она поднесла чарку к губам, но только сделала вид, что отпила из нее. Уже одно то, что ненавистный ей Гарольд взял в руки эту чарку, возбудило ее подозрения. Гарольд отошел, чтобы сесть на свое место, и тут леди Морне удалось незаметно вылить все вино на пол. И она еле удержалась от улыбки, увидев, каким довольным стало лицо Гарольда, когда она поставила на стол пустую чарку.

Вскоре он обрадовался еще больше, потому что леди Морна стала беседовать с ним очень приветливо. Она его так боялась, что этой приветливостью хотела купить себе душевное спокойствие на то время, пока графский двор не переедет в Орфир, где она будет под охраной своего возлюбленного.

Гарольд бурно радовался. Он был уверен, что приворотное зелье уже подействовало и надежды его скоро сбудутся.

Спустя неделю графский двор переехал в Орфир, где граф Поул уже все приготовил для приезда гостей.

Конечно, он был вне себя от радости, когда вновь увидел леди Морну, и она очень обрадовалась встрече с ним. Теперь она знала, что ей нечего бояться нежеланного внимания графа Гарольда.

Но для Гарольда их радость обернулась желчью и горечью; он еле сдерживался, хотя пока еще верил в приворотное снадобье карлика Снорро.

А графиня Хелга и графиня Фрокёрк, те с нетерпением ждали волшебной ткани — смертоносного подарка графу Поулу.

И вот в канун сочельника обе злодейки сидели вместе в покоях графини Хелги и говорили о будущем — о том времени, когда их любимец Гарольд станет единоличным правителем графства Оркни. Вдруг кто-то постучал в окно, и они увидели седоголового ворона, жившего у карлика Снорро. Он сидел на карнизе за окном и в клюве держал запечатанный сверток.

Женщины открыли окно, и ворон с хриплым карканьем уронил сверток на пол. Потом захлопал своими огромными крыльями, медленно взмыл к небу и полетел в сторону острова Хой.

Дрожа от волнения, сестры сломали печать на свертке и вынули ткань. Она была необыкновенно красива — отливала всеми цветами радуги, сверкала золотом и драгоценными камнями.

— Отменная выйдет безрукавка! — воскликнула графиня Фрокёрк со зловещим смехом. — Хорош будет наш Бессловесный граф, когда ее наденет!

И, не тратя времени попусту, обе женщины принялись кро-

ить и шить безрукавку. Они проработали всю ночь и весь следующий день, а вечером, когда уже почти кончили шить, услышали на винтовой лестнице чьи-то торопливые шаги. И вот граф Гарольд распахнул дверь.

Щеки его горели от волнения, глаза сверкали. Ведь здесь, в Орфире, леди Морна, живя под защитой своего возлюбленного, снова стала чуждаться Гарольда. Он это заметил и начал терять веру в приворотное зелье Снорро.

В гневе и досаде он подбежал к матери, чтобы рассказать ей о своих горестях, как вдруг увидел на столе чудесную безрукавку. Она сверкала золотом и серебром, отливала всеми цветами радуги и была так красива, что казалась одеянием фей. У Гарольда при виде ее дух захватило от восхищения.

— Для кого ты это купила? — спросил он мать, ожидая, что она скажет: «Для тебя!»

— Это рождественский подарок твоему брату Поулу, — ответила графиня Хелга.

Она хотела было сказать, что безрукавка принесет смерть Поулу, но не успела и слова вымолвить. Гарольд обезумел от зависти — значит, его ненавистному брату достается все самое лучшее на свете!

— Все Поулу! — вскричал он. — Всюду Поул! Ненавижу его! Имя его слышать не могу! Ну нет, клянусь, этого подарка он не получит!

И он сдернул безрукавку со стола.

Мать и тетка бросились ему в ноги, умоляя его положить безрукавку на место и крича, что каждая нить ее отравлена. Но все было напрасно — Гарольд их даже не слышал. Он выскочил за дверь, надел безрукавку и со злорадным хохотом сбежал вниз по лестнице, чтобы покрасоваться перед леди Морной.

Но едва он ступил в зал, как рухнул на пол от нестерпимой боли. Все домочадцы сбежались к нему, а обе графини, в ужасе от своего поступка, пытались стянуть с него безрукавку. Но они опоздали. Смертельный яд уже сделал свое дело.

Отстранив обеих женщин, Гарольд повернулся к брату, который обнял его, опустившись рядом с ним на колени.

— Я желал тебе зла, Поул, — проговорил Гарольд, — а ведь ты всегда был мне верным и добрым другом. Прости меня в мыслях своих! А вот этих, — и, собрав последние силы, он показал рукой на обеих злых женщин, что привели его к

гибели, — этих двух женщин берегись, потому что они покушаются на твою жизнь.

Тут голова его упала на плечо брата, он испустил глубокий вздох и скончался.

Когда Молчаливый граф понял, отчего погиб его брат и откуда взялась безрукавка, гнев его был безмерен. Он поклялся страшной клятвой покарать не только карлика Снорро, но и свою злую мачеху и ее жестокую сестру.

Однако ему не пришлось отомстить за брата — обе графини воспользовались суматохой, вызванной смертью Гарольда. Они незаметно выскользнули из дворца, пробрались на морской берег, сели в лодку и направились в Шотландию. Там у них были обширные владения, там их очень почитали, и никто не поверил бы ни одному слову, сказанному против них.

Но все же их настигло возмездие, как оно всегда рано или поздно настигает злых, себялюбивых и жестоких. На Шотландию вскоре напали скандинавы, подожгли замок графинь, и обе они погибли в огне.

Узнав о бегстве мачехи и ее сестры, граф Поул поспешил на остров Хой, чтобы захватить там карлика. Но когда Поул подошел к Карликову камню, оказалось, что пещера в нем опустела. Исчезли даже все следы ее обитателей.

Никто не знал, что с ними случилось. Некоторые люди думали, что карлик с вороном бежал вместе с графиней Хелгой и графиней Фрокёрк. Но большинство островитян полагало — и, пожалуй, это вернее, — что Духи Воздуха унесли Снорро и в наказание за его коварство заточили в какой-то неведомой темнице. А ворон был унесен вместе с ним.

Во всяком случае, никто с тех пор не видел карлика Снорро. И где бы он ни был, он потерял надежду отыскать волшебный карбункул.

Что касается Молчаливого графа и его возлюбленной ирландки, то они повенчались вскоре после похорон графа Гарольда. И еще сотни лет спустя, всякий раз как жители Оркнейских островов хотели сказать, что такие-то люди счастливы, они говорили: «Счастливы, как граф Поул и графиня Морна».

РЫЦАРЬ-ЭЛЬФ

Шотландская сказка

Есть в одном глухом углу Шотландии безлюдная пустошь — поросший вереском торфяник. Говорят, будто в стародавние времена там блуждал некий рыцарь из мира эль-

фов и духов. Люди видели его редко, примерно раз в семь лет, но во всей округе его боялись. Ведь бывали случаи, что отважится человек пойти по этой пустоши и пропадет без вести. Сколько бы его ни искали, как бы внимательно ни осматривали чуть не каждый дюйм земли, ни следа его не находили. И вот люди, дрожа от ужаса, возвращались домой после бесплодных поисков, покачивали головами и говорили, что пропавший, должно быть, в плену у страшного рыцаря-эльфа.

Пустошь всегда была безлюдна, потому что никто не смел на нее ступить, а тем менее поселиться там. И вот на пустоши стали водиться дикие звери. Они спокойно делали себе норы и логовища, зная, что смертные охотники их не потревожат.

Неподалеку от этой пустоши жили два молодых человека — граф Сент-Клер и граф Грегори. Они очень дружили — вместе катались верхом, вместе охотились, а порой и сражались рядом.

Оба они очень любили охоту. И вот граф Грегори как-то раз предложил другу поохотиться на пустоши, несмотря на то, что там, по слухам, бродил рыцарь-эльф.

— Я в него почти не верю, — воскликнул он со смехом. — По-моему, все рассказы про него — просто бабьи сказки, какими малых ребят пугают, чтобы они не бегали по вересковым зарослям. Ведь ребенку там и заблудиться недолго. Жаль, что такие богатые охотничьи угодья пропадают зря, и нечего нам, бородатым мужчинам, прислушиваться ко всяким небылицам.

Но граф Сент-Клер даже не улыбнулся на эти слова.

— С нечистой силой шутики плохи, — возразил он. — И это вовсе не сказки, что иные путники шли по пустоши, а потом пропадали без вести. Но ты правду сказал — жаль, что такие охотничьи угодья пропадают зря из-за какого-то рыцаря-эльфа. Подумать только — ведь он считает эту землю своей и берет с нас, смертных, пошлину, если мы посмеем ступить на нее. Впрочем, я слышал, что от рыцаря можно уберечься, стоит только надеть на себя знак святой троицы — трилистник. Поэтому давай привяжем себе к руке по трилистнику. Тогда бояться нам будет нечего.

Сэр Грегори громко расхохотался.

— Ты что, за младенца меня считаешь? — сказал он. — За ребенка, что сначала пугается каких-то дурацких басен, а потом верит, что листок клевера может его защитить? Нет, нет, сам носи этот знак, если хочешь, а я полагаюсь только на свой добрый лук и стрелы.

Но граф Сент-Клер поступил по-своему. Он не забыл, что говорила ему мать, когда он малым ребенком сидел у нее на коленях. А говорила она, что тому, кто носит на себе трилистник, нечего бояться злых чар, все равно чьих — колдуна или ведьмы, эльфа или демона.

И вот он пошел на луг, сорвал листок клевера и привязал его шелковым шарфом к руке. Потом сел на коня и вместе с графом Грегори поехал на безлюдную глухую пустошь.

Прошло несколько часов. Все у друзей шло хорошо, и в пылу охоты они даже позабыли о своих опасениях. И вдруг оба натянули поводья, придержали коней и стали тревожно всматриваться вдаль.

Какой-то незнакомый всадник пересек им дорогу, и друзьям захотелось узнать, кто он такой и откуда взялся.

— Кто бы он ни был, но, клянусь, едет он быстро, — сказал граф Грегори. — Я-то думал, что ни один конь на свете не обскочит моего скакуна. Но теперь вижу, что конь этого всадника раз в семь резвее моего. Давай поедem за ним и узнаем, откуда он явился.

— Сохрани тебя Бог гнаться за ним! — воскликнул граф Сент-Клер. — Ведь это сам рыцарь-эльф! Разве не видишь ты, что он не по земле едет, а по воздуху летит? Хотя сначала и кажется, будто скачет он на простом коне, но на самом деле его несут чьи-то могучие крылья. И крылья эти хлопают по воздуху, словно птичьи. Да как же можно за ним угнаться? Черный день настанет для тебя, если ты попытаешься его нагнать.

Но граф Сент-Клер забыл, что сам-то он носит на себе талисман, который позволяет ему видеть вещи такими, какие они на самом деле. А у графа Грегори такого талисмана нет, и потому глаза его не различают того, что заметил его друг. Поэтому он и удивился и встревожился, когда граф Грегори резко проговорил:

— Ты прямо помешался на рыцаре-эльфе! А мне так кажется, что этот всадник просто какой-то благородный рыцарь — одет он в зеленую одежду, едет на крупном вороном коне. Я люблю смелых наездников, и потому мне хочется узнать его имя и звание. Так что я буду гнаться за ним хотя бы до края света.

И, не добавив ни слова, граф Грегори прищипорил коня и поскакал в ту сторону, куда мчался таинственный всадник. А граф Сент-Клер остался один на пустоши. Пальцы его невольно потянулись к трилистнику, и с дрожащих уст слетели слова молитвы.

Он понял, что друг его уже заколдован. И граф Сент-Клер решил следовать за ним, если нужно, хоть на край света и постараться расколдовать его.

Между тем граф Грегори все скакал и скакал вперед, следуя за рыцарем в зеленой одежде. Скакал он и по торфяникам, поросшим вереском, и через ручьи, и по мхам, и наконец заехал в такую глушь, куда никогда в жизни не заглядывал. Здесь дул холодный ветер, словно прилетевший с ледников, а на увядшей траве лежал толстым слоем иней. И здесь его ждало такое зрелище, от какого любой смертный отшатнулся бы в ужасе.

Он увидел начертанный на земле огромный круг. Трава внутри этого круга была ничуть не похожа на увядшую, мерзлую траву на пустоши. Она была зеленая, пышная, сочная, и на ней плясали сотни легких, как тени, эльфов и фей в широких, прозрачных, тускло-голубых одеждах, что развевались по ветру, словно змеистые клочья тумана.

Духи то кричали и пели, то махали руками над головой, то, как безумные, метались из стороны в сторону. Когда же они увидели графа Грегори — а он остановил коня у черты круга, — они принялись манить его к себе костлявыми пальцами.

— Иди сюда, иди сюда! — кричали они. — Иди, попляши с нами, а потом мы выпьем за твое здоровье из круговой чаши нашего повелителя.

Как ни странно, но чары, сковавшие молодого графа, были до того сильны, что он, хоть и страшно ему было, не мог не пойти на зов эльфов. Он бросил поводья на шею коня и уже хотел было шагнуть внутрь круга. Но тут один старый седой эльф отделился от своих собратьев и подошел к нему. Должно быть, он не посмел выйти из заколдованного круга — остановился у самого его края. Потом наклонился и, делая вид, что хочет что-то поднять с земли, проговорил хриплым шепотом:

— Я не знаю, кто ты и откуда ты приехал, сэр рыцарь. Но если жизнь тебе дорога, берегись входить в круг и веселиться с нами. А не то погибнешь.

Но граф Грегори только рассмеялся.

— Я дал себе слово догнать рыцаря в зеленом, — сказал он, — и я сдержу это слово, даже если суждено мне провалиться в преисподнюю.

И он переступил через черту круга и очутился в самой гуще пляшущих духов.

Тут все они закричали еще пронзительней, запели еще гром-

че, закружились еще быстрее, чем раньше. А потом вдруг умолкли все сразу, и толпа разделилась, освободив проход в середине. И вот духи знаками приказали графу идти по этому проходу.

Он тотчас же пошел и вскоре приблизился к самой середине заколдованного круга. Там за столом из красного мрамора сидел тот самый рыцарь в одежде, зеленой, как трава, за которым граф Грегори гнался так долго. Перед рыцарем на столе стояла дивная чаша из цельного изумруда, украшенная кроваво-красными рубинами.

Чаша эта была наполнена вересковой брагой, и брага пенилась, чуть не переливаясь через край. Рыцарь-эльф взял в руки чашу и с величавым поклоном подал ее графу Грегори. А тот вдруг почувствовал сильную жажду. Поднес чашу к губам и стал пить.

Он пил, а брага в чаше не убывала. Она по-прежнему была полна до краев. И тут впервые сердце у графа Грегори дрогнуло, и он пожалел, что пустился в столь опасный путь.

Но жалеть было уже поздно. Он почувствовал, что все тело его цепенеет, а по лицу расползается мертвенная бледность. Не успев даже крикнуть о помощи, он выронил чашу из ослабевших рук и как подкошенный рухнул на землю, к ногам повелителя эльфов.

Тут толпа духов испустила громкий крик торжества. Ведь нет для них большей радости, чем заманить неосторожного смертного в свой круг и так его заколдовать, чтобы он на долгие годы остался с ними.

Но вскоре их ликующие крики поутихли. Духи стали что-то бормотать и шептать друг другу с испуганными лицами — их острый слух уловил шум, вселивший страх в их сердца. То был шум человеческих шагов, таких решительных и уверенных, что духи сразу догадались: пришелец, кто бы он ни был, свободен от злых чар. А если так, значит, он может им повредить и отнять у них пленника.

Опасения их оправдались. Это храбрый граф Сент-Клер приближался к ним без страха и колебаний, ибо он нес на себе священный знак.

Едва он увидел заколдованный круг, как решил сразу же переступить магическую черту. Но тут старенький седой эльф, что незадолго перед тем говорил с графом Грегори, остановил его.

— Ох, горе, горе! — шептал он, и скорбью веяло от его сморщенного личика. — Неужто ты, как и спутник твой, приехал уплатить дань повелителю эльфов годами своей жизни? Слушай, если есть у тебя жена и дитя, заклинаю тебя всем, что для тебя священо, уезжай отсюда, пока не поздно.

— А кто ты такой и откуда взялся? — спросил граф, ласково глядя на эльфа.

— Я оттуда, откуда ты сам явился, — печально ответил эльф. — Я, как и ты, когда-то был смертным человеком. Но я пошел на эту колдовскую пустошь, а повелитель эльфов явился мне в обличье прекрасного рыцаря. Он показался мне таким храбрым, благородным и великодушным, что я последовал за ним и выпил его вересковой браги. И вот теперь я обречен прозябать здесь семь долгих лет. А твой друг, сэр граф, тоже отведал этого проклятого напитка и теперь замертво лежит у ног нашего повелителя. Правда, он проснется, но проснется таким, каким стал я, и, так же как я, станет рабом эльфов.

— Неужели я не смогу помочь ему раньше, чем он превратится в эльфа? — горячо воскликнул граф Сент-Клер. — Я не боюсь чар жестокого рыцаря, что взял его в плен, ибо я ношу знак того, кто сильнее его. Скорей говори, человечек, что я должен делать, — время не ждет!

— Ты можешь кое-что сделать, сэр граф, — молвил эльф, — но это очень опасно. А если потерпишь неудачу, тебя не спасет даже сила священного знака.

— Что же я должен сделать? — нетерпеливо повторил граф.

— Ты должен недвижно стоять и ждать на морозе и холодном ветру, пока не займется заря и в святой церкви не зазвонят к утрине, — ответил старенький эльф. — А тогда медленно обойди весь заколдованный круг девять раз. Потом смело перешагни через черту и подойди к столу из красного мрамора, за которым сидит повелитель эльфов. На этом столе ты увидишь изумрудную чашу. Она украшена рубинами и наполнена вересковой брагой. Возьми эту чашу и унеси. Но все это время не говори ни слова. Ведь та заколдованная земля, на которой мы пляшем, только смертным кажется твердой. На самом деле тут зыбкое болото, трясина, а под нею огромное подземное озеро. В том озере живет страшное чудовище. Если ты на этом болоте вымолвишь хоть слово, ты провалишься и погибнешь в подземных водах.

Тут седой эльф сделал шаг назад и вернулся в толпу других эльфов. А граф Сент-Клер остался один за чертой заколдован -

ного круга. И там он, дрожа от холода, недвижно простоял всю долгую ночь.

Но вот серая полоска рассвета забрезжила над вершинами гор, и ему почудилось, будто эльфы начинают съеживаться и таять. Когда же над пустошью разнесся тихий колокольный звон, граф Сент-Клер начал обходить заколдованный круг. Раз за разом он обходил круг, несмотря на то, что в толпе эльфов поднялся громкий гневный говор, похожий на отдаленные раскаты грома. Сама земля под его ногами как будто тряслась и вздымалась, словно пытаясь стряхнуть с себя незваного гостя.

Но сила священного знака на его руке помогла ему уцелеть.

И вот он девять раз обошел круг, потом смело переступил через черту и устремился к середине круга. И каково же было его удивление, когда он увидел, что все эльфы, которые здесь плясали, теперь замерзли и лежат на земле, словно маленькие сосульки! Они так густо усеяли землю, что ему едва удавалось не наступить на них.

Когда же он подошел к мраморному столу, волосы его стали дыбом. За столом сидел повелитель эльфов. Он тоже оцепенел и замерз, как и его подданные, а у его ног лежал окоченелый граф Грегори.

Да и все здесь было недвижно, кроме двух черных, как уголь, воронов. Они сидели на концах стола, словно сторожа изумрудную чашу, били крыльями и хрипло каркали.

Граф Сент-Клер взял в руки драгоценную чашу, и тут вороны поднялись в воздух и стали кружить над его головой. Они яростно каркали, угрожая выбить у него из рук чашу своими когтистыми лапами. Тогда замерзшие эльфы и сам их могущественный повелитель зашевелились во сне и приподнялись, словно решив схватить дерзкого пришельца. Но сила трилистника помешала им. Если бы не этот священный знак, не спастись бы графу Сент-Клеру.

Но вот он пошел обратно с чашей в руке, и его оглушил зловещий шум. Вороны каркали, полузамерзшие эльфы визжали, а из-под земли доносились шумные вздохи страшного чудовища. Оно затаилось в своем подземном озере и жаждало добычи.

Однако храбрый граф Сент-Клер ни на что не обращал внимания. Он решительно шел вперед, веря в силу священного трилистника, и сила эта оградила его от всех опасностей.

Как только умолк колокольный звон, граф Сент-Клер снова ступил на твердую землю, за черту заколдованного круга и далеко отшвырнул от себя колдовскую чашу эльфов.

И вдруг все замерзшие эльфы пропали вместе со своим повелителем и его мраморным столом и никого не осталось на пышной траве, кроме графа Грегори. А он медленно пробудился от своего колдовского сна, потянулся и поднялся на ноги, дрожа всем телом. Он растерянно оглядывался кругом и, должно быть, не помнил, как сюда попал.

Тут подбежал граф Сент-Клер. Он обнял друга и не выпускал из своих объятий, пока тот не пришел в себя и горячая кровь не потекла по его жилам.

Потом друзья подошли к тому месту, куда граф Сент-Клер швырнул волшебную чашу. Но там они вместо нее нашли только маленький обломок базальта. На нем была ямка, а в ней только капелька росы.

ТЭМ-ЛИН

Шотландская сказка

Прекрасная Дженет была дочерью одного графа. Он жил на юге Шотландии в замке из серого камня, у зеленых лугов. Однажды девушке наскучило сидеть за шитьем в своей светелке, наскучило подолгу играть в шахматы с дамами, что жили в замке, и вот она надела зеленое платье, заплела в косу свои золотистые волосы и ушла одна в густые леса Картерхоу.

В этот ясный солнечный день она бродила в зеленой тени по тихим полянам, поросшим пышной травой. Белые колокольчики ковром расстилались под ее ногами, всюду буйно цвел шиповник. И вот Дженет протянула руку и сорвала белый цветок, чтобы заткнуть его за пояс. Но едва сорвала, на тропинке перед нею внезапно появился юноша.

— Как ты смеешь рвать наши дикие розы и бродить здесь, в лесу Картерхоу, без моего разрешения? — спросил он Дженет.

— Я не хотела сделать ничего дурного, — оправдывалась она.

— А я страж этих лесов и слежу за тем, чтобы никто не нарушал их покоя, — сказал юноша и улыбнулся медленно, словно нехотя, как человек, что не улыбался давно. Потом он сорвал с куста алый цветок, что расцвел рядом с белым, и добавил: — Однако я с радостью отдал бы все розы Картерхоу такой красавице, как ты.

И он протянул девушке алый цветок шиповника.

— Кто же ты, сладкоречивый юноша? — спросила Дженет и взяла цветок.

— Меня зовут Тэм-Лин, — ответил юноша.

— Я о тебе слыхала! Ты рыцарь из племени эльфов! — в страхе воскликнула Дженет и отбросила цветок.

— Не бойся, прекрасная Дженет, — молвил Тэм-Лин. — Хоть люди и зовут меня рыцарем-эльфом, но родился я смертным, как и ты сама.

И тут Дженет с удивлением выслушала его рассказ.

— Мои родители умерли, когда я был ребенком, — начал Тэм-Лин, — и мой дед, граф Роксбро, взял меня к себе. Однажды мы охотились в этих самых лесах, и вдруг с севера подул какой-то странный холодный ветер, такой резкий, что чудилось, будто он продувает каждый листок на дереве. А меня одолела дремота. Я отстал от своих спутников и наконец свалился с коня в тяжком сне, а когда проснулся, увидел, что попал в страну эльфов. Их королева явилась, пока я спал, и похитила меня.

Тэм-Лин помолчал, словно вспоминая о зеленой неземной стране эльфов.

— С тех пор, — продолжал он, — я крепко связан чарами королевы эльфов. Днем я сторожу леса Картерхоу, а ночью возвращаюсь в ее страну. О Дженет, как мне хочется вернуться к жизни смертных! Всем сердцем жажду я, чтобы меня расколдовали.

Он проговорил это с такой скорбью, что Дженет воскликнула:

— Неужто это невозможно?

Тэм-Лин взял ее руки в свои и промолвил:

— Завтра день всех святых, Дженет. В эту и только в эту ночь могу я вернуться к жизни смертных. Ведь в канун дня всех святых эльфы катаются верхом и я катаюсь вместе с ними.

— Скажи мне, как могу я тебе помочь, — попросила Дженет. — Я всем сердцем хочу тебя расколдовать.

— В полночь пойди на распутье, — сказал Тэм-Лин, — и там жди, пока не появятся эльфы. Когда подъедет их первый отряд, ты стой недвижно — пусть они проедут мимо. Пропусти и второй отряд. А в третьем отряде я буду ехать верхом на коне, белом, как молоко. На голове у меня будет золотой венец... Тогда, Дженет, ты подбегии ко мне, стащи меня с коня и обними. И во что бы меня ни превращали, держи меня крепко — не выпускай из своих объятий. Так ты вернешь меня к людям.

Вскоре после полуночи Дженет поспешила на распутье и там стала ждать, укрывшись за изгородью из терновника. Светила

луна, поблескивала вода в канавах. Терновник отбрасывал на землю причудливые тени, таинственно шелестели ветви деревьев.

И вот Дженет услышала, как с той стороны, откуда дул ветер, донесся тихий звон бубенчиков на конских уздечках, и догадалась, что кони эльфов уже близко.

Дрожь пробежала по ее телу. Она плотнее закуталась в плащ и стала всматриваться в дорогу. Сначала она различила слабый блеск серебряной сбруи, потом — белую сверкающую бляху на лбу переднего коня. И вот появились всадники-эльфы. Их бледные тонкие лица были обращены к луне, диковинные кудри развевались по ветру.

Проехал первый отряд во главе с самой королевой эльфов. Она сидела на вороном коне. Дженет стояла недвижно и пропустила первый отряд. Не шелохнулась она, и когда проехал второй отряд. Но в третьем отряде она увидела Тэм-Лина. Он сидел на коне, белом, как молоко, а на голове его сверкал золотой венец. Тогда Дженет выбежала из-за терновой изгороди, схватила белого коня за уздечку, а всадника стащила на землю и обняла.

И тут поднялся нечеловеческий крик:

— Тэм-Лин пропал!

Королева эльфов рывком натянула поводья, и ее вороной конь встал на дыбы. Всадница обернулась и вперила свои прекрасные неземные глаза в Дженет и Тэм-Лина. И силою ее чар Тэм-Лин стал съеживаться и сжиматься в объятиях Дженет и превратился в маленькую шершавую ящерицу. Но Дженет не выпустила ее из рук, а прижала к сердцу.

И вдруг она почувствовала, что в руках у нее что-то скользкое — это ящерица, превратилась в холодную змею и обвилась вокруг ее шеи. Но Дженет не выпустила и змеи — держала ее крепко.

Тут острая боль обожгла ей руки — холодная змея превратилась в раскаленный докрасна железный брус. Слезы потекли по щекам Дженет — так ей было больно, — но она крепко держала Тэм-Лина, не выпускала его из рук.

Тогда королева эльфов наконец поняла, что потеряла своего пленника, потому что его преданно полюбила смертная женщина. И королева эльфов вернула Тэм-Лину его прежний облик — он снова стал человеком. Но он был наг, как новорожденный младенец, и Дженет с торжеством закутала его в свой зеленый плащ.

Всадники-эльфы отъехали. Чья-то тонкая зеленая рука взяла за повод белого коня, на котором ехал Тэм-Лин, и увела его. И тут послышался скорбный голос королевы эльфов:

— Был у меня рыцарь, самый прекрасный из всех моих всадников, и я его потеряла! Он вернулся в мир смертных. Прощай, Тэм-Лин! Если б я знала, что смертная женщина завоюет тебя своей любовью, я вынула бы твое сердце из плоти и крови и вместо него вложила бы тебе в грудь сердце из камня. И если б я знала, что прекрасная Дженет придет в Картерхоу, я вынула бы твои серые глаза и вставила бы тебе глаза из дерева!

Пока она говорила, забрезжил слабый свет зари, и всадники-эльфы с нечеловеческими криками прищипорили своих коней и исчезли вместе с ночью. И когда замер тихий звон бубенчиков на конских уздечках, Тэм-Лин взял обожженные руки Дженет в свои, и они вместе вернулись в замок из серого камня, где жил ее отец.

ПРОДЕЛКИ ТРОЛЛЕЙ

КАК ЗАМУХРЫШКА АСКЕЛАДДЕН С ТРОЛЛЕМ СОСТЯЗАЛСЯ

Норвежская сказка

одного крестьянина было трое сыновей. Крестьянин был уже стар и хил, а сыновья не хотели ему помогать, и он бедствовал. Старик долго уговаривал сыновей нарубить дров на его лесном участке — тогда он сможет расплатиться с долгами. И наконец уговорил.

Старший сын должен был первым отправиться в лес. Когда он туда пришел и начал рубить пушистую ель, явился огромный тролль.

— Ты рубишь мой лес, я убью тебя за это! — сказал тролль. Юноша бросил топор и во весь дух пустился бежать. Задышавшись, добежал он до дому и рассказал, что с ним приключилось. Отец назвал его «заячьей душой».

— Когда я был молодым, тролли не страшили меня и не мешали рубить лес.

На следующий день должен был отправиться средний брат, но его постигла та же участь. Когда он начал рубить ель, к нему вышел тролль и сказал:

— Ты рубишь мой лес, я убью тебя за это!

Парень не посмел даже взглянуть на тролля, бросил топор и, подобно старшему брату, пустился наутек. Когда он прибежал домой, отец рассердился и сказал, что в молодости тролли не страшили его.

На третий день отправился в путь младший брат — замухрышка

Аскеладцен. Он попросил, чтобы ему собрали побольше еды в дорогу. В доме не было мяса, и мать приготовила для него сыру из кислого молока. Парень положил сыр в короб и отправился в путь.

Как только он начал рубить лес, вышел к нему огромный тролль и сказал:

— Ты рубишь мой лес, я убью тебя за это!

Но Аскеладцен не растерялся: он побежал в глубь леса, схватил сырную головку и сжал ее так, что закапала слеза.

— Если ты не уймешься, я стисну тебя так же, как этот белый камень, из которого я выжал воду!

— Пощади меня, дорогой друг, — взмолился тролль, — и я помогу тебе рубить лес.

На этом условии Аскеладцен пощадил тролля, а тот так старался, что они нарубили несколько десятин за один день.

Приближался вечер, и тролль сказал:

— Идем ко мне домой, мой дом ближе твоего.

Аскеладцен последовал за ним. Когда они пришли, тролль стал растапливать печь, а парня послал за водой, чтобы сварить кашу. Аскеладцен увидел два железных бочонка, они были такие большие и тяжелые, что он не решался идти с ними по воду.

— Я не пойду с этими наперстками, — сказал он троллю, — я привык приносить воду прямо в колодце.

— Но, дорогой друг, я же не могу лишиться колодца, — ответил тролль, — уж лучше ты растапливай печь, а я схожу за водой.

Когда тролль натаскал воды, они сварили большой горшок каши.

— Если хочешь, — сказал Аскеладцен, — давай состязаться, кто больше съест.

— Давай! — согласился тролль. Он был уверен, что в этом деле его никто не победит.

Сели они за стол. Аскеладцен взял с собой кожаный мешок и ухитрился подвязать его к животу. Он больше сыпал в мешок, чем ел. Когда мешок был полон, он надрезал его. Тролль заметил, как Аскеладцен делал это, но не понял хитрости замухрышки Аскеладцена и ничего не сказал.

Долго еще сидели они за столом, и наконец тролль отложил ложку.

— Я больше не могу! — сказал он.

— Это как же «не могу»? — ответил Аскеладцен. — А я ни

сыт, ни голоден. Бери с меня пример, надрежь живот, тогда ты сможешь съесть столько, сколько захочешь.

— А больно будет? — спросил тролль.

— Суший пустяк, говорить не о чем, — ответил юноша.

Троль послушался Аскеладдена, и, само собой разумеется, пришлось ему с жизнью расстаться. Аскеладден забрал все золото и серебро, которые были в горе, и пошел домой. Теперь у него было больше денег, чем требовалось, чтобы расплатиться с долгами.

ПАДЧЕРИЦА И РОДНАЯ ДОЧКА

Норвежская сказка

Жили-были муж и жена; поженились они поздно, и у каждого было по дочке. У жены дочка была глупая и ленивая и делать ничего не хотела; а у мужа дочка была проворная и трудолюбивая. Но как она ни старалась, мачеха все была недовольна и вместе со своей родной дочкой только и думала о том, как бы избавиться от падчерицы. Вот однажды усадила мачеха их обеих прясть около колодца. Родной дочке достался чистый лен, а падчерице — одни обрезки.

— Ты такая проворная да ловкая, — сказала родная дочка, — а я все равно не боюсь с тобой тягаться.

И уговорились они, что та, у кого раньше порвется нитка, полезет в колодец. Ну и конечно, у падчерицы нитка порвалась быстрее, и пришлось ей лезть в колодец. Упала она на самое дно и нисколько не ушиблась. Огляделась она и увидала красивый зеленый луг. Шла она, шла по лугу и дошла до ограды. «Ступай на меня поосторожнее, — сказала ограда. — А придет время — и я тебе помогу». Девочка подпрыгнула легко, словно перышко, и почти не задела ограду. Вот прошла она еще немного и увидала корову. К рогам у коровы было привязано ведро, а вымя все так и раздулось от молока.

— Ах, будь добра, подои меня, пожалуйста, — сказала корова, — у меня так набухло вымя! Выпей молока, сколько захочешь, а остальное выплесни мне на копыта. А придет время — и я тебе помогу.

Сделала падчерица все, как сказала ей корова. Только дотронулась она до сосков, а молоко так и брызнуло в ведро. Напилась она вдоволь, остальное выплеснула на копыта, а ведро опять привязала к рогам.

Вот снова шла она, шла по лугу и повстречала большого барана, и шерсть у него была такая густая и длинная, что волочилась по земле и мешала ему ходить, а на правом роге у него висели ножницы.

— Ах, постриги меня, — сказал баран, — я не могу больше ходить с такой длинной шерстью. Мне так жарко, что я вот-вот задохнусь. Возьми себе шерсти, сколько тебе нужно, а остальное привяжи у меня вокруг шеи, а придет время — и я тебе помогу.

Что ж, она тут же согласилась. Баран лег к ней на колени и лежал тихо-тихо, и она так хорошо его подстригла, что даже ни разу не порезала. Потом она взяла столько шерсти, сколько ей было нужно, а остальное повязала барану вокруг шеи.

Прошла она еще немного и увидала яблоню, и на ней было так много яблок, что все ветки приклонились к земле, а у ствола стояла палочка.

— Ах, пожалуйста, собери с меня яблоки, будь так добра! И тогда ветки мои распрямятся, — сказала яблоня, — а то я уже давно стою согнувшись и очень устала; только трясись осторожно и не бей меня понапрасну; покушай яблочек, сколько захочешь, а остальные сложи около моих корней, а придет время — и я тебе помогу.

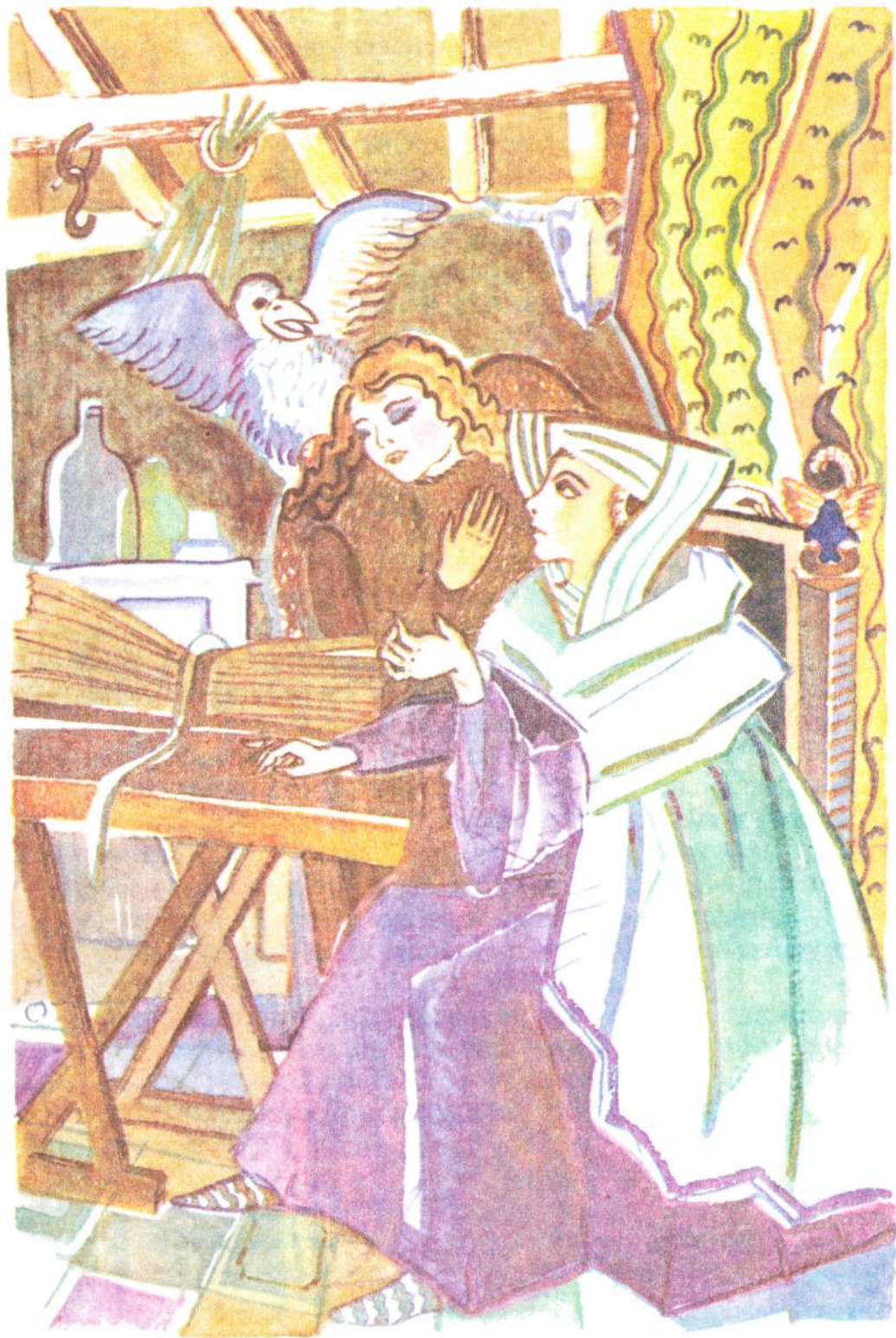
Ну, сорвала она те яблоки, какие могла достать, а потом взяла палку и стала осторожно трясти дерево, пока все яблоки не стряхнула. Наелась она вволю, а остальные яблоки сложила около корня.

И вот шла она еще долго-долго и пришла к большому дому, и в этом доме жила троллиха со своей дочкой. Вошла падчерица в дом и спросила, не найдется ли для нее работы. «Ах, никого нам не надо, — отвечала троллиха, — сколько уж у нас прислуги перебивалось, и все никуда не годятся». Но падчерица так просила, так молила, что они сжалились и взяли ее в прислуги. И вот троллиха дала ей решето и велела набрать в него воды. «Как же это решетом воду носить, что-то я не пойму», — подумала падчерица, но все-таки послушалась, а когда подошла к колодцу, птички ей пропели:

*Глиной залепи,
Соломки подложи!
Глиной залепи,
Соломки подложи!*

Что ж, так она и сделала и как ни в чем не бывало принесла в решете воды. Увидела это троллиха и сказала: «Не могла ты

своей головой до такого додуматься». И послала она падчерицу в хлев — убрать и коров подоить. Пришла падчерица в хлев, а там столько навоза, что она его и с места сдвинуть не может. Встала она на пороге и не знает, что ей делать. Но тут птички пропели ей, чтобы она взяла немного навоза и выбросила, тогда и весь остальной исчезнет.

Послушалась она птичек, и в ту же минуту в хлеву сделалось так чисто, словно его скребли и мели целый день. Стала она коров доить — а к ним не подступиться; брыкаются они, бодаются, и снова девочка не знала, что ей делать. И тут птички снова запели:

*Струйку малую
Птичкам выплесни,
Струйку малую
Птичкам выплесни.*

Так она и сделала: плеснула птичкам струйку молока, и после этого коровы не брыкались, не бодались, а стояли тихо-тихо.

Увидала троллиха молоко и сказала: «Не могла ты своей головой до такого додуматься! А теперь вот возьми-ка эту черную шерсть и отмой ее добела».

Не знала девочка, что ей делать. Никогда еще не слыхала она, чтобы черную шерсть добела мыли. Но она ничего не сказала, взяла шерсть и пошла к ручью. И тут птички пропели ей, чтобы она положила шерсть в большую бочку, что стояла у ручья, и тогда она отмоеется добела.

— Ну нет, — сказала троллиха, когда увидала белую шерсть. — Вижу я, что толку от тебя никакого. Что тебе ни велишь — ты все сделаешь, а я этак от злости умру. Уходи-ка ты лучше подобру-поздорову.

Поставила троллиха перед девочкой три ларца — один красный, один зеленый и один голубой — и сказала: «Выбирай, какой хочешь, это моя плата за твою службу».

Посмотрела девочка на ларцы и не знает, какой выбрать, а птички запели:

*Не бери зеленый,
Не бери и красный,
А бери ты голубой,
Самый лучший — дорогой!*

Послушалась она птичек и взяла голубой ларец.

— Ну ничего, погоди, — сказала троллиха, — ты со мной еще за все расплатишься.

Собралась она уходить, а троллиха как кинет ей вслед раскаленную кочергу, да только девочка успела спрятаться за дверь, потому что птички ее научили, как себя вести. И побежала падчерица быстро-быстро. Добежала она до яблони и услышала, как земля словно дрожит, — это троллиха со своей дочкой гналась за нею. Испугалась девочка и не знает, как ей быть, что ей делать.

— Иди ко мне, и я тебе помогу, — сказала ей яблоня. — Спрячься за моими ветвями, да получше, потому что, если они тебя поймают, они отберут у тебя ларчик, а тебя убьют.

Так она и сделала, и только она спряталась, к яблоне подбежали троллиха с дочкой.

— Не видала ль ты девочку, которая проходила здесь по дороге? — спросила троллиха.

— Ах да, видела, — ответила яблоня, — какая-то здесь пробегала. Только она уже далеко, вам ее не догнать.

Повернулась троллиха и пошла восвояси.

А падчерица снова побежала быстро-быстро. Подбежала она к барану и опять услышала шум, словно земля дрожит. Остановилась она и не знает, как ей быть, что ей делать. Очень она испугалась, потому что поняла, что это снова троллиха ее догоняет.

— Поди ко мне, и я тебе помогу, — сказал ей баран. — Спрячься под моей шерстью, и они тебя не найдут, а не то они отберут у тебя ларчик и убьют тебя.

Не успела она спрятаться, прибежала троллиха с дочкой.

— Не видал ли ты девочку, которая проходила здесь по дороге? — спросила троллиха.

— Как же, видал, — ответил баран, — какая-то тут пробежала. Да только она теперь далеко, вам ее не догнать.

Что ж, троллиха повернулась и пошла восвояси.

Добежала девочка до коровы и опять услышала шум, словно земля дрожит.

— Поди ко мне, — сказала корова, — и я тебе помогу. Спрячься за мое вымя, не то троллиха отберет у тебя ларчик, а тебя убьет.

И правда, скоро прибежала троллиха.

— Не видала ли ты девочку, которая проходила здесь по дороге? — спросила она у коровы.

— Как же, видела, — отвечала корова, — тут какая-то проходила. Да только она теперь далеко, вам ее не догнать.

Бежала девочка еще долго-долго, добежала до ограды и снова услышала шум, словно земля дрожит. Испугалась падчерица и не знает, как ей быть, что ей делать, — поняла, что это опять троллиха за нею гонится.

— Поди ко мне, — сказала ограда, — и я тебе помогу. Спрячься в моих кустах, да получше, не то троллиха отберет у тебя ларчик, а тебя убьет.

Не успела девочка спрятаться, примчалась троллиха с дочкой.

— Не видала ли ты девочку, которая проходила здесь по дороге? — спросила троллиха у ограды.

— Нет, никакой я девочки не видела, — ответила ограда и так рассердилась, что сучья на ней затрещали, а потом сделалась она высокой-высокой, так что через нее переступить уже никак нельзя было, и троллихе ничего не оставалось, как вернуться восвояси.

Вот пришла падчерица к себе домой, а мачеха с дочкой еще больше стали на нее злиться: никак не могли они ей простить, что она стала еще краше, чем прежде. Не захотели они держать ее в доме, прогнали в хлев и велели там жить. А она прибрала там хорошенько, раскрыла свой ларчик и захотела взглянуть, чем заплатила ей троллиха за службу. И только раскрыла ларчик — оттуда так и посыпалось золото, серебро и разные драгоценные, красивые вещи, и в ту же минуту хлев стал богаче и наряднее самого великолепного королевского дворца. Увидали это мачеха с дочкой и от зависти и злости чуть с ума не сошли. И стали они приставать к падчерице: расскажи да расскажи, как тебе это богатство досталось.

— Что же рассказывать? Получила я все это в награду за свою службу. А хозяйка у меня была такая, каких на свете больше не сыскать.

Ну, мачехина дочка тут же и собралась в дорогу — очень ей захотелось такой ларчик заработать. Снова сели они прясть у колодца; теперь падчерице достался чистый лен, а дочке одни обрезки, и порешили они, что та, у кого раньше порвется нитка, должна полезть в колодец. Ну, ясное дело, нитка быстрее порвалась у дочки, и пришлось ей лезть в колодец.

И было с ней все в точности так же, как и с падчерицей: упала она на дно, но нисколько не ушиблась, а вокруг увидела зеленый, светлый луг. Прошла она немного по этому лугу и дошла до ограды.

— Ступай на меня поосторожнее, — сказала ограда, — а придет время — и я тебе помогу.

— Вот еще! Какое мне дело до груды сучьев? — ответила дочка и так наступила на ограду, что та затрещала от боли.

Скоро увидела она корову, у которой набухло вымя.

— Будь так добра, подои меня, пожалуйста, — сказала корова, — а придет время — и я тебе помогу; выпей столько молока, сколько захочешь, а остальное выплесни мне на копыта.

Что ж, послушалась она корову: подоила, напилась молока так, что больше в нее не лезло, на копыта плескать не стала, а ведро в сторону отбросила.

Прошла она еще немножко и увидела барана, которому шерсть мешала ходить.

— Ах, подстриги меня, пожалуйста, — сказал ей баран, — а придет время — и я тебе помогу. Возьми себе столько шерсти, сколько тебе нужно, а остальное повяжи мне вокруг шеи.

Что ж, послушалась она барана, да только продырявила ему всю кожу, а всю шерсть забрала с собой.

Прошла она дальше и скоро увидела яблоню, которая вся согнулась, — так много было на ней яблок.

— Пожалуйста, будь так добра, собери с меня яблоки, и тогда ветви мои распрямятся, а то я уже давно стою согнувшись и очень устала, — сказала ей яблоня. - Только осторожнее, не бей меня понапрасну. Съешь столько яблок, сколько ты захочешь, а остальные сложи у корня. А придет время — и я тебе помогу.

Оборвала она все яблоки, какие могла достать, а остальные сшибла палкой, да так, что пообломала все ветки; потом наелась до отвала, а остальные яблоки расшвыряла под деревом.

Вот прошла она еще немного и пришла к дому, где жила троллиха, и попросилась к ней на службу.

— Не нужны мне никакие прислуги, — отвечала троллиха, — потому что они все ни на что не годятся или уж чересчур прыткие и обирают меня до последнего. — Но мачехина дочка давай ее молить и просить и не отстала до тех пор, пока троллиха не согласилась.

Перво-наперво дала ей троллиха решето и велела принести в нем воды. Вот пошла она к колодцу и набрала в решето воду; только набрала — вода сразу и вылилась. Тут птички ей пропели:

*Глиной залепи,
Соломки подложи!
Глиной залепи,
Соломки подложи!*

Не стала она слушать, что там поют какие-то птички, и швырнула в них глиной. Птички поскорее улетели, а она пришла к троллихе с пустым решетом, и та задала ей трепку.

Потом троллиха велела ей убрать хлев и подоить коров.

«Ну, это дело нетрудное», — подумала мачехина дочка и тут же пошла в хлев. Но там была такая грязь, что она ее и с места-то сдвинуть не могла. А птички и ей пропели, чтобы она взяла немножко навоза и потихоньку выбросила.

Не послушалась она птичек, взяла большой кусок навоза и в них кинула.

Стала она коров доить, а они начали брыкаться и бодаться, и только она немножко надоит — тут же опрокидывают ведро.

Птички запели:

*Струйку малую
Птичкам выплесни!
Струйку малую
Птичкам выплесни.*

Не послушалась она птичек, коров толкала и била, а на птичек выплеснула все, что смогла надоить. Так она и в хлеву не убрала, и коров не подоила. Вернулась она к хозяйке — а та давай ее бить и ругать. А потом велела троллиха мачехиной дочке отмыть черную шерсть добела, и из этого тоже ничего не вышло.

Надоело все это троллихе. Вот поставила она перед девочкой три ларца — один красный, один зеленый и один голубой — и говорит:

— Больше ты мне не нужна, ни на что ты не годишься. А все-таки раз послужила — выбирай себе любой ларец в уплату за службу.

Птички и запели:

*Не бери зеленый,
Не бери и красный,
Л бери ты голубой,
Самый лучший — дорогой!*

Не стала она слушать, что там поют какие-то птички, взяла красный ларец, потому что он был самый блестящий, и пошла себе домой. Шла она тихо-спокойно, никто ее не тревожил, никто за нею не гнался.

Вернулась она домой, и мать ее очень обрадовалась. И пошли они в самую большую комнату и поставили там ларец — думали они, что он доверху набит серебром да золотом. Открыли — а там полно жаб и лягушек. Открыла рот мачехина дочка — а оттуда тоже так и посыпались жабы и лягушки да разные гады и чудища, так что с ней рядом стоять было противно.

Вот какую плату получила мачехина дочка за свою службу.

КАРИ ЗАМАРАШКА

Норвежская сказка

Жил-был когда-то король. Жена его умерла, и осталась у него дочка — такая красивая и умная, что красивее и умнее во всем свете не сыщешь. Король долго горевал по умершей королеве, которую очень любил, но наконец ему надоело жить бобылем, и он женился во второй раз. Женился он на королеве-вдове, у которой тоже была дочь. Дочь королевы была столь же уродлива и глупа, сколь прекрасна и умна была дочь короля. Мачеха и ее дочь исходили от зависти к королевской дочери. Но пока король, который души не чаял в дочери, оставался дома, они и помышлять не смели о том, чтобы сделать ей что-нибудь дурное.

Случилось, однако, так, что король затеял войну с королем соседнего государства и отправился в поход. Тут королева решила, что настал ее час. Уж чего она только не делала: и била королевскую дочку, и морила ее голодом. Под конец ей показалось и этого мало, и отправила она дочку короля пасти коров. И стала королевская дочка стадо по лесам и лугам пасти. Жила она впроголодь, с лица стала худая и бледная и все плакала и горевала.

Ходил у нее в стаде большой иссиня-черный бык. Шкура у него была гладкая и блестящая. Бык часто подходил к королевской дочке и позволял ласкать себя. Сидит однажды девушка грустная-прегрустная и плачет. Подходит к ней бык и спрашивает, отчего она так кручинится. Не ответила ему девушка, только заплакала пуще прежнего.

— Хоть ты и не хочешь мне ничего сказать, я и сам все знаю, — говорит ей бык. — Ты плачешь оттого, что злая мачеха хочет извести тебя голодом. Но тебе нет нужды горевать из-за

этого. В левом ухе у меня лежит скатерть. Стоит тебе вытащить и расстелить ее, как на ней появится столько еды, сколько твоей душе угодно.

Послушалась девушка быка, вытащила у него из уха скатерть, расстелила ее на траве, и вдруг уставилась скатерть такими яствами, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Чего там только не было: и вино, и мед, и пирожные.

Скоро королевская дочка снова стала с лица гладкая и пригожая. Мачеху и ее дочку разобрала досада. Никак королева не могла взять в толк, как удалось падчерице пополнить и похорошеть, сидючи на такой скудной пище.

Велит она тогда своей служанке пойти в лес следом за королевской дочкой и разузнать, в чем тут дело. «Уж не подкармливает ли ее кто-нибудь из челяди?» — подумала королева.

Пошла служанка следом за королевской дочкой и видит: вытаскивает девушка из уха черного быка скатерть, стелет ее на траву, и покрывается скатерть наивкуснейшими яствами. Поспешила служанка домой и рассказала обо всем королеве.

Одержал король победу над королем соседнего государства и вернулся домой. То-то было радости в королевском замке! Но больше всех радовалась дочка короля. А королева сказалась больной. Позвала она доктора и дала ему много денег, чтобы доложил он королю, что она не поправится до тех пор, пока не отведаст мяса черного быка. Королевская дочка и слуги бросились расспрашивать доктора, не поможет ли королеве какое-нибудь другое средство, и молили пощадить быка — уж очень его все любили. Да и немудрено: другого такого быка не было во всем королевстве! Но доктор был непреклонен — быка надо зарезать, и он будет зарезан, потому что другого средства для излечения королевы нет.

Услыхала это королевская дочь и чуть не заболела от горя. Пошла она в хлев к быку. Увидел ее бык, покачал головой и посмотрел на девушку такими грустными глазами, что она расплакалась.

— О чем ты плачешь? — спрашивает бык.

Тогда она рассказала ему, как король вернулся с войны, как королева притворилась больной и как она заставила доктора сказать, что не поправится до тех пор, пока не отведаст мяса черного быка. И вот теперь его зарежут.

— Если лишат жизни меня, то потом покончат и с тобой, — говорит ей бык. — Хочешь, давай убежим сегодня ночью.

Грустно было девушке покидать своего отца, но всего горше было ей оставаться под одной крышей с мачехой. И пообещала она быку убежать вместе с ним.

Ночью, когда весь замок погрузился в сон, королевская дочка тихонько прокралась в хлев. Бык посадил ее себе на спину и что было сил припустил из замка. А когда наутро слуги отправились резать быка, хлев оказался пустой. Когда же король спросил, где дочь, выяснилось, что она тоже исчезла. Король разослал на поиски дочери гонцов по всей стране и огласил о ее пропаже во всех церквах, но во всем королевстве не нашлось ни одного человека, который видел бы девушку и быка.

Тем временем бык с королевской дочкой на спине миновал многие страны. Наконец примчался он к большому медному лесу. Все в этом лесу — деревья, ветви, листья, цветы, — все, все было из меди. Но перед тем как вступить в лес, говорит бык девушке:

— Будь осторожной, когда мы войдем в лес: ни до чего не дотрагивайся, даже до листьев. А не то и тебе и мне придется плохо — хозяин этого леса тролль о трех головах.

Девушка послушалась и ни до чего не стала дотрагиваться.

Она была очень осторожна и каждый раз, когда ветка готова была ударить ее, наклонялась в сторону и отводила ее рукой. Но лес был такой густой, что они с трудом продирались сквозь чащу, и как она ни старалась, все равно нечаянно сорвала с дерева листок.

— Что же ты наделала! — сказал бык. — Придется нам теперь биться не на жизнь, а на смерть. Но только спрячь как следует листок.

Едва они добрались до края леса, как перед ними вырос тролль о трех головах.

— Кто посмел дотронуться до моего леса! — закричал тролль.

— Он такой же твой, как и мой, — отвечал ему бык.

— Раз так, поглядим, чья возьмет, — заревел тролль.

— Будь по-твоему, — согласился бык.

Они сошлись и стали биться. И давай бык тролля бодать и лягать! Но тролль тоже не плошал, и целый день прошел, прежде чем быку удалось одолеть его. Нелегко далась быку победа: все тело его было покрыто ранами, и он так обессилел, что не мог продолжать путь. Порешили они тогда отдохнуть денек. Бык велел королевской дочке снять рог с мазью, что висел у тролля на поясе, и смазать ему раны. Она так и сделала, и на следующий день они снова тронулись в путь.

Шли они, шли и добрались наконец до серебряного леса. Деревья, ветки, листья, цветы — все, все было серебряное в этом лесу.

Прежде чем вступить им в лес, говорит бык королевской дочке:

— Как войдем в серебряный лес — будь осторожна! Ни до чего не дотрагивайся и не рви, даже крошечного листочка. А не то нам обоим придется плохо — владыка этого леса тролль о шести головах, и уж его-то мне едва ли одолеть.

— Я буду осторожна, — отвечала девушка, — ни к чему не прикоснусь.

Но когда они вошли в лес, он оказался такой густой и плотный, что они с трудом продирались сквозь чашу. Девушка изо всех сил старалась быть осторожной и то и дело уклонялась от веток, но они все сильнее и сильнее хлестали ее по глазам, и как она ни старалась, а все же сорвала маленький листок.

— Что же ты наделала! — воскликнул бык. — Придется теперь биться не на жизнь, а на смерть. Ведь у этого тролля шесть голов и он вдвое сильнее первого. Спрячь только как следует листок.

Вдруг появился перед ними тролль.

— Кто посмел дотронуться до моего леса? — закричал он.

— Он такой же твой, как и мой, — отвечал бык.

— Раз так, поглядим, чья возьмет, — заревел тролль.

— Будь по-твоему, — согласился бык и ринулся на тролля. И давай его бодать! Выколол ему глаза, распорол рогами брюхо, так что кишки вывалились наружу. Но тролль тоже не плошал, и целых три дня прошло, прежде чем быку удалось покончить с ним. Но и на этот раз нелегко далась ему победа: до того он выбился из сил, что с трудом мог двигаться. Тело его было покрыто кровоточащими ранами. Бык велел королевской дочке снять с пояса тролля рог с мазью и смазать ему раны. Она так и сделала, и к быку постепенно стали возвращаться силы. Но на сей раз ему пришлось отлеживаться целую неделю, и только после этого смог он снова пуститься в путь.

Наконец они отправились дальше. Бык был еще очень слаб и шел вначале очень медленно. Девушке стало жалко быка, и она сказала, что охотно пойдет пешком. Но бык не разрешил, и ей пришлось снова усестись к нему на спину.

Шли они, шли и прошли многие страны. Королевская дочь терялась в догадках, куда ведет их путь. Но вот наконец добра-

лись они до золотого леса. Он был такой золотой, что золото капало с него золотыми каплями. И деревья, и ветки, и цветы — все, все было из чистого золота.

В золотом лесу повторилось то же самое, что произошло в медном и серебряном. Бык объяснил дочке короля, чтобы она ни в коем случае ни до чего не дотрагивалась, потому что хозяин леса — тролль о девяти головах. Он был куда больше и сильнее троллей из медного и серебряного леса, вместе взятых, и бык был уверен, что уж с ним-то ему ни за что не справиться. Она снова пообещала быть осторожной и ни до чего не дотрагиваться. Но когда они вошли в лес, он оказался еще гуще, чем серебряный. Чем дальше, тем хуже: лес становился все гуще и гуще, все плотнее и плотнее обступали их деревья, и вот уже девушке стало казаться, что им никогда из него не выбраться. Она очень боялась что-нибудь нечаянно сорвать и только и знала, что вертелась в разные стороны и отталкивала ветки руками, но они все сильнее и сильнее хлестали ее по глазам. Под конец она уже почти ничего не видела, и, прежде чем она поняла, что произошло, в руках у нее лежало золотое яблоко. Она так испугалась, что расплакалась и хотела тут же бросить его. Но бык велел ей оставить яблоко у себя и лучше спрятать и как мог успокоил ее. Он знал, что ему не миновать жестокой схватки, и боялся, что на сей раз она плохо кончится.

Вдруг вырос перед ними тролль о девяти головах. Был он такой уродливый и страшный, что королевская дочка не решалась взглянуть на него.

— Кто посмел дотронуться до моего леса? — крикнул он.

— Он такой же твой, как и мой, — отвечал бык.

— Раз так, поглядим, чья возьмет, — заревел тролль.

— Будь по-твоему, — согласился бык.

И вот они сошлись и стали биться, и это было так страшно, что королевская дочка едва не лишилась чувств. Выколол бык троллю глаза, распорол ему рогами брюхо, так что все внутренности вывалились на землю. Но тролль тоже не плошал: только успевал бык снести троллю одну голову, как на ее месте тут же вырастала другая. И так они бились целую неделю, пока наконец бык не одолел тролля. Но бык на сей раз так ослабел, что не мог пошевелинуться. Весь он был в ранах, и у него не было даже сил попросить королевскую дочку снять с тролля рог с мазью и смазать ему раны. Но она сама догадалась это сделать, и к быку постепенно стали возвращаться силы. Только на сей раз ему пришлось отлеживаться уже три недели, прежде чем они смогли продолжать путь.

Как только бык совсем поправился, они пустились в дорогу. Много горных хребтов, заросших густым лесом, осталось позади, и вот перед ними выросла отвесная скала.

— Видишь ты что-нибудь? — спрашивает бык.

— Нет, — отвечает ему королевская дочка, — ничего я не вижу, кроме синего неба да голой скалы.

Дорога пошла в гору, и им открылись необъятные просторы.

— А теперь ты что-нибудь видишь? — спрашивает бык.

— Да, — отвечает королевская дочка, — далеко-далеко впереди я вижу крошечный замок.

— Не такой уж он крошечный, — говорит бык.

Наконец забрались они на высокую гору, отвесно поднимавшуюся ввысь.

— А теперь ты что-нибудь видишь? — спрашивает бык.

— Да, — отвечает королевская дочка, — теперь я вижу замок совсем близко. Большой, большой замок!

— Вот к нему ты и направишь свой путь, — говорит бык. — Возле самого замка стоит свинарник — туда ты и пойдешь. Как войдешь в свинарник, увидишь — в углу лежит замаранная берестяная юбка. Надень ее и ступай в замок. Скажи, что тебя зовут Кари Замарашка, и попросись в услужение. А теперь возьми-ка свой маленький нож и отрежь мне голову. Потомними с меня шкуру, сверни ее и положи у отвесной стены горы. А в шкуру заверни медный лист, серебряный лист и золотое яблоко. Возле горы стоит палка. Если я тебе буду нужен — постучи палкой по отвесной стене.

Сначала королевская дочка наотрез отказалась. Но бык сказал, что это единственная благодарность, какую он хотел бы от нее получить за все, что для нее сделал. Девушке было очень жаль быка. Но делать было нечего. Собрала она все свое мужество и отрезала быку голову. Потом сняла шкуру, завернула в нее медный лист, серебряный лист и золотое яблоко и положила ее у отвесной стены горы.

А потом пошла в свинарник, всю дорогу горько плача. Надела она грязную берестяную юбку и отправилась в королевский замок. Заглянула в кухню и, назвавшись Кари Замарашкой, попросила взять ее в услужение.

— Хорошо, — говорит кухарка, — оставайся и мой посуду. Та, что работала здесь до тебя, совсем недавно ушла от нас. И ты уйдешь, как надоест.

Уж с ней-то этого не случится, пообещала она кухарке.

Королевская дочка мыла посуду быстро и ловко. По воскресеньям в замок приезжали гости. И вот как-то раз Кари попросилась отнести принцу воды для умывания. Над ней посмеялись:

— Чего тебе там надо? Неужто ты думаешь, принц допустит к себе такую замарашку?

Но она так упрашивала, что в конце концов ей разрешили пойти к принцу.

Поднимается она по лестнице, а юбка возьми да и свались с нее на пол! Вышел принц и спрашивает:

— Чего тебе здесь надо?

— Я несу воды для умывания вашей милости, — отвечает Кари.

— Неужели ты думаешь, я буду умываться этой водой? — говорит принц и выплескивает на нее воду.

Пришлось ей уйти. В следующий раз попросилась она пойти в церковь. Церковь была совсем рядом, и ей разрешили. Но сначала она пошла напрямик к горе и постучала по ней палкой, как велел бык. Появляется перед ней человек и спрашивает, чего ей надобно.

— Позволили мне нынче сходить в церковь и послушать проповедь, — отвечает Кари, — а надеть мне на себя нечего.

Приносит он ей тогда платье — сверкает оно и переливается, словно медный лес. А в придачу дал он ей быстрого коня.

Пришла она в церковь — такая красивая, что все только диву даются. «Кто такая?» — спрашивают друг у друга. Никто и не слушает, что говорит пастор, только на нее смотрят. А принцу она до того понравилась, что он от нее глаз не мог отвести. Собралась она уходить, а принц тут как тут: бросился за ней следом, придержал дверь, и в руках у него оказалась ее перчатка. Стала она садиться на лошадь, а принц за ней.

— Откуда ты, прекрасная незнакомка? — спрашивает он.

— Из Мытой-Перемытой страны, — отвечает Кари.

А когда принц протянул ей перчатку, она и говорит:

*Спереди — свет, позади — тьма,
Не узнает принц, куда еду я!*

Принц никогда не видал таких перчаток. Он повсюду спрашивал, не знает ли кто страны, откуда приехала прекрасная дама, но ни один человек в королевстве не мог ему объяснить, где находится эта страна.

В следующее воскресенье собрались слуги нести принцу полотенце.

— Можно, я отнесу? — спрашивает Кари.

— Чего тебе там надо? — отвечает ей кухарка. — Ты ведь видела, чем однажды это кончилось.

Но Кари не отступалась и так просила, что в конце концов ей разрешили.

Бежит она вверх по лестнице, а юбка так и стучит по полу! Вышел принц, увидел, что это Кари, разорвал полотенце на куски и бросил ей в лицо.

— Убирайся отсюда, уродина! — крикнул он. — Неужели ты думаешь, я буду вытираться полотенцем, которого касались твои грязные руки?

А сам отправился в церковь. Кари тоже попросила отпустить ее в церковь.

— Чего ты там не видала, грязнуля и уродина? — спрашивают ее слуги. — Всего-то на тебе и есть, что грязная старая юбка.

Кари объяснила, что ей очень понравилась проповедь пастора, и в конце концов ей разрешили пойти в церковь.

Она тотчас отправилась к горе и постучала по ней палкой. Вышел из горы человек и дал ей платье красоты неписаной — куда до него было первому! Заткано было платье серебром и сверкало и переливалось, словно серебряный лес. А в придачу дал он ей чудесного коня с серебряной уздечкой.

Когда королевская дочка подъехала к церкви, прихожане, что стояли толпой возле церкви, раскрыли глаза от удивления. «Кто бы это мог быть?» — дивились они. Принц был тут как тут. Подбежал он к Кари и хотел поддержать лошадь, пока она сходила с нее. Но она сама соскочила с лошади и попросила принца понапрасну не утруждать себя. Уж так ее лошадь приучена, что стоит только сказать ей слово, и она встанет как вкопанная, а позовешь ее — сразу подбежит.

И они вместе вошли в церковь. Но едва ли хоть один прихожанин слышал проповедь пастора — все глаз не спускали с королевской дочки.

А принц был совсем очарован — даже больше, чем в первый раз. Вот кончилась служба, королевская дочка выходит из церкви и направляется к лошади. Принц за ней.

— Откуда ты, прекрасная незнакомка? — спрашивает он.

— Из страны Чистых Полотенец, — отвечает королевская

дочка и роняет на землю хлыст. А когда принц нагнулся за ним, говорит она ему:

*Спереди — свет, позади — тьма,
Не узнает принц, кудй еду я!*

И ускакала. А принц сколько ни спрашивал про ту страну, которую она назвала, все без толку. Ни один человек в его королевстве не знал такой страны. Так он и остался ни с чем.

В следующее воскресенье собрались слуги нести принцу гребень. Кари снова попросила пустить ее к принцу. Стали бранить ее слуги.

— Ты забыла, как носила принцу полотенце? — напомнили они ей. — И не стыдно тебе ему показаться? Погляди на себя, какая ты грязная и уродливая! Да и всего-то на тебе есть, что грязная старая юбка!

Но девушка так просила, что они под конец уступили и разрешили ей отнести принцу гребень.

Услыхал принц, как она бежит по лестнице, выскочил ей навстречу, выхватил у нее из рук гребень да как бросит ей в лицо!

— Убирайся вон! — закричал он.

А сам отправился в церковь. Кари тоже стала проситься в церковь.

— Чего ты там не видала? — спрашивают ее слуги. — Куда уж тебе, такой уродине, показываться на людях! Еще чего доброго принц или кто другой ненароком взглянет на тебя — то-то будет дело!

— Неужто им больше не на кого смотреть, кроме как на меня? — ответила Кари.

И так она их просила, что под конец уступили они и разрешили ей пойти в церковь.

И на этот раз пошла она перво-наперво к горе. Постучала по ней палкой, вышел из горы человек и дал ей платье. Красоты было то платье неписаной! Все золотое, затканное драгоценными камнями! А в придачу дал он ей быстроногого коня с вышитой золотом попоной и золотой уздечкой!

Подъехала она к церкви, а пастор и прихожане уже поджидают ее. Подбежал принц — хотел подержать коня. Но она сама соскочила на землю и говорит:

— Спасибо, нет в этом никакой надобности. Конь мой такой послушный, что стоит мне сказать ему слово, и он встанет как вкопанный.

Поспешили все в церковь, пастор взошел на кафедру, да только никто его не слушал. Все смотрели на королевскую дочку.

— Кто бы это мог быть? — удивлялись они.

А принц еще сильнее влюбился в нее, чем в прошлый раз. Он никого и ничего не видел — не сводил глаз с королевской дочки.

Но вот служба кончилась, и королевская дочка собралась уходить. Тогда принц вылил на церковное крыльцо бочку со смолой и бросился помогать Кари перейти через смоляную лужу. Но она даже не обратила на него внимания. Ступила ногой в самую середину лужи и прыгнула — только золотая туфелька осталась в смоле. Стала она садиться на лошадь, принц выбежал из церкви — и к ней.

— Откуда ты, прекрасная незнакомка? — спрашивает он ее.

— Из страны Больших Гребней, — отвечает Кари.

А когда принц протянул ей золотую туфельку, говорит ему она:

*Спереди — свет, позади — тьма,
Не узнает принц, куда еду я!*

Объехал принц чуть не полсвета и всюду спрашивал, не знает ли кто страны Больших Гребней. Но никто во всем свете не знал, где лежит эта страна. И тогда оповестил принц по всем городам, что та девушка, которой придется впору золотая туфелька, станет его женой. Из всех стран понаехали в замок невесты — и прекрасные, и безобразные, но ни одной не подошла крохотная золотая туфелька. Злая мачеха Кари тоже прибыла ко двору вместе со своей дочерью. А золотая туфелька возьми да и подойди ей! Но что это была за уродина! Вот уж сокрушался принц, что дал такое обещание! Но делать нечего — стали готовиться к свадьбе. Нарядили невесту и собрались ехать в церковь. И вдруг садится на дерево маленькая птичка да как запоет:

*Кончик пятки и конник носка,
Вся туфелька Кари
Кровью полна/*

Посмотрели, а птичка и впрямь не ошиблась — кровь так и капала из туфельки. Пришлось перемерить туфельку всем слу-

жанкам, что были в замке. Но нет, ни од юй не прилась в пору золотая туфелька!

— А где же Кари Замарашка? — спросил принц, вспомнив песенку птички, когда все перемерили туфельку.

— Ох уж эта Кари, — отвечают слуги. — Куда ей мерить туфельку! Ножища-то у нее, что у лошади!

— Все равно! Раз все примеряли, пусть и она попробует! Кари! — позвал принц, и Кари стала подниматься по лестнице. А юбка ее при этом так стучала, словно мимо промчался полк драгун.

— Подойдет туфелька — быть тебе принцессой, — насмехались над ней служанки.

Кари взяла туфельку и без всякого труда надела ее на ногу. Скинула она берестяную юбку — а под ней золотое платье! И тогда все увидели, что на другой ноге девушки надета точно такая же золотая туфелька. Принц сразу узнал ее и до того обрадовался, что давай ее прямо тут же обнимать и целовать! А когда узнал, что она королевская дочь, радости его не было конца. Тут же и свадьбу сыграли.

Делу тут всему венец, да и сказке — конец

КОРОТЫШКА

Норвежская сказка

Жили-были бедняки, муж и жена. Жили они в ветхом домишке, и ничего-то они не знали и не ведали, кроме черной нужды; голодали и холодали. И хотя ничего у них не было, да одним не обделил господь — детишками; что ни год, то новое дитя у них нарождалось. И вот опять ждали они ребенка, и нельзя сказать, чтобы муж очень радовался. Он ходил печальный и злой и говорил, что хватит уж с них Господних подарков; а когда жене пришло время родить, он отправился в лес за дровами, потому что не хотел слушать крики новорожденного.

— Еще понаслушаюсь, как есть будет просить, — сказал он.

Ушел муж, и сразу же родился прекрасный мальчик; и только он появился на свет, огляделся вокруг и говорит:

— Милая матушка, дай мне каких-нибудь обносков с моих братьев и еды на два дня. Хочу я пойти по свету попытать счастья, а то у тебя и так детей довольно.

— Что ты, сыночек, куда ты пойдешь? — отвечала мать. — Ты ведь еще маленький!

Но мальчик стоял на своем, все молил и просил. И вот мать дала ему старых лохмотьев, собрала немного еды в узелок, и, радостный и довольный, он отправился в путь.

Только он ушел, а у матери родился второй мальчик, огляделся вокруг и говорит:

— Милая матушка, дай мне каких-нибудь обносков с моих братьев и еды на два дня, а я пойду по свету искать своего близнеца-брата; у тебя и так детей довольно.

— Что ты, сыночек, ты еще мал, бедняжка, — отвечала мать. — Нельзя тебе идти.

Но мальчик стоял на своем, молил и просил, так что пришлось матери уступить. Дала она ему старых лохмотьев да еды узелок, и он смело пустился в путь искать своего брата.

Вот прошел он немного и увидел впереди своего старшего брата и стал кричать ему, чтобы он остановился.

— Подожди, — кричал он, — ты так спешишь, словно тебе за это деньги платят, неужели же ты не мог немного задержаться и поглядеть на своего младшего брата, прежде чем отправиться в путь?

Остановился старший, оглянулся, а младший догнал его и рассказал, как все было и почему он называет его братом, а потом говорит:

— Давай-ка сядем поглядим, что мать нам дала на дорогу.

Так они и сделали: поели, посидели и совсем подружились.

Вот прошли они еще немного и пришли к ручейку, который бежал по зеленому лугу, и тут младший сказал, что нужно им друг друга окрестить.

— Дома-то мы не успели, очень торопились, а имя у каждого должно быть.

— Какое ты хочешь имя? — спросил старший.

— Я хочу, чтобы меня звали Коротышкой, — отвечал брат. — А ты? Как тебя называть?

— Я хочу, чтобы меня звали Король Малютка, — отвечал старший.

Ну, окрестили они друг друга и пошли дальше. Вот прошли они еще немного и дошли до перекрестка. Тут они решили расстаться, и каждый отправился своей дорогой. Пошли-то они в разные стороны, да сразу же опять и встретились. Снова они расстались и снова встретились, а как — и сами не заметили, и в третий раз случилось то же. И тогда порешили они, что один пойдет на восток, а другой — на запад.

— А если с тобой вдруг беда приключится, — сказал старший, — крикни меня три раза, и я приду на помощь; только понапрасну меня не зови.

— Ну, тогда, видно, мы не скоро встретимся, — сказал Коротышка.

Распрощались они, и пошел Коротышка на восток, а Король Малютка — на запад.

Вот прошел немного Коротышка и повстречал старую-старую горбатую старуху, и был у нее только один глаз. Коротышка — цап! — и схватил этот глаз.

— Ой-ой! — закричала старуха. — Где же мой глаз?

— А что ты мне за него дашь? — спросил Коротышка.

— Я дам тебе меч, который победит целое войско, какое бы оно ни было, — ответила старуха.

— Ну, давай, — сказал Коротышка.

Дала ему старуха меч, а Коротышка отдал ей глаз.

Вот пошел Коротышка дальше и скоро опять повстречал старую-старую горбатую старуху, и был у нее только один глаз; не успела она оглянуться, а Коротышка — цап! — и украл у нее этот глаз.

— Ой-ой, где же мой глаз? — закричала старуха.

— А что ты мне за него дашь? — спросил Коротышка.

— Я дам тебе корабль, который может плыть по морям и рекам, по горам и долам, — отвечала старуха.

— Ну, давай, — сказал Коротышка.

Старуха дала ему кораблик, такой маленький, что Коротышка сунул его себе в карман, а он отдал ей глаз, и каждый отправился своей дорогой.

Долго-долго шел Коротышка и вот опять повстречал старую-старую горбатую старуху с одним глазом; снова украл он у нее глаз, а когда старуха стала кричать и спрашивать, что случилось с ее глазом, Коротышка сказал:

— А что ты мне за него дашь?

— Я научу тебя, как сварить сто бочек пива зараз.

Ну, хорошо, отдал он ей глаз, и каждый пошел своей дорогой. Вот прошел немного Коротышка и решил испытать свой корабль. Вынул он его из кармана и ступил на него сначала одной ногой, а потом другой; и не успел он ступить одной ногой — стал корабль намного больше, а как ступил другой ногой, стал корабль совсем большой, словно те корабли, что ходят по морю. «Плыви, мой кораблик, по морям и рекам, по

горам и долам и не останавливайся, пока не приплывешь к королевскому дворцу!» — сказал Коротышка. И тут же корабль помчался в путь прямо по воздуху, как птица, и прямо к королевскому дворцу. Там и остановился. А у окон дворца стояли люди, увидели они Коротышкин корабль, да так удивились, что выбежали посмотреть, кто это прилетел прямо по воздуху. Но пока они бежали, Коротышка сошел с корабля и сунул его снова к себе в карман, — ведь как только он сошел на берег, корабль опять стал маленький-маленький, каким он получил его от старухи. Прибежали король и свита и видят: стоит на берегу маленький мальчик в лохмотьях, и больше никого. Король спросил у Коротышки, откуда он и чей, а Коротышка ему ответил, что и сам того не знает; не мог он объяснить и того, как сюда добрался. Но он очень просил, чтобы его взяли в услужение в королевский дворец.

— Если у вас нет никакой другой работы, я буду таскать воду и дрова на кухню.

На том и порешили.

Пришел Коротышка во дворец и видит: все во дворце черное — и снаружи, и изнутри, и стены, и крыша. И спросил он у служанки, почему это так.

— Ах, сейчас я расскажу тебе, — отвечала служанка. — Наша принцесса давно уже обещана трем троллям, и вот в четверг ночью приедет за ней первый тролль. Красный Рыцарь обещался ее спасти, но никто не знает, хватит ли у него духу. Поэтому мы все так печалимся.

Вот наступил четверг, и отвел Красный Рыцарь королевскую дочь на берег моря. Сюда обещал прийти тролль, а Рыцарь должен был защищать принцессу. Но не очень-то это был страшный враг для тролля, потому что, как только принцесса села на берегу, Красный Рыцарь влез на дерево и хорошенько спрятался среди веток, так что его и не видно было. Принцесса давай плакать и рыдать и просить его, чтобы он ее не оставил. А Рыцарь и слушать не хочет.

— Лучше одному погибнуть, чем двоим, — сказал он.

А Коротышка тем временем просил и молил служанку, чтобы она ненадолго отпустила его на берег.

— Да зачем тебе? — говорила служанка. — И что тебе там делать?

— Ах, милая служанка,пусти меня туда, — отвечал Коротышка, — мне так хочется немного поиграть с другими детьми!

— Ну ладно, иди, — сказала служанка, — только обещай мне вернуться к вечеру, когда пора будет мыть кастрюли и насаживать барана на вертел. Да захвати на обратном пути большую охапку дров.

Коротышка обещал и побежал к берегу.

Только прибежал он к тому месту, где сидела королевская дочь, а тролль уже тут как тут — примчался на своем корабле, так что ветер засвистел; был он большой и такой толстый, что смотреть противно, и о пяти головах.

— Эй, ты! — закричал тролль.

— Эй, ты! — сказал Коротышка.

— Драться умеешь? — крикнул тролль.

— И не умею, так научусь, — ответил Коротышка.

Тут ударил тролль толстой железной палицей, и пыль так и взвилась на пять вершков к небу.

— Ха-ха, — засмеялся Коротышка. — Вот это удар! А теперь держись!

Схватил он меч, что дала ему горбатая старуха, и ударил тролля, и все пять голов сразу на песок покатались.

Увидела принцесса, что ее спасли, и стала прыгать и плясать от радости.

— Поспи немного у меня на коленях, — сказала она Коротышке; а пока он спал, надела на него золотую одежду.

А Красный Рыцарь, как увидел, что бояться больше нечего, тут же слез с дерева, подошел к принцессе и давай ей грозить, и грозил до тех пор, пока она не пообещала сказать, будто это он спас ее от тролля.

— А не то я тебя убью, — сказал Красный Рыцарь.

Отрезал он у тролля язык, завернул в носовой платок, положил к себе в карман и повел принцессу обратно во дворец. И тут ему стали оказывать такие почести, о каких он раньше и мечтать не смел. Король не знал, чем бы ему угодить получше, и сажал его теперь за столом рядом с собой по правую руку.

А Коротышка перво-наперво пошел на корабль тролля и увидел там много золота, серебра и разных драгоценностей; взял он все это и вернулся в королевский дворец.

Увидела служанка золото и серебро и не знала, что и подумать. Боялась она, что нечестным путем досталось ему богатство. Вот и спрашивает она Коротышку:

— Милый Коротышечка, откуда ты все это взял?

— Ах, — отвечает ей Коротышка, — это я сбегал домой,

нашел там обручи от наших старых бочек; вот я и подумал, не пригодятся ли они тебе.

Услыхала служанка, что все это Коротышка принес ей в подарок, и не стала его больше расспрашивать; и все опять стало тихо-спокойно.

В следующий четверг все было, как прежде: все ходили печальные и унылые; но Красный Рыцарь сказал, что раз он спас королевскую дочь от одного тролля, то и от других спасет, и с этими словами повел ее на берег моря. И снова он троллю ничего не сделал, потому что, как только пора было троллю показаться, Красный Рыцарь снова сказал:

— Лучше одному погибнуть, чем двоим, — и полез на дерево.

А Коротышка снова стал проситься у служанки на берег.

— Ах, ну зачем это тебе? — сказала служанка.

— Отпусти меня, — отвечал Коротышка. — Мне так хочется немного поиграть с другими детьми.

Ну, она его отпустила, да только с условием, что он вернется, когда надо будет поворачивать барана на вертеле, и еще принесет большую охапку дров.

Только ступил Коротышка на берег, а тролль тут как тут — примчался на всех парусах, так что ветер засвистел. Он был в два раза больше прежнего и о десяти головах.

— Эй, ты! — крикнул тролль.

— Эй, ты! — сказал Коротышка.

— Драться умеешь? — закричал тролль.

— И не умею, так научусь, — ответил Коротышка.

Ударил тролль железной палицей, а была она еще больше, чем у первого тролля, — и пыль так и взвилась на десять вершков к небу.

— Ха-ха! — засмеялся Коротышка. — Вот это удар. А теперь держись!

Схватил он меч, ударил тролля, и все десять голов сразу на песок покатались.

И опять сказала ему королевская дочь:

— Поспи немного у меня на коленях. — И пока он спал, надела на него серебряную одежду.

Как увидел Красный Рыцарь, что бояться больше нечего, спустился он с дерева и стал опять грозить принцессе, и грозил ей до тех пор, пока она не пообещала сказать, будто он ее спас; а потом он отрезал у тролля язык, завернул в носовой платок, положил к себе в карман и отвел принцессу во дворец. Там их,

конечно, встретили с радостью и с почетом, а король прямо не знал, как угодить Красному Рыцарю.

А Коротышка снова взял себе на корабле тролля много золота, серебра и разных драгоценностей. Как увидела все это служанка, даже руками всплеснула от удивления и спросила, откуда же он взял такое богатство.

А Коротышка ответил, что сбегал домой и нашел там обручи от старых бочек.

— Вот я и решил принести их тебе, — сказал он.

И в третий раз настал четверг, и опять было все в точности как раньше: все во дворце оделись в траур, все ходили грустные и унылые. А Красный Рыцарь опять сказал, что непонятно, почему они в такой тревоге, — раз он уже спас королевскую дочь от двух троллей, то и от третьего спасет. Отвел он ее на берег, а как пришло время показаться троллю, снова залез на дерево и спрятался там. Горько плакала принцесса и просила не покидать ее — все напрасно. Он одно повторял:

— Лучше одному погибнуть, чем двоим.

Вечером опять стал Коротышка просить служанку, чтобы она отпустила его на берег.

— Ах, да зачем тебе? — отвечала она. А он все просил и молил, и пришлось ей согласиться. И отпустила она его с условием, что он вернется к тому времени, когда надо будет поворачивать барана на вертеле.

Только ступил он на берег, а тролль — тут как тут, примчался, так что ветер засвистел. Он был намного-намного больше прежних и о пятнадцати головах.

— Эй, ты! — сказал он.

— Эй, ты! — сказал Коротышка.

— Дратся умеешь? — крикнул тролль.

— И не умею, так научусь, — ответил Коротышка.

— Я тебя научу! — закричал тролль и ударил своей железной палицей, так что пыль взвилась на пятнадцать вершков к небу.

— Ха-ха, — засмеялся Коротышка, — вот это удар. А теперь держись!

Схватил он меч, ударил тролля, и все пятнадцать голов так и покатались на песок.

Теперь принцесса была спасена, и стала она благодарить Коротышку за все, что он для нее сделал.

— Поспи немного у меня на коленях, — сказала она и, пока он спал, надела на него медную одежду. — Как бы нам доказать, что это ты меня спас? — спросила королевская дочь.

— А вот послушай, — ответил Коротышка. — Красный Рыцарь приведет тебя домой и опять скажет, будто он тебя спас, и ты знаешь, что за это он получит тебя и пол королевства в придачу. А в день свадьбы, когда тебя спросят, кто будет разливать вино, ты отвечай: «Я хочу, чтобы мне наливал вино тот мальчик, который носит воду и дрова на кухню». Как стану я наливать, я пролью одну каплю ему на тарелку, а он разозлится и ударит меня, и так будет три раза, а на третий раз ты скажи: «Как не стыдно тебе бить моего милого! Он меня спас, и за него я хочу замуж!»

Вот поспешил Коротышка обратно во дворец, а сначала забежал на корабль тролля, и опять поскорее набрал там золота, серебра и разных драгоценностей, и опять насыпал служанке полный передник золота и серебра.

А Красный Рыцарь, как только увидел, что бояться больше нечего, спустился с дерева и снова стал грозить королевской дочери, и грозил до тех пор, пока она не пообещала сказать, будто он ее спас. Потом он привел ее во дворец, а там ему стали оказывать еще больше почестей, чем раньше: король только о том и думал, как бы угодить тому, кто спас его дочь от всех троллей.

— Ну что ж, бери ее и полкоролевства в придачу, — сказал он Красному Рыцарю.

И вот в день свадьбы принцесса попросила, чтобы вино за столом разливал тот мальчик, который носит дрова и воду на кухню.

— Ах, зачем тебе этот оборванец? — сказал Красный Рыцарь.

Но принцесса все просила, чтобы вино разливал только он и никто другой, и пришлось Рыцарю согласиться. А потом все было так, как порешили принцесса с Коротышкой: он трижды пролил по капле вина на тарелку Красного Рыцаря, и каждый раз Рыцарь очень сердился и бил его. Ударил первый раз — и упали с Коротышки лохмотья, которые он носил на кухне, ударил во второй — упала с Коротышки медная одежда, а после третьего удара — с него упала серебряная одежда, и он стоял весь в золоте и так блестел, что смотреть было больно.

Тут королевская дочь сказала:

— Как не стыдно тебе бить моего милого. Он меня спас, и за него я хочу замуж!

Красный Рыцарь клялся и божился, что это он ее спас. А король сказал:

— Тот, кто спас мою дочь, должен это доказать!

Ну, Красный Рыцарь поскорей побегал и принес носовой платок, где лежали языки троллей, а Коротышка принес золото, серебро и разные драгоценности, которые нашел у троллей на корабле. И каждый выложил все перед королем.

— У кого столько золота, серебра и драгоценностей, тот и убил тролля, — сказал король. — Больше такого богатства негде взять.

И вот Красного Рыцаря бросили в колодец к змеям и чудищам, а Коротышке досталась королевская дочь и полкоролевства в придачу.

Раз пошли король с Коротышкой погулять, и тут Коротышка спросил, нет ли у короля еще детей.

— Ах, — отвечает король, — была у меня еще одна дочь. Только ту спасти было некому, и ее забрал тролль. Я отдал тебе свою дочь, а если ты спасешь и другую, я и ее отдам тебе и вторую половину королевства в придачу.

— Что ж, надо попробовать, — сказал Коротышка, — только для этого мне нужна железная цепь в пятьсот вершков да еще пятьсот человек и еды для всех на пятнадцать недель, потому что мне придется далеко за море плыть.

— Ну что ж, хорошо, — отвечал король. Только он не понимал, откуда Коротышка возьмет такой корабль, на котором все это поместится.

— А корабль уже есть, — отвечал Коротышка и вынул из кармана тот кораблик, что дала ему одноглазая старуха.

Король посмеялся и подумал, что Коротышка шутит. А Коротышка ему в ответ:

— Дай мне то, о чем прошу, и тогда увидишь.

Исполнили его просьбу, и тут Коротышка велел перво-наперво положить цепь на корабль. Только этой цепи никто и поднять не мог, да и подступиться к кораблю трудно было — уж очень он был мал. Тогда Коротышка сам взял цепь, закинул одно звено на кораблик, потом другое и так все дальше и дальше закидывал. А кораблик становился все больше и больше, так что наконец стал совсем большой, и пятьсот человек, и цепь, и Коротышка, и еда — все там уместилось.

— А теперь, кораблик, плыви по морям и рекам, по горам и долам и не останавливайся, пока не доплывешь до царской дочери, — сказал Коротышка, и корабль тут же полетел, словно птица.

Вот заплыли они далеко-далеко, и остановился корабль посреди моря.

— Ну, приехать приехали, — сказал Коротышка. — А вот как выбираться отсюда будем — этого я пока не знаю.

Взял он железную цепь и обмотался одним концом вокруг пояса.

— Я сейчас опущусь на дно, а как дерну за цепь — вы все навалитесь и тяните, не то нам отсюда живыми не выбраться. — И с этими словами он нырнул на дно, так что только пузыри по воде пошли. Опускался он, опускался все глубже и глубже и попал наконец на дно. И видит: стоит высокая гора, а в ней — дверь. Вошел он в эту дверь, а за ней вторая королевская дочь сидит и шьет. Увидела она Коротышку и руками всплеснула.

— О Господи! — говорит. — Да ведь я живой души не видела с тех пор, как сюда попала.

— А я за тобой, — говорит Коротышка.

— Что ты, — отвечает принцесса, — об этом и думать нечего; как увидит тебя тролль, так сразу убьет.

— Вот хорошо, что ты о нем вспомнила, — говорит Коротышка, — где же он? Интересно взглянуть!

Тут королевская дочь рассказала, что тролль пошел поискать того, кто может сварить сто бочек пива зараз: сегодня у тролля будут гости, и меньшим никак не обойтись.

— Что ж, я могу сварить, — говорит Коротышка.

— Ах, если бы тролль был не такой горячий, я бы ему все сказала, — отвечает принцесса. — Только он ведь и слушать не станет, а сразу разорвет тебя на куски, вот я чего боюсь; но я все же попробую. Спрячусь пока за дверь, и поглядим, что будет.

Ну, Коротышка ее послушался, и только он спрятался за дверь, а тролль уже тут как тут.

— Фу, чую кровь христианскую, — говорит тролль.

— Ах, это над крышей птичка пролетала и человечью ногу в клюве держала, да в трубу и уронила. Я ее поскорей убрала, а запах-то остался.

— Ну хорошо, — отвечает тролль.

Тут принцесса его и спросила, нашел ли он того, кто может сварить сто бочек пива.

— Нет, никто не умеет, — отвечает тролль.

— Ах, тут только что был один человек, и он говорил, будто может это сделать.

— Ну вот когда сообразила, — отвечает тролль. — Чего же ты отпустила его? Ведь знала, как он мне нужен!

— Нет, я его не отпустила, — говорит королевская дочь. — Да только ты такой горячий, вот я и спрятала его. И думаю — если ты другого не найдешь, так он тебе и пригодится.

— Пусть покажется, — говорит тролль.

Вышел Коротышка, а тролль у него спрашивает, правда ли, что он может сварить сто бочек пива зараз.

— Хорошо, что ты мне попался, — говорит. — Начинай-ка поскорее, да смотри, чтобы пиво крепкое было!

— Не беспокойся, — отвечал Коротышка и тут же принялся варить пиво. — Только мне нужны еще тролли в помощь, — говорит, — да побольше, а то не справиться.

Ну, дал ему тролль помощников, да так много, что все вокруг кишмя кишело троллями, и начали они варить пиво.

Вот приготовили они сусло и, конечно, решили попробовать; сначала сам тролль, а потом все остальные. А Коротышка сварил такое крепкое сусло, что тролли попробовали его, да тут же замертво и свалились. Только и осталась всего-навсего одна старая старушка, что лежала за печкой.

— Ах, бедняжка, надо и тебе отведать сусла, — сказал Коротышка, наскреб остатки и дал ей глотнуть. Так он от всех от них и избавился.

Огляделся он вокруг и увидел большой-большой ящик. Наложил он туда золота и серебра доверху, обвязался цепью, обвязал ящик и принцессу и как дернет изо всех сил. Тут команда их и вытянула.

Ступил Коротышка на борт и говорит:

— Плыви, мой кораблик, по морям и рекам, по горам и долам и не останавливайся до тех пор, пока не приплывешь к королевскому дворцу. — И корабль тут же поплыл так, что волны побежали в разные стороны.

Увидели во дворце корабль, и все выбежали навстречу с музыкой и с песнями, а больше всех радовался сам король, потому что он нашел свою вторую дочь.

Только Коротышка был печален, потому что обе принцессы хотели за него замуж, а ему нужна была одна, та, которую он раньше спас, — младшая дочь короля. И он все ходил и думал, как бы ему жениться на младшей и старшую не обидеть. И вот однажды ходил он так и думал, и пришло ему в голову, что, если бы здесь был брат его, Король Малютка, все было бы хорошо. Ведь Король Малютка так на него похож, что отличить невозможно, и ему досталась бы старшая дочь и полкоролевств-

ва в придачу. А самому Коротышке и одной половины было довольно. Только он так подумал, вышел он из дворца и крикнул Короля Малютку. Но никто не пришел. Крикнул он во второй раз чуть погромче — и опять никого. Тогда Коротышка крикнул в третий раз изо всех сил — и брат был тут как тут.

— Я говорил тебе, чтобы ты не звал меня понапрасну, — сказал он Коротышке. — А здесь тебя, я вижу, комар не обидит. — И он так ударил Коротышку, что тот повалился на землю.

— Как не стыдно тебе драться, — говорит Коротышка. — Лучше послушай сначала: я получил принцессу и полкоролевства в придачу, а потом вторую принцессу и еще полкоролевства. Вот я и думаю отдать тебе принцессу и полкоролевства. И, по-твоему, это не серьезное дело?

Как услышал это Король Малютка, тут же стал просить у Коротышки прощения, и снова они стали добрыми друзьями.

— Слушай дальше, — сказал Коротышка. — Ты так на меня похож, что и отличить невозможно. Оденься в мое платье и иди во дворец, и принцессы подумают, что это я. Какая первая тебя поцелует, ту и бери себе. А мне другая достанется.

Знал он, что старшая дочь сильнее младшей, и все заранее сообразил.

Король Малютка долго себя просить не заставил; надел он Коротышкино платье и пошел во дворец. Вошел он к принцессам, а они подумали, что это Коротышка, и побежали ему навстречу; только старшая была больше и сильнее, оттолкнула она сестрицу, обняла Короля Малютку и поцеловала; и женился он на ней, а Коротышка — на младшей. Ну и, конечно, не обошлось дело без свадьбы, да такой, что шла о ней молва по семи соседним королевствам!

РАСТРЕПА

Норвежская сказка

Жили-были король с королевой, а детей у них не было, и это так печалило королеву, что она почти все время плакала. Часто-часто она горевала, что так тихо и скучно в королевском дворце.

— Вот если бы у нас были дети, все было бы по-другому, — приговаривала она.

Все свое королевство объездила королева и видела, что каждой самой бедной семье Господь послал деток. И куда бы она ни заходила, она всегда слышала, как матери бранят своих детей и кричат, что они их не слушаются. Королева думала: «Ах, как им весело», — и ей самой тоже хотелось бранить своих детей.

Наконец король и королева взяли в королевский дворец чужую девочку, они хотели воспитывать ее и, когда надо, бранить, как свою собственную.

Однажды приемная дочь короля прыгала в саду возле дворца и играла золотым яблоком. И вот к воротам сада подошла бедная женщина, а с нею маленькая девочка. Прошло немного времени, и бедная девочка с королевской дочкой подружились, стали вместе играть и перебрасываться золотым яблоком. Увидела это королева, которая сидела во дворце у окошка, и постучала пальцем по стеклу, чтобы приемная дочь поднялась к ней. Приемная дочь пошла, а бедная девочка за нею, и вошли они в покои королевы, держась за руки.

Королева принялась бранить свою дочь.

— Не пристало тебе играть и прыгать с грязной нищенкой, — сказала она и хотела выгнать оборванку.

— Если бы королева знала, что может сделать моя матушка, она бы не гнала меня, — сказала девочка; и когда королева стала ее расспрашивать, она рассказала, что ее мать может сделать так, чтобы королева родила ребенка. Королева не верила, но девочка стояла на своем и говорила, что это чистая правда, а если королева хочет убедиться, пусть позовет сюда ее мать.

Что же, послала королева оборванку за матерью.

— Ты знаешь, что говорит твоя дочь? — спросила она нищенку, когда та вошла к ней.

— Нет, не знаю, — отвечала та.

— Она говорит, что ты можешь сделать так, чтобы я родила, — сказала королева.

— Не пристало королеве слушать рассказы маленькой нищенки, — ответила женщина и ушла.

Королева разгневалась и снова принялась гнать нищую девочку прочь, но та стояла на своем и говорила, что все это — чистая правда.

— Пусть королева только поднесет чарочку моей матери. Матушка развеселится и все расскажет, — говорила девочка.

Королева решила попробовать; снова позвала нищенку и

вдоволь угостила ее вином и медом; скоро язык у той и вправду развязался.

Тут королева опять стала ее расспрашивать.

— Я могу дать тебе один совет, — сказала нищенка. — Пусть вечером, когда ты будешь ложиться спать, к тебе внесут две лоханки с водой. Вымойся в этой воде и потом выплесни ее под кровать. А поутру, когда ты заглянешь туда, ты увидишь там два цветка — один прекрасный, другой — безобразный. Прекрасный — съешь, а безобразный оставь, — да только не забудь! — сказала нищенка.

И вот королева сделала все, как ей советовала женщина. Она приказала внести две лохани воды, вымылась и вылила воду под кровать, а когда заглянула туда поутру, там стояли два цветка — один был гадкий и безобразный, и лепестки у него были черные, а другой был светлый и такой прекрасный, что подобного ему она никогда не видела. И она тут же съела цветок. Но он был такой вкусный! И королева не удержалась и съела другой тоже. «Ну, что мне от этого сделается?» — подумала она.

Прошло некоторое время, и вот у королевы начались роды. Сначала она родила девочку, которая держала в руке поварешку и сидела верхом на козле. Она была гадкая и безобразная и, как только появилась на свет, сразу закричала: «Мама!»

— Ох, раз я твоя мама, так пусть Господь сжалится и поможет мне! — сказала королева.

— Не печалься, сейчас ты увидишь другую, она покрасивее, — ответила новорожденная.

Скоро появилась еще одна девочка. И она была такая милая и красивая, что никто еще никогда не видел ей подобной; ну и понятно, что королева полюбила ее.

Старшую девочку называли Растрепой, потому что она была такая некрасивая и растрепанная. На голове она носила старый колпак, из-под которого висели спутанные космы. Королева и видеть-то ее не хотела, и служанки пытались запереть ее в дальней комнате, но ничего из этого не получилось: где бы ни была младшая — старшей нужно было туда же, и никому не удавалось их разлучить.

Вот обе девочки подросли. И однажды в ночь под Рождество на балконе перед комнатой королевы поднялся ужасный шум и гам. Растрепа спросила, что это гремит и шумит на балконе.

— Ах, никогда об этом не спрашивай, — отвечала королева.

Но Растрепе не отставала, ей обязательно нужно было все знать, и наконец королева поведала ей, что это троллихи справляют свой рождественский праздник. И решила Растрепе пойти и разогнать их, и как ее ни просили, как ни молили — ничего не помогало, она отправилась разгонять троллих. Но она просила королеву обязательно закрыть все-все двери, нигде не оставлять ни единой щелки. Вот взяла она свою поварешку и принялась гнать и пугать троллих, и на балконе поднялся такой шум, какого ты никогда не слыхивал. Все гремело и трещало, как будто дом вот-вот обвалится. И как это случилось, не знаю, да только одна дверь чуть-чуть приотворилась — тут младшая сестра захотела взглянуть, что делается с Растрепой, и просунула в щель свою головку. Раз! — к ней подскочила троллиха, отхватила голову принцессы, а вместо нее приставила телячью морду, и принцесса тут же принялась ползать на четвереньках и мычать. Когда Растрепе вернулась и увидела свою сестру, она стала ругаться и браниться, что принцессу не уберегли, и спрашивала, неужели им нравится, что сестра превратилась в теленка.

— Но я постараюсь ее спасти, — сказала она.

Она потребовала у короля корабль с полным снаряжением; но ни рулевого, ни матросов брать с собой не хотела, а хотела отправиться в путешествие с одной только сестрой. Делать было нечего, пришлось королю согласиться.

Растрепе вышла в море и направились прямо к стране троллих и, когда подъехала к пристани, велела сестре оставаться на корабле и вести себя тихо-тихо, а сама села верхом на своего козла и поскакала ко дворцу троллих. Прискакала туда и видит: одно окно открыто, а на подоконнике стоит голова ее сестры. Подскочила она прямо к окну, схватила голову и поскакала прочь. Троллихи — за нею и хотели отнять голову — окружили ее, толпятся, теснятся. Но козел давай брыкаться и бодаться, а сама Растрепе — ну колотить их поварешкой, и пришлось троллихам отступить. А Растрепе вернулась на корабль, сняла с плеч сестры телячью морду и приставила ей настоящую голову, и стала сестра опять человеком. И поплыли они далеко-далеко, к незнакомой стране.

Король этой страны был вдовец, и был у него один-единственный сын.

Увидел король незнакомый корабль и послал людей на берег узнать, откуда этот корабль и кто его хозяин; но, когда королевские слуги поднялись на палубу, они не увидели там ни одной живой души, кроме Растрепы; она скакала взад-вперед на козле, а космы ее

так и развевались по ветру. Удивились королевские слуги и спросили, есть ли кто-нибудь еще на корабле.

— Да, — отвечала Растрепа, — со мною моя сестра.

Слуги захотели поглядеть на сестру, но Растрепа не разрешила.

— Никто ее не увидит, — сказала она, — пока сюда не придет сам король, — и давай скакать на своем козле, так что палуба загремела.

Вернулись люди во дворец, рассказали о том, что видели и слышали, и решил король сейчас же посмотреть на Растрепу. Когда он пришел на корабль, Растрепа вывела сестру на палубу, и была она такая прекрасная и милая, что король тут же влюбился в нее до безумия. Он увел обеих сестер во дворец и хотел жениться на младшей, а Растрепа и говорит:

— Нет, не женишься ты на ней, пока твой сын не возьмет меня в жены.

Понятно, что королевский сын не хотел жениться на безобразной, гадкой Растрепе. Но так долго уговаривал его король и все в королевстве, что он наконец уступил и согласился взять ее в жены, но согласился он не по доброй воле и был очень печален.

Ну, стали готовиться к свадьбе, печь, жарить и пиво варить, а когда все было сделано, поехали в церковь; ехал принц в церковь и думал, что никогда еще эта дорога не была для него такой тяжелой. Сначала проехал король со своей невестой; она была такая прекрасная и милая, что все останавливались и смотрели ей вслед, покуда глаз хватало. Потом проехал принц со своей Растрепой; она сидела на коале и держала в кулаке поварешку; и, глядя на Принца, можно было подумать, что он идет на похороны, а не на свою собственную свадьбу — такой он был грустный и молчаливый.

— Почему ты молчишь? — спросила Растрепа, когда они немного проехали.

— А о чем мне говорить? — ответил ей принц.

— Ты мог бы спросить, почему я еду на противном козле, — сказала Растрепа.

— Почему ты едешь на противном козле? — спросил королевский сын.

— Разве это противный козел? Это самый прекрасный конь, на таком еще никогда не сидела ни одна невеста, — отвечала Растрепа, и в ту же минуту козел превратился в коня, и конь был так строен и красив, что принц никогда не видал ему подобного.

Вот проехали они еще немного, а принц по-прежнему печален и не может произнести ни слова. И опять Растрепа спроси-

ла, отчего он молчит, а он ответил, что не знает, о чем говорить; и тогда Растрепа сказала:

— Ты мог бы спросить, зачем я держу в руке эту безобразную поварешку.

— Зачем ты держишь в руке эту безобразную поварешку? — спросил королевский сын.

— Разве это безобразная поварешка? Это прекраснейший серебряный веер, каким когда-нибудь обмахивалась невеста, — сказала Растрепа, и тут же поварешка превратилась в серебряный веер, который так блестел, что глазам было больно.

Вот проехали они еще немного, а королевский сын по-прежнему печален и не говорит ни слова. И опять спросила его Растрепа, отчего он молчит, и на этот раз велела ему спросить, зачем у нее на голове безобразный старый колпак.

— Зачем у тебя на голове безобразный старый колпак? — спросил королевский сын.

— Разве это безобразный колпак? Это прекраснейший золотой венец, какому позавидует любая невеста, — ответила Растрепа, и тут же колпак превратился в венец.

И снова они поехали дальше, и опять принц был печален и не говорил ни слова, как и прежде. И опять спросила невеста, почему он молчит, и велела ему спросить, отчего у нее такое серое и безобразное лицо.

— Да, правда, отчего у тебя такое серое и безобразное лицо? — спросил королевский сын.

— Разве я безобразна? По-твоему, сестра моя красива, но я еще в десять раз красивее, — сказала невеста. Взглянул на нее королевский сын и видит: перед ним девушка такая прекрасная, что подобной ей не сыскать в целом свете. Ну, тут принц, конечно, разговорился и дальше уже не ехал с поникшей головой.

Вот сыграли они свадьбу, пировали долго и весело, а потом король и принц, каждый со своей невестой, отправились к отцу принцесс и там снова сыграли свадьбу и пировали так долго, что и конца свадьбе не было. И если ты поспешишь в королевский дворец, может быть, тебе еще достанется капелька свадебного пива.

ДОБРЫЙ ДРУГ

Датская сказка

Жил-был старик, и был у него один-единственный сын, и звали того сына Иоханнес. Вот заболел старик и пошит, что пришел его смертный час. Опечалился сын, а отец ему сказал:

— Ничего-то я тебе не оставлю в наследство, только семь марок. Эти семь марок будут тебе на дорогу, да еще продай наши старые пожитки, чтобы было на что меня похоронить.

Сказал он так и умер. Продал Иоханнес старые пожитки, похоронил отца, взял семь марок и отправился в путь-дорогу.

Шел он долго, и вот как-то вечером поднялась непогода, и он укрылся от дождя возле церкви. И вдруг увидел, что двое вырыли гроб из могилы и выбросили из него мертвеца. Рассердился Иоханнес, подошел к ним и сказал:

— Зачем вы бедного мертвеца обижаете? Грех-то какой!

А они ответили:

— Этого ему еще мало. Он нам деньги задолжал, а сам взял и умер. Мы одежду с него сымем да гроб на дрова спилим, хоть часть долга выучим.

— И не стыдно вам? — сказал Иоханнес. — Много ли он вам задолжал?

Оказалось, он задолжал им семь марок. Иоханнес подумал: «У меня всего-то семь марок за душой». Но он вспомнил своего отца, ведь и с ним так могли обойтись, и отдал незнакомцам семь марок, чтоб только оставили мертвеца в покое. Ушли они, а Иоханнес уложил мертвеца в гроб, опустил гроб в могилу и землей забросал. А тем временем буря утихла, рассвело, и он пошел дальше в путь.

Шел он лесом и вдруг услышал голос:

— Куда идешь?

И увидел он — стоит перед ним молодец чуть постарше него.

— Иду я куда глаза глядят, — отвечал Иоханнес. — Денег у меня нет, но надо попытаться счастья.

— А можно мне с тобой? — спросил незнакомец.

— Почему же нельзя, — сказал Иоханнес. — А как тебя звать?

— Называй меня Другом, — отвечал тот.

И пошли они дальше вместе. Шли они, шли и увидели старушку, которая несла большую вязанку хвороста. Несла она вязанку, да вдруг споткнулась, упала и ногу сломала. И доброму Иоханнесу захотелось ей помочь.

— Хорошо, — сказал Друг. Подошел он к старушке и спрашивает:— Отдашь мне хворост?

Не хотелось старушке хворост отдавать, ведь она домой его несла, печку топить. А Друг ей и говорит:

— Отдай мне хворост. Домой-то тебе со сломанной ногой все равно не дойти.

Заплакала старушка, запричитала.

— Ладно, — говорит, — забирай себе хворост. Только неужели ты мне не поможешь?

— Сперва ты мне хворост отдай. А я за это дам тебе бутылочку, в ней еще на доньшке масло осталось, и тем маслом ты ногу намажь.

Друг взял хворост, сложил в мешок, взвалил на спину, и они пошли дальше, а старушку оставили. Жалко стало Иоханнесу старушку. Друг ему и говорит:

— Дойдет она сама до дому, за нее не беспокойся.

Иоханнес оглянулся и видит: встала старушка на ноги и пошла. Значит, то масло сразу ногу ей вылечило.

Пошли они дальше и поднялись на гору, чтоб вокруг поглядеть. А в вышине орел с соколом схватились, да так, что оба замертво наземь упали. Взял Друг орла, отрезал у него крылья, а у сокола лапки отрезал и все вместе к себе в мешок сложил.

— Зачем это тебе? — спрашивает Иоханнес.

— Пригодится, сам увидишь, — отвечает Друг.

Пошли они дальше и к вечеру пришли на постоянный двор. Сели пить и есть и слышат, на улице шум поднялся.

— Что такое? — спрашивают.

— Ах, — ответил им хозяин. — Это принцесса, нашего короля дочка едет. Она злая, как ведьма, ее заколдовали. Красивая она, краше в целом свете не сыскать, и женихов у нее перебывало видимо-невидимо, и всё короли да принцы. Только она всем велит отгадать три раза, про что она думает, и кто не отгадает, того вешают у нее в саду на дереве. Уже у нее в саду ни цветочка не осталось, только кости лежат и вороны над ними вьются.

Рассказал им это хозяин, а тут мимо как раз принцесса на белом коне проехала. Седло под ней было золотое, уздечка золотая, и волосы золотые падали до самой земли. Увидел ее Иоханнес, понравилась она ему, и он сказал Другу, что хочет отгадать три раза, про что она думает. Друг стал его отговаривать, а он ни в какую. Пошел он во дворец и доложил королю и принцессе. Принцесса спросила:

— Можешь ты угадать, про что я думаю?

— Могу, только дай мне сроку до утра.

Пошел он домой и рассказал все Другу.

— Что делать, не знаю, — говорит.

— Ложись-ка ты спать, — сказал ему Друг. — Утро вечера мудренее. Может, что во сне увидишь.

Лег Иоханнес спать, и Друг тоже лег спать. Но не успел Иоханнес заснуть, Друг встал и раскрыл свой дорожный мешок. Достал он оттуда крылья орлиные и лапки соколиные, к себе привязал, взял в каждую руку по хворостинке и полетел к принцессиному окну. Только он к нему подлетел, распахнулось окно, и сама принцесса оттуда вылетела. Друг за ней и ну ее по спине стегать. Стала принцесса ахать и охать.

— Какой град, какой град! — приговаривает.

Прилетели они к горе. Принцесса постучалась. В горе открылась дверца, принцесса — туда, а Друг — за нею.

Вышел навстречу принцессе тролль. Голова громадная, не меньше туловища, уши прямо на лбу растут, а глаза большущие, как тарелки.

Стала ему принцесса жаловаться на непогоду, такой, мол, град, такой град, мол, она насилу до горы добралась.

— Добралась, и ладно, — сказал тролль. — Здесь и отдохнешь.

И увел ее за собою. А Друг обратился невидимкой и — за ними. Вошли они в огромную залу, и в той зале собралось многое множество всяких тварей, львы, жабы, ящурь и еще разные гады ползучие. В зале стоял трон, и тролль с принцессой сели на этот трон, а звери пустились в пляс. Тролль схватил принцессу и тоже в пляс пустился. А Друг рядом вертится, чтоб ни единого слова не пропустить.

Потанцевали они, и принцесса сказала троллю, что у нее новый жених.

— Присоветуй, — говорит она троллю, — про что мне думать?

— Думай про свои перчатки, — сказал тролль.

Потанцевали они еще немного, и она собралась домой. Тролль ее вывел из горы, запер выход, а Друг за ней выйти успел. И всю дорогу хлестал ее так, что даже одну хворостинку об нее сломал. Она ахала, охала, насилу до своего окна долетела.

А Друг вернулся на постоянный двор и лег в постель.

Наутро проснулся Иоханнес печальный. Ничего он не увидел во сне и спросил у Друга, может, тот что увидел?

— Как же, — ответил Друг. — Попробуй скажи ей, что она думает про свои перчатки.

Иоханнес пошел во дворец. Принцесса спросила:

— Ну, про что я думаю?

— Про свои перчатки, — сказал Иоханнес.

Удивилась принцесса, испугалась, но делать нечего, пришлось ей сознаться, что он угадал. И велела она ему к утру опять отгадать, про что она думает.

Все случилось, как прежде. Ночью Друг встал, прикрепил крылья орлиные, лапки соколиные и полетел к принцессинному окну. Вылетела из окна принцесса, полетела опять к горе, а он ее всю дорогу хворостиной стегал. Опять она танцевала с троллем, и тролль присоветовал ей думать про свои башмачки.

Проснулся утром Иоханнес и спрашивает, не приснилось ли Другу, про что принцесса думает.

— А как же, — ответил Друг. — Попробуй скажи ей, что она думает про свои башмачки.

Так Иоханнес и сделал. И опять принцесса испугалась. Слышанное ли дело, прежде никто ее мыслей не отгадывал. И велела она ему к утру в третий раз отгадать, про что она думает.

На третью ночь Друг взял с собою последние хворостины, какие у него еще остались, и так отстегал принцессу, что она прилетела к горе чуть жива. Прилетела и говорит троллю:

— Град такой, просто ужас! Да вдобавок мой жених снова отгадал, про что я думаю!

— Плохи наши дела, — ответил тролль. — Но ничего, нынче мы такое придумаем, что ему вовек не отгадать, а пока давай веселиться!

И стали они танцевать. Друг боялся, что не расслышит, как тролль будет ей про ее мысли говорить, и все время рядышком кружился. Вот отплясали они свое, и тролль повел ее к выходу. Друг подумал: «Сейчас он скажет, про что ей надо думать!»

А тролль проводить ее проводил, а сказать ничего не сказал. Вылетела принцесса, полетела, а тролль — за нею. Тут уж пришлось Другу потрудиться, взял он в каждую руку по хворостинке и стегал их обоих что было мочи. Охали они, ахали, насилу добрались до принцессинового окна.

Друг подумал: «Неужели же я не расслышал, как он ей про ее мысли говорил? Вот беда!»

А тролль тут и шепнул:

— Думай про мою голову!

И в тот же миг Друг на него кинулся, схватил за уши громадные, тряхнул, выхватил ножик, чуть полоснул по шее —

голова сразу от туловища и отвалилась. Гадкий у нее был вид, смотреть тошно. Взял Друг платок, завернул в него поганую голову, побежал на постоянный двор, узелок рядом с кроватью положил и прикинулся, будто спит.

Утром проснулся Иоханнес, спросил, не видал ли Друг чего во сне, и Друг ответил:

— Возьми этот узелок и неси к принцессе. Как спросит она, про что думает, отвечай: «Про то, что у меня в узелке». Только до той поры в узелок не заглядывай.

Взял Иоханнес узелок и пошел во дворец. Вошел он к королю с принцессой, а она глядит на него так важно и спрашивает:

— Ну, про что я думаю?

— Про то, что у меня в узелке, — сказал Иоханнес.

Раскрыл он узелок да как закричит, а принцесса и все ее фрейлины в обморок упали, и сам король перепугался до смерти. На принцессу и фрейлин водой попрыскали, и они очнулись. Делать нечего, пришлось принцессе сознаться, что про эту самую голову она и думала. И стали готовить свадьбу.

Все надеялись, что принцесса теперь будет добрая, но не тут-то было, она осталась злая, как была прежде. Сыграли свадьбу, а на другой день Иоханнес и говорит Другу:

— Не знаю, как быть, что с ней делать!

А Друг ему в ответ:

— Поставь возле кровати лохань с водой. И как станете в постель ложиться, окуни ее три раза в лохань, только ничего не бойся.

И вот Иоханнес велел служанкам внести в спальню большую лохань с водой. Увидела принцесса лохань, вся позеленела, глаза выкатила и ну плевать, словно ведьма. А Иоханнес думает: «Ничего, я тебя не боюсь! Я тебя искупаю!»

Окунул он ее один раз, и обернулась она огромной уткой и начала биться, щипать его, да только он ее схватил и снова окунул. И обернулась она белой лебедью. Схватил он ее и в третий раз окунул, и обернулась лебедь опять принцессой. И чары с нее спали, и стала она опять добрая.

Утром к ним пришел Друг. Обрадовался Иоханнес и говорит:

— Теперь у нас все хорошо!

А принцесса стала Друга уговаривать, чтоб никуда не уходил, у них остался.

— Нет, — сказал Друг. — Не могу я у вас остаться. Больше мне на земле делать нечего. Теперь-то я могу тебе признаться, кто я. Я дух того мертвеца, которого ты схоронил, за которого

долг отдал. Вот я и оплатил тебе за твое добро, ты женился на принцессе, а мне пора обратно, к мертвым.

Сказал он так и сразу исчез, только они его и видели. А Иоханнес получил еще полкоролевства в придачу к принцессе, и, когда умрет ее отец, он станет королем над всей страной.

ЗОЛОТОЙ ФОНАРИК, ЗОЛОТОЙ КОЗЕЛ И ЗОЛОТАЯ ШУБА

Шведская сказка

Жила-была бедная вдова, и было у нее три сына. Старшие зарабатывали себе на пропитание, а дома проку от них мало было, они матери не помогали, зато младший, что мать ни попросит, все исполнял. И мать за то очень его любила, а старшие братья на него злились и между собой прозвали его Пинкель-Замухрышка.

Вот однажды сказала вдова сыновьям:

— Пора вам по белу свету идти счастья искать. Я стара стала, а вы уже взрослые.

Что же, раз так, пришлось братьям согласиться. Собрались они в дорогу и пошли по белу свету.

Шли они, шли и пришли к большому озеру. А посреди того озера остров был, а над островом сияние, словно от костра. Смотрели братья на то сияние, смотрели, да и решили, что, видно, на острове люди живут, огонь жгут. Вот стемнело, а укрыться братьям негде было, и взяли они лодку, что в тростниках стояла, и поплыли к острову. Высадились они на острове и видят — у самого берега избушка стоит.

Подошли они к избушке, а на крыльце фонарик висит золотой, от того-то фонарика и шло сияние, что они с берега заметили. А по двору козел ходит, а рога у него чистого золота, а к рогам колокольца привешены и чудно звенят. Удивились братья, а еще пуще они удивились, когда хозяйку увидели, была она старая и безобразная, но в такую шубу одета, что сияла та шуба как чистое золото. И поняли братья, что не к простому они жилью пришли, а живет тут троллиха.

Подумали они немного и вошли в избушку. Там хозяйка стояла у очага и поварешкой в котле мешала. Поздоровались они и попросились на ночлег. А хозяйка им в ответ:

— Зачем вам у меня оставаться, идите-ка лучше в королевский замок.

Сказала она так и на другой берег показала, а сама посмотрела на младшего, как он стоит и всю избу оглядывает, и спросила:

— Как тебя зовут?

Он ей ответил:

— Меня зовут Пинкель.

И сказала троллиха:

— Пускай твои братья уходят подобра-поздорову, а ты оставайся. Ты малый, я вижу, не промах, а коли уйдешь в королевский замок, мне от тебя мало проку будет.

Стал Пинкель ее просить, чтоб она его тоже отпустила. Ну, разрешила она ему уйти, и все трое братьев рады-радешеньки, что унесли ноги, сели в лодку и поплыли по озеру.

К утру они добрались до замка, и оказался тот замок большой и пышный, какого они в жизни не видывали. Старших взяли на службу в королевскую конюшню, а младшего — слугой к королевичу. Но Пинкель был проворный и ловкий, и скоро сам король его полюбил. А братья ему завидовали и стали думать, как бы его извести.

Вот пошли они к королю и рассказали про чудесный фонарик, что сияет над водой и над берегом. Мол, не у троллихи в избе ему висеть, а в королевском дворце.

Услыхал про это король и спрашивает:

— Где такой фонарик горит и как бы мне его раздобыть?

Братья ему в ответ:

— Раздобыть его может только наш меньшой брат Пинкель. Он-то знает, где фонарик горит.

Захотелось королю получить волшебный фонарик, послал он за Пинкелем и ему сказал:

— Если добудешь мне тот фонарик, что сияет над водой и над берегом, я тебя первым человеком у себя во дворце сделаю.

Пообещал Пинкель исполнить королевскую волю, король похвалил его за верную службу, а братья обрадовались — они-то знали, как трудно будет фонарик добыть.

Сел Пинкель в лодку и поплыл к тому острову, где жила троллиха. Приплыл он к острову вечером, и троллиха на ужин кашу варила. Залез Пинкель потихоньку на крышу и в трубу целую пригоршню соли бросил, она прямо в котел и попала.

Сварила старуха кашу, попробовала, а каша пересолена, есть нельзя, удивилась старуха, да делать нечего. Кликнула она

дочку и за водой к ручью послала, чтоб, значит, новую кашу сварить. А дочка ей в ответ:

— Как же я до ручья-то дойду? Гляди, какая тьма на дворе!

— А ты возьми золотой фонарик, — сказала троллиха.

Взяла девушка золотой фонарик, что висел на крыльце, и побежала за водой. Только она над ручьем нагнулась, чтоб воды зачерпнуть, а Пинкель — тут как тут, схватил ее за ноги и бросил в воду. А сам взял фонарик и поскорей к лодке.

Ждала-ждала троллиха дочку, а дочки нет и нет. Выглянула она в окно и видит — фонарик-то уже далеко над озером сияет,. Испугалась троллиха, выбежала за дверь и давай кричать:

— Пинкель, это ты?

А он ей в ответ:

— Да, это я, матушка!

Она ему:

— Фонарик-то взял?

А он:

— А как же, матушка!

Она кричит:

— И не стыдно тебе?

А он ей на это:

— Нисколечко, матушка!

Стала троллиха ахать да охать:

— И зачем я только тебя отпустила! Знала ведь, что добра от тебя не жди! Ну, смотри, попадись мне еще раз на глаза, я с тобой рассчитаюсь!

А Пинкель воротился к королю, и король сделал его первым человеком во дворце, как обещал. Узнали это братья и еще пуще стали ему завидовать, и опять они стали думать, как бы им меньшого брата извести.

Вот пошли они опять к королю и рассказали про козла, у которого рога чистого золота, а к ним колокольца привешены и чудно звенят. Мол, не у троллихи во дворе ему место, а в королевском дворце. Услыхал про это король и спрашивает:

— Где такой козел и как бы мне его раздобыть?

А братья ему в ответ:

— Раздобыть его может только наш брат Пинкель. Он-то знает, где тот козел гуляет.

Захотелось королю получить того козла, и он сразу послал за Пинкелем и ему сказал:

— Если добудешь мне козла, у которого рога чистого золота,

а к ним колокольца привешены, отдам тебе третью часть своего королевства.

Пообещал Пинкель исполнить королевскую волю, и король поблагодарил его за верную службу, а братья обрадовались, ведь они думали, что на этот раз Пинкелю несдобровать.

Собрался Пинкель в путь, сел в лодку и поплыл на остров, где жила троллиха. Доплыл он до острова вечером, уже темно было, и никто его не заметил, ведь золотой фонарик не светил над крыльцом, а на королевском дворе висел. Да только козла раздобыть нелегко было, потому что он всегда в избе у троллихи ночевал.

Долго думал Пинкель, как тут быть, и наконец додумался.

Вот пришла пора спать ложиться, и вышла дочка троллихи в сени дверь на засов запереть. А Пинкель — тут как тут и лучину под дверь засунул. Троллихина дочка тянет дверь, а дверь не закрывается. Ждала-ждала троллиха, разлилась и крикнула, чтоб дочка дверь открытую оставила, мол, рассветет — тогда видно будет, что там застряло. Дочка ее послушалась, оставила дверь открытой и спать легла.

Вот заснули они крепким сном, а Пинкель — в избу, подкрался к козлу, колокольца все шерстью обмотал, чтоб не звенели, схватил козла в охапку и к лодке побежал, а уж как сел в лодку и поплыл по воде, он колокольца размотал, и они громко-громко зазвенели. Проснулась троллиха и услышала звон. Побежала она к берегу и давай кричать:

— Пинкель! Пинкель! Это ты?

А он в ответ:

— Ну да, это я, матушка!

Она ему:

— Это ты козла моего украл?

А он:

— Я, матушка!

Она как крикнет:

— И не стыдно тебе?

А он:

— Вот нисколечко, матушка!

Стала троллиха охать и ахать:

— Дура я, дура, что тебя отпустила! Знала ведь, что добра от тебя не жди! Ну, ничего, попадись только мне еще на глаза, уж я с тобой рассчитаюсь!

Вернулся Пинкель во дворец, и король отдал ему третью часть своего королевства, как обещал. Узнали про это братья и

стали еще больше брату завидовать. И с той поры они только и думали, как бы его извести.

Вот пошли они опять к королю и рассказали про шубу, что сияет как чистое золото. Мол, не троллихе ее носить, а самому королю.

Услыхал про это король и спрашивает:

— А где та шуба и как ее раздобыть?

А братья ему в ответ:

— Раздобыть ее только Пинкель может. Он-то знает, где ее искать.

Очень захотелось королю ту шубу, позвал он к себе Пинкеля и сказал:

— Я давно заметил, что тебе по сердцу моя дочь. И вот, если ты раздобудешь мне шубу, что сияет как чистое золото, то станешь ты моим зятем и получишь в наследство мое королевство.

Обрадовался Пинкель и пообещал королю, что заслужит руку прекрасной королевны или с жизнью расстанется. Король похвалил его за верную службу, а братья решили, что на этот раз Пинкелю несдобровать.

Сел Пинкель в лодку, поплыл на остров, где жила троллиха, а по дороге прикидывал, как бы ему шубу унести, да только трудное это дело, ведь троллиха ее не снимает. Долго думал Пинкель, как тут быть, и наконец додумался.

Спрятал он у себя под платьем мешок и тихо-скромно вошел в избу к троллихе. Увидала его троллиха и спросила:

— Это ты, Пинкель?

А он ей в ответ:

— Кто же еще, матушка?

Обрадовалась она и говорит:

— Уж не чаешь ли ты и на этот раз от меня подобру-поздорову уйти?

Схватила она большой нож и к Пинкелю. А он ей и говорит:

— Раз мне все равно умирать, ты хоть мою последнюю волю выполни. Лучше ты меня кашей до смерти обкорми, чем ножом резать.

Делать нечего, пришлось троллихе согласиться. Поставила она на огонь котел и стала кашу варить, много-много каши. Сварила она кашу, поставила перед Пинкелем, и стал он ее есть, ест и ест, одну ложку в рот кладет, а две в мешок под платье сует. Удивилась троллиха, что он так много каши съел, а он притворился, что занемог, со стула свалился, в мешке дырку проделал, и каша вся на пол вытекла.

И троллиха подумала, что Пинкель объелся каши и лопнул. Обрадовалась она и за дочкой бежать собралась, а дочка у ручья была. На дворе дождь лил, и троллиха не захотела мочить свою шубу, сняла ее и в избе оставила. Только она за дверь, Пинкель шубу схватил и бежать.

Увидела троллиха, что Пинкель в лодке плывет живехонек, а золотая шуба над озером сияет, подбежала она к берегу и давай кричать:

— Пинкель! Пинкель! Это ты?

А он ей в ответ:

— А кто же еще, матушка?

Она ему:

— Это ты шубу мою украл?

А он:

— Я, матушка!

Она ему:

— И как такого земля-то носит!

А он:

— Носит, матушка!

Стала троллиха ахать и охать:

— И зачем я, дура, тебя отпустила. Знала ведь, что добра от тебя не жди!

На том они и расстались.

Троллиха пошла к себе в избу, а Пинкель воротился во дворец к королю. Показал он королю шубу, и король признался, что в жизни своей такой красоты не видывал, а Пинкелю он отдал свою дочь в жены, как обещал.

И жил Пинкель долго и счастливо. А братья его так конюхами и остались.

ПОДЗЕМНЫЙ ПРИНЦ ХАТТ

Шведская сказка

Давным-давно жил-был король, и было у него три дочери, все три такие писанные красавицы, что равных им не сыскать в целом свете. А младшая принцесса была еще лучше сестер, не только красотой, но добротой и нравом. Потому все любили ее, а сам король души в ней не чаял.

Вот как-то осенью в соседнем городе, неподалеку от королевского дворца, устроили ярмарку, и король поехал туда со своею свитой. Собрался он в путь и спросил у дочерей, какого

им привезти гостинца. Старшие принцессы стали перебирать разные разности. И таких-то им хочется дорогих уборов и этаких. А меньшая ничего не пожелала. Удивился король, неужели она ничего не хочет, и принцесса ответила, что у нее и так всего вдоволь. Но король все допытывался, и она наконец сказала:

— Есть у меня одно желание, да только я не смею просить.

— Какое же это желание? — спросил король. — Ты только скажи, а уж я постараюсь.

— Ах, — ответила принцесса, — слыхала я про три певучих листика, и мне больше всего на свете их хочется.

Засмеялся король на такую нехитрую просьбу и сказал:

— Да, нежадная ты у меня, дочка, могла бы и побольше для себя попросить. Но что бы ни пожелала, ты все получишь, пусть это стоило бы мне полкоролевства.

Попрощался он с дочерьми, вскочил на коня и ускакал вместе со свитой.

Приехал он на ярмарку, и туда стеклось отовсюду множество народу, и много приезжих купцов предлагали свой товар на базаре и на улицах. Были тут драгоценные уборы, кольца и браслеты из золота и серебра, и король всего закупил дочерям в подарок. Но где бы он ни спрашивал про три певучих листика, какие попросила в подарок меньшая дочь, все торговцы с востока и с запада отвечали, что про них не слыхивали.

Опечалился король, ведь он очень хотел ей угодить. Но делать нечего, настали сумерки, он велел седлать скакуна, кликнул верных слуг и пустился в обратную дорогу.

Конь нес короля, король думал свои думы, и вдруг раздалось пение арф, да такое чудесное, какого он в жизни своей не слышал. Подивился король, придержал коня и стал слушать, и чем больше он слушал, тем чудесней пели арфы.

Однако ночь была темная и он не видел, откуда несется музыка. Недолго думая, он повернул коня на зеленый луг и поскакал звукам навстречу.

Скакал он, скакал и увидел орешник, а на верхней ветке одного куста было три золотых листика, и те листики колыхались, и от них шла такая музыка, что не описать никаким пером.

Обрадовался король, ведь он сразу догадался, что это те самые певучие листики, о каких говорила дочка. Захотел он их сорвать, но только протянул руку, из куста раздался голос:

— Не трогай мои листы!

Удивился король, но потом подумал немного и спросил, кто с ним разговаривает и не отдаст ли ему листики, за ценой он, мол, не постоит.

— Я Подземный Принц Хатт, — отвечал голос, — и не видать тебе моих листиков, разве только ты пообещаешь за них первую живую душу, какую встретишь, когда вернешься домой.

Удивился король, но вспомнил, что он пообещал дочери, и согласился.

Тотчас ветки наклонились, он сорвал листики и отправился домой веселый. И всю дорогу листики пели, и кони плясали от радости, и король воротился во дворец будто бы и не с ярмарки вовсе, а после победной битвы.

А принцессы весь день сидели за пяльцами и только и говорили о богатых подарках, какие привезет им отец. Вечером меньшая спросила у сестер, не хотят ли они выйти на дорогу встречать отца.

— Нет, — отвечали ей сестры, — зачем нам его встречать? Уже поздно, и наши шелковые чулочки намокнут от росы.

Но принцесса сказала, что ей шелковых чулочков не жалко, и они пускай остаются, а она пойдет и встретит отца. Накинула она плащ и вышла на дорогу. Не успела она выйти, как услыхала цоканье копыт, людской говор, лязг оружия и вдобавок ко всему дивное пение.

Обрадовалась принцесса, ведь она поняла, что воротился ее отец и привез ей певучие листики, которые она просила, побежала она к нему навстречу и кинулась ему на шею.

Король как увидел ее, испугался, он вспомнил, что пообещал Подземному Принцу Хатту. А пообещал-то он ему, оказывает-ся, свое родное дитя. И он долго слова не мог вымолвить, как ни молила его принцесса рассказать, отчего он такой печальный.

Но наконец он рассказал, что с ним приключилось и как он пообещал отдать первую живую душу, какую встретит, когда вернется домой. И все стали горевать и плакать, а больше всех горевал сам король, но делать нечего, пришлось ему воротиться на тот луг и оставить подле орешника свою дочь. И уехал король домой безутешный.

А принцесса сидела возле орешника и плакала горячими слезами. Но недолго она так сидела. Вдруг земля под ней раздвинулась, и принцесса опустилась в подземную залу, да такую пышную, какой она в жизни своей не видывала, всю

разукрашенную серебром и золотом. И никого не было в той зале.

При виде этой красоты принцесса чуть не позабыла про свое горе, да она и устала с дороги, а потому прилегла на кровать, на простыни белее снега.

Полежала она, стемнело, и дверь отворилась, и в залу вошел человек, подошел прямо к ней и поздоровался. И был тот человек Подземный Принц Хатт. Он рассказал ей, что злая троллиха заколдовала его и он не может теперь никому показаться. Он выходит только по ночам, в темноте. Но если принцесса его не выдаст, все кончится хорошо. Он остался с нею до восхода солнца, а потом ушел и вернулся только вечером.

Так у них и повелось. Целыми днями сидела принцесса в роскошной зале, и, когда ей делалось скучно, она слушала, как поют листики, и сердце ее снова веселилось.

Прошел год, и она родила мальчика и не скучала больше по дому. С утра до вечера она играла со своим сынишкой и поджидала мужа.

И вот однажды вечером он пришел к ней позже обычного. Она встревожилась и просила его рассказать, где он так долго пропал.

— Есть что рассказать, — отвечал он, — я был у твоего отца, король надумал жениться, и ты, если хочешь, поезжай на свадьбу и возьми с собой нашего сына.

Ей очень хотелось поехать на свадьбу, и она от души поблагодарила его.

— Только обещай мне одно, — сказал он, — что ты ни за что не выдашь мою тайну.

Она ему пообещала.

Наутро принцесса нарядилась в дорогие уборы и собралась на свадьбу. За ней приехала золоченая карета, и она села туда со своим сыночком. Поехали они, и она оглянуться не успела, как оказалась возле родного дома.

Когда принцесса вошла в залу, где гости собрались на свадебный пир, все, конечно, обрадовались. Король поднялся со своего трона и с великим весельем обнял ее. Сестры и новая королева тоже ее обнимали и целовали.

Потом король стал ее расспрашивать про житье-бытье. А королеве больше всего хотелось разузнать, кто такой Подземный Принц Хатт, какой он из себя да как ведет себя с принцес-

сой. Принцесса почти не отвечала, видно было, что ей не хочется про него говорить. А королева все расспрашивала. Под конец король рассердился и сказал:

— Милая, ну не все ли нам равно! Главное, дочь моя рада и довольна.

Королева умолкла, но только король отвернулся, снова начала приставать с расспросами.

Свадьба шла много дней, и вот принцесса стала собираться в обратную дорогу. Подкатила золоченая карета, принцесса простилась с родней, и кони помчали ее с мальчиком к зеленому лугу. Вышла она из кареты и спустилась в подземный дворец. Дивно пели листики, и подумала принцесса, что тут, под землей, ей куда милей, чем во дворце у отца-короля. А еще того милей ей стало, когда пришел к ней Принц Хатт и сказал, что скучал по ней днем и ночью.

Пришло время, и родился у принцессы второй сын. Стало на душе у нее еще светлее прежнего, и с утра до вечера она играла с детишками. Однажды принц пришел к ней позже обычного, она спросила его, где он пропадал, и он ей ответил:

— Я был в доме у твоего отца и узнал, что твоя старшая сестра идет замуж за заморского принца, и ты, если хочешь, поезжай на свадьбу и возьми с собой наших детей.

И принцесса от души его поблагодарила.

— Только обещай мне одно, — сказал он, — что ты ни за что не выдашь мою тайну.

Принцесса обещала.

Наутро она взяла с собой детей и поехала к отцу. Когда она вошла в залу, где собрались гости, все обрадовались. Все обнимали ее, целовали и не могли с ней наговориться.

Королева снова стала допытываться у падчерицы, кто ее муж да как ей с ним живет, так что король под конец сказал, что главное — дочь довольна и счастлива, а до остального им нету дела.

Отыграли свадьбу, и принцессе захотелось домой. Взяла она детей и поехала. И до того ей хорошо показалось опять в подземной зале, а еще того лучше стало ей ночью, когда пришел Принц Хатт и сказал, что не забывал ее ни на минуту.

Пришло время, и родила принцесса дочь, и прекраснее ее не было в целом свете. И подумала принцесса, что ничего-то ей больше не надо. Однажды вечером принц пришел домой позже обычного и рассказал, что был во дворце у короля-отца и что вторая ее сестра выходит замуж за заморского принца.

— Если хочешь, — сказал он ей, — поезжай туда и детей возьми с собою.

Принцесса поблагодарила его за то, что опять ее порадовал. И тогда Принц Хатт ответил:

— Только обещай мне одно. Не выдавай мою тайну, иначе нас обоих постигнет страшная беда.

Принцесса обещала.

На другой день она с тремя своими детишками поехала к отцу, и, когда вошла в залу, там уже собрались гости и шло веселье. Увидели ее все и обрадовались, обнимали ее и целовали.

Мачеха снова начала выпытывать, какой у нее муж, но скоро увидела, что принцесса не хочет отвечать, и решила добиться своего хитростью. Стала расхваливать сынков и дочку, уж такие, мол, они распрекрасные и как счастлива мать, у которой такие дети, не иначе, они похожи на отца, и Подземный Принц Хатт, видно, пригож собою.

Ну, слово за слово, принцесса и забылась и сказала под конец, что знать не знает, хорош ли собою Принц Хатт или дурен, ведь она его ни разу не видела.

Королева давай ахать и охать и причитать, как же так и какие, мол, у него от жены тайны.

— Ах, — говорит, — видно, ты непохожа на других женщин, другая бы уж давно дозналась, каков собою ее муж.

Тут забыла принцесса мужний наказ и все рассказала мачехе и спросила у нее совета, как бы ей увидеть мужа. И королева обещала придумать.

Отгуляли свадьбу, принцесса собралась домой, а королева отвела ее в сторону и говорит:

— Вот тебе колечко, кремень и свеча. Если хочешь поглядеть на мужа, встань среди ночи, высеки огонь и зажги свечу. Только смотри, как бы он не проснулся.

Поблагодарила ее принцесса за подарок и пообещала сделать все так, как научила мачеха. И отправилась в путь. Но дома стало ей невесело, хотя листики пели и все кругом сияло красотой, как всегда.

Поздно вечером пришел к ней принц, и велика была ее радость, ведь он рассказал ей, как он по ней тосковал. Легли они спать, и принц уснул, а принцесса встала, высекла огонь и тихонько подобралась к постели поглядеть на милого дружка. И как же она обрадовалась, когда увидела, до чего он прекрасен. Смотрела она на него, смотрела, наглядеться не могла и позабыла про все на свете.

Наклонилась она над ним, а тут капля воска возьми да упали со свечи прямо ему на грудь. И он пошевелился. Испугалась принцесса и давай дуть на свечу, но поздно, он уже проснулся и увидел, что она сделала.

И в тот же самый миг умолкли три листика, роскошная зала превратилась в яму, где кишели змеи и чудища, а принц и принцесса стояли друг против друга. И Подземный Принц Хатт ослеп.

Горько каялась принцесса, она упала на колени, плакала, молила, чтоб он ее простил. И принц ответил:

— Не добром отплатила ты мне за мою любовь. Я-то тебя прощаю, а ты решай сама, пойдешь ли за слепым мужем либо воротись к отцу.

Еще пуще опечалилась принцесса, и горячие слезы потекли у нее из глаз прямо на землю.

— Видно, не от души ты меня простил, если можешь такое спрашивать. Как же не пойти мне за тобою? Я пойду за тобою хоть на край света.

Взяла она его за руку, и они пошли прочь от того места, что было прежде их домом. И пошла принцесса со слепым мужем и тремя детьми по дремучему лесу.

Долго они шли и вышли на зеленую тропинку. И принц спросил:

— Любимая моя, видишь ты что-нибудь впереди?

— Нет, — отвечала принцесса, — ничего не вижу, только зеленый лес кругом.

Пошли она дальше. И снова принц спросил, не видит ли чего принцесса.

— Нет, — отвечала она, как прежде, — только зеленый лес кругом.

Скоро принц в третий раз спросил, неужели она ничего не видит.

— Вижу, — отвечала она. — Вижу впереди большой дом, и крыша на нем блестит, словно она медная.

— Значит, мы пришли к дому моей старшей сестры, — сказал он. — Ты войди, передай от меня поклон и попроси ее приютить старшего сына, пока он не вырастет. А сам я к ней не войду, и она пусть ко мне не выходит, иначе мы разлучимся навеки.

Принцесса вошла в дом и сделала все, как он велел, хотя сердце у нее разрывалось, так тяжело ей было расставаться с сыном. Она простилась с золовкой, и, как ни хотелось той

увидеть брата, принцесса не посмела послушаться мужа и не пустила ее к нему.

Снова пошли они по лесу и снова вышли на зеленую тропинку. Принц, как прежде, спрашивал, не видит ли она чего впереди, и два раза она ему отвечала, что ничего не видит, только зеленый лес кругом. А на третий раз она ответила:

— Я вижу большой дом, а крыша на нем сияет, словно она из серебра.

— Значит, это дом моей второй сестры, — сказал он. — Войди, передай от меня поклон и попроси, чтобы она приютила нашего меньшого сына, пока он не вырастет. Но сам я к ней не пойду, и ты смотри, чтобы она ко мне не выходила, не то мы разлучимся навеки.

Принцесса исполнила все, как он велел, и оставила свое второе дитя, хоть сердце у нее разрывалось. И как ни просила ее золовка отвести ее к брату, принцесса так и не согласилась.

Снова пустились они в путь и снова вышли на зеленую тропинку. Снова принц ее спрашивал, не видит ли она чего, и на третий раз она ответила:

— Я вижу большой дом, и крыша на нем сверкает, словно она из чистого золота.

— Значит, это дом моей младшей сестры, — сказал принц. — Войди, передай от меня поклон и попроси ее вырастить нашу дочку. А я туда не пойду, и она пускай не выходит, иначе мы разлучимся навеки.

Принцесса исполнила все, как он сказал, и золовка ее приветила. Но когда пришло принцессе время расставаться с дочерью, сердце у нее чуть не разорвалось, от тоски она сделалась сама не своя и позабыла приказ принца. Золовка проводила ее и вышла из дому, а принцесса и не вспомнила, что ей нельзя выходить.

Они подошли к принцу, сестра кинулась к нему на шею и горько заплакала. И понял принц, что жена второй раз изменила своему слову, побледнел как смерть и крикнул:

— Любимая! Зачем ты это сделала!

И в тот же самый миг с неба спустилась туча и принц исчез, как не бывал.

Принцесса и золовка от горя не знали, что делать. Принцесса была безутешна, ведь она лишилась своего любимого. А сестра горевала не меньше.

Стали они думать и гадать, как отыскать его, и принцесса готова была обойти хоть всю землю.

— Могу тебе дать только один совет, — сказала сестра. — Видишь ты за лесом ту большую гору? Там живет старая троллиха, и зовут ее Берта. Она знает все на свете и, может быть, поможет тебе.

Принцесса попрощалась с ней и пустилась дальше в путь одна.

Уже стемнело, и она очень устала, но вдруг увидела, что впереди на горе мерцает огонек. Тут она забыла об усталости и пошла напрямик по камням и буграм, пока не дошла до пещеры в горе, а дверь пещеры была открыта. И принцесса увидела многое множество троллей и троллих, все они сидели вокруг огня, а дальше всех сидела старая-престарая старуха. Была она безобразная, маленькая и дряхлая, и принцесса тотчас догадалась, что это та самая Берта, про которую ей сказала золовка.

Недолго думая, она вошла в пещеру и тихонько сказала:

— Добрый вечер, матушка.

Все тролли повскакали со своих мест, они испугались при виде христианской души. А старая Берта не испугалась и мирно ответила:

— Вечер добрый. Кто ты такая, милая девушка? Пятьсот лет тут сижу, и никто еще никогда не называл меня матушкой.

Принцесса поведала ей свою беду и спросила, не слыхала ли старая Берта про Подземного Принца Хатта.

— Нет, — отвечала старуха, — я про него не слыхала. Но раз уж ты назвала меня матушкой, я постараюсь тебе помочь. Есть у меня сестра, и она вдвое старше меня, может быть, она про него слыхала.

Принцесса поблагодарила ее от всего сердца и осталась ночевать в пещере.

Наутро, как только взошло солнце, принцесса снова собралась в путь, а маленький тролль вызвался ее проводить. На прощание старуха ей сказала:

— Я желаю тебе удачи. Раз уж ты назвала меня матушкой, я дам тебе в подарок вот эту прялку. С ней ты не будешь знать горя, потому что она одна прядет пряжу за девять прялок.

Принцесса поблагодарила ее за подарок, да он и стоил того — прялка-то была из чистого золота. Простилась она со старухой и пошла и шла целый долгий день.

Поздно вечером пришла она со своим провожатым к высокой горе, и вверху сиял свет, как звезда.

Троль сказал:

— Ну, вот я и показал тебе дорогу. Тут живет бабушкина сестра. А теперь мне пора домой. — И пошел восвояси.

А принцесса пошла по камням и буграм и добралась до пещеры. Дверь пещеры была открыта, и огонь сверкал в темноте.

Недолго думая, принцесса вошла в пещеру и увидела там многое множество троллей, а в сторонке сидела старая-старая старуха, видно, над ними над всеми госпожа. Была она маленькая, уродливая и такая дряхлая, что у нее тряслась голова.

Принцесса подошла прямо к старушке, она поняла, что это сестра Берты, и вежливо поздоровалась:

— Добрый вечер, матушка!

Тролли повскакали со своих мест при виде христианской души, а старуха посмотрела на нее ласково и сказала:

— Вечер добрый! Кто ты такая, милая девушка? Тысячу лет тут сижу, а никто еще не называл меня матушкой.

Принцесса ей все рассказала, и старуха ничем не могла ей помочь. Но за то, что принцесса назвала ее матушкой, она послала ее к своей сестре, которая была еще вдвое старше, чем она.

Принцесса поблагодарила ее и осталась переночевать.

На другой день старуха пожелала ей счастливого пути, а в благодарность за ласковое слово подарила ей мотовило из чистого золота.

— С этим мотовилом ты не будешь знать забот, оно размотает всю пряжу, какую спрядет твоя прялка.

Принцесса поблагодарила старуху за подарок, простилась с ней и пошла и шла целый долгий день.

Поздно вечером пришла она с троллем-провожатым к высокой горе, и вверху сиял свет, как звезда.

Троль сказал:

— Ну вот я и показал тебе дорогу. Тут живет бабушкина сестра. А теперь мне пора домой. — И пошел восвояси. А принцесса шла и шла, пока не дошла до избышки на горе.

Дверь была отворена, и она вошла и увидела, что вокруг огня собрались тролли, а подальше сидела старая-старая старуха. Она была мерзкого вида, длиннющий нос у нее воткнулся в подбородок, а голова все время тряслась и дергалась.

— Добрый вечер, матушка! — вежливо поздоровалась принцесса.

— Вечер добрый. Кто ты такая, милая девушка? Две тысячи лет тут сижу, а никто еще никогда не называл меня матушкой!

Тогда принцесса спросила, не слыхала ли старуха про заколдованного Подземного Принца.

Призадумалась старуха, а потом заговорила:

— Слыхала я про него и даже могу тебе сказать, где он, да только, видно, не вернуть тебе его обратно, потому что он зачарован и позабыл и про тебя, и про все на свете. Но раз уж ты назвала меня матушкой, я, чем смогу, тебе помогу. Переночуй у нас, а утром еще поговорим.

Принцесса осталась ночевать, а наутро старуха ей сказала:

— Иди-иди прямо по солнцу и придешь к королевскому дворцу. Войди туда и сделай все, как я велю, потому что твой принц живет там.

Рассказала она ей все, что надо делать да как себя вести, пожелала ей счастливого пути, а еще подарила на память шелковый кошелек, весь расшитый золотом.

— Кошелек этот не простой, — сказала она. — Каждый раз, как ты в него сунешь руку, ты вынешь полную пригоршню золотых монет.

Принцесса от души поблагодарила ее за подарок и пошла лесами и полями и пришла к большому-большому дворцу, да такому богатому, какого она в жизни своей не видывала. Обрадовалась она, что любимый близко, и ступила на королевский двор. Но только она вошла за ворота, как увидела женщину, и была та женщина в таком пышном наряде, что принцесса сразу догадалась, что она тут хозяйка.

— Кто ты и откуда? — спросила женщина.

— Я бедная странница и ищу себе службу, — отвечала ей принцесса.

— Странница! — повторила троллиха. — Ты, видно, думаешь, что у меня для каждого встречного служба найдется! А ну-ка убирайся подобру-поздорову!

Принцесса не на шутку испугалась, уж очень злобный вид был у хозяйки, и сказала скромно:

— Делать нечего, придется мне уйти ни с чем. Но нельзя ли мне побыть тут немного, отдохнуть с дороги?

— Можно, — ответила троллиха. — Ночевать будешь в курятнике. Там тебе и место.

И принцесса осталась. И стала делать все так, как научила ее старуха. Сперва она вымыла и вычистила весь курятник, потом

взяла прялку и напярля пряжи, золотой да шелковой, а потом размотала ее, наткала ткани узорной и застлала и украсила весь курятник. И стал курятник самой прекрасной палатой во дворце.

После этого она взяла шелковый кошелек и накупила еды, меду, вина — всего, что только продается за деньги, и напекла, нажарила и накрыла на стол, и, ей-богу, мы с вами такого стола не видывали.

А потом она пошла во дворец и попросила, чтоб ее пустили к королеве. Королева встретила ее ласково и спросила, чего ей надобно.

— Ах, — отвечала принцесса, — хотела бы я, чтобы ты со своей дочерью оказала мне честь у меня отужинать.

Королева обрадовалась, ведь она уже прослышала о том, что творится в курятнике, и обещала прийти.

Вечером королева с падчерицей пришли в курятник, сели за стол и стали есть и пить, а принцесса взяла золотую прялку и давай прясть. Удивилась королева, никогда еще она не видывала такой прекрасной вещи. И она спросила у принцессы, не продаст ли она ей прялку.

— Нет, — отвечала принцесса, — я не продам ее ни за какие деньги и подарить тоже не могу. Но я могу отдать ее тебе, если ты исполнишь мою просьбу.

— Какую такую просьбу? — спрашивает королева.

А принцесса отвечает:

— Позволь мне сегодня ночью повидаться с твоим любимым.

Долго думала королева, но очень ей захотелось золотую прялку, к тому же она понадеялась перехитрить принцессу, и она согласилась. И принцесса отдала ей прялку.

Вернулась королева во дворец и стала думать и гадать, как бы ей так подстроить, чтобы принц не смог поговорить со странницей. А потому она велела падчерице тайком забраться к принцу в спальню и подслушать, что странница ему скажет.

Потом она налила в кубок меду, подмешала сонных трав, напоила принца, и он как выпил этого питья, так и заснул крепким сном. А злая ведьма отвела принцессу к нему в спальню — пусть, мол, говорит с ним, сколько душе угодно.

Осталась принцесса одна с принцем, кинулась к нему на

шею и сказала ему, как она рада, что отыскала его. Да только принц не проснулся. Опечалилась она и рассказала ему, сколько она бродила по белу свету, как долго искала его. А он все спал и спал, и она подумала, что он ее больше не любит. Упала она на колени, горько заплакала и стала просить у него прощения за все, что она ему причинила. Но сонное зелье было крепкое, и принц так и не проснулся. Зато падчерица королевы слышала каждое слово, и она пожалела бедную странницу и не выдала своей злой мачехе.

Рано утром королева вошла к принцу в спальню, а принцесса вернулась в курятник и там заплакала горячими слезами.

А королева злорадствовала, весь день она сидела за золотой прялкой и пряла пряжу.

К вечеру принцесса утерла слезы и приготовила разных кушаний, еще лучше вчерашних. А потом пошла во дворец и пригласила королеву с падчерицей.

Покуда они ели и пили, принцесса достала свое золотое мотовило и стала разматывать пряжу. Удивилась королева, она в жизни своей не видывала такой чудесной вещи. И она спросила, не продаст ли ей принцесса мотовило. Принцесса отвечала, что не продаст его и не отдаст — разве что королева разрешит ей и в эту ночь повидаться с принцем. Королева сразу согласилась, она задумала снова ее перехитрить.

Вернулась она во дворец и велела падчерице, как и прошлой ночью, спрятаться у принца в спальне и подслушать, что будет говорить странница. А потом она налила в кубок меду, примешала сонных трав и напоила принца этим зельем. Принц как выпил, сразу уснул глубоким сном. А злая ведьма обрадовалась и ввела принцессу к нему в спальню.

Когда королева ушла, принцесса бросилась принцу на шею и рассказала обо всем, чего она натерпелась, бродя по белу свету. Но как она ни плакала, ни молила его проснуться, он спал. А падчерица слушала-слушала, пожалела принцессу и стала думать, как бы ей помочь.

Наутро пришлось принцессе воротиться в курятник, и там она целый день плакала горячими слезами. А ведьма не могла нарадоваться на свои плутни, сидела с золотым мотовилом и разматывала пряжу.

К вечеру принцесса утерла слезы и приготовила пир еще пышнее прежнего, пошла и пригласила к себе королеву с падчерицей.

Покуда они пили и ели, принцесса вынула шелковый кошелек и показала, что, сколько ни запускай туда руку, всегда вынешь полную пригоршню золотых монет. Удивилась королева, сказала, что в жизни не видывала такого чуда, и попросила принцессу продать кошелек. Но принцесса отвечала, что не продаст его и не отдаст, разве только королева позволит ей и в эту ночь повидаться с принцем.

Королева согласилась, а падчерице велела спрятаться, как и прежде, у принца в спальне, все подслушать и ей донести.

Налила она медового питья в кубок и дала принцу выпить. Поднес он кубок к губам, и тут падчерица ему подмигнула. И он сообразил, что уж очень странно ему спалось две ночи после такого угощения. Притворился он, будто пьет, сам выплеснул зелье, когда королева отвернулась, а потом откинулся на подушки и глаза закрыл.

Обрадовалась злая ведьма и ввела принцессу в спальню. Пусть, думает, говорит с ним вволюшку, он все равно не услышит.

А принцесса бросилась к принцу и сказала, как рада она, что опять его видит. Но принц был заколдован, он ничего не понял и притворился, будто не слышит. Опечалилась принцесса, заплакала и стала просить у него прощения. И еще она говорила про былую его любовь и про то, чего она натерпелась, пока скиталась по белу свету.

И захотела она умереть, раз он ее больше не любит.

Но она все говорила, говорила, и принц начал понемножку вспоминать, и он понял, что с ним приключилось и как злая троллиха разлучила его с любимой. Он словно проснулся от долгого-долгого страшного сна и сперва не мог вымолвить ни единого слова, а потом как вскочит — и стал обнимать, целовать принцессу. И опять он ей сказал, что она ему дороже всего на свете. И радости их не было конца.

Так они обнимались и от радости про все позабыли, а падчерица взяла и вышла из своего тайника.

Перепугалась принцесса, думала, пропали они совсем, раз их увидела ведьмина дочка, а дочка-то и говорит:

— Не тревожьтесь. Я вас не выдам. А чем смогу — помогу.

И она рассказала, что сама она крещеного рода, что отец у нее был принц, а королева его заколдовала. Отец от тоски

давно умер, и хорошо бы теперь умерла и мачеха, ведь, пока она жива, им счастья не видать.

Услыхали принц с принцессой такие слова, обрадовались, стали ее благодарить и вместе думать, как бы им избавиться от злой ведьмы, а это дело нелегкое, ведь каждый знает, тролля не убьешь, пока не ошпаришь его кипятком.

Думали они, думали и придумали, а пока падчерица спряталась обратно в тайник, а принц лег на постель и притворился, будто спит. И в спальню вошла королева, чтоб выведать, что произошло.

Шли дни за днями, принцесса сидела в курятнике, а во дворце все ходило ходуном, потому что королева собиралась играть свадьбу с принцем, и откуда только к ней не съезжались тролли.

Пир готовили на весь мир, и королева велела вынести котел, такой громадный, что в нем можно сварить сразу полторы дюжины быков. Развели огонь, закололи быков, и послала она слугу в курятник спросить, как повкусней мясо сварить. И принцесса сказала:

— У нас дома разводят сильный огонь и ждут, пока котел не раскалится по дну до синего каления.

Королеве такой совет пришелся по душе. Велела она разжечь огонь втрое сильнее прежнего, и вода закипела вовсю. А потом она послала за принцессой, чтоб та поглядела, раскалился котел до синего каления или нет. Принцесса пришла, поклонилась, заглянула в котел, но нет, котел не посинел.

Потом королева послала принца, но и он сказал, что котел не посинел.

Разозлилась королева и сказала, что посинел котел, да только они смотреть не умеют. Пошла и заглянула сама. Но только она нагнулась над котлом, принцесса — тут как тут, схватила ее за ноги и — плюх в кипяток! И пришел гадкой троллихе конец.

А принц с принцессой гостей дожидаться не стали, взяли золотую прялку, мотовило и волшебный кошелек и ушли со двора. Шли они, шли и пришли к прекрасному дворцу, и дворец тот сверкал на солнце. А рядом стоял куст, и, когда они подошли, они услышали на том кусте дивную музыку, будто пели арфа и птицы.

Обрадовалась принцесса, узнала она эту музыку — это были певучие листики, которые подарил ей отец. А еще пуще она обрадовалась, когда увидала троих своих детей, сестер принца и

много разного народу, и все шли им навстречу и называли принца королем, а ее королевой.

Избавились они от всех напастей в награду за свою верную любовь и жили долго и счастливо. Принц Хатт правил своей страной справедливо и мудро, и никогда не бывало на свете другого такого могучего короля и другой такой доброй королевы.

А три певучих листика играли днем и ночью, и не бывало еще пения прекрасней, и не бывало такой печали, какую бы не утешило это дивное пение.

РАСТАЯВШАЯ ФЕЯ

ЗНАМЯ ФЕЙ В ДАНВЕГАНЕ

Шотландская легенда

ысячу с лишком лет замок Данвеган, что стоит на западном побережье острова Скай, был родовым (замком Мак-Лаудов из Мак-Лауда. В древности многие вожди этого рода, выйдя в море из залива Лок-Данвеган с воинами своего клана, водили их в походы против своих наследственных врагов, Мак-Доналдов из Эйгга, незаконных «Властителей островов». И, пожалуй, драгоценнейшим сокровищем клана Мак-Лауд было его знамя фей. Оно переходило от поколения к поколению, и о нем рассказывают известное предание.

Некогда вождем клана Мак-Лауд был Малколм. В один из дней, когда в водах Лок-Данвегана отражалось летнее небо, а вереск покрывал горные склоны лиловым ковром, Малколм взял в жены красавицу фею. Он счастливо зажил с нею в своем замке, Данвегане, построенном из серого камня. Но феи не могут найти полное счастье среди людей. И когда жена Малколма родила ему сына, она затосковала по своим родным, да так, что тоска эта превозмогла ее любовь к мужу-смертному.

Малколм был не в силах видеть, как тоскует его возлюбленная жена. И он взялся сам проводить ее на тропинку, что вела в Страну Фей. И вот фея подошла к колыбели своего ребенка, ласково простилась с ним и пошла с мужем к заливу, чтобы переправиться через него и уйти по этой тропинке на родину.

Это было в ясный летний день. В такой же точно день Малколм привез в свой замок жену-фею, но теперь даже свет-

лые воды залива казались ему темными и мутными — так тяжело было у него на душе.

Наконец их лодка доплыла до места. Малколм взял жену на руки, перенес ее на берег и осторожно опустил на землю. Потом немного проводил ее по тропинке. Но когда они подошли к гряде серых камней, прозванных Мостом Фей, жена попросила его не заходить дальше и пошла по тропинке одна. Она ни разу не оглянулась, и Малколм навеки расстался со своей красавицей женой.

В тот вечер в замке задали пир в большом зале — праздновали рождение сына Малколма. Ведь мальчик впоследствии должен был заступить место отца и стать вождем клана Мак-Лауд.

Как ни тяжело было на душе у Малколма, пришлось ему через силу принять участие в общем веселье и ликовании — пир был задан по исстари заведенному обычаю. Да и сам Малколм гордился сыном, которому в будущем предстояло стать главой рода Мак-Лаудов из Мак-Лауда.

Весь клан собрался в большом зале и пировал при свете сотни факелов. Слуги сновали по залу, разнося блюда с сочной олениной и фляги, полные доброго золотистого эля. И всю ночь мужчины из клана Мак-Криммон, наследственные воынышки клана Мак-Лауд, играли на своих звучных волынках веселые песни для гостей Малколма.

А в башенке, вдали от шумного зала, младенец, виновник всего этого ликования, спокойно спал в своей колыбели. Сон его сторожила няня. Это была молоденькая хорошенькая девушка. Она сидела у колыбели, а сама только и думала: как сейчас, должно быть, весело на пиру и какое вкусное подают угощение! И ей очень хотелось побыть среди шумных гостей. А когда высоко взошла луна и осветила уединенную башенку, девушке до смерти захотелось хоть одним глазком поглядеть на веселье в зале. Она взглянула на ребенка и убедилась, что он спокойно спит. И вот она тихонько встала и, осторожно ступая на цыпочках, пошла по устланному тростником полу к двери.

Потом она быстро побежала по залитым лунным светом извилистым коридорам, спустилась с винтовой лестницы и вошла в большой зал, где громко звучали волынки.

Девушка немного посидела в самом конце зала, с жадным, любопытством оглядываясь по сторонам, а когда вдоволь насмотрелась на празднество, поднялась, чтобы вернуться в башенку. И тут сердце у нее забилося от страха — в этот миг сам

Малколм встал со своего места за главным столом и посмотрел в ее сторону.

«Ох, черен был тот час, когда я оставила ребенка одного! — подумала няня. — Теперь Малколм прогневается на меня!»

Однако Малколм хоть и увидел девушку, но не рассердился — он подумал, что с его сыном осталась другая служанка. И вот он окликнул няню ласковым голосом и велел ей вынести ребенка гостям — он хотел показать своему клану его будущего вождя.

Няня вздохнула свободно и ушла, горячо надеясь, что с ребенком не случилось ничего плохого, пока ее при нем не было.

А надо сказать, что, когда ребенок остался один в башенке, он некоторое время спокойно спал. Но вот за окном со зловещим криком пролетела сова, и он проснулся в испуге. Никто не пришел успокоить его и покачать. Он громко заплакал, и плач его отдавался от стен пустой комнаты.

Ни один человек не услышал его криков. Но они какими-то неведомыми путями донеслись до его матери-феи, туда, где она пребывала среди своих.

Сын, хоть и рожденный на земле, был ей дорог, и она поспешила в башенку, чтобы утешить его, пока никого поблизости не было. Она уже не имела права взять его на руки. Но зато прикрыла его сияющим неземным покрывалом из шелка, зеленого, как трава. Оно было соткано так искусно, как люди ткать не умеют, и вышито крапинками, но не простыми, а особенными — их называют «крапинками эльфов».

Как только фея прикрыла ребенка шелковым покрывалом, он перестал плакать — словно это сама мать обняла его. Потом улыбнулся и заснул. А фея, увидев, что сын ее успокоился, отлетела от колыбели и исчезла.

Встревоженная няня очень обрадовалась, когда вошла в башенку и убедилась, что ее питомец спит. Но тут она увидела на нем покрывало и поняла, что к ребенку прилетали феи. Об этом она догадалась потому, что покрывало было зеленого цвета — того самого оттенка, какой облюбовали феи. Да и вышито оно было «крапинками эльфов». Но ребенок лежал здоровый и невредимый — феи его не подменили, — и няня совсем успокоилась. Только пообещала себе никогда больше не оставлять его одного.

Она завернула ребенка в покрывало фей, взяла его на руки и, повинуясь приказу Малколма, понесла в большой зал.

И вот когда она уже подходила к залу, позади нее в коридорах послышались звуки неземной музыки. Они наполняли весь воздух, они как бы оведали ребенка на руках у няни и, наконец, заглушили волынки Мак-Криммонов. Волынки умолкли, и в большом зале воцарилась тишина.

И сам Мак-Лауд, и все его родичи молча сидели и слушали, как феи пели сладостными голосами. А пели они предсказание, которое не будет забыто, пока на земле останется хоть один Мак-Лауд.

В своей пророческой песне они возвещали, что зеленое покрывало ребенка — это знамя фей. Оно даровано феями клану Мак-Лауд. И пока в Шотландии не забудется это славное имя, знамя останется в клане. Оно трижды спасет клан в години великих бедствий. Однако разворачивать его дозволяется лишь в час грозной опасности, но отнюдь не по пустячному поводу.

И Малколм, и весь его клан, и няня с ребенком на руках недвижно и молча слушали пение фей. Но вскоре оно стало более тихим и печальным. Теперь феи предсказывали, какое проклятие падет на клан Мак-Лауд, если кто-нибудь не оценит по достоинству дара фей и развернет знамя тогда, когда в этом не будет крайней нужды.

Если же случится такое, то, когда б это ни случилось, на клан обрушатся три несчастья: наследник Мак-Лауда из Мак-Лауда, вождя клана, вскоре умрет; гряда скал под названием «Три Девы» перейдет во владение одного из Кембеллов; когда же рыжая лисица принесет лисенят в одной из башенок замка, слава Мак-Лаудов померкнет, они лишатся многих своих земель, а в семействе вождя не хватит мужчин-гребцов, чтобы плыть по заливу Лок-Данвеган.

Итак, феи принесли свой дар и сказали, какое проклятие с ним связано. И вот их голоса растаяли, словно туман в горах, и не слышно было больше ни звука.

Тогда Малколм встал с места и взял в руки знамя фей. Он осторожно разгладил зеленую ткань и приказал положить ее в чугунный ларец искусной работы. Отныне, сказал он, этот ларец будут нести впереди клана всякий раз, как он выступит в поход. И еще Малколм завещал, чтобы никто, кроме самого вождя, Мак-Лауда из Мак-Лауда, не смел вынимать из ларца и разворачивать знамя.

Но вот пришло Малколму время покинуть этот мир. Потом умер и сын его. Поколения сменялись поколениями, а в клане бережно хранили волшебное знамя и ни разу его не развернули, пока однажды Мак-Доналды, собрав огромное войско, не выступили против Мак-Лаудов.

В те годы все еще полыхала древняя вражда между этими двумя кланами, хотя они давно породнились между собой, ведь многие Мак-Лауды заключали браки с Мак-Доналдами. Бытовала даже такая поговорка: «Мак-Лауды и Мак-Доналды то надевают друг другу кольцо на палец, то вонзают нож в сердце».

Но на сей раз Мак-Доналды твердо решили навсегда сбить спесь с Мак-Лаудов. Они высадились в Уотернише, двинулись к Трампену и разграбили там церковь.

Тогда вождь Мак-Лаудов переплыл на ладье залив Лок-Данвеган и повел свой клан в поход против Мак-Доналдов. У Трампена разыгралась долгая и жестокая битва. И вскоре стало ясно, что Мак-Лаудов потеснили и придется им отступить. Все поняли, что одними лишь ножами и палашами обуздать захватчиков не удастся.

И вот тогда-то вождь Мак-Лаудов приказал подать ему чунгунный ларец с волшебным знаменем. Он отомкнул замок и вынул из ларца кусок тонкого зеленого шелка, веря, что не попусту прибегает к помощи фей. Знамя подняли на длинном древке в самой гуще сражения. И весь клан с благоговейным трепетом смотрел, как оно, развернувшись, реяло высоко в воздухе.

И сразу же счастье изменило Мак-Доналдам. Им почудилось, будто к Мак-Лаудам подошло подкрепление, так что силы их внезапно возросли. Мак-Доналды дрогнули и отступили, а Мак-Лауды пустились за ними в погоню, и этот день стал для них днем победы.

Так люди впервые прибегли к знамени фей и убедились в его могуществе.

Во второй раз знамя развернули по другой причине. Снова клану грозила опасность, но не враги подняли против него свои ножи и палаши. Начался падеж скота от чумы, и у клана не осталось ни одного здорового животного. Туго пришлось Мак-Лаудам — ведь они жили главным образом своими стадами и от скота зависело их благополучие.

Вождь Мак-Лаудов знал, в какую беду попали его родичи,

как мало скота осталось на пастбищах, и понял, что не вернуть ему богатства своему клану, если он не прибегнет к помощи неземных сил. И вот он вынул знамя фей из ларца и, подобно предку своему, сказал:

— Не попусту прибегаю я к помощи нездешних сил!

Знамя развернули, подняли на древке, и оно реяло над обреченной землей. С того часа ни одно животное не заболело чумой, и многие из тех, что захворали раньше, выздоровели.

Так силу знамени испытали во второй раз и снова убедились в его могуществе.

Шло время, и волшебное знамя фей переходило от поколения к поколению. Но вот в 1799 году некий Бьюкенен поступил на службу к Мак-Лауду из Мак-Лауда. Как и все, он слышал предание о знамени фей, знал и о проклятии, что было с ним связано. Но он был человек недоверчивый и не желал принимать на веру подобные выдумки. Он говорил, что знамя — просто лоскут гнилого шелка, а предание — рассказы, из тех, что старухи нашептывают друг другу.

И вот однажды, пользуясь тем, что вождь был в отъезде, Бьюкенен решил испытать силу знамени, чтобы навсегда отучить людей от подобных суеверий. В ближней деревне жил кузнец-англичанин, и Бьюкенен приказал ему взломать чугунный ларец — ведь ключ от него всегда хранил у себя сам вождь. Когда крышку ларца подняли, Бьюкенен вынул легкую зеленую ткань и помахал ею. Поистине, он по вздорному поводу вызвал нездешние силы!

Все, кто верил в проклятие фей, ничуть не удивились тому, что произошло потом, они говорили, что беды было не миновать.

А произошло вот что. Наследник вождя вскоре погиб при взрыве военного корабля «Шарлотта», а скалы «Три Девы» перешли во владение Энгаса Кембелла из Иснея. Затем, как и было предсказано феями в древности, ручная лисица лейтенанта Маклейна, гостившего тогда в Данвегане, принесла лисенят в западной башне замка. В это время род Мак-Лаудов уже стал захудалым, и большая часть его земель была продана. Правда, клан постепенно вернул свое богатство, но слава его померкла навеки, и вскоре в семье самого вождя осталось только три Мак-Лауда, а значит, в ней уже не хватало гребцов, чтобы плыть в четырехвесельной ладье по заливу Лок-Данвеган.

В наши дни волшебное знамя фей хранится в стеклянном ящике в замке Данвеган, и те, что знают его странную исто-

рию, дивятся на этот почти истлевший кусок старинного шелка, темный от времени. Впрочем, на нем еще можно различить вышитые «крапинки эльфов».

ФЕЯ И КОТЕЛ

Шотландская сказка

Островок Сандрей, один из Внешних Гебридских островов, расположен к югу от острова Барры, и его омывает безбрежный Атлантический океан. Вокруг островка кипят волны с белыми гребешками, а на берегу всегда дует соленый резкий ветер. Над островком, пронзительно крича, проносятся морские птицы: чайки с жалобными голосами и устрицееды, что, выпятив грудь и распластав крылья белым крестом, летают с криком: «Би-глик! Би-глик! Би-глик!» («Осторожней! Осторожней! Осторожней!»)

На этом островке когда-то жил один пастух. Жену его звали Мэриред. Она дружила с одной «мирной женщиной», как в старину называли фей. (А еще племя фей называли: «добрые соседи» и «маленький народец».)

Эта фея была крошечная женщина с остреньким личиком, блестящими глазками и смуглой кожей орехового цвета. Жила она в зеленом, поросшем травой холмике, что возвышался неподалеку от дома пастуха. Каждый день фея семеняла по тропинке к его дому, сразу же входила в комнату и, подойдя к очагу, где горел торф, снимала с огня и уносила с собой большой черный котел. Все это она проделывала молча, а перед самым ее уходом Мэриред ей говорила:

В гори кузнец насыплет углей

И чугуна раскалит докрасна.

Надо котел, полный костей,

Ко мне принести дотемна.

Вечером фея возвращалась и оставляла на пороге дома котел, полный вкусных мозговых косточек.

И вот как-то раз пришлось Мэриред отправиться на остров Барру, в его главный город — Каслбей. Утром перед отъездом она сказала мужу:

— Когда придет «мирная женщина», скажи ей, что я уехала в Каслбей. А она пусть возьмет котел, как всегда берет.

Потом Мэриред уехала, а муж ее, оставшись один в доме, принялся крутить жгут из стеблей вереска. Немного погодя он услышал чьи-то легкие шаги, поднял голову и увидел, что к дому подходит «мирная женщина». И тут ему почему-то стало жутко. Он вспомнил вдруг все рассказы о том, как феи заколдовывают людей, вскочил с места и, как только «мирная женщина» подошла к порогу, захлопнул дверь.

Надо сказать, что «маленький народец» очень вспыльчив и легко обижается. Блестящие глазки феи засверкали гневом — так ее рассердила грубость пастуха. Она ступила ножкой на выступ под окном, а оттуда вскарабкалась на крышу. Потом наклонилась над дымовым отверстием и что-то крикнула. Это был зловещий, пронзительный крик.

Пастух в ужасе прижался к двери и вдруг увидел, как большой черный котел подпрыгнул раз, потом еще раз и... вылетел в дымоход. Но там его сейчас же ухватила чья-то сухонькая смуглая ручонка.

Не скоро осмелился пастух открыть дверь своего дома, а когда открыл, феи уже не было.

В тот же вечер Мэриред вернулась с корзинкой, полной свежей сельди, и первым долгом спросила мужа, почему котел не вернулся на свое место на очаге.

— Ведь «мирная женщина» всегда возвращала его засветло, — добавила она. — Неужто позабыла? Не похоже это на нее.

Тут муж рассказал ей про все, что с ним приключилось, пока она была в отъезде, а когда досказал, Мэриред крепко выругала его за глупость.

Потом она встала, взяла фонарь и побежала к зеленому холму, где жила фея. Светила луна, и при ее свете Мэриред отыскала свой котел. Он стоял у подножия холмика и, как всегда, был полон вкусных мозговых костей. Мэриред подняла котел и уже повернулась, чтобы идти домой, как вдруг чей-то нечеловеческий голос крикнул:

*Молчунья-жена, молчунья-жена,
Что к нам пришла из дремучих лесов,
И ты, что стоишь на вершине холма,
Пустите по следу злых, яростных псов!*

И тут с вершины холмика донесся дикий визг. Кто-то темный, что там стоял, спустил со своры двух лежащих у его ног

заколдованных псов. С громким протяжным лаем псы сбежали с холмика. Хвосты их были закручены над зелеными спинами, языки вывалились и болтались между острыми клыками.

Мэриред услышала, что кто-то за нею гонится, оглянулась и пустилась бежать, не помня себя от страха. Она знала, что псы фей могут догнать и растерзать все живое, что встретят на своем пути. Но как ни быстро она бежала, зеленые псы стали ее нагонять — она уже чувствовала, как их дыхание обжигает ей пятки, и подумала: «Еще миг, и они схватят меня зубами за щиколотки!»

И тут Мэриред вспомнила про кости в котле и догадалась, как ей спастись. Она сунула руку в котел и на бегу стала бросать на землю кости, перекидывая их через плечо.

Псы фей жадно хватали кости, и Мэриред обрадовалась, когда они немного отстали. Наконец она увидела свой дом и вскоре подбежала к двери. Но вдруг услышала, что псы опять ее догоняют, и в отчаянии крикнула мужу из последних сил:

— Впусти меня!

А как только ворвалась в дом, рухнула на пол за порогом. Муж тотчас захлопнул за нею дверь. И тут они услышали, как псы фей свирепо царапают когтями дверь и яростно воют.

Всю ночь Мэриред с мужем просидели, дрожа от страха, спать и не ложились. Когда же утром наконец отважились выглянуть за дверь, увидели, что она с наружной стороны вся исцарапана когтями зеленых псов и обожжена их огненным дыханием.

С тех пор «мирная женщина» больше не приходила за котлом, а Мэриред и ее муж всю свою жизнь боялись попасться на глаза своим «добрым соседям» — феям.

НОЧНЫЕ ПОМОЩНИЦЫ ДОБРОЙ ХОЗЯЮШКИ

Шотландская сказка

В старину хорошие хозяйки, как только закончат, бывало, все дневные хлопоты по дому, принимаются за рукоделье — до глубокой ночи прядут шерсть или ткут сукно. Засиживалась допоздна и Айнери, жена одного зажиточного фермера. Дом их стоял на острове Тайри неподалеку от красивого зеленого холма. Холм этот назывался Берг-хилл, и в нем, по слухам, жили феи.

Как-то раз ночью, когда и сам фермер, и другие домохозяцы уже спали, Айнери все еще сидела и пряла шерсть при свете свечи. И вот наконец она до того притомилась, что обхватила голову руками и воскликнула:

— Ох, явился бы хоть кто-нибудь — все равно, с моря ли, с суши ли, издалека ли, из недалеко ли — да помог мне сукно изготовить!

Не успела она вымолвить эти слова, как услышала стук в дверь, и чей-то тоненький певучий голосок окликнул ее:

— Айнери, добрая хозяйюшка, открой мне дверь — я пришла тебе помочь!

Айнери растерялась, но все-таки открыла дверь. На пороге стояла какая-то незнакомая крошечная женщина, с ног до головы одетая во все зеленое. Она вошла в комнату, направилась к прялке и сразу же начала прясть. Но едва Айнери закрыла за нею дверь, как раздался еще более громкий стук, и опять чей-то голосок пропел:

— Айнери, добрая хозяйюшка, открой мне дверь — я пришла тебе помочь!

Айнери опять отодвинула засов, и в комнату вошла другая диковинная маленькая женщина, тоже — вся в зеленом. Она сразу же села на донце, в которое была воткнута прялица с куделью.

Но это еще не все! Вслед за второй женщиной в зеленом явилась третья, потом четвертая, пятая, шестая, седьмая... Словом, столько их набралось, что бедная Айнери уж и счет им потеряла. Она стояла, не зная, что делать, и только дивилась, с каким невиданным усердием все ее гости принялись за работу. Одни трепали и чесали шерсть, другие быстро гоняли челнок в ткацком станке, третьи без передышки сновали основу, четвертые готовились валять сукно и для этого кипятили воду на очаге — в ней они собирались мочить сотканное сукно, чтобы оно отмылось и село.

«Не иначе как все феи Берг-хилла ко мне явились!» — думала Айнери. А смуглые крошечные женщины в зеленом все громче шумели и стучали, когда толкались и спорили из-за свободного места. Удивительно, что они не разбудили своим гомоном фермера — ведь он лежал в соседней комнате. Но, как ни странно, он спал до того крепко, что Айнери уже начала побаиваться — а вдруг феи его заколдовали?

Мало того, помощницы ее то и дело кричали пронзительны-

ми голосками, что им хочется есть, а она старалась накормить их досыта. Надо сказать, что Айнери и так уже намаялась за день, а теперь, когда пришли ей помогать, еле на ногах держалась. Ночь проходила, а ненасытный голод крошечных женщин все рос с такой же сказочной быстротой, с какой они работали. Казалось, собери для них хлеб и мясо со всего света, им и этого не хватит.

К полночи Айнери совсем из сил выбилась и только об одном и думала — как ей избавиться от своих помощниц-фей. Не раз и не два она уходила в соседнюю комнату и старалась разбудить мужа. Но легче было бы поднять жернов! Фермер спал как убитый; жена громко кричала ему в ухо, а он и не шевелился.

Айнери ломала себе голову — что делать? И вот наконец надумала пойти посоветоваться с одним мудрым старцем, что жил поблизости. Она напекла булок и раздала их крошечным женщинам в зеленом, а одну маленькую булочку оставила допекаться. Потом втихомолку выскочила за дверь и побежала по тропинке к хижине старца. Там она рассказала ему про свою беду и попросила у него совета.

— Как мне избавиться от этих маленьких женщин? — спросила она старца. — И как мне разбудить мужа? Он спит, словно заколдованный.

Мудрый старец сперва пожурил Айнери за то, что она, не подумав хорошенько, попросила помощи «с моря ли, с суши ли, издалека ли, из недалеко ли», потом сказал:

— Никогда в жизни больше не желай, не проси, не вымаливай того, что может обернуться против тебя же. Ты угадала — мужа твоего заколдовали. Разбудишь ты его только тогда, когда выгонишь из дома своих помощниц-фей, а на него побрызгаешь водой, в какой феи готовятся сукно валять. От фей ты можешь отделаться так: вернись домой, открой дверь и во все горло крикни три раза: «Берг-хилл горит!» Тут твои зеленые гости побросают работу и побегут на пожар. Они выбегут вон, а ты запри дверь, потом разбросай, раскидай, расшвыряй как попало прялку, пряслицу с куделью, станок — словом, все то, к чему они прикасались. Все вещи вверх дном переверни. А потом все у тебя само собой наладится.

Айнери поблагодарила старца за добрый совет и поспешила домой. А как только подошла к незакрытой двери своего дома, крикнула во все горло:

— Берг-хилл горит! В Берг-хилле пожар! Берг-хилл весь в красном пламени!

Не успела она это крикнуть, как феи всем скопом выскочили из дома, толкаясь и топчя друг дружку. На бегу все они причитали — оплакивали то, что осталось в их холме, причем каждая называла то, что было ей всего дороже:

*Ох, мой муж, и детки,
И мой сыр, и масло,
Сыновья, и дочки,
И лари мучные,
Гребень и чесалки,
Пряслицы и нитки,
Коровы и путы,
Кони и постромки,
Бороны, кладовки,
Молот, наковальня...
Ох, земля разверзлась,
И Берг-хилл пылает!
Если холм сгорит наш,
Конец и веселью,
И хлопотам милым!*

Как только все феи убежали, Айнери быстро вошла в дом и заперла дверь. Потом принялась, по совету старца, перевертывать и раскидывать как попало все то, к чему прикасались феи: сорвала шнурок с колеса на прялке; пряслицу с куделью перевернула в обратную сторону, опрокинула вверх дном ткацкий станок, сняла с огня воду для валянья сукна.

Не успела она с этим покончить, как феи вернулись. Они увидели, что холм их вовсе не горит, и догадались, что Айнери их обманула, чтобы выманить из своего дома. Они стучали в дверь кулачками, да так громко и быстро, что чудилось, будто это град сыплется.

— Айнери, добрая хозяйюшка,пусти нас! — кричали феи.

— Не впущу! — отвечала она.

Тогда они стали просить прялку:

— Добрая прялка, встань и открой нам дверь!

— Не могу, — отвечала прялка, — с моего колеса шнурок сняли.

Феи крикнули пряслице:

— Добрая пряслица, отвори нам дверь!

— Я бы не прочь отворить, — ответила пряслица, — да меня в другую сторону перекутили.

Тут феи вспомнили про ткацкий станок и стали его просить:

— Добрый станок, отвори нам дверь!

— С радостью отворил бы, — ответил станок, — да меня вверх дном опрокинули.

Оставалась еще вода, в какой феи собирались валять сукно. И феи стали ее просить:

— Добрая водица, может, хоть ты откроешь нам дверь?

— Не могу, — ответила вода, — ведь меня с огня сняли.

Феи не знали, что еще придумать. Наконец они вспомнили про маленькую булочку, что подрумянивалась в очаге.

— Булочка, булочка, пышная булочка, — закричали они, — открой нам дверь, да поскорее!

Булочка подпрыгнула и поскакала к двери. Но Айнери кинулась за ней вдогонку, ущипнула ее, и булочка шлепнулась на пол.

Ну, феи поняли, что не войти им в дом, и принялись визжать и кричать, да так пронзительно, что хоть уши затыкай. Тут Айнери наконец вспомнила про воду, в которой феи собирались валять сукно. Она зачерпнула ковшиком немного воды, побежала в спальню и побрызгала этой водой на мужа. Он сразу же проснулся — да и давно пора было! — а как проснулся, услышал страшный шум за стеной. Фермер вскочил с кровати, распахнул входную дверь и стал на пороге, сердито нахмутив брови.

Шум сразу же утих, а феи, словно зеленые тени, стали таять и совсем пропали. И больше уже никогда не тревожили Айнери.

ФЕЯ И ФЕРМЕРША

Шотландская сказка

Расскажу вам про одну бедную молодую вдову, что жила в усадьбе Киттлрампит. Но в каком именно краю Шотландии была эта усадьба, никто не знает. Говорят, будто она находилась где-то поблизости от Спорной Земли, что, как всем известно, примыкает к границе между Англией и Шотландией. Там вечно рыскали разбойники. Шотландцы грабили англичан, англичане — шотландцев.

Так или иначе, но молодую хозяйку Киттлрампита можно

было пожалеть. Муж ее пропал без вести, и никто не знал, куда он девался. Как-то раз он ушел на ярмарку и не вернулся. И хотя все думали, что он умер, но не знали, как и почему. Одни говорили, что он нанялся в солдаты и погиб на войне, другие — что его увели вербовщики и посадили на какой-то корабль, а потом бедняга утонул в море.

Немудрено, что люди жалели молодую вдову. Ведь она осталась одна с малым сынишкой на руках, а времена были трудные, и бедняжке приходилось туго. Она очень любила своего малыша и, чтобы заработать денег на еду и одежду для него и себя, целый день возилась со своей коровой, свиньями и курами.

Как-то раз она встала спозаранку и пошла кормить свиней. Уже близился тот день, когда она платила аренду за свою маленькую ферму, и вот она решила отвести на рынок самую лучшую свою свинью. Свинья была большая, жирная, и молодая хозяйка Киттлрампита думала, что ей, пожалуй, хватит на уплату аренды тех денег, что она выручит за эту свинью. На сердце у нее было легко, и она весело напевала песенку, когда шла по двору с ведром в одной руке и ребенком на другой.

Но песенка ее быстро перешла в горький плач. Едва она ступила в свиной хлев, как увидела, что ее лучшая откормленная свинья повалилась навзничь и лежит, закрыв глаза и задрав ноги, — вот-вот издохнет.

— Ох, что мне делать, что делать? — запричитала бедняжка и опустилась на большой камень, прижав к груди ребенка; она и не заметила, что уронила ведро, поило для свиней растеклось по земле и к нему бросились куры. — Мужа я потеряла, одна осталась... А теперь вот издохнет моя лучшая свинья — чем я буду платить за ферму?

Надо вам сказать, что усадьба Киттлрампит стояла на полугоре. За усадьбой рос большой еловый лес, а перед нею горный склон круто спускался в долину.

И вот бедняжка поплакала-поплакала, потом вытерла глаза и стала смотреть перед собой. И кого же она увидела? В гору к усадьбе поднималась старуха, на вид — знатная леди. Платье у нее было зеленое, передник белый, а чепчик черный, бархатный. Поверх чепчика она надела шляпу с полями и высокой остроконечной тульей — такую, какие носят женщины в Уэльсе. Старуха поднималась очень медленно, опираясь на длинный посох, и немножко припадала на ногу, словно хромая.

Увидела ее молодая вдова и подумала, что это, наверное,

какая-то благородная леди. А значит, нужно встать и сделать ей реверанс. Так она и поступила.

— Сударыня, — молвила она, глотая слезы, — добро пожаловать в усадьбу Киттлрампит! Хотя надо сознаться, что хозяйка ее — самая несчастная женщина на свете.

— Вздор! — отозвалась на это старуха, да таким резким голосом, что молодая женщина вздрогнула и крепче прижала к себе ребенка. — Нечего тебе прибедняться! Правда, ты потеряла мужа, но в битве при Шайрмуре убитых было видимо-невидимо. А свинья твоя, сдастся мне, вот-вот издохнет... Но этому горю я, пожалуй, могу помочь. Только сначала скажи, что ты мне дашь, если я ее вылечу.

— Все, чего вы только пожелаете, ваша милость!

Молодая вдова до того обрадовалась, что и не подумала, как неосторожно делать такие посулы.

— Прекрасно, — отозвалась старуха и, ни слова больше не вымолвив, пошла прямо в свиной хлев.

Там она немного постояла и поглядела на больную свинью. Все это время она раскачивалась из стороны в сторону и что-то бормотала. Но молодая вдова почти ничего не могла понять. Только расслышала, как старуха прошептала:

*Туда-сюда,
Святая вода.*

Но вот старуха вынула из кармана крошечную склянку с какой-то жидкостью, с виду похожей на льняное масло, вытащила пробку и окунула в склянку свой длинный тонкий палец. Потом дотронулась этим пальцем до рыла, ушей и закрученного хвостика свиньи. И свинья тотчас же вскочила, радостно хрюкнула и побежала к корыту посмотреть, нет ли там поила.

У хозяйки Киттлрампита прямо гора с плеч свалилась. «Ну, теперь заплачу за аренду!» — подумала она. Бедняжка так обрадовалась, что кинулась было целовать подол зеленого платья своей диковинной гостью, но та ее остановила.

— Нет, нет, — еще резче, чем раньше, проговорила старуха. — Мне твоя благодарность ни к чему. Но ты помнишь, как мы с тобой торговались? Я свое дело сделала — вылечила свинью; теперь твой черед. Дай мне то, чего я желаю, — сына своего дай!

Бедная вдова жалобно вскрикнула. Она уже догадалась, что старуха в зеленом платье — фея, да к тому же — злая фея. А не то она не стала бы отнимать ребенка у матери. Но просить и

молить о пощаде было уже поздно. Фея, жестокая и непреклонная, стояла на своем.

— Ты обещала дать мне то, чего я пожелаю, — говорила она. — Я пожелаю взять твоего сына, и сына твоего я получу. Так что нечего хныкать — толку все равно не будет. Но кое-что я тебе скажу — я знаю, тебе это все равно не поможет. По закону Страны Фей, я не могу взять у тебя ребенка раньше, чем на третий день после нынешнего. А если ты к этому времени узнаешь, как меня зовут, я и тогда не смогу его забрать. Но ты не сможешь узнать мое имя — в этом я уверена... Итак, я приду за ребенком через два дня на третий.

Тут фея обогнула свиной хлев и скрылась из виду, а бедная молодая мать замертво упала на землю.

Весь этот день и весь следующий она просидела у себя на кухне — все плакала и крепко прижимала ребенка к груди. Но в канун того дня, когда фея должна была вернуться, бедняжке захотелось пойти подышать свежим воздухом. И вот она пошла погулять в еловый лес, что рос за усадьбой.

А в этом лесу была заброшенная каменоломня и на ее дне — родничок с прозрачной чистой водой. Молодая вдова шла по краю каменоломни, как вдруг до нее донеслось жужжание прялки и чье-то пение. Сначала она не могла понять, откуда доносятся эти звуки, потом догадалась, что — со дна каменоломни.

Тогда молодая мать положила ребенка под ближнее дерево, потом осторожно раздвинула кусты, на коленях подползла к самому краю каменоломни и заглянула в нее. И тут она прямо глазам своим не поверила. Ведь там внизу, на самом дне, у родника сидела злая фея в своем зеленом платье и высокой войлочной шляпе и быстро-быстро пряла на маленькой прялке. А пела она вот что:

Хозяйка этого дома не знает.

Что Уиннети Стури меня прозывают.

Молодая мать чуть не вскрикнула от радости — ведь она узнала тайну феи и поняла, что теперь ее ребенок спасен. Но она боялась, как бы жестокая старуха не заметила ее и не околдовала злыми чарами. И вот она тихонько поползла обратно к ребенку, взяла его на руки и побежала по лесу домой. Она смеялась, и пела, и подбрасывала в воздух сынишку, и вообще так ликовала, что, если бы ее кто-нибудь встретил, наверное, подумал бы, что она помешалась.

Надо сказать, что в девушках молодая вдова была веселая. Да и теперь была бы веселой, если бы не довелось ей хлебнуть столько горя в замужестве. А горе ее и состарило, и образумило раньше времени. Но теперь она подумала: «Надо мне сначала немножко подразнить фею, а потом уже сказать, что я узнала ее имя».

На другой день она в назначенный час вышла из дому с ребенком на руках и опять села на большой камень. А как только увидела, что старуха поднимается к усадьбе по горному склону, смяла свой чистый чепчик, исцарапала себе лицо и горько зарыдала — словом, притворилась, что не помнит себя от горя.

Однако злая фея не обратила на это внимания. Она подошла вплотную к молодой женщине и проговорила резким непреклонным голосом:

— Хозяйка Киттлрампита, ты знаешь, зачем я пришла! Давай ребенка!

Тут молодая мать сделала вид, что пришла в полное отчаяние. Она упала на колени перед злой старухой и взмолилась:

— О милостивая госпожа, пощадите моего младенца! Вместо него лучше возьмите свинью!

— В тех краях, откуда я пришла, мы в ветчине не нуждаемся, — отрезала фея. — Давай-ка мальчишку, и я уйду. Некогда мне тут с тобой болтать!

— О дорогая леди, — плакалась молодая хозяйка Киттлрампита, — если уж не хотите свиньи, возьмите меня вместо моего бедного малыша!

Фея удивленно посмотрела на нее и сделала шаг назад.

— Ты что, с ума сошла, женщина? — надменно воскликнула она. — Как ты смеешь мне предлагать себя? Да кому ты нужна, такая безобразная, красноглазая замарашка?

Надо сказать, что молодая хозяйка Киттлрампита не была красавицей, да никогда и не считала себя красивой. Но слова феи так ее рассердили, что она не утерпела и сказала:

— Вы правы, прекрасная госпожа. Надо мне было самой догадаться, что такая, как я, не достойна даже завязать шнурки на башмаках высокородной и всесильной принцессы Уиппети Стури!

Ну, будь в этом дворе зарыт громадный запас пороха и взорвись он внезапно у самых ног злой феи, она и то не смогла бы подпрыгнуть так высоко, как подпрыгнула в этот миг.

А когда фея вновь коснулась ногами земли, она тотчас

повернулась и побежала вниз по склону, визжа от злости и досады. Ни дать ни взять «сова, за которой ведьмы гонятся», как сказано в одной старинной книге.

ПАЖ И СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОК

Шотландская сказка

Жил-был когда-то один мальчик. Он служил пажом в богатом замке. Мальчик он был послушный, и все в замке его любили — и знатный граф, его господин, которому он прислуживал, став на одно колено, и тучный старик дворецкий, у которого был на побегушках.

Замок стоял на краю утеса, над морем. Стены у него были толстые, и на той его стороне, что выходила на море, в стене была небольшая дверца. Она вела на узкую лестницу, а лестница спускалась по обрыву к воде. По ее ступенькам можно было сойти на берег и солнечным летним утром искупаться в искрящемся море.

Вокруг замка раскинулись цветники, сады, лужайки, а за ними обширная, поросшая вереском пустошь простиралась до отдаленной горной цепи.

Маленький паж любил гулять по этой пустоши в свободное время. Там он бегал, сколько хотел, гонялся за шмелями, ловил бабочек, разыскивал птичьи гнезда. Старик дворецкий охотно отпускал пажа гулять — он знал, что здоровому мальчику полезно порезвиться на свежем воздухе. Но перед тем, как отпустить пажа, старик всегда предостерегал его:

— Только смотри, малыш, не забудь моего наказа: гулять гуляй, но держись подальше от Бугра Фей. Ведь с «маленьким народцем» надо держать ухо востро!

Бугром Фей он называл небольшой зеленый холмик, что возвышался ярдах в двадцати от садовой калитки. Люди говорили, что в этом холмике обитают феи и они наказывают каждого, кто дерзнет приблизиться к их жилищу. Поэтому деревенские жители за полмили обходили холмик даже днем — так они боялись подойти к нему слишком близко и прогневать «маленький народец». А ночью люди и вовсе не ходили по пустоши. Ведь всем известно, что по ночам феи вылетают из своей обители, а дверь в нее остается открытой настежь. Вот и может случиться, что какой-нибудь незадачливый смертный оплошает и попадет через эту дверь к феям.

Но мальчик-паж был смельчак. Он не только не боялся фей,

но прямо-таки жаждал увидеть их обитель. Ему не терпелось узнать, какие они, эти феи!

И вот как-то раз ночью, когда все спали, мальчик тихонько выбрался из замка. Открыл дверцу в стене, сбежал с каменной лестницы к морю, потом поднялся на вересковую пустошь и устремился прямо к Бугру Фей.

К великому его удовольствию, оказалось, что люди правду говорили: верхушка Бугра Фей была как ножом срезана, а изнутри лился свет.

Сердце у мальчика забилося — так ему было любопытно узнать, что там внутри! Он собрался с духом, взбежал на холмик и прыгнул в отверстие.

И вот он очутился в огромном зале, освещенном бесчисленными крошечными свечками. Тут за блестящим, словно лаком покрытым столом сидело множество фей, эльфов, гномов. Одеты они были кто в зеленые, кто в желтые, кто в розовые платья. У других одежды были голубые, лиловые, ярко-алые — словом, всех цветов радуги.

Мальчик-паж стоял в темном углу, дивился на фей и думал: «Сколько их тут, этих малюток! Как странно, что живут они по соседству с людьми, а люди ничего про них не знают!» И вдруг кто-то — мальчик не заметил, кто именно, — провозгласил:

— Несите кубок!

Тотчас два маленьких эльфа-пажа в ярко-алых ливреях кинулись от стола к крошечному стенному шкафу в скале. Потом вернулись, сгибаясь под тяжестью великолепного серебряного кубка, богато разукрашенного снаружи и позолоченного внутри.

Они поставили кубок на середину стола, а все феи захлопали в ладошки и закричали от радости. Потом они по очереди стали пить из кубка. Но сколько бы они ни пили, вино в кубке не убывало. Он все время оставался полным до краев, хотя никто его не доливал. А вино в кубке все время менялось, как по волшебству. Каждый, кто сидел за столом, по очереди брал в руки кубок и говорил, какого вина ему хочется отведать. И кубок мгновенно наполнялся этим самым вином.

«Хорошо бы унести этот кубок домой! — подумал мальчик-паж. — А то никто ведь не поверит, что я здесь побывал. Надо мне что-нибудь взять отсюда — доказать, что я тут был». И он стал ждать удобного случая.

Вскоре феи его заметили. Но они ничуть на него не разгневались за то, что он прокрался в их жилище. Они даже как будто обрадовались ему и пригласили его сесть за стол.

Однако мало-помалу они принялись грубить и дерзить своему незваному гостю. Они насмехались над мальчиком за то, что он служит у простых смертных. Говорили, что им известно все, что делается в замке, и вышучивали старого дворецкого. А ведь мальчик его горячо любил. Высмеивали они и пищу, которую мальчик ел в замке, говорили, что она годится только для животных. А когда эльфы-пажи в ярко-алых ливреях ставили на стол какое-нибудь новое кушанье, феи подвигали блюдо к мальчику и потчевали его:

— Попробуй! В замке тебе такого не придется отведать.

Наконец мальчик не выдержал их насмешек. К тому же ведь он решил унести кубок, и пора было это сделать. Он вскочил и поднял кубок, крепко сжав его ножку обеими руками.

— За ваше здоровье выпью воды! — крикнул он.

И рубиново-красное вино в кубке мгновенно превратилось в чистую холодную воду.

Мальчик поднес кубок к губам, но пить не стал, а одним рывком выплеснул всю воду на свечи. Зал сразу погрузился в непроглядную тьму, а мальчик, крепко держа в руках драгоценный кубок, бросился к верхнему отверстию и выскочил из Бугра Фей на свет звезд. Выскочил он как раз вовремя, едва успел, ибо в тот же миг бугор с грохотом развалился у него за спиной.

И вот мальчик-паж бросился бежать со всех ног по росистой пустоши, а вся толпа фей пустилась за ним в погоню.

Феи точно взбесились от ярости. Мальчик слышал их пронзительные, гневные крики и хорошо понимал, что, если его догонят, пощады не жди. Сердце у него упало. Как ни быстро он бежал, но где же ему было тягаться с феями! А они уже нагоняли его. Казалось, еще немного, и он погибнет.

Но вдруг во мраке зазвучал чей-то таинственный голос:

*Коль хочешь к замку путь найти,
На берегу ищи пути.*

То был голос одного несчастного смертного. Он когда-то попал в плен к феям и не хотел, чтобы смелого мальчика постигла та же участь. Но в тот час мальчик-паж этого еще не знал.

Однако он помнил, что феи не смогут тронуть человека, если он ступит на прибрежный мокрый песок.

И вот паж свернул в сторону и побежал к берегу. Ноги его увязали в сухом песке, он тяжело дышал и уже думал, что вот-вот упадет без сил. Но все-таки бежал.

А феи нагоняли его, и те, что мчались впереди, уже готовы были его схватить. Но тут мальчик-паж ступил на мокрый твердый песок, с которого только что схлынули морские волны, и понял, что спасся.

Ведь феи не могли здесь и шагу ступить. Они стояли на сухом песке и громко кричали в досаде и ярости, а мальчик-паж с драгоценным кубком в руках мчался по кромке берега. Он быстро взбежал по ступеням каменной лестницы и скрылся за дверцей в толстой стене.

Прошло много лет. Мальчик-паж сам стал почтенным дворецким и учил маленьких пажей прислуживать. А драгоценный кубок, свидетель его приключения, хранился в замке.

КУЗНЕЦ И ФЕИ

Шотландская сказка

В Конисгалле на острове Айлей жил когда-то кузнец по имени Алесдер Мак-Икерн, а по прозвищу Алесдер Сильная Рука. Жил он поблизости от своей кузницы в каменной хижине. Жена его умерла от родов и оставила ему единственного сына Нейла. Нейл был юноша смирный, невысокий, с задумчивыми глазами. Он хорошо помогал отцу в кузнице и обещал стать искусным мастером. Соседи советовали Алесдеру получше смотреть за сыном, пока он не станет взрослым. Ведь «маленький народец» охотнее всего похищает таких юношей, как он. Феи уносят их в Страну Света и уже не отпускают, заставляя плясать, пока несчастные не допляшутся до смерти.

Алесдер послушался совета соседей и стал каждый вечер вывешивать над дверью своего домика ветку рябины. Ведь рябина — надежная защита от чар «маленького народца».

Но вот однажды пришлось Алесдеру уйти по делу. Он собирался вернуться домой только на другой день и перед уходом наказал сыну:

— Смотри не забудь нынче вечером повесить ветку рябины перед входной дверью, а не то «маленький народец» затащит тебя к себе.

Нейл, кивнув, сказал, что не забудет, и Алесдер Сильная Рука ушел.

После его ухода Нейл подмел пол в комнате, подоил козу, покормил кур, потом завернул в тряпицу полдюжины лепешек из овсяной муки да кусок козьего сыра и ушел в горы. Там он любил бродить, чувствуя, как гнется под ногами упругий вереск, и слушать журчание ручейков, что стекают с горного склона.

Зашел он в тот день далеко. Брел себе да брел, проголодавшись, закусывал овсяными лепешками и козым сыром, а когда уже стемнело, вернулся домой, еле волоча ноги. Бросился на свою кровать в углу и сразу же заснул. Про наказ отца он совсем позабыл и не повесил над дверью ветки рябины.

На другой день кузнец вернулся домой, и что же он увидел? Входная дверь открыта настежь, огонь в очаге не горит, пол не подметен, коза не доена, петух и куры не кормлены. Он стал громко звать сына — хотел спросить, почему тот сидел сложа руки. И вдруг в углу, где стояла кровать Нейла, зазвучал слабый, тонкий и какой-то странный голосок:

— Я здесь, отец, еще не встал с постели. Заболел я... Придет-ся мне лежать, пока не поправлюсь.

Алесдер очень встревожился, а когда подошел к кровати, ужаснулся — сына его узнать нельзя было! Он лежал под одеялом бледный, исхудалый. Лицо его пожелтело, покрылось морщинами — словом, казалось, что это не юноша, а старичок.

Так Нейл пролежал несколько дней, и лучше ему не становилось, хотя он ел, как обжора, ел целый день напролет, без передышки, и все никак насытиться не мог.

Алесдер не знал, что делать. Но как-то раз к нему зашел один старец, что слыл человеком мудрым и многознающим. Кузнец обрадовался гостю, надеясь, что тот разберется в болезни Нейла. И он стал рассказывать старцу, какая напасть приключилась с юношей, а тот внимательно слушал и временами кивал головой. Наконец Алесдер закончил свой рассказ и вместе с гостем осмотрел Нейла. Потом оба они вышли из дома, и старец сказал:

— Ты спрашиваешь меня, чем хворает твой сын, а я скажу тебе, что это вовсе не твой сын. Нейла подменили. Его похитил «маленький народец», когда тебя не было дома, а вместо него оставил подменыша.

Кузнец смотрел на старца в отчаянии.

— Ох, что же делать? — спросил он. — И неужто мне больше никогда не видать своего сына?

— Я скажу тебе, что ты должен сделать, — ответил старец. — Но сначала надо узнать наверное, что на кровати твоего сына и впрямь подменыш лежит... Иди домой и набери столько пустых яичных скорлупок, сколько найдешь. Осторожно разложи их на виду у подменыша, налей в скорлупки воды, а потом бери их в руки одну за другой и неси с таким видом, словно они очень тяжелые. А когда подойдешь к очагу, опять-таки как можно осторожнее разложи их перед огнем.

Алесдер решил послушаться старца и вернулся домой. Там он в точности выполнил его совет. И вдруг с кровати в углу до него донесся скрипучий смех и пронзительный голосок того, кого кузнец принимал за своего сына:

— Мне уже восемьсот лет стукнуло, но такого я в жизни не видывал!

Алесдер сейчас же пошел к старцу, и тот сказал:

— Ну, больше сомневаться нечего — твоего сына подменили. Теперь ты как можно скорее отделайся от подменыша, а потом я тебя научу, как разыскать сына. Разведи жаркий огонь перед кроватью подменыша. Он спросит тебя: «Зачем это?» А ты скажи: «Сейчас увидишь!» И тут хватай его и бросай в огонь. Он тогда улетит в дымовую дыру в крыше.

Кузнец опять вернулся домой и сделал так, как советовал старец. Он развел огонь перед кроватью подменыша, и тот спросил пронзительным, тонким голоском:

— Зачем это?

— Сейчас увидишь! — ответил кузнец.

Схватил подменыша и бросил его в огонь. Подменыш пронзительно взвизгнул, подпрыгнул на своих желтых ножках и вместе с дымом вылетел прямо через дыру в крыше. Тут его и след простыл.

— А теперь что мне делать? — спросил Алесдер старца. — Надо мне немедленно отыскать сына.

— Сына твоего феи затащили вон в тот округлый зеленый бугор, — ответил старец и показал пальцем на поросший травой холмик за домом кузнеца. — Там внутри они и живут. В ночь следующего полнолуния бугор откроется, и тогда ступай туда искать сына. Возьми с собой Священное писание, кинжал и петуха и войди в бугор. Ты услышишь пение и веселый шум, увидишь пляски и ослепительный свет. А чтобы бугор за тобой

не замкнулся, воткни свой кинжал в землю у входа — феи ведь не смеют коснуться холодной стали, что выкована людскими руками. Потом ступай вперед смело и без всякого страха — святая книга охранит тебя от всех опасностей. Скоро ты войдешь в просторную палату и в ее конце увидишь, как сын твой работает за наковальней. «Маленький народец» станет тебя расспрашивать, а ты скажи, что пришел за своим сыном и без него не уйдешь.

Затем старец простился с кузнецом, а тот поблагодарил его и пожелал ему счастья.

Надо сказать, что Алесдер был не только силач, но и храбрец, и он с нетерпением ждал, когда ему можно будет пойти на поиски Нейла. Луна была на ущербе. Каждый день она уменьшалась, потом исчезла, потом появилась' опять. И когда наконец настало полнолуние, кузнец вышел из дома и зашагал к зеленому бугру на горном склоне. Кинжал в ножнах висел у него на поясе, за пазухой он нес святую книгу, а под мышкой — крепко спящего петуха.

Вскоре Алесдер подошел к бугру, и ему почудилось, будто оттуда доносятся негромкое пение и веселый шум. Он стал ждать у подножия бугра, а пение звучало все громче и громче, и вдруг бугор открылся, и оттуда брызнул яркий свет. Алесдер вскочил, выхватил кинжал из ножен и, дрожа, воткнул его в землю у входа в Страну Фей, как ему и наказывал старец. Потом смело пошел на яркий свет. Святую книгу он крепко прижимал к груди, а петуха нес под мышкой левой руки.

И вот он увидел толпу фей и их колдовские пляски, опасные для людей. Ведь смертный, если он попадет к феям, поневоле будет плясать с ними до упаду, пока вдруг не очутится на холодном горном склоне, дряхлый, одинокий.

Увидел кузнец и своего сына. Бледный, с безумными глазами, Нейл ковал что-то на волшебной наковальне посреди толпы фей в зеленых одеждах.

А феи, как только заметили незваного гостя, толпой бросились к нему, чтобы узнать, как это смертный посмел ворваться в их владения. Но ни одна не могла приблизиться к Алесдеру и зачаровать его — кузнеца охраняла святая книга. И вот он посмотрел на сына и крикнул:

— Расколдуйте моего сына и отпустите домой к своим!

Нейл услышал голос Алесдера и вздрогнул. Он узнал отца и шагнул к нему, протянув руки. Но феи только расхохотались

зловещим хохотом. Они словно издевались над надеждами кузнеца вернуть сына.

И в этот миг — ведь время в мире фей бежит быстрее, чем в мире смертных — над горным склоном забрезжил рассвет, а петух под мышкой у Алесдера зашевелился, проснулся, и красный его гребешок стал торчком. Петух вытянул шею и громко закукарекал, приветствуя наступающий день.

А феи бояться петушиного крика. Для них он звучит, как приказ затвориться в своей обители, ведь они не смеют держать ее открытой при дневном свете. «Маленький народец» пришел в замешательство, и смех его затих. Феи принялись толкать Алесдера и Нейла к выходу, требуя, чтобы кузнец поскорее вытащил из земли свой кинжал — им надо было замкнуть бугор и скрыть свою обитель от людских глаз. Но как только Алесдер взял свой кинжал и бугор закрылся за ним и его сыном, чей-то нечеловеческий голос крикнул:

— Твой сын будет немым, пока не рассеет моих чар! Пусть падет на него проклятие фей!

И вот кузнец с сыном снова очутились на знакомом горном склоне. Они вглядывались при свете зари в невысокую траву, но так и не могли найти того места, где был вход в Страну Фей.

Потом они вернулись домой, и Алесдер снова стал раздувать мехи в кузнице, а сын помогал ему. Но великое горе постигло кузнеца — с тех пор как Нейл вырвался из плена в Стране Фей, уста его замкнулись и он не мог вымолвить ни слова. Так сбылось предсказание фей. И Нейл уже думал, что до конца дней своих останется немым, — ведь он не знал, как рассеять колдовство.

Но вот прошел один год и один день с тех пор, как Нейл вернулся домой. Алесдер тогда ковал новый палаш для вождя своего клана, а Нейл помогал отцу. Он держал над огнем раскаленный докрасна стальной палаш, стараясь, чтобы клинок вышел острым и хорошо закаленным. И все это время он молчал.

Но когда Алесдер уже заканчивал работу, Нейл вдруг вспомнил о своем недолгом плене в Стране Фей. Он вспомнил, какая там была наковальня и как искры рассыпались от нее во все стороны; вспомнил, как искусно ковали свои блестящие мечи кузнецы-эльфы и как они чарами закаляли клинки, чтобы их волшебное оружие никогда не подводило своего хозяина. И

тут, к удивлению Алесдера, Нейл взялся сам доковать палаш для вождя. И палаш вышел точно таким, какие ковали себе феи. А Нейл, закончив все, отступил на шаг и с торжеством посмотрел на отца.

— Этот палаш никогда не подведет того, кто возьмет его в руки! — сказал он.

То были первые слова, какие он произнес за один год и один день. Ведь, к счастью, он сделал как раз то самое, что требовалось для того, чтобы расколдовать себя: выковал волшебное оружие и тем рассеял чары фей.

С того часа он совсем позабыл о Стране Фей и со временем заменил отца, сделавшись лучшим кузнецом во всем своем клане. А вождь клана ценил выкованный им волшебный палаш превыше всех своих сокровищ, ибо палаш этот никогда не подводил хозяина в бою, но приносил великие победы ему и славу всему клану.

ФЕИ МЕРЛИНОВОЙ СКАЛЫ

Шотландская сказка

Лет двести назад жил-был некий бедный человек. Он работал батраком на одной ферме в Ланеркшире, был там, как говорится, на побегушках — выполнял разные поручения и делал все, что прикажут.

Как-то раз хозяин послал его копать торф на торфянике. А надо вам сказать, что в конце этого торфяника высилась скала, очень странная на вид. Ее прозвали «Мерлинова скала». Так ее называли потому, что в ней, по преданию, когда-то давным-давно жил знаменитый волшебник Мерлин.

Вот батрак пришел на торфяник и с великим усердием принялся за работу. Он долго копал торф на участке по соседству с Мерлиновой скалой и уже накопил целую кучу, как вдруг вздрогнул от неожиданности — перед ним стояла такая крошечная женщина, какой он в жизни не видывал, фута в два ростом, не больше. Она была в зеленом платье и красных чулках, а ее длинные желтые волосы не были перевязаны ни лентой, ни тесемкой и рассыпались по плечам.

Женщина была такая маленькая да такая ладненькая, что батрак, не помня себя от удивления, перестал работать и, воткнув заступ в торф, смотрел на нее во все глаза. Но он

удивился еще больше, когда женщина подняла крошечный пальчик и проговорила:

— Что бы ты сказал, если бы я послала своего мужа снять кровлю с твоего дома, а? Вы, люди, воображаете, что вам все дозволено! — Она топнула крошечной ножкой и строгим голосом приказала батраку: — Сейчас же положи торф на место, а не то после будешь каяться!

Бедняк не раз слышал много всяких рассказов про фей и про то, как они мстят своим обидчикам. Он задрожал от страха и принялся перекладывать торф обратно. Каждый кусок он клал на то самое место, откуда взял его, так что все его труды пропали даром.

Но вот он с этим покончил и огляделся в поисках своей диковинной собеседницы. А ее и след простыл. Как и куда она скрылась, он не заметил. Батрак вскинул заступ на плечо, вернулся на ферму и доложил хозяину обо всем, что с ним приключилось. А потом сказал, что лучше, мол, копать торф на другом конце торфяника.

Но хозяин только расхохотался. Сам он не верил ни в духов, ни в фей, ни в эльфов — словом, ни во что волшебное, и ему пришлось не по нраву, что его батрак верит во всякую чепуху. И вот он решил образумить его. Приказал батраку тотчас же запрячь лошадь в повозку, поехать на торфяник и забрать оттуда весь выкопанный торф, а как вернется на ферму, разложить торф во дворе для просушки.

Не хотелось батраку выполнять приказ хозяина, а делать нечего — пришлось. Но неделя проходила за неделей, а ничего плохого с ним не случилось, и он наконец успокоился. Он даже начал думать, что маленькая женщина ему просто привиделась и, значит, хозяш его оказался прав.

Прошла зима прошла весна, прошло лето, и вот снова наступила осень, и ровно год прошел с того дня, когда батрак копал торф у Мерлиновой скалы.

В тот день батрак ушел с фермы после захода солнца и направился к себе домой. В награду за усердную работу хозяин дал ему небольшой кувшин молока, и батрак нес его своей жене.

На душе у него было весело, и он бодро шагал, напевая песню. Но как только он подошел к Мерлиновой скале, его сморила неодолимая усталость. Глаза у него слипались, как перед сном, а ноги стали тяжелыми, как свинец.

«Дай-ка я тут посижу, отдохну немного, — подумал он. —

Нынче дорога домой кажется мне что-то уж очень длинной». И вот он сел в траву под скалой и вскоре заснул глубоким тяжелым сном.

Проснулся он уже около полуночи. Над Мерлиновой скалой взошел месяц. Батрак протер глаза и увидел, что вокруг него вихрем вьется огромный хоровод фей. Они пели, плясали, смеялись, показывали на батрака крошечными пальчиками, грозили ему маленькими кулачками и все кружили и кружили вокруг него при свете месяца.

Не помня себя от удивления, батрак поднялся на ноги и попытался было уйти прочь — подальше от фей. Не тут-то было! В какую бы сторону он ни ступал, феи мчались за ним и не выпускали его из своего заколдованного круга. Так что батрак никак не мог вырваться на свободу.

Но вот они перестали плясать, подвели к нему самую хорошенькую и нарядную фею и закричали с пронзительным смехом:

— Попляши, человек, попляши с нами! Попляши, и тебе никогда уже не захочется покинуть нас! А это твоя пара!

Бедный батрак не умел плясать. Он смущенно упирался и отмахивался от нарядной феи. Но она ухватила его за руки и повлекла за собой. И вот будто колдовское зелье проникло в его жилы. Еще миг, и он уже скакал, кружился, скользил по воздуху и кланялся, словно всю жизнь только и делал, что плясал. Но что всего страннее — он начисто позабыл про свой дом и семью. Ему было так хорошо, что у него пропало всякое желание убежать от фей.

Всю ночь кружился веселый хоровод. Маленькие феи плясали, как безумные, и батрак плясал в их заколдованном кругу. Но вдруг над торфяником прозвучало громкое «ку-ка-ре-ку». Это петух на ферме во все горло пропел свое приветствие заре.

Веселье прекратилось мгновенно. Хоровод распался. Феи с тревожными криками сгрудились в кучку и устремились к Мерлиновой скале, увлекая за собой батрака. А как только они долетели до скалы, в ней сама собой открылась дверь, которой батрак никогда раньше не замечал. И не успели феи проникнуть в скалу, как дверь с шумом захлопнулась.

Она вела в огромный зал. Он был тускло освещен тоненькими свечками и заставлен крошечными ложами. Феи так устали от плясок, что сразу же улеглись спать на свои ложа, а батрак сел на обломок камня в углу и подумал: «А что же дальше будет?»

Но, должно быть, его околдовали. Когда феи проснулись и принялись хлопотать по хозяйству, батрак с любопытством пригля-

дывался к ним. А о том, чтобы с ними расстаться, он и не помышлял. Феи занимались не только хозяйством, а и другими, довольно-таки странными делами — батрак такого в жизни не видывал, — но, как вы позже узнаете, про это ему запретили рассказывать.

И вот уже под вечер кто-то дотронулся до его локтя. Батрак вздрогнул и, обернувшись, увидел ту самую крошечную женщину в зеленом платье и красных чулках, что год назад бранила его, когда он копал торф.

— В прошлом году ты снял торф с крыши моего дома, — сказала она, — но на ней опять вырос торфяной настил и покрылся травой. Поэтому можешь вернуться домой. За то, что ты натворил, тебя покарали. Но теперь срок твоего наказания кончился, а он ведь немалый был. Только сперва поклянись, что не будешь рассказывать людям про то, что видел, пока жил среди нас.

Батрак с радостью согласился и торжественно поклялся молчать. Тогда дверь открыли, и батрак вышел из скалы на вольный воздух.

Его кувшин с молоком стоял в траве, там, куда он его поставил перед тем, как заснуть. Казалось, будто фермер дал ему этот кувшин только вчера вечером.

Но когда батрак вернулся домой, он узнал, что это не так. Жена в испуге смотрела на него, как на привидение, а дети выросли и, видимо, даже не узнавали отца — уставились на него, словно на чужого человека. Да и не мудрено — ведь он расстался с ними, когда они были совсем маленькими.

— Где же ты пропадал все эти долгие, долгие годы? — вскричала жена батрака, когда опомнилась и наконец поверила, что он и вправду ее муж, а не призрак. — Как у тебя хватило духу покинуть меня и детей?

И тут батрак все понял: те сутки, что он провел в Мерлиновой скале, равнялись семи годам жизни среди людей.

Вот как жестоко покарал его «маленький народец» — феи!

ВОЛЫНЩИК ИЗ КЕЙЛА

Шотландская сказка

Есть в Кинтайре огромная пещера. Темный вход в нее зияет меж утесами скалистого берега, как широко разинутая пасть. В старину пещера эта была обителью фей.

Ходил слух, что в пещере много узких, извилистых, подземных ходов и тянутся они далеко в глубь страны. Где-то на

перепутье этих подземных дорог находится огромный зал. Там при свете бесчисленных волшебных свечек под звуки волшебной музыки бесчисленных музыкантов-эльфов пляшут и пируют феи во главе со своей королевой. И там они судят смертных, что дерзнули проникнуть в их владения.

Но почти никто не отваживался войти в огромную пещеру. Все жители западного побережья Шотландии хорошо знали, какие опасности и наваждения грозят смертному, что вступит во владения фей.

В Кейле жил некогда один смелый волынщик по имени Алесдер. Слава о его игре распространилась по всему Кинтайру. Когда соседи его после дневной работы собирались вместе, Алесдер играл им на своей волынке плясовые наигрыши, да так весело, что все в пляс пускались. А то вдруг начнет старинную песню — из тех, что играли еще его деды и прадеды, — и люди тогда слушают молча. По кругу ходит чаша с пенистым элем, а пламя очага, куда с молитвой подкладывают торф, озаряет все вокруг ярким светом.

Тут же всегда сидел песик волынщика, маленький фокстерьер. Песик и его хозяин крепко любили друг друга и никогда не расставались.

И вот как-то раз вечером, когда веселье было в разгаре, Алесдер, не раз хлебнув из круговой чаши, развеселился и, когда доиграл какую-то песню, сказал друзьям:

— А теперь я сыграю вам еще одну песню. Она не хуже тех, какие играют сами феи в большой пещере на взморье.

Он снова взял свою волынку и уже хотел было начать, но фермеры его остановили. Все они знали, что феи гnevаются на смертных, вздумавших потягаться с ними в их искусстве, и считали, что негоже Алесдеру так бахвалиться. Волынщик только было начал играть, как его прервал фермер Айен Мак-Гроу.

— Ох, Алесдер, — сказал он, — лучше отступись! Что правда, то правда — ты самый искусный волынщик во всем Кинтайре, но все мы знаем, что феи в большой пещере умеют играть так, как нам и не снилось. Игрой своей они могут оторвать ребенка от матери и мужчину от его любимой.

Волынщик на это только улыбнулся и гордо возразил:

— Ну, Айен Мак-Гроу, ты сказал, что хотел сказать, а я с тобой поспорю. Бьюсь об заклад, что этой же ночью я прогуляюсь со своей волынкой по всем подземным ходам в большой пещере, а потом вернусь на свет божий. Все это время я буду играть на волынке, но ничего плохого со мной не случится. А в

обители фей никому не сыграть такой красивой песни, как, например, вот эта.

Соседи только ахнули от его дерзких слов, а волынщик опять приложил к губам трубку волынки и заиграл развеселую «Песню без названия». Ни один из собравшихся в жизни своей не слышивал такого красивого и веселого напева.

Тем временем феи пировали и веселились в своем огромном зале. И вот услышали они, как бахвалится Алесдер, и разгневались на дерзкого волынщика из Кейла. Тогда нездешняя музыка бесчисленных музыкантов-эльфов зазвучала еще более громко и дико, а пламя бесчисленных свечек затрепетало. И сама королева фей приготовилась зачаровать могучими чарами смелого волынщика, как только он вступит в ее владения.

Должно быть, песик волынщика все это почуял — он ошетинился и глухо заворчал, когда Алесдер покинул веселое сборище и направился к утесам, продолжая играть «Песню без названия». Но песик так любил хозяина, что не захотел отстать и побежал за ним следом. Он догнал Алесдера, когда тот уже подошел ко входу в большую пещеру.

Соседи тоже провожали Алесдера, но шли они поодаль. И вот волынщик в лапке набекрень бесстрашно вступил во тьму пещеры, и его клетчатая юбочка развевалась при каждом шаге. Верный песик бежал за ним по пятам.

Соседи глядели им вслед, всматривались во мрак пещеры и долго еще слушали веселые, звонкие звуки волынки. И многие говорили, покачивая головами:

— Ох, не видать нам больше нашего храброго волынщика из Кейла!

Немного погодя веселая музыка внезапно перешла в душе-раздирающий визг и сразу же оборвалась. Потом, гулко отдаваясь от каменных стен, по извилистым подземным ходам раскатился зловещий нечеловеческий хохот и долетел до выхода из пещеры. И вдруг наступила тишина.

Соседи все еще недвижно стояли, дрожа от страха за своего чудесного волынщика, как вдруг, скуля и хромая, из пещеры выбежал его фокстерьер. Трудно было узнать бедного песика! Он весь облез — ни шерстинки не осталось у него на теле — и со всех ног мчался, сам не зная куда, выкатив глаза от ужаса, словно за ним гнались зеленые собаки фей.

Но хозяин его так и не вышел из пещеры. Соседи ждали Алесдера, пока заря не занялась над морем. Они звали его,

приложив руки ко рту. Но никто уже никогда больше не видел волынщика из Кейла.

Ни один человек во всем Кинтайре не отважился ступить в темную пещеру и отправиться на его поиски. Ведь все слышали зловещий хохот фей, а об этом хохоте никто даже вспомнить не может без того, чтобы по спине его не поползли мурашки.

Но на этом еще не кончается рассказ о волынщике из Кейла. Как-то раз вечером Айен Мак-Гроу и его жена сидели у огня на своей ферме, что стояла в нескольких милях от взморья. И вдруг жена фермера наклонилась и приложила ухо к каменной плите, что лежала перед очагом.

— Ты слышишь, хозяин, как на волынке играют? — спросила она мужа.

Фермер тоже прислушался и диву дался. Ведь и он, и жена его услышали «Песню без названия» и догадались, что это играет Алесдер, навеки обреченный феями блуждать по подземным ходам, что протянулись далеко в глубь страны.

Фермер с женой все прислушивались, а песня постепенно замирала. И вдруг послышался жалобный голос самого волынщика:

*Мне уж не выйти на вольный свет,
Я бродить обречен, и спасенья мне нет!
О, горе мое неизбывное!..*

В наши дни говорят, будто еще живы люди, что слышали игру волынщика, когда проходили по тому месту, где некогда стояла ферма Айена Мак-Гроу. И всякий раз в звуки песнирывался этот крик отчаяния.

ФАРКУЭР МАК-НЕЙЛ

Шотландская сказка

Жил-был когда-то юноша по имени Фаркуэр Мак-Нейл. Однажды пришлось ему переменить работу и поступить на новое место. В первый же вечер хозяйка велела ему сходить на гору к соседу и попросить у него сито. Ее сито продырявилось, а ей надо было просеять муку.

Фаркуэр охотно согласился и собрался в путь. Хозяйка объяснила ему, по какой тропинке надо идти, и сказала, что найти дом соседа нетрудно — в окне у него будет гореть свет.

Вскоре Фаркуэр заметил, что невдалеке, слева от тропинки, что-то светится, и подумал, что это — у соседа в окне. Он успел позабыть, что хозяйка велела ему идти прямо по тропинке в гору, и свернул влево, в ту сторону, где горел свет.

Ему казалось, что он уже подходит к дому соседа, как вдруг он споткнулся, упал, провалился сквозь землю и полетел вниз. Долго он летел так, пока наконец не шлепнулся прямо в гостиную фей. А она была глубоко под землей.

В гостиной собралось множество фей, и все они занимались разными делами.

У самого входа, а вернее, под той дырой, сквозь которую провалился Фаркуэр, две маленькие старенькие феи в черных передниках и белых чепчиках усердно мололи зерно на ручной мельнице из двух плоских жерновов. Две другие феи помоложе в голубых с разводами платьях и белых косынках брали смолотую муку и месили из нее тесто на пышки. Потом клали пышки на сковороду и пекли их на огне очага. Очаг был в углу, и в нем нежарко горел торф.

А в самой середине просторной комнаты большая толпа фей, эльфов и духов лихо плясала под звуки крошечной волынки. На волынке играл маленький смуглый гном. Он сидел на каменном выступе высоко над толпой.

Когда Фаркуэр внезапно появился среди фей, все они замерли и в испуге уставились на него. Но как только увидели, что он не расшибся, важно поклонились ему и попросили его присесть. А потом как ни в чем не бывало опять принялись кто играть и плясать, а кто хлопотать по хозяйству.

Но Фаркуэр и сам любил поплясать, так что ему ничуть не хотелось сидеть одному в стороне от веселых плясуний. И он попросил фей позволить ему потанцевать с ними.

Они как будто удивились его просьбе, но все-таки уважили ее. И вот Фаркуэр пустился в пляс и плясал так же весело, как сами феи.

Но тут с ним произошла странная перемена. Он забыл, откуда и куда он шел, забыл свой родной дом, забыл всю свою прошлую жизнь. Он знал только, что хочет остаться у фей навсегда.

И он остался у них. Ведь он уже был заколдован и потому уподобился им. Ночью он мог невидимкой бродить по земле, пить росу с травы, высасывать нектар из цветов. И все это он проделывал так ловко и бесшумно, как будто родился эльфом.

Время шло, и как-то раз вечером Фаркуэр вылетел вместе с

толпой веселых друзей в большое путешествие. Вылетели они рано, потому что собирались погостить у Того, Кто Живет На Луне, а вернуться домой им надо было до первых петухов.

Все обошлось бы хорошо, если бы Фаркуэр смотрел, куда он летит. Но он слишком пылко ухаживал за юной феей, летевшей рядом с ним, вот и не увидел дома, что стоял у него на пути. Налетел на дымовую трубу и застрял в соломенной кровле.

Спутники его ничего не заметили и весело умчались вдаль, так что Фаркуэру пришлось выпутываться самому. Вот он стал выбираться из соломы и ненароком заглянул в широкую трубу. Видит — внизу, в кухне, сидит красивая молодая женщина и нянчит румяного ребенка.

Надо сказать, что когда Фаркуэр был человеком, он очень любил детей. И тут у него невольно сорвалось с языка доброе пожелание этому ребенку.

— Да хранит тебя Бог! — сказал он, глядя на мать и дитя.

Он и не подозревал, к чему это приведет. Но едва он успел проговорить доброе пожелание, как чары, что над ним тяготели, рассеялись, и он вновь стал таким, каким был раньше.

Фаркуэр тотчас же вспомнил и всех своих близких на родине, и свою новую хозяйку, что, должно быть, ждет не дождется сита. Ему казалось, что прошло уже несколько недель, с тех пор как он отправился за этим ситом. И он поспешил вернуться на ферму.

Пока он туда шел, все вокруг было ему в диковинку. Лес вырос там, где раньше никакого леса не было; каменные ограды стояли там, где раньше не было никаких оград. Как ни странно, он не смог отыскать дорогу на ферму и, хуже того, — не нашел даже своего отчего дома. Там, где стоял его дом, Фаркуэр увидел только густые заросли крапивы.

В смущении он начал искать кого-нибудь, кто мог бы объяснить ему, что все это значит. Наконец он увидел старика, что покрывал соломой крышу одного домика.

Старик был такой тощий и седой, что Фаркуэр издала даже принял его за клочок тумана, и только когда подошел поближе, увидел, что это человек. Фаркуэр подумал, что такой дряхлый старик, наверное, глуховат, и потому подошел вплотную к стене дома и громким голосом спросил:

— Ты не знаешь, куда подевались все мои друзья и родные и что случилось с домом моего отца?

Старик выслушал его и покачал головой.

— О твоём отце я и не слыхивал, — ответил он не спеша. — Но, может, мой отец и расскажет тебе что-нибудь про него.

— Твой отец! — воскликнул Фаркуэр, очень удивленный. — Да разве твой отец еще жив?

— Жив, — ответил старик, посмеиваясь. — Войдя в дом, увидишь его в кресле у камелька.

Фаркуэр вошел в дом и увидел там другого старца. Этот был до того тощий, сморщенный, сторбленный, что на вид ему было лет сто, не меньше. Слабыми руками он вил веревки, какими закрепляют солому на крыше.

— Ты не можешь рассказать мне хоть что-нибудь про моих родных и про мой отчий дом? — спросил его Фаркуэр, хоть и сомневался, что такой древний старец способен вымолвить слово.

— Я-то не могу, — прошамкал старец, — а вот мой отец, он, пожалуй, сможет.

— Твой отец! — воскликнул Фаркуэр, не помня себя от удивления. — Да ведь он, наверное, давным-давно умер!

Старец с мудрой усмешкой покачал головой.

— Погляди туда, — сказал он и показал скрюченным пальцем на кожаную сумку, что висела на столбике деревянной кровати в углу.

Фаркуэр подошел к кровати и чуть не до смерти испугался — из сумки выглянул крошечный старичок со сморщенным личиком и в красном колпачке. Он совсем съежился и высох, такой он был старый.

— Вынь его, он тебя не тронет, — сказал старец, что сидел у огня, и захихикал.

Фаркуэр осторожно взял крошечного старичка большим и указательным пальцами, вынул его из сумки и посадил на ладонь своей левой руки. Старичок так ссохся от старости, что походил на моши.

— Может, хоть ты знаешь, что случилось с моим отчим домом и куда подевались мои родные? — в третий раз спросил Фаркуэр; но он уже не надеялся получить ответ.

— Все они умерли задолго до того, как я родился, — пропищал крошечный старичок. — Сам я никого из них не видал, но слышал, как про них мой отец говаривал.

— Так, значит, я старше тебя! — вскричал Фаркуэр, ошеломленный.

И это его так сразило, что кости его внезапно рассыпались в прах и он рухнул на пол кучей серой пыли.

ДАРЫ ФЕЙ КРЕНСКОГО ОЗЕРА

Итальянская сказка

В Ниольских горах, где так редко выпадают дожди, где от жары камни рассыпаются в песок, а земля становится твердой, как камень, лепились к склонам домишки маленького селения. Крестьяне в этом селении жили бедно, хоть и работали много. Если бы они так трудились где-нибудь в долине, они, пожалуй, жили бы припеваючи. И все-таки даже эта бесплодная земля кое-как кормила их.

Но вот настал тяжкий год в Ниольских горах. Если на землю и падали капли влаги, то это был только пот, что стекал по лицам крестьян, измученных напрасной работой. А дождя за все лето так и не было. В селении начался голод. Больше всех голодал старый крестьянин, у которого было двенадцать сыновей и ни одного мешка муки в запасе.

Однажды он сказал:

— Горько мне с вами расставаться, дети, но еще горше видеть, как вы голодаете. Идите искать себе счастья в других краях.

— Хорошо, — ответили одиннадцать сыновей, — только пусть младший брат, Франческо, остается с тобой. У нас сильные ноги, пойдем мы быстро, где ему, хромому, угнаться за нами.

Тогда отец сказал:

— Парни вы рослые, и ноги у вас здоровые, только вот умом вы не богаты. Франческо и ростом не вышел, и хром, а голова и сердце у него золотые. Пока он с вами, я за вас и тревожиться не стану. Берегите Франческо, сами целее будете.

Старшие не посмели перечить отцу. Поклонились все двенадцать родному дому и пошли.

Шли они день, другой, третий. Франческо-хромоножка никак не мог поспеть за братьями и плелся далеко Позади. Нагнал он их лишь на привале. Но выходило так: только Франческо доберется до них, а братья уже отдохнули, встали и идут! дальше. Бедный Франческо опять ковыляет вслед. Совсем измучился, чуть не падает от усталости.

На третий день старший брат сказал:

— Зачем нам такая обуза? Пойдем вперед побыстрее. Тогда Франческо нас не нагонит.

Так они и сделали. Больше нигде не останавливались, ни разу назад не оглянулись.

Пришли они к берегу моря и увидели привязанную лодку.

Один из братьев говорит:

— Что, если сесть в эту лодку и отправиться в Сардинию? Там, рассказывают, края богатые, деньги сами в руки просятся.

— Хорошо, поедem в Сардинию, — сказали остальные.

Посмотрели братья — в лодке всего места на десятерых, одиннадцатому поместиться негде.

— Вот что, — приказал старший брат, Анджело, — пусть один из вас, хотя бы ты, Лоренцо, подождет здесь, на берегу. Я потом вернусь за тобой.

— Ну уж нет! — закричал Лоренцо. — Не такой я дурак, чтобы ждать, пока вы вернетесь. Оставайся сам здесь.

— Как бы не так! — отвечал Анджело. — Оставаться, чтобы вы бросили меня, как Франческо...

И он прыгнул в лодку. Остальные, толкаясь и бранясь, полезли за ним. Отчалили от берега и поплыли.

В это время задул ветер, нагнал тучи, поднял в море волну. Не слушается перегруженная лодка руля, захлестывают ее гребни. Потом набежал огромный вал, ударил лодку о рифы и разбил ее в щепки. Все братья один за другим пошли ко дну.

А Франческо-хромоножка спешил, как мог. Вот доплелся он до Кренского озера. Посмотрел кругом — трава мягкая, деревья тенистые, вода в озере студеная и прозрачная. Приятнее места для отдыха не найти. Однако братьев нигде не видеть.

Тут Франческо понял, что его бросили, и горько заплакал.

— Эх, братья, братья, зачем вы это сделали! Мне, хромому, без вас плохо, да и вам без меня лучше не будет. Были бы у меня здоровые ноги, не случилось бы такой беды!

Поплакал Франческо и уснул.

И только он уснул, из-за дерева вышла фея Кренского озера. Она все слышала от первого до последнего слова.

Фея приблизилась к спящему юноше и дотронулась своей волшебной палочкой до его больной ноги. Дотронулась и опять спряталась за толстый ствол дерева. Стала ждать.

Долго спал измученный Франческо, но, наконец, проснулся.

Вскочил он и сам себе не поверил. Вот чуцо! Обе ноги твердо стоят на земле, будто он и не был никогда хромым! Хочешь беги, хочешь пляши!

— Что за чудесный доктор вылечил меня! Я готов разыскать его, хоть на краю земли, чтобы сказать спасибо! — воскликнул Франческо.

Тут фея показалась ему. Франческо даже глаза зажмурил — такая она была красивая. Косы точно сплетены из солнечных

лучей, глаза синие, как вода озера, щеки словно два лепестка шиповника.

— Что же ты не говоришь мне спасибо? — улыбаясь, сказала фея. — Тебе для этого не надо сделать даже шага.

Но юноша не мог выговорить ни слова.

— Слушай, Франческо. Перед тобой фея Кренского озера. Ты понравился мне, и я решила исполнить три твоих желания. Одно уже исполнено — твоя больная нога стала здоровой. Остается еще два. Скажи, чего ты хочешь.

Франческо ответил:

— Ты исполнила не одно, а два моих желания. Когда я был еще маленьким мальчиком и слушал сказки, мне всегда хотелось увидеть фею. Вот я и увидел фею.

— Ну тогда тебе все-таки остается еще одно желание, — засмеялась фея.

— Что ж, — сказал Франческо. — Если уж ко мне явилась фея из сказки, так и желание мое будет словно в сказке: хорошо бы иметь волшебный мешок и волшебную дубинку. Чего бы я ни захотел, пусть мигом очутится в мешке, а дубинка, что ни прикажу, пусть то и сделает.

Фея взмахнула палочкой. И — хлоп! — мешок и дубинка лежат у ног Франческо.

Франческо обрадовался, а фея сказала ему:

— Человек, владеющий таким мешком и такой дубинкой, может сделать много зла и много добра. Смотри, Франческо, чтобы мне не пришлось пожалеть о своем подарке.

Сказав это, фея исчезла.

А Франческо привязал мешок к поясу, сунул дубинку под мышку и отправился в путь. Но перед тем он как следует закусил. Во-первых, он был голоден, во-вторых, ему не терпелось испробовать подарок феи. Мешок оказался в точности таким, каким должен быть волшебный мешок. Франческо только приказывал, а мешок, не медля ни минуточки, угощал его и жареной куропаткой, и овечьим сыром, и горячим круглым хлебом, и бутылкой золотистого вина. Ну, а дубинку Франческо не стал испытывать. Если первый подарок хорош, значит, и второй не хуже.

Весело шагает Франческо, распевает песню за песней.

Солнце перевалило за полдень, когда Франческо увидел бедную хижину в лесу. На пороге сидел мальчик и плакал.

Франческо решил его развеселить.

— Эй, приятель! — крикнул он. — Видно, лить слезы твое ремесло. Почем берешь за дюжину соленых капель?

— Мне не до смеху, любезный синьор, — ответил мальчик.

— А что у тебя стряслось?

— Мой отец — дровосек, — сказал мальчик, — и один кормит всю семью. Сегодня он упал с дерева и вывихнул руку. Я побежал в город за доктором, но он и разговаривать со мной не захотел. Доктор ведь знает, что с сухого дерева не сорвешь апельсина, а от бедняка не разбогатеешь.

— Ну, это все пустяки! — сказал Франческо. — Я помогу твоему отцу.

— А разве вы доктор? — вскричал мальчик.

— При чем тут я? — удивился Франческо. — Тебе нужен доктор? Сейчас он будет тут. Как его звать?

— Доктор Панкратио.

— Прекрасно! — воскликнул Франческо и хлопнул по мешку. — Эй, доктор Панкратио, — в мешок!

Не успел мальчик сморгнуть слезу, как в воздухе что-то загудело. Это неся из города в мешок толстый доктор. Бац! И доктор в мешке. Ого, какой он был тяжеленный — Франческо так и пригнулся книзу. Хорошо, что он догадался отвязать мешок от пояса. Доктор шлепнулся на землю и завопил:

— Я знаменитый ученейший доктор Игнацио Панкратио и не позволю разным голодранцам распоряжаться моей важной особой. Раз я сказал, что не пойду к дровосеку, — значит, не пойду.

— Так вам и ходить не надо, — сказал Франческо, — вы уже на месте. Остается только вылечить больного.

— Не буду лечить, — отвечал из мешка доктор.

— Я вижу, — сказал Франческо, — что доктор Игнацио Панкратио сам тяжело болен и болезнь его называется упрямством и жадностью. Придется сначала его полечить. Эй, дубинка, — за дело!

Дубинка не заставила себя просить дважды. Она принялась барабанить по толстой спине доктора.

— Я уже здоров! — закричал доктор. — Где больной? Ведите меня к больному.

Пока доктор вправлял дровосеку вывихнутую руку, Франческо велел мешку доставить припасов на целый месяц. Сложил все это у порога и зашагал дальше.

Через некоторое время Франческо пришел в город.

Время было к вечеру, и Франческо первым делом разыскал гостиницу. Хозяйка гостиницы подала ему ужин, а потом сказала:

— Ох, сынок, сынок, жалко мне терять такого хорошего постояльца. Однако послушайся моего совета: ночь переночуй, а утром пораньше уходи из города.

— Уж не чума ли в городе? — спросил Франческо.

— Чума-то не чума, да не лучше чумы, — принялась объяснять словоохотливая хозяйка. — Три месяца тому поселился у нас какой-то чужестранец — чтоб его разорвало на четыре части! Сбил он с толку всех юношей. И чем бы ты думал? Игрой в кости. Теперь игра идет с утра до вечера и с вечера до утра. А кто проиграется дотла, тот и домой больше не показывается. Двенадцать юношей, скромных и послушных, как голуби, исчезли, словно сквозь землю провалились. И нет о них ни слуху, ни духу.

— Спасибо, добрая женщина, что предупредила меня, — сказал Франческо, а сам подумал: «Э, кажется, в этом городе найдется работа мешку и дубинке!»

В восемь часов утра Франческо попросил у мешка богатую одежду и сто тысяч золотых скудо. В десять часов утра уже весь город говорил, что к ним прибыл принц Санто Франческо, известный повсюду знатностью и богатством. А в полдень в комнату Франческо постучал человек в длинном плаще и в шляпе с перьями.

— Синьор Санто Франческо, — сказал он, — я живу в этом городе всего три месяца, но уже успел завести знакомство с лучшими молодыми людьми. Почту за великую честь, если и вы посетите мой дом. До меня дошли слухи, что вы замечательно играете в кости. Тут вы сможете показать ваше искусство.

— По правде говоря, — отвечал Франческо, — я даже не знаю, как держат кости в руках. Но чтобы ближе познакомиться с таким любезным синьором, я готов играть с утра до вечера. У столь опытного учителя я, конечно, сделаю быстрые успехи.

Гость был очень доволен. Он принялся кланяться так усердно, что, забывшись, выставил из-под плаща правую ногу. И что же увидел Франческо? Вы думаете, туфлю с бантом? Как бы не так! Он увидел черное мохнатое копыто.

«Эге-ге! — подумал Франческо. — Оказывается, сам дядюшка черт навестил меня. Вот и хорошо, он найдет тут хлебец как раз по своим зубам».

Вечером того же дня синьор Санто Франческо играл в кости с синьором чертом. Он сделал быстрые успехи и проиграл двадцать тысяч скудо.

На второй вечер Франческо научился играть еще лучше и проиграл тридцать тысяч скудо.

Ну, а в третий вечер он овладел игрой в совершенстве и поэтому проиграл пятьдесят тысяч скудо.

Тут черт решил, что обыграл юношу дочиста.

— Дорогой синьор Санто Франческо, — сказал он вкрадчивым голосом. — Мне очень жаль, что мои уроки стоили так дорого. Но я могу помочь вам. Я верну половину вашего проигрыша, чтобы вы могли отыграться.

— А если я не отыграюсь? — спросил Франческо.

— А если вы не отыграетесь, будем считать, что вы принадлежите мне со всеми потрохами, душой и прочими пустяками.

— Ах ты, чертов черт! — воскликнул Франческо. — Теперь я знаю, куда делись двенадцать лучших юношей города. А ну, марш ко мне в мешок!

Черт и опомниться не успел, как голова его уже была в мешке, а копыта болтались в воздухе. Через миг исчезли в мешке и копыта.

Тогда Франческо сказал:

— Этот веселый синьор любит шутки шутить. Пошутим и мы. Спляши-ка, дубинка, парочку-другую хорошеньких танцев.

Дубинка начала с тарантеллы. И Франческо нашел, что она пляшет прекрасно. Зато черту танец дубинки совсем не понравился.

— Я отдам вам, синьор Франческо, даром половину проигрыша! — вопил черт. — Нет, я отдам вам весь проигрыш. Ну ладно, я отдам все деньги, что выиграл в этом городе!

Между тем дубинка кончила тарантеллу и принялась отплясывать веселый крестьянский танец трескон.

Черт взмолился:

— Ради самого дьявола, заставьте ее остановиться! Скажите, наконец, чего вы от меня хотите?

— Отдохни немножко, — приказал Франческо дубинке. — Так вот, слушай меня, черт. Прежде всего выпусти двенадцать юношей, которых ты уволок в преисподнюю. Потом проваливай сам, чтобы и духу твоего на земле не было.

— Все будет исполнено, — закричал черт, — только выпусти меня из мешка!

Франческо развязал мешок, и черт выскочил оттуда, как кошка, на которую плеснули кипятком. Он топнул копытом, подпрыгнул и с треском провалился сквозь землю. А из-под земли появились двенадцать юношей.

— Ну, что, — сказал им Франческо, — может, сыграем в кости?

— Что вы, что вы! — закричали разом все двенадцать. — Мы теперь на эту чертову игру и смотреть не хотим.

— Это дело! — похвалил юношей Франческо. — Больше всех выигрывает тот, кто ни во что не играет. Вот вам по тысяче скудо, и бегите порадовать родителей. Они, ожидая вас, все глаза проплакали.

Юноши поблагодарили своего спасителя и разошлись по домам.

А Франческо подвязал к поясу мешок, сунул дубинку под мышку и ушел из города.

В каком бы месте ни остановился Франческо, везде находилось дело мешку и дубинке. Потому что всюду были обиженные, которым надо помочь, и обидчики, которых следует проучить.

В Италии дорог не счесть, по многим проходил Франческо, а привели его ноги все-таки в родное селение.

Тут Франческо узнал, что голод в Ниольских горах стал еще злее. Франческо решил помочь своим односельчанам. Он открыл харчевню. Удивительная это была харчевня — кормили там досыта, а платы не требовали. Все время дубинка лежала без работы, зато у мешка — хлопот хоть отбавляй!

— Эй, цыпленок на вертеле, живо в мешок! Эй, три круглых хлебца, — в мешок! Эй, бутылка вина, — в мешок! — то и дело кричал хозяин харчевни.

Так продолжалось три года, пока в Ниольских горах длился голод. Наконец земля утомилась от безделья, и на четвертый год она одарила крестьян богатым урожаем.

В каждом доме запахло печеным хлебом, в кладовых на полках улеглись круги сыра, во дворах заблеяли овцы. А двери в харчевню все не закрывались.

— Э, — сказал Франческо, — пора моему мешку отдохнуть. Довольно ему быть поваром. Кормить сытых — значит кормить их не хлебом, а ленью.

И он прикрыл харчевню.

Скоро Франческо постигло горе. Старик отец поболел недолго и умер.

Тут Франческо затосковал по своим братьям. Хоть и бросили они его когда-то одного посреди дороги, но Франческо давно перестал сердиться на них — все-таки братья родные.

И вот однажды вечером он сказал:

— Анджело, старший брат мой! Я тебя обижать не хочу, но иначе нам не свидеться. Иди в мой мешок.

Тотчас же мешок стал тяжелее. Франческо заглянул туда и отшатнулся. Там лежали лишь полуистлевшие кости. Франческо понял, что Анджело давно погиб.

— Джованни, брат мой, — позвал он второго брата.

И снова в мешке оказались только кости.

И так все одиннадцать раз. Франческо узнал, что остался один на свете. Тогда он сказал:

— Что ж, мои верные помощники — мешок да дубинка, пойдем с вами странствовать по дорогам. Кому я сделаю добро, тот меня и назовет братом.

От селения к селению ходил Франческо, то горными тропинками, то проезжими дорогами, а то и вовсе без троп и дорог. А впереди него шла молва. Заслышав весть о приближении Франческо, тряслись ночами злые начальники, жадные ростовщики, хитрые монахи. Зато радовались те, кто был несчастлив и обижен. Они и вправду называли Франческо братом.

Текли годы. И вот настало время, когда люди, обращаясь к Франческо, звали его уже не братом, а отцом. А еще через десяток лет его стали звать дедушкой. Волосы у Франческо побелели, спина согнулась, лицо покрылось морщинами. Но он все бродил по Италии со своими верными помощниками — мешком да дубинкой.

Однажды под вечер Франческо, тяжело дыша, поднимался в гору. Вдруг он услышал за собой шаги. Франческо оглянулся и увидел, что его нагоняет Смерть. Дышала она еще тяжелее, чем Франческо, потому что была очень стара. Так стара, как стар мир. К тому же она толкала перед собой тачку, покрытую рогожей.

Смерть подошла и сказала:

— Наконец-то я тебя догнала! Совсем замучилась. Девчонка я, что ли, за тобой по ста дорогам бегать! Сколько башмаков истоптала, полюбуюсь...

И Смерть откинула рогожу с тачки. На тачке и вправду были кучей свалены рваные-прерванные башмаки.

Увидел Франческо, какую рухлядь таскает с собой старуха, и улыбнулся.

Смерть опять заворчала:

— Тебе хорошо ходить налегке, а я не могу тачку бросить, пока тебя не догоню. Ну, Франческо, много ты исходил дорог, теперь собирайся в самую дальнюю, последнюю дорогу.

— Что ж, — ответил Франческо, — недаром говорится в пословице: дважды человек не может сказать «да» или «нет» — когда настала ему пора родиться и когда настала пора умирать. Но, видишь ли, мне нужно сперва кое с кем попрощаться.

Смерть засмеялась, будто заскрипело ржавое железо.

— Э, голубчик, ты, кажется, торгуешься, а я этого не люблю.

И Смерть протянула к Франческо костлявые руки. Но Франческо успел крикнуть:

— Смерть, — в мешок!

Ох, и загремели же кости, когда Смерть свалилась в мешок!

Франческо вскинул мешок на спину и отправился, куда хотел. Путь его лежал к берегам Кренского озера.

Вот пришел он к Кренскому озеру, выпустил из мешка Смерть и сказал ей:

— Жалко мне тебя, старуха! Верно, кости у тебя болят не меньше, чем у меня. Трава тут мягкая, присядь отдохни, пока я кончу свои дела.

Смерть была так напугана, что не осмелилась перечить Франческо. Она отошла в сторонку и, кряхтя, уселась под деревом.

А Франческо подошел к берегу озера и крикнул:

— Фея Кренского озера, покажись мне еще раз!

И фея появилась. Она была так же прекрасна и молода, как много лет тому назад, когда был молод и сам Франческо.

— Ты позвал меня, и я пришла, — сказала она приветливо.

— Я хочу рассказать, что я сделал с твоими дарами...

— Не надо рассказывать, — прервала Франческо фея. — Я ведь вижу твое лицо, это лицо доброго человека. Твои губы прячут добрую улыбку, а морщинки на лбу говорят о мудрости. Я рада, что не ошиблась в тебе.

— Я делал, что мог, — ответил Франческо. — Но настала пора отдать тебе твои подарки. Видишь, там, у дерева, меня поджидает Смерть.

— Хорошо, что ты подумал об этом, — сказала фея. — Ведь даже волшебный мешок и волшебная дубинка ничего сами не могут, может лишь человек, который ими владеет. Попади они к злому человеку — и злых дел будет не сосчитать. Но феи не берут своих даров обратно. Разведи костер и сожги мешок и дубинку. Прощай, Франческо!

Фея поцеловала старика и исчезла, будто растаяла.

Франческо собрал хворосту, разжег большой костер и бросил в огонь дары феи Кренского озера. Он придвинулся поближе к костру, чтобы согреть озябшие руки, и глубоко задумался.

— Пора, Франческо, — тихонько позвала его Смерть.

Франческо не шевельнулся. От старости он стал плохо слышать. Тогда Смерть подошла к нему сзади и дотронулась рукой до его плеча.

В это время пропел петух. Начался новый день. Но Франческо его уже не увидел.

ВЕСЕЛЫЙ САПОЖНИК

Итальянская сказка

Жил на свете сапожник с большим-пребольшим горбом. Было у него семеро сыновей. Звали их Перротто, Джанотто, Ринальдотто, Эрминотто, Арриготто, Амброджиолотто и маленький Пеппино. Да еще семеро дочерей. Звали их Нинетта, Джилетта, Джованегга, Эрмеллинетта Лауретта, Гелизетта и маленькая Кателлина.

Сосчитайте-ка — семь да семь, это будет четырнадцать детей. А сколько же у этих детей ног? Ух ты, целых двадцать восемь. А сколько же нужно башмаков? Думаете, двадцать восемь? Как бы не так. А самого сапожника и его жену сосчитали? На всю семью нужно тридцать два башмака. Вот сколько!

Сапожнику приходилось тачать так много башмаков для своей семьи, что едва хватало времени шить на заказ. Поэтому семья ела один день хлеб с водой, другой день — воду с хлебом.

Но сапожник не унывал. Это был очень веселый сапожник. Работает — поет, отдыхает — пляшет. Он и песенку про себя придумал:

Я молотком стучу — тук-тук —

Не покладая рук.

Работу кончу и тотчас

Пушусь в веселый пляс.

Однажды веселый сапожник сшил три пары башмаков и решил их продать в соседнем городке на ярмарке. Закинул он башмаки за спину и зашагал по дороге. Идет, а башмаки стук-бряк по горбу, стук-бряк по горбу.

«Все бы хорошо, — думает сапожник, — только горб мне ни к чему».

Пришел на ярмарку — с одним поговорил, с другим посмеялся... И забыл про горб.

Башмаки у него мигом расхватали. На вырученные деньги сапожник купил кучу подарков своей семье, сложил их все в мешок, закинул за спину и пустился в обратный путь. Идет, а мешок с подарками стук-бряк по горбу, стук-бряк по горбу.

«Нет, — думает сапожник, — все-таки горб мне ни к чему».

Тем временем начало смеркаться. А до дому еще далеко. Решил сапожник свернуть в лес и пойти к своему селению напрямик. Пока шел лесом, совсем стемнело. Хорошо еще, что луна вошла. И вот при свете луны сапожник увидел... Кого бы вы думали? Лесную фею. Она была маленькая-маленькая. Фея сидела на пенечке и плакала.

— Отчего ты плачешь? — спросил ее сапожник.

— Мне скучно, — ответила фея.

— Скучно? А вот мне никогда скучно не бывает.

И он запел:

*Я молотком стучу — тук-тук —
Не покладая рук.
Работу кончу и тотчас
Пущусь в веселый пляс.*

Фея утерла слезы и улыбнулась.

— Но это еще не все, — сказал сапожник. — Слушай дальше:

*Тружусь, танцую — столько дел,
Что некогда скучать...
Кто башмаки мои надел,
Тот будет век плясать.*

— Так сшей мне скорей башмачки! — воскликнула фея.

— Мигом сошью, — ответил сапожник.

Он сорвал два листика подорожника, вместо дратвы в дело пошел сухой стебелек, вместо иголки — сосновая хвоинка. Скоро башмаки были готовы. Фея начала их примерять. Сапожник посмотрел, а феи нет.

— Ой! — слышался голосок из левого башмака. — Они мне, кажется, велики.

— Да, немножко велики, — сказал сапожник. — Ну, ничего. Я сейчас сошью тебе другие.

Он нагнулся, сорвал два маленьких листочка клевера и сшил

башмачки точно по ножке феи. Только она их надела, как сапожник запел свою песенку, и фея пустилась в пляс.

Всю ночь танцевали фея и сапожник. А когда занялась заря, фея сказала:

— Ох, и наплясалась же я! Славно ты меня повеселил. Скажи, что тебе дать за это?

— Дать? — удивился сапожник. — Да мне ничего не надо.

Потом он подумал немножко и сказал:

— А не можешь ли ты у меня взять? Я бы с удовольствием избавился от моего горба.

— Так за чем же дело стало! — ответила фея.

Она вскочила на пенек и дотронулась волшебной палочкой до горба сапожника. Горб мигом исчез, словно его и не бывало.

— Вот спасибо! — воскликнул сапожник, расцеловал фею и отправился домой.

Едва он вошел в селение, навстречу ему попала старуха соседка. У нее тоже был горб. Только не сзади, а спереди. Увидела она сапожника, и глаза у нее разгорелись от зависти.

— Э, куманек! Ты это или не ты? Где твой горб?

Тут сапожник рассказал старухе, как все произошло.

На следующую ночь старуха отправилась в лес.

— Как хорошо, что ты пришла! — закричала фея, увидев старуху. — Мне не с кем сегодня поплясать.

— Только у меня и заботы, что плясать с тобой, — сердито ответила старуха.

— А сапожник со мной плясал, — сказала фея. — Но если ты не хочешь, давай споем песенку.

— Еще что выдумала! — проворчала старуха.

— А сапожник со мной пел, — сказала фея.

— Бездельник твой сапожник, да и ты бездельница. Вам бы все петь да плясать. Поработай лучше своей волшебной палочкой.

— Хорошо, — согласилась фея. — Только знай: моя палочка может дать, может и взять. Так что же — дать или взять?

«Скажу — взять!» — подумала старуха.

Раскрыла рот и крикнула:

— Дать! Дать! — Недаром она слыла самой жадной женщиной в селении.

— Ну что ж! Получай, — усмехнулась фея.

Она вскочила на пенек и дотронулась до старухи волшебной палочкой. На спине старухи мигом вырос горб.

Старуха и кричала, и бранилась, — ничего не помогало.

Так и осталась старуха жить с двумя горбами — один спереди, другой сзади.

ПАСТУХ ИЗ КАЛЬТАНИСЕТТЫ

Итальянская сказка

Вот что рассказывают, вот что пересказывают в наших краях.

В селении Кальтанисетта жил молодой пастух, по имени Мартино. Носил он всегда заплатанную куртку из грубого сукна, рваные башмаки, старую войлочную шляпу, а через плечо — холщовую сумку. «Э, — скажете вы, — зачем нам слушать про такого бедняка. Мы их и без ваших рассказов видели немало, да и у самих в карманах монеты не часто бренчат». Так-то оно так, да ведь Мартино был красив, как ясное солнце на голубом небе. Даже, может, красивее. Потому что на солнце и взглянуть больно, а на Мартино смотри, сколько хочешь, пока самому не надоест. Надо еще добавить, что Мартино к тому же лучше всех умел играть на пастушьей дудочке и звонче всех пел песни.

Мартино нанимался в пастухи то в одном селении, то в другом. И повсюду девушки умирали от любви к нему, парни — завидовали, а старики ласково улыбались.

Вот Мартино и загордился.

Шел он однажды из одной деревни в другую и присел отдохнуть на большом камне посреди полянки. Задумался, вынул из сумы дудочку и заиграл песенку.

Услышала эту песенку лесная фея, и захотелось ей посмотреть, кто так хорошо играет. С маргаритки на клевер, с клевера на колокольчик, с колокольчика на гвоздичку — ведь феи порхают, как мотыльки, — добежала она до полянки.

— Ах, какой ты счастливый! — воскликнула фея, увидев Мартино. — Всякий, кто услышит тебя, — заслушается, всякий, кто взглянет, — zalюбуется.

— Да что ты! Я самый несчастный человек на свете! Чтобы люди могли посмотреть на меня, мне приходится бродить, словно бездомной собаке, от деревни к деревне. А ведь я стою того, чтобы люди сами сбегались подивиться на меня. С такой красотой мне бы статуей быть. Тогда бы я стал счастливым!

— Ну, так я сделаю тебя счастливым. Мне это совсем не трудно.

Тут фея дотронулась до Мартино своей волшебной палочкой.

В тот же миг юноша превратился в прекрасную золотую статую. И войлочная его шляпа стала золотой, и заплатанная куртка, и ольховая дудочка. Золотым сделался даже камень, на котором сидел Martino.

Фея захлопала в маленькие ладошки, радостно засмеялась и убежала — с гвоздички на колокольчик, с колокольчика на клевер, с клевера на маргаритку, а там и совсем скрылась в лесной чаще.

А золотой пастух остался сидеть посреди полянки на золотом камне.

Исполнилось желание Martino. Из ближних и дальних сел приходили люди полюбоваться на него. По вечерам на полянке собирались парни и девушки. Иногда они пели, иногда кто-нибудь из парней принимался играть на скрипке, а все остальные плясали.

Только Martino оставался недвижимым. А как ему хотелось петь и плясать со всеми вместе! Он пытался поднести дудочку к губам, но золотая рука не слушалась его. Пробовал запеть, но из золотого горла не вылетало ни звука. Собирался сплясать с какой-нибудь красоткой, но золотые ноги не отрывались от золотого камня... Даже крикнуть от горя он не мог, даже заплакать, потому что слезы не вытекали из-под тяжелых золотых век.

Так проходили день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем.

Ровно через три года на полянку — с цветка на цветок, с травинки на травинку — прибежала фея.

— Вот сидит счастливый пастух, — сказала фея. — Он получил все, что хотел. Скажи мне, ты счастлив теперь? Да?

Статуя молчала.

— Ах, — воскликнула фея, — я и забыла, что ты не можешь ответить! Не сердись, я на минуточку сделаю тебя снова живым человеком.

Фея коснулась золотого пастуха своей волшебной палочкой.

И только она это сделала, Martino соскочил с камня и бросился бежать вместе со своей ольховой дудочкой и холщовой сумкой.

— Пстой! Пстой! — кричала удивленная фея.

Но чем звонче она кричала, тем быстрее мелькали рваные башмаки бедняги Martino.

ГРОТ КОРБЬЕР

Французская сказка

В те времена, когда самые древние старики нашего прихода еще без штанов бегали, Агнеса Депе жила со своим мужем в уединенном домике, там, где начиналась дорога в Корбьер. Дорога эта проходила мимо грота фей, и вход в него был хорошо виден с моря. В ночной тиши Агнеса часто слышала, как стучало колесо прялки, и глухой звук его шел как будто из-под камня у очага. Иногда под камнем пел петух, плакал ребенок, порой было слышно, как в маслобойке сбивают масло. Но ни Агнеса, ни ее муж не боялись этих подземных звуков, так как знали, что они исходят от фей, живших в гроте Корбьер, — феи же эти не были злы, и никто не мог сказать о них ничего дурного.

Как-то ночью один рыбак зашел за мужем Агнесы, чтобы вместе отправиться на берег Мары удить рыбу. В то время как муж Агнесы одевался, она, лежа в постели, спросила рыбака:

— Не знаешь ли, который час?

— Нет, — ответил он, — точно не знаю.

Не успел он произнести эти слова, как из-под земли раздался голос:

— Теперь два часа пополудни.

Люди, бывшие при этом, даже не вздрогнули, только посмеялись, так как они уже привыкли к звукам, исходящим из-под камня у очага. Они знали, что ответил не кто иной, как фея, и громко сказали:

— Благодарим вас.

Спустя некоторое время ребенок у Агнесы заболел, да так тяжело, что, казалось, вот-вот умрет.

Мать, не зная, чем помочь ему, очень горевала.

— Ох, Боже мой, — причитала она, — мой бедный малыш умирает!

Вдруг она услышала глухой шум в трубе, как будто стучали о камень у очага, и в ту же минуту кто-то сказал:

— У твоего ребенка круп. Встань и подойди сюда, я дам тебе лекарство, и он выздоровеет.

На этот раз Агнеса испугалась и быстро юркнула под одеяло. Но, вспомнив о своем больном ребенке, она собралась с духом, вскочила с кровати и зажгла свечу. Туг она увидела, что камень под очагом сдвинулся и стал медленно приподыматься. Агнеса помогла поднять

его, и когда камень стал на ребро, из открывшегося отверстия высунулась рука и подала Агнесе маленькую бутылочку.

— Разотри ребенку горло и грудь этой настойкой, — сказал голос, выходящий из-под земли, — и спрячь хорошенько бутылку.

Камень снова лег на прежнее место, так что теперь никак нельзя было догадаться, что его сдвигали. Агнеса поспешила натереть мальчика лекарством; он сразу перестал жаловаться и очень скоро выздоровел. Агнеса на радостях выболтала все своей соседке. Переходя от одного к другому, весть прошла по деревням. Услужливая Агнеса стала давать свою бутылочку всем, у кого болели дети, и они очень быстро выздоравливали.

Прошло много времени, и как-то у мужа Агнесы сделались колики; его всего корчило от боли, такие они были сильные. Агнеса побежала к соседке за бутылкой — в ней на дне оставалось еще немного настойки. Но соседка нечаянно уронила бутылку, и та разбилась вдребезги.

Бедная женщина вернулась домой убитая горем, потому что боли у мужа все усиливались и она боялась, что он уже при смерти. Она села у очага и сказала, всхлипывая:

— Фея-благодетельница, вы дали мне бутылочку, вылечившую моего мальчика и многих других людей, — неужели вы допустите, чтоб мой муж умер?

Никто ничего не ответил. Тогда она приподняла топором камень и, став перед открывшимся отверстием на колени, начала плакать и молить о помощи. Наконец показалась рука, и фея протянула ей бутылку со словами:

— Будь осторожна, Агнеса, — это последняя бутылочка, которую я могу тебе дать. Смотри не давай ее никому и ни одной живой душе о ней не рассказывай.

Как только женщина натерла своего мужа настойкой, он сразу выздоровел, и на этот раз Агнеса тщательно запрятала бутылочку в шкаф.

Некоторое время спустя Агнеса услышала песенку, звучащую из-под земли. Песня была такая нежная и мелодичная, что Агнеса пришла в восторг. Пели хором три или четыре голоса, и она позвала соседку послушать. В следующую ночь под землею долго играли на скрипке.

Все эти чудеса заставили Агнесу призадуматься, и она сказала себе: «Когда-нибудь они все поднимутся сюда и войдут в мой дом через отверстие в очаге».

Но при мысли, что обитатели грота ничего, кроме добра, ей не сделали, она приободрилась. Тут же ей вспомнились корова и две овцы, которых у нее украли с пастбища.

«Нужно будет спросить у фей, — подумала она, — кто крадет скот. Уж, конечно, феи смогут мне это сказать, если пожелают».

В другой раз ночью она снова услышала голос:

— Кумушка, есть ли у тебя огонек?

— Да, — ответила Агнеса, — к вашим услугам.

И вот камень у очага поднялся. Агнеса взяла горящую лучину, поднесла к отверстию и при свете лучины увидела, как протянулась к ней прекрасная женская рука со сверкающими перстнями на каждом пальце.

— Ах, сударыня, — сказала Агнеса, — не можете ли вы сказать, где мне найти свою корову и обеих овец? Я была бы вам очень благодарна, ведь у меня теперь ничего нет для моих бедных деток.

— Хорошо, — ответила фея. — Вот тебе маленькая коробочка, в ней мазь из овечьих и коровьих рогов. Смажь ею веревки, которыми ты привязывала своих животных, и у тебя снова появятся овцы и корова.

Камень опустился на место, а на следующий день, как только рассвело, Агнеса смазала веревку, оставшуюся от украденной Пеструшки, и тотчас перед ней оказалась прекрасная корова. Смазала веревки, на которых водила пасти овец, и у нее появились новые овцы, еще лучше украденных.

Агнеса была рада-радешенька, она только жалела о том, что не попросила хлеба. Не переставая думать об этом, она все твердила:

— Как хорошо было бы попросить фею подарить нашей семье волшебную краюху хлеба, которая всегда бы оставалась целой!

Однажды ночью, когда в доме не было ни крошки съестного, ребенок Агнесы стал плакать от голода и просить хлеба. Агнеса услышала под землей шум и, вложив молоток в руку своего мальчика, сказала:

— Крепко постучи по камню у очага и попроси хлеба у милосердной дамы, сделавшей нам так много добра.

Она говорила очень громко — нарочно, чтобы ее услышали. Мальчик взял молоток, стал стучать им изо всех сил по камню и умильно приговаривал:

— Добрая дама, дайте мне хлеба, я хочу есть!

Они услышали, как по камню что-то стукнуло: стук-стук! Камень поднялся, рука положила на очаг каравай хлеба, и чей-то голос сказал:

— Возьми, малыш, этот хлеб. Если ты бережно будешь относиться к моему подарку и станешь делиться им только со своими родителями, его хватит тебе на всю жизнь.

Каравай всегда оставался целым, сколько бы от него ни отрезали. Так оно длилось десять лет. Но однажды вечером муж Агнесы, хлебнувший лишнее, привел с собой приятеля и, вынув из шкафа хлеб, подаренный феей, отрезал гостю большой ломоть. Волшебный хлеб исчез в один миг, и как Агнеса вместе с детьми ни молила фей из грота подарить им другой каравай, феи остались глухи к этим просьбам.

МАЛЕНЬКАЯ АННЕТТА

Французская сказка

В давние времена жила-была девушка. Когда ей минуло пятнадцать лет, она лишилась матери, а на следующий год ее отец взял себе в жены вдову, у которой было три дочери. Все три сидели дома и лентяйничали, а бедная Аннетта целый день проводила в поле и пасла овец. Вечером, когда она возвращалась домой, ей не давали передохнуть, заставляли мыть посуду, хоть не она ее пачкала, — ведь Аннетте никогда не случалось есть из тарелки. Каждое утро ей клали в карман кусок черствого хлеба, чтобы она обедала в поле, не возвращаясь домой, да и то мачеха старалась дать ей горбушку; не удивительно, что бедную девушку зачастую мучил голод.

Однажды, съев свой скудный обед и запив его водой из ручья, которую она зачерпывала горстью, молодая пастушка начала размышлять о том, как печально идет ее жизнь.

«Совсем было иначе, пока жила моя мать. Она-то заботилась о том, чтобы я не терпела ни холода, ни голода; она меня любила, и как она была со мной нежна и ласкова!»

Вспомнив о прошлом, пастушка расплакалась, но вдруг сквозь слезы, застилавшие ей глаза, она увидела прекрасную женщину с милым и добрым лицом. То была фея.

— Что с тобой, дитя мое? — спросила фея.

— Увы, госпожа! Я плачу, потому что вспомнила мою добрую матушку.

— Знаю, знаю — ты потеряла мать, и теперь ты несчастна, но потерпи, я позабочусь о тебе и облегчу твою долю. Для начала вот тебе палочка: каждый раз, когда тебе захочется есть, тебе только нужно будет чуть тронуть ею твоего черного барана.

Фея-покровительница исчезла, прежде чем девушка успела ее поблагодарить. Пастушка захотела как можно скорее испробовать силу палочки; она коснулась ею черного барана, и в тот же миг перед ней встал накрытый столик, на котором были всевозможные кушанья; она вволю поела и не забыла также свою верную собаку, которая усердно помогала ей стеречь стадо. Так случалось изо дня в день: стоило только пастушке захотеть, и ей мгновенно подавались блюда обильнее и лучше, чем у самого короля. Вот и вышло, что из худой и слабой она стала крепкой и полной и теперь прямо-таки сияла здоровьем. Мачеха, по-прежнему державшая ее впроголодь, надивиться не могла тому, как девушка с каждым днем толстела. Она почуяла здесь неладное.

— Мари, — сказала она старшей своей дочери, — ты пой-дешь вместе с пастушкой в поле. Посмотри хорошенько, что она там ест, и все в точности Расскажи мне; но только виду не подавай, что ты неспроста пошла, старайся, чтобы она ни о чем не догадалась.

Мари пошла с Аннеттой, которая обошлась с сестрой лучше, чем та обращалась с ней дома: она сплела ей корзиночку из ивовых прутьев и собрала для нее красивый букет полевых цветов. Но дочка вдовы не привыкла долго ходить по полям, она скоро утомилась и села отдохнуть на траву.

— Сядь возле меня и положи голову мне на колени, я тебя причешу, — сказала Аннетта сестре.

Пастушка догадывалась, что девочку послали подсматривать за ней; поэтому, расчесывая ей волосы, она стала тихонько напевать: «Закрой, сестрица, один глазок, закрой, сестрица, другой! Закрой, сестрица, один глазок, закрой, сестрица, другой!» Она все пела да пела, пока Мари не одолел сон. Пастушка тем временем успела покушать; она хорошенько подкрепилась, а Мари ничего не заметила.

— Ну как, Мари, — спросила мачеха, когда дочь вернулась, — можешь ты мне рассказать, что это за еда, которая так идет впрок Аннетте?

— Уверяю вас, матушка, я видела, что она ела только свой черствый хлеб, а пила одну воду из ручья.

— Иди спать, лентяйка! Твоя сестра лучше сумеет все разведать. Фаншетта, слушай, что я тебе скажу: завтра ты встанешь чуть свет и пойдешь с Аннеттой в поле; посмотри, что она делает, и Расскажи мне, что она ест.

— Хорошо, матушка, я за всем услежу.

Но с Фаншеттой случилось то же, что и с ее сестрой: она заснула и ничего не увидела. Мать разбранила и ее.

— Бьюсь об заклад, обе эти лентяйки там заснули. Ну, да на сей раз все будет по-другому. Лизетта, козочка моя, поди к своей матушке. Завтра ты отправишься с Аннеттой в поле; если устанешь — усни, закрой один глаз, а то и оба, только не закрывай тот, который я тебе вставлю в затылок. Плохо тебе придется, если ты не исполнишь моего поручения!

Лизетта обещала матери, что все приметит. Когда она устала бегать, она положила голову Аннетте на колени, а та принялась, как и прежде, напевать: «Закрой, сестрица, один глазок, закрой, сестрица, другой!» Но она не знала, что у Лизетты был третий глаз: он-то остался открытым и подсмотрел, что делала Аннетта, когда ей понадобился столик, уставленный всякими вкусными вещами. Лизетта не замедлила рассказать матери обо всем, что видела.

— Ах, матушка, не удивительно, что пастушка так жиреет, — ей живется лучше, чем нам. Каких только лакомств не доставляет ей черный баран!

Мачехе стало завидно, что падчерице такое счастье выпало на долю, и она решила: не бывать этому! Она легла в постель и прикинулась больной.

— Мне думается, я умру, — сказала она мужу, — но я знаю средство, которое могло бы меня вылечить.

— Скажи, скажи скорее, женушка, мы все достанем.

— Мне хочется поесть мяса черного барана.

— Только-то? Ну, это желание легко исполнить! Что черный баран, что белый — мне все равно: я его зарежу.

Аннетта слышала весь разговор и, пока хозяин точил большой нож, прокралась на двор, а оттуда — в овчарню.

— Черный мой барашек, убежим поскорее! Тебя хотят зарезать!

— Э, не бойся! Не перечь им, пусть они меня убьют, так надо. Ты одно только сделай: добудь мою печень и зарой ее в саду.

Аннетта долго плакала; но она ничего не могла поделать, пришлось ей примириться с тем, что ее черного барана зареза-

ли. Мачеха и ее дочери угостились им на славу. Болезнь у мачехи словно рукой сняло — теперь-то она была уверена, что насолит безответной падчерице. Злорадно потчевала она девушку жарким из черного барана. Но ей жалко было дать Аннетте какой-нибудь лакомый кусок, и она отдала ей печень: — На, возьми, хватит с тебя!

Аннетте только это и нужно было. Она сделала так, как ей велел баран, и на том месте, где она зарыла печень, выросло дерево. Оно было такое высокое, такое высокое, что, даже приставив к нему самую длинную лесенку, нельзя было добраться до ветвей, и такое гладкое, что ни один человек не мог взобраться по стволу хотя бы до половины. Прекрасные плоды, созревающие на нем, прельщали каждого, но приходилось только любоваться ими. Одна лишь Аннетта могла их срывать, потому что ветви сами склонялись для нее, и ни для кого другого.

Как-то раз проезжал в тех местах королевский сын и увидел эти прекрасные плоды. У него потекли слюнки — уж очень они ему показались заманчивыми, но никто не смог сорвать их. Однако королевскому сыну так сильно хотелось их отведать, что он дал слово взять в жены дочь любого человека, который сумеет их добыть для него. Все отцы, все матери захотели попытать счастья; дочери и сами старались добраться до плодов. Но не тут-то было! Это никому не удавалось.

Мачеха Аннетты, лелеявшая для своих дочерей честолюбивые замыслы, решила, что она хитрее всех. Она заказала длинную лестницу и приставила ее к дереву, но все же лестница на несколько футов не доходила до нижних веток. Мачеха залезла на самую последнюю ступеньку, поднялась на цыпочки, чтобы дотянуться до висевшего над ее головой плода, опрокинулась, упала навзничь и сломала себе шею. Тут и ей самой и всей ее злости пришел конец!

Этот случай отвалил всех честолюбцев — никто уже не пытался карабкаться по лестнице или взбираться по стволу. Однако принца томило такое сильное желание, что опасались, как бы он не заболел. Тут маленькая Аннетта соблаговолила сжалиться над ним. И едва только она приблизилась к дереву, ветки стали клониться, пока не пригнулись так низко, что она смогла их коснуться. Аннетта набрала полную корзину плодов и снесла больному принцу. Легко угадать, какая награда досталась ей за этот драгоценный подарок: она стала женой принца и жила с ним в счастье и довольстве до конца своих дней.

Вот и все.

ПОДАРКИ ФЕИ

Жила когда-то на свете вдова, и было у нее две дочери. Старшая — вылитая мать: то же лицо, тот же характер. Смотришь на дочку, а кажется, что видишь перед собой матушку. Обе, и старшая дочь и мать, были до того грубы, спесивы, заносчивы, злы, что все люди, и знакомые и незнакомые, старались держаться от них подальше.

А младшая дочка была вся в покойного отца — добрая, приветливая, кроткая, да к тому же еще красавица, каких мало.

Обычно люди любят тех, кто на них похож. Поэтому-то мать без ума любила старшую дочку и терпеть не могла младшую. Она заставляла ее работать с утра до ночи, а кормила на кухне.

Кроме всех прочих дел, младшая дочка должна была по два раза в день ходить к источнику, который был по крайней мере в двух часах ходьбы, и приносить оттуда большой, полный доверху кувшин воды.

Как-то раз, когда девушка брала воду, к ней подошла какая-то бедная женщина и попросила напиться.

— Пейте на здоровье, тетушка, — сказала добрая девушка.

Сполоснув поскорее свой кувшин, она зачерпнула воды в самом глубоком и чистом месте и подала женщине, придерживая кувшин так, чтобы удобнее было пить.

Женщина отпила несколько глотков воды и сказала девушке:

— Ты так хороша, так добра и приветлива, что мне хочется подарить тебе что-нибудь на память. (Дело в том, что это была фея, которая нарочно приняла вид простой деревенской женщины, чтобы посмотреть, так ли эта девушка мила и учтива, как про нее рассказывают.) Вот что я подарю тебе: с нынешнего дня каждое слово, которое ты промолвишь, упадет с твоих губ либо цветком, либо драгоценным камнем. Прощай!

Когда девушка пришла домой, мать стала бранить ее за то, что она замешкалась у источника.

— Простите, матушка, — сказала бедная девушка. — Я нынче и вправду запоздала.

Но едва только она проронила эти слова, как с губ ее упали несколько роз, две жемчужины и два крупных алмаза.

— Смотрите-ка! — сказала мать, широко раскрыв глаза от удивления. — Мне кажется, вместо слов она роняет алмазы и

жемчуга... Что это с тобой приключилось, дочка? (Первый раз в жизни она назвала свою меньшую тоже дочкой.)

Девушка попросту, не таясь и не хвалясь, рассказала матери обо всем, что с ней случилось у источника. А цветы и алмазы так и сыпались при этом с ее уст.

— Ну, если так, — сказала мать, — надо мне послать к источнику и старшую дочку... А ну-ка, Фаншон, посмотри, что сыплется с губ твоей сестры, чуть только она заговорит! Неужели тебе не хочется получить такой же удивительный дар? И ведь нужно для этого всего-навсего сходить к источнику и, когда бедная женщина попросит у тебя воды, вежливо подать ей напиток.

— Ну вот еще! Охота мне тащиться этакую даль! — отвечала злючка.

— А я хочу, чтобы ты пошла! — прикрикнула на нее мать. — И сию же минуту, без разговоров!

Девушка нехотя послушалась и пошла, так и не переставая ворчать. На всякий случай она захватила с собой серебряный кувшинчик, самый красивый, какой был у них в доме.

Едва успела она подойти к источнику, как навстречу ей из лесу вышла нарядно одетая дама и попросила глоток воды. (Это была та же самая фея, но только на этот раз она приняла облик принцессы, чтобы испытать, так ли груба и зла старшая сестра, как о ней рассказывают.)

— Уж не думаете ли вы, что я притащилась сюда, чтобы дать вам напиток? — сказала девушка дерзко. — Ну конечно, только для этого! Я и серебряный кувшинчик нарочно захватила, чтобы поднести воду вашей милости!.. А впрочем, мне все равно. Пейте, если хотите...

— Однако вы не очень-то любезны, — сказала спокойно фея. — Ну что ж, какова услуга, такова и награда. С нынешнего дня каждое слово, которое сорвется с ваших губ, превратится в змею или жабу. Прощайте!

Как только девушка вернулась домой, мать кинулась к ней навстречу:

— Это ты, доченька? Ну как?

— А вот так, матушка! — буркнула в ответ дочка, и в то же мгновение две гадюки и две жабы плюхнулись на порог.

— Ах, Боже мой! — вскрикнула мать. — Да что же это такое? Откуда?.. А, знаю! Это твоя сестра во всем виновата. Ну поплатится же она у меня!.. — И она кинулась на младшую дочку с кулаками.

Бедняжка в страхе бросилась бежать и укрылась в соседнем лесу. Там и встретил ее молодой принц, сын короля этой страны.

Возвращаясь с охоты, он нашел в чаще прекрасную девушку и, подивившись ее красоте, спросил, что она делает в лесу совсем одна и о чем так горько плачет.

— Ах, сударь, — ответила красавица, — матушка прогнала меня из дому!..

Королевский сын заметил, что с каждым словом девушка роняет из уст цветок, жемчужину или алмаз. Он изумился и попросил объяснить, что это за чудо. И тут девушка рассказала ему всю свою историю.

Королевский сын влюбился в нее. К тому же он рассудил, что дар, которым фея наделила красавицу, стоит дороже любого приданого, какое могла бы принести ему другая невеста. Он увез девушку во дворец, к своему отцу, и женился на ней.

Ну, а старшая сестра, она с каждым днем становилась все противнее и несноснее. В конце концов даже собственная мать не выдержала и прогнала ее из дому.

Несчастливая нигде и ни у кого не могла найти пристанища и умерла, отвергнутая всеми.

Шарль ПЕРРО

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Жил на свете король с королевой. У них не было детей, и это их так огорчало, что и сказать нельзя. Уж каких только обетов они не давали, ездили и на богомолье, и на целебные воды — все было напрасно.

И вот наконец, когда король с королевой потеряли всякую надежду, у них вдруг родилась дочка.

Можете себе представить, что за праздник устроили в честь ее рождения! В гости к маленькой принцессе позвали всех фей, каких удалось найти в стране. Дело в том, что у фей в те времена был прекрасный обычай: наделять своих крестниц различными чудесными дарами. А так как фей оказалось семь, то принцесса должна была получить от них в приданое не меньше семи достоинств или добродетелей.

Феи и другие приглашенные съехались в королевский дворец, где для почетных гостей был накрыт праздничный стол.

Перед феями поставили великолепные обеденные приборы и по ящичку из литого золота. В каждом ящичке лежали ложка, вилка и ножик — тоже из чистого золота самой тонкой работы, усыпанные алмазами и рубинами.

И вот, когда гости уселись за стол, дверь вдруг отворилась, и вошла старая фея — восьмая по счету, — которую позабыли позвать на крестины.

А позабыли ее позвать потому, что больше пятидесяти лет она не выходила из своей башни и все думали, что она давно умерла.

Король приказал, чтобы ей тоже подали прибор. Слуги исполнили это в одно мгновение, но золотого ящичка с ложкой, вилкой и ножиком на ее долю не хватило. Этих ящичков было приготовлено всего семь — по одному для каждой из семи фей.

Старая фея, разумеется, очень обиделась. Она подумала, что король с королевой невежливые люди и встречают ее без должного уважения. Отодвинув от себя тарелку и кубок, она пробормотала сквозь зубы какую-то угрозу.

К счастью, юная фея, которая сидела рядом с ней, услышала ее бормотание, и, опасаясь, как бы старуха не вздумала надеть маленькую принцессу каким-нибудь очень неприятным подарком, она, чуть только гости встали из-за стола, пробралась в детскую и спряталась там за пологом кровати. Она знала, что в споре обычно побеждает тот, за кем остается последнее слово, и хотела, чтоб ее пожелание было последним.

Когда кончился обед, наступила самая торжественная минута праздника: феи пошли в детскую и одна за другой стали преподносить крестнице свои дары.

Младшая из фей пожелала, чтобы принцесса была прекраснее всех на свете. Другая фея наградила ее нежным и добрым сердцем. Третья сказала, что каждое ее движение будет вызывать восторг. Четвертая обещала, что принцесса будет превосходно танцевать, пятая — что она будет петь, как соловей, а шестая — что она будет играть на всех музыкальных инструментах с одинаковым искусством.

Наконец очередь дошла до старой феи. Старуха наклонилась над кроватью и, тряся головой больше от досады, чем от старости, сказала, что принцесса уколется себе руку веретеном и от этого умрет.

Все так и вздрогнули, узнав, какой страшный подарок припасла для маленькой принцессы злая колдунья. Никто не мог удержаться от слез.

И вот тут-то юная фея появилась из-за полога и громко сказала:
— Утешьтесь, король и королева! Ваша дочь останется жива. Правда, я не так сильна, чтобы сказанное сделать несказанным. Принцесса должна будет, как это ни грустно, уколоть себе руку веретеном, но от этого она не умрет, а только заснет глубоким сном и будет спать ровно сто лет — до тех пор, пока ее не разбудит прекрасный принц.

Это обещание немного успокоило короля с королевой.

Однако король решил все же попытаться уберечь принцессу от несчастья, которое предсказала ей старая злая фея. Для этого особым указом он запретил всем своим подданным под страхом смертной казни прясть пряжу и хранить у себя в доме веретена и прялки.

Прошло пятнадцать или шестнадцать лет. Как-то раз король с королевой и дочерью отправились в один из своих загородных дворцов.

Принцессе захотелось осмотреть древний замок, и, бегая из комнаты в комнату, она наконец добралась до самого верха дворцовой башни.

Там в тесной каморке под крышей сидела за прялкой какая-то старушка и преспокойно пряла пряжу. Как это ни странно, она ни от кого ни слова не слыхала о королевском запрете.

— Что это вы делаете, тетушка? — спросила принцесса, которая в жизни не видывала прялки.

— Пряду пряжу, дитя мое, — ответила старушка, вовсе и не догадываясь о том, что говорит с принцессой.

— Ах, это очень красиво! — сказала принцесса. — Дайте я попробую, выйдет ли у меня так же хорошо, как у вас.

Принцесса быстро схватила веретено и не успела прикоснуться к нему, как предсказание феи исполнилось: она уколола палец и упала замертво.

Перепуганная старушка принялась звать на помощь. Люди сбежались со всех сторон.

Чего только они не делали: брызгали принцессе в лицо водой, хлопали ладонями по ее ладоням, терли виски душистым уксусом королевы венгерской — ничего не помогало.

Побежали за королем. Он поднялся в башню, поглядел на принцессу и сразу понял, что печальное событие, которого они с королевой так опасались, свершилось.

С грустью приказал он перенести принцессу в самую красивую залу дворца и уложить там на постель, украшенную серебряным и золотым шитьем.

Трудно описать словами, как хороша была спящая принцесса. Она нисколько не побледнела. Щеки у нее были розовые, а губы красные, точно кораллы. И, хоть глаза у нее были плотно закрыты, слышно было, что она тихонько дышит.

Стало быть, это и в самом деле был сон, а не смерть.

Король приказал не тревожить принцессу до тех пор, пока не наступит час ее пробуждения.

А добрая фея, которая спасла свою крестницу от смерти, пожелав ей столетнего сна, была в то время очень далеко от королевского замка.

Но она сразу же узнала об этом несчастье от маленького карлика-скорохода, у которого были семимильные сапоги (это такие чудесные сапоги, что стоит их надеть — и вы за один шаг будете проходить по семи миль).

Фея сейчас же пустилась в путь. Не прошло и часу, как ее огненная колесница, запряженная драконами, уже появилась возле королевского дворца. Король подал ей руку и помог сойти с колесницы.

Фея, как могла, постаралась утешить короля и королеву. А затем, так как это была очень предусмотрительная фея, она сразу же подумала, как грустно будет принцессе, когда через сто лет бедняжка проснется в этом старом замке и не увидит возле себя ни одного знакомого лица.

Чтобы этого не случилось, фея сделала вот что.

Своей волшебной палочкой она прикоснулась ко всем, кто был во дворце (кроме короля и королевы). А там были придворные, фрейлины, гувернантки, горничные, дворецкие, повара, повара, скороходы, солдаты дворцовой стражи, привратники, пажи и лакеи.

Дотронулась она своей палочкой и до лошадей на королевской конюшне, и до конюхов, которые расчесывали лошадям хвосты. Дотронулась до больших дворцовых псов и до маленькой кудрявой собачки, по прозвищу Пуфф, которая лежала у ног спящей принцессы.

И сейчас же все, кого коснулась волшебная палочка феи, заснули. Заснули ровно на сто лет, чтобы проснуться вместе со своей хозяйкой и служить ей, как служили прежде. Заснули даже куропатки и фазаны, которые поджаривались на огне. Заснул вертел, на котором они вертелись. Заснул огонь, который их поджаривал.

И все это случилось в одно-единое мгновение. Феи знают свое дело: взмах палочки — и готово!

После этого король с королевой поцеловали свою спящую дочку, простились с ней и тихо вышли из залы.

Возвратившись к себе в столицу, они издали указ о том, чтобы никто не смел приближаться к заколдованному замку.

Но этого можно было бы и не делать, потому что в какие-нибудь четверть часа вокруг замка выросло столько деревьев, больших и маленьких, столько колючего кустарника — терновника и шиповника, — и все это так тесно переплелось ветвями, что ни человек, ни зверь не мог бы пробраться сквозь такую чашу.

И только издали, да еще с горы, можно было увидеть верхушки башен старого замка.

Все это фея сделала для того, чтобы ничье любопытство не потревожило покоя милой принцессы.

Прошло сто лет. Много королей и королев сменилось за эти годы.

И вот в один прекрасный день сын короля, который царствовал в то время, отправился на охоту.

Вдалеке, над густым дремучим лесом, он увидел башни какого-то замка.

— Чей это замок? — спросил он. — Кто там живет?

Каждый отвечал ему то, что сам слышал от других. Одни говорили, что это старые развалины, в которых живут привидения, другие уверяли, что все ведьмы в округе справляют в заброшенном замке свой шабаш. Но большинство сходилось на том, что старый замок принадлежит людоеду. Этот людоед будто бы ловит заблудившихся детей и уносит к себе в башню, чтобы съесть без помехи, так как никто не может проникнуть вслед за ним в его логовище — ведь только он один на свете знает дорогу сквозь заколдованный лес.

Принц не знал, кому и верить, но тут к нему подошел старый крестьянин и сказал, кланяясь:

— Добрый принц, полвека тому назад, когда я был так же молод, как вы, я слышал от моего отца, что в этом замке спит непробудным сном самая прекрасная принцесса на свете и что спать она будет еще полвека, до тех пор, пока ее суженый, сын какого-то короля, не придет и не разбудит ее.

Можете себе представить, что почувствовал принц, когда он услышал эти слова!

Сердце у него в груди так и загорелось. Он сразу решил, что ему-то и выпало на долю счастье пробудить от сна прекрасную принцессу!

Недолго думая, принц дернул поводья и поскакал в ту сторону, где виднелись башни старого замка, куда влекли его любовь и слава.

И вот перед ним заколдованный лес. Принц соскочил с коня, и сейчас же высокие, толстые деревья, колючий кустарник, заросли шиповника — все расступилось, чтобы дать ему дорогу. Словно по длинной прямой аллее, пошел он к замку, который виднелся вдаль.

Принц шел один. Никому из его свиты не удалось последовать за ним — деревья, пропустив принца, сразу же сомкнулись за его спиной, а кусты опять переплелись ветвями.

Такое чудо могло испугать кого угодно, но принц был молод и влюблен, а этого довольно для того, чтобы быть храбрым.

Еще сотня шагов — и он очутился на просторном дворе перед замком. Принц посмотрел направо, налево, и кровь похолодела у него в жилах. Вокруг него лежали, сидели, стояли, прислонившись к стене, какие-то люди в старинной одежде. Все они были неподвижны, как мертвые.

Но, взглядевшись в красные, лоснящиеся лица привратников, он понял, что они вовсе не умерли, а просто спят. В руках у них были кубки, а в кубках еще не высохло вино, и это ясно показывало, что внезапный сон застиг их в ту минуту, когда они собирались осушить чаши до дна.

Принц миновал большой двор, вымощенный мраморными плитами, поднялся по лестнице, вошел в залу дворцовой стражи. Латники спали стоя, выстроившись в ряд, с карабинами на плечах, и храпели вовсю.

Он прошел множество покоев, полных разодетыми придворными дамами и нарядными кавалерами. Все они тоже крепко спали, кто стоя, кто сидя.

И вот наконец он вошел в комнату с золочеными стенами и золоченым потолком. Вошел и остановился.

На постели, полог которой был откинут, покоилась прекрасная юная принцесса лет пятнадцати-шестнадцати (если не считать того столетия, которое она проспала).

Принц невольно закрыл глаза: красота ее так сияла, что даже золото вокруг нее казалось тусклым и бледным. Дрожа от восторга, он приблизился и опустился перед ней на колени.

В это самое мгновение час, назначенный доброй феей, пробыл.

Принцесса проснулась, открыла глаза и взглянула на своего избавителя.

— Ах, это вы, принц? — сказала она. — Наконец-то! Долго же вы заставили себя ждать!..

Не успела она договорить эти слова, как все кругом пробудилось.

Первая подала голос маленькая собачка, по прозвищу Пуфф, которая лежала у ног принцессы. Она звонко залаяла, увидев незнакомого человека, и со двора ей ответили грубыми голосами сторожевые псы.

Заржали в конюшне лошади, заворковали голуби под крышей. Огонь в печи загудел что было мочи, и фазаны, которых повара не успели дожарить с/ю лет тому назад, зарумянились в одну минуту.

Слуги под присмотром дворецкого уже накрывали на стол в зеркальной столовой. А придворные дамы в ожидании завтрака поправляли растрепавшиеся за сто лет локоны и улыбались своим заспанным кавалерам.

В зале дворцовой стражи латники снова занялись своим обычным делом — затопали ботфортами и загремели оружием.

А привратники, сидевшие у входа во дворец, наконец осушили кубки и опять наполнили их добрым винцом, которое за сто лет стало, конечно, старше и лучше.

Весь замок — от флага на башне до винного погреба — ожил и зашумел.

А принц и принцесса ничего не слышали. Они глядели друг на друга и не могли наглядеться. Принцесса позабыла, что ничего не ела уже целый век, да и принц не вспоминал о том, что у него с утра не было во рту маковой росинки. Они разговаривали целых четыре часа и не успели сказать даже половины того, что хотели.

Но все остальные не были влюблены и поэтому умирали от голода.

Наконец старшая фрейлина, которой хотелось есть так сильно, как и всем другим, не вытерпела и доложила принцессе, что завтрак подан.

Принц подал руку своей невесте и повел ее в столовую.

Принцесса была великолепно одета и с удовольствием поглядывала на себя в зеркало, а влюбленный принц, разумеется, ни слова не сказал ей о том, что фасон ее платья вышел из моды по крайней мере лет сто назад и что такие рукава и воротники не носят со времен его прапрабабушки.

Впрочем, и в старомодном платье она была лучше всех на свете.

Жених с невестой уселись за стол. Самые знатные кавалеры подавали им различные кушанья старинной кухни. А скрипки и гобои играли для них прелестные, давно забытые песни прошлого века.

Придворный поэт тут же сочинил новую, хотя немного старомодную песенку о прекрасной принцессе, которая сто лет проспала в заколдованном лесу. Песня очень понравилась тем, кто ее слышал, и с тех пор ее стали петь все от мала до велика, от поварят до королей.

А кто не умел петь песни, тот рассказывал сказку. Сказка эта переходила из уст в уста и дошла наконец до нас с вами.

ЛЕРИТЬЕ ДЕ ВИЛЛОДОН

СМЫШЛЕННАЯ ПРИНЦЕССА, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОСТРУШКИ

Новелла

Графине де Мюра

Вы пишете прелестнейшие новеллы в стихах, и ваши стихи столь же нежны, сколь естественны. Мне бы хотелось, очаровательная графиня, рассказать вам, в свою очередь, одну новеллу, хотя я и не знаю, развлечет ли вас она. У меня сегодня настроение мещанина во дворянстве, мне не хочется писать ни прозой, ни стихами, не хочется мне ни высоких слов, ни блеска, ни рифм — мне хочется говорить наивным языком. Словом, меня привлекает простой рассказ, изложенный разговорной речью, — мне хочется только вывести некоторое нравоучение.

Нравоучительна моя сказочка в достаточной мере, и этим она должна вам понравиться. Она основывается на двух пословицах вместо одной: такова нынче мода, и вы их любите, а я с удовольствием следую обычаю. Вы увидите, как наши предки умели доказывать, что для того, кто любит ничего не делать, жизнь превращается в полный беспорядок, или, говоря их словами, — праздность есть мать всех пороков, и вам, конечно, понравится их способ доказательства. Вторая пословица гласит, что надо всегда быть настороже; вы, конечно, понимаете, что я говорю о пословице: недоверие есть мать безопасности.

*Любовь лишь те сердца пленяет,
Каких ни труд, ничто не занимает,
И если ловкий волокита страшен вам
И поглупеть от страсти вы боитесь, —
Красавицы, чтоб мир был сохранен сердцам,
Вы делом позаимитесь.
Но если, так иль сяк, а вам судьба — любить,
То бойтесь вы судьбу соединить, не зная,
Кого избрали вы, кто вас увлек, играя.
Страшись, чтоб около тебя
Не шел один из тех, кто с видом кротким,
Не зная, что сказать красоткам,
Вздыхает громко, не любя.
Беги от рассказней любовных,
Да рассуди толково, что и как,
Немало ведь любовных врак
Из уст точится суесловных.
Да берегись всегда любовников таких,
Что с первых слов кипят в восторгах золотых
И пламенем живым клянутся;
Насмешкой остудите их:
Ведь надо много дней больших,
Чтоб сердцу смело встрепенуться.
Смотри, чтоб нежные слова
Не сразу б гордость заменили сном беспечным, —
Должна подумать голова
О счастье и спокойствии сердечном.*

Но я не мечтаю об этом, сударыня, я пишу стихи: вместо того чтобы следовать вкусам господина Журдена, я рифмую подобно тому, как это делал Кино. Но сейчас я спешу перейти как можно скорее к простой речи, опасаясь старой ненависти, которую питали к этому милому моралисту, и опасаясь также, как бы меня не обвинили в том, что я его обкрадываю и рву на куски, как ныне делают многие бессовестные авторы.

Во время первых крестовых походов король, уж не знаю какого европейского королевства, решил пойти войной на неверных в Палестину. Перед тем как предпринять столь долгое путешествие, он привел в такой блестящий порядок дела своего королевства и передал управление такому искусному

министру, что на этот счет был совершенно спокоен. Гораздо больше тревожила нашего государя забота о его семье. Совсем недавно умерла королева, его супруга, не было у него сыновей, но он был отцом трех принцесс, молодых девушек на выданье. Летопись не сохранила нам их настоящих имен; знаю я только, что так как в счастливые те времена простота народная без обиняков давала прозвища видным особам по добрым их качествам или по недостаткам, то старшую принцессу прозвали Разиней, что по-нашему означает ленивица, вторую Болтушкой, а третью Вострушкой, и эти прозвища как раз подходили к характерам трех сестер.

Никогда еще не видано было такой ленивицы, как Разиня. Раньше часа пополудни не могла она проснуться, в церковь тащили ее прямо с постели, и шла она непричесанная, платье расстегнуто, пояс надеть позабудет, и нередко на правой ноге у нее одна туфля, а на левой совсем другая. Кое-как за целый день, бывало, подберут ей одинаковые, но никак нельзя было ее уговорить обуться не в туфли, потому что она считала невыносимо трудным надеть башмаки. Бывало, Разиня пообедаст да и начнет одеваться и провозится так до самого вечера, а там до полуночи кушает да балуется. Потом начнет раздеваться на ночь и все так же медленно, как днем одевалась, так что спать она укладывалась, когда совсем рассветет.

Болтушка проводила время по-иному. Эта принцесса была очень живого нрава и очень мало собой занималась, но до того она любила поговорить, что как, бывало, проснется, так рта и не закроет, пока не заснет. Она знала истории всех неудачных браков, всех нежных связей, всех волокитств не только при дворе, но и у самых что ни на есть скромных горожан. Она наизусть знала, какие женщины обкрадывают свое хозяйство, чтобы заказать себе самый ослепительный убор, и ей в точности было известно, сколько зарабатывает горничная княгини такой-то и дворецкий маркиза такого-то. Чтобы разузнать обо всех этих делишках, она беседовала со своей кормилицей да своей портнихой с таким удовольствием, какого не получила бы от беседы с посланником, а потом все уши, бывало, прожужжит этими сплетнями всем, начиная с короля, своего отца, до последнего лакея, потому что ей все равно было, с кем бы ни говорить, лишь бы только поговорить.

Непреодолимая ее любовь к болтовне имела еще и другие дурные последствия. Несмотря на высокое ее положение, ее

болтовня запанибрата давала повод придворным любезникам приставать к ней со своими нежностями. Она выслушивала их затейливые комплименты попросту, лишь бы не лишиться удовольствия поговорить, а все потому, что ей нужно было во что бы то ни стало с утра до вечера либо слушать, либо болтать пустяки. Болтушка, так же как и Разиня, никогда не могла ни подумать, ни рассудить о чем-нибудь, ни книжку почитать; хозяйством домашним она себя тоже не беспокоила, а иголка или веретено ее вовсе не занимали. Таким-то образом эти две сестры в вечной праздности никогда не утруждали ни рук своих, ни головы.

Младшая сестра этих двух принцесс была совсем другого нрава. Она непрестанно заботилась и о себе и о своем образовании, была очень живая, всех заражала своей живостью и всегда старалась, чтобы все при этом шло по-хорошему. Она чудесно танцевала, пела, играла на разных инструментах, очень ловка была во всяких рукоделиях, любезных прекрасному полу, вела в большом порядке королевское хозяйство и следила, чтобы мелкие слуги поменьше добра растаскивали, ибо уже в те времена они не упускали случая обокрасть своего государя.

Но ее таланты на этом еще не кончались; она была, кроме того, весьма рассудительна, и так много было у нее здравого смысла, что в самом трудном положении всегда она, бывало, найдется. Эта юная принцесса раскрыла однажды своей прозорливостью опасную западню, которую приготовил королю, ее отцу, один коварный посланник, и раскрыла она в ту самую минуту, как король уж готов был подписать важную бумагу. Тогда, чтобы наказать вероломство посланника и его повелителя, король изменил текст соглашения, изложив его в выражениях, которые подсказала ему дочь, и, таким образом, в свою очередь, обманул обманщика. Юная принцесса также открыла однажды плутню одного министра, и по ее совету отец сделал так, что предательство этого человека обратилось против него же. Принцесса не однажды еще выказывала прозорливость и остроту ума, и так часто это случалось, что в народе ее прозвали Вострушкой. Король любил ее гораздо больше, чем других дочерей, и так он надеялся на ее здравый ум, что если бы у него не было детей, кроме нее, он бы уехал на войну, нимало не беспокоясь. Но так как он не доверял своим старшим дочерям, то он только и мог положиться, что на Вострушку. И вот, чтобы быть уверенным в своей семье — потому что со стороны своих

министру, что на этот счет был совершенно спокоен. Гораздо больше тревожила нашего государя забота о его семье. Совсем недавно умерла королева, его супруга, не было у него сыновей, но он был отцом трех принцесс, молодых девушек на выданье. Летопись не сохранила нам их настоящих имен; знаю я только, что так как в счастливые те времена простота народная без обиняков давала прозвища видным особам по добрым их качествам или по недостаткам, то старшую принцессу прозвали Разиней, что по-нашему означает ленивица, вторую Болтушкой, а третью Вострушкой, и эти прозвища как раз подходили к характерам трех сестер.

Никогда еще не видано было такой ленивицы, как Разиня. Раньше часа пополудни не могла она проснуться, в церковь тащили ее прямо с постели, и шла она непричесанная, платье расстегнуто, пояс надеть позабудет, и нередко на правой ноге у нее одна туфля, а на левой совсем другая. Кое-как за целый день, бывало, подберут ей одинаковые, но никак нельзя было ее уговорить обуться не в туфли, потому что она считала невыносимо трудным надеть башмаки. Бывало, Разиня пообедаст да и начнет одеваться и провозится так до самого вечера, а там до полуночи кушает да балуется. Потом начнет раздеваться на ночь и все так же медленно, как днем одевалась, так что спать она укладывалась, когда совсем рассветет.

Болтушка проводила время по-иному. Эта принцесса была очень живого нрава и очень мало собой занималась, но до того она любила поговорить, что как, бывало, проснется, так рта и не закроет, пока не заснет. Она знала истории всех неудачных браков, всех нежных связей, всех волокитств не только при дворе, но и у самых что ни на есть скромных горожан. Она наизусть знала, какие женщины обкрадывают свое хозяйство, чтобы заказать себе самый ослепительный убор, и ей в точности было известно, сколько зарабатывает горничная княгини такой-то и дворецкий маркиза такого-то. Чтобы разузнать обо всех этих делишках, она беседовала со своей кормилицей да своей портнихой с таким удовольствием, какого не получила бы от беседы с посланником, а потом все уши, бывало, прожужжит этими сплетнями всем, начиная с короля, своего отца, до последнего лакея, потому что ей все равно было, с кем бы ни говорить, лишь бы только поговорить.

Непреодолимая ее любовь к болтовне имела еще и другие дурные последствия. Несмотря на высокое ее положение, ее

подданных он ничего не опасался, — принял он некоторые меры, о которых я сейчас расскажу.

Вы, очаровательная графиня, столь сведущи во всем, касающемся древности, что я не смею сомневаться в том, что не раз вы слышали о могущественных чарах фей. Король, о котором я вам рассказываю, был давнишним другом одной из этих искусных женщин. Поехал он к ней и рассказал о том, как беспокоится о своих дочерях.

— Я беспокоюсь, — сказал король, — только о двух старших; конечно, они никогда не поступят против своего долга, но они так неразумны, так неосторожны, ничем решительно не заняты, и я боюсь, как бы они, когда я уеду, не увлеклись от нечего делать какой-нибудь сумасшедшей затеей. Что до Вострушки, то я уверен в ее добродетели, но не хочу выделять ее из остальных — я решил поступить и с нею так же, как и с другими. Поэтому, премудрая фея, прошу я вас сделать мне три хрустальные прялки для моих дочерей, причем вы сделаете их так искусно, что каждая прялка должна в один миг сломаться, ежели принцесса, которой она будет принадлежать, поступит против своего достоинства.

Так как фея была одной из самых искусных, то она дала королю три очаровательные прялки, наделенные свойствами, необходимыми для осуществления его намерения. Но королю и этих предосторожностей было еще недостаточно, поэтому он заключил всех трех принцесс в очень высокую башню, которая стояла в пустынном месте. При этом король сказал принцессам, что повелевает им жить в этой башне все время, пока он будет в отъезде, и запрещает им принимать у себя кого бы то ни было. Он отстранил от них всех слуг и служанок, потом преподнес им очаровательные прялки, объяснив волшебные их свойства, обнял своих дочерей, запер двери башни, взял с собой ключи, да и уехал.

Вы, может быть, подумаете, госпожа моя, что принцессам в их башне грозила голодная смерть? Вовсе нет: к одному из окон башни приделали крепкий блок, повесили на него веревку, а к веревке принцессы привязывали корзинку, которую каждый день спускали вниз. В эту корзиночку клали им провизию на целый день, а они, подняв корзинку наверх, старательно втягивали и всю веревку к себе в комнату.

Разиня и Болтушка вели в этом одиночестве жизнь, которая их приводила в отчаяние; до того они там скучали, что и

рассказать нельзя. Однако пришлось запастись терпением, так как им сделали такие страшные прялки, что они боялись и шаг ступить, как бы те вдруг не сломались.

Ну, а Вострушка, так она вовсе не скучала; ее веретено, иглолка да музыкальные инструменты забавляли ее, а кроме того, по приказу министра, который управлял страной, в корзинку принцесс клали для них письма, которые осведомляли их обо всем, что происходило в королевстве, а также и за его пределами. Так повелел король, и министр, чтобы услужить принцессам, аккуратно выполнял его распоряжение. Вострушка с интересом читала эти письма, и они очень ее развлекали. Другие же две сестры нимало ими не интересовались. Они говорили, что слишком огорчены, чтобы забавляться такими пустяками. И они играли в карты, чтобы не скучать, пока отец в отлучке.

Так грустно они жили и ворчали на судьбу. Думаю, не раз они повторяли, что *лучше родиться счастливым, чем королевским сыном*. Частенько сиживали они у окна башни, чтобы по крайней мере посмотреть на то, что делается вокруг. И вот однажды, когда Вострушка сидела у себя за рукоделием, увидали ее сестры из окна, что к подножию их башни подошла бедная женщина в изодранном рубище, взывая к ним о сострадании. С воздетыми руками умоляла она позволить ей войти в их замок, говоря, что она несчастная чужеземка, что она знает всякую работу и будет им служить верой и правдой. Принцессы вспомнили было о приказании отца никого не пускать в башню, но Разине до того надоело все себе самой делать, а Болтушке так было скучно, что не с кем, кроме сестер, поговорить, и так им захотелось — одной, чтобы ее причесали как следует, а другой, чтобы у нее было еще с кем посудачить, что они решили пустить к себе бедную чужеземку.

— Подумайте, сестрица, — сказала Болтушка, — может ли это быть, чтобы королевское запрещение касалось людей вроде этой бедняжки? Я думаю, что ее можно пустить, ничего не опасаясь.

— Делайте как знаете, сестрица, — ответила ей Разиня.

Болтушка только этого и ждала. Она опустила сейчас же вниз корзинку, бедная женщина уселась в нее, и принцессы подняли ее наверх на блоке.

Когда женщина предстала перед их очами, им стало противно, до того были грязны ее одежды. Они решили ее переодеть,

но та сказала, что переоденется завтра, а сейчас она хочет им послужить да помочь. Пока она это говорила, Вострушка вошла в комнату. Младшая сестра была очень удивлена, увидав незнакомку со своими сестрами. Те ей рассказали, как это случилось, и Вострушка, видя, что уже ничего не поделаешь, притворилась, что вовсе не огорчена их неосторожностью.

Тем временем новая прислужница принцесс уже несколько раз успела обежать весь замок под предлогом, что надо то и другое сделать, а на самом деле, чтобы лучше рассмотреть расположение комнат. Потому что, госпожа моя, уж не знаю, догадались вы или нет, но только эта мнимая нищенка была так же опасна этому замку, как принц Ори, вошедший в монастырь, переодетый беглой аббатиссой.

Чтобы не мучить долее ваше любопытство, скажу вам, что это существо, покрытое лохмотьями, было не кем иным, как старшим сыном могущественного короля, соседа отца наших принцесс. Этот юный принц был одним из самых изобретательных умов своего времени и распоряжался, как хотел, своим отцом, хотя, впрочем, для этого и не требовалось много ума, потому что у короля этого был такой добрый и податливый нрав, что его прозвали Добряком. Ну, а принца, который был известен только своими хитростями да увертками, прозвали в народе На-хитрости-богат, или Хитрая Голова.

У него был младший брат, у которого было столько же хороших качеств, сколько у старшего недостатков, и все-таки, несмотря на разницу в нравах, оба брата были так дружны, что все удивлялись. Кроме доброй души, младший так был хорош собой и такой он был стройный да складный, что его прозвали Красавчик. Как раз принц Хитрая Голова и посоветовал когда-то посланнику короля, своего отца, заманить отца наших принцесс в коварную ловушку, и только хитрость Вострушки обернула это дело против них. Хитрая Голова и раньше недолюбливал короля, отца наших принцесс, а после этого случая и вовсе возненавидел. И вот, когда он узнал, какие предосторожности принял король, уезжая, он решил доставить себе опасное удовольствие обмануть осторожность столь заботливого отца. Хитрая Голова выпросил под разными вымышленными предложениями у короля, своего отца, позволение отправиться путешествовать и придумал, как ему проникнуть в башню принцесс, что, как вы видели, ему и удалось.

Осматривая замок, принц заметил, что прохожие легко

могли бы услышать, что происходит в нем, и поэтому решил оставаться целый день ряженым, потому что, если бы принцессы его разглядели, они легко могли бы позвать на помощь и наказать его за дерзкую выходку. Итак, целый день он ходил в лохмотьях и притворялся нищенкой, а вечером, когда три сестры поужинали, Хитрая Голова скинул свое рубище и появился перед ними в богатой одежде рыцаря, весь в золоте и драгоценных камнях. Бедные принцессы так перепугались, увидев его, что тут же бросились бежать со всех ног. Вострушка и Болтушка, которые были порезвее, успели спрятаться к себе в комнаты, ну, а Разиню, которая и ходить-то не привыкла, не то что бегать, принц в тот же миг и поймал.

Он сразу бросился к ее ногам, объявил, кто он такой, и сказал, что молва о ее красоте и ее портреты заставили его покинуть пышный двор, чтобы предложить ей свою любовь и верность. Разиня сперва так растерялась, что слова вымолвить не могла, но он, стоя на коленях перед ней, так нежно ее уговаривал, так уверял, с таким жаром заклинал ее стать его супругой тотчас же, нимало не медля, что она по своей природной вялости, которая не давала ей силы спорить, сказала ему беспечно, что верит его искренности и согласна разделить его судьбу. Она и не подумала о том, чтобы обставить какими-нибудь церемониями заключение их брака, с нее было довольно этого разговора. Но в эту минуту уронила она свою прялку, а та и разбилась на тысячу кусочков.

Тем временем Болтушка и Вострушка были в ужасном беспокойстве; каждая из них добежала до своей комнаты и там заперлась. Их комнаты были довольно далеко одна от другой, так что ни одна из них не знала, что случилось с другими сестрами, и они провели ночь глаз не смыкая. Утром коварный принц повел Разиню в нижнюю комнату, выходящую в сад, и там принцесса сказала Хитрой Голове, что она очень беспокоится за своих сестер, а пойти к ним боится, потому что они, наверное, будут ругать ее за замужество. Принц ответил ей, что он сам им об этом объявит, и, поговорив с ней, вышел, да и запер Разиню в комнате так, что она этого и не заметила. А сам стал усердно искать принцесс.

Некоторое время он никак не мог догадаться, где они заперлись, но наконец Болтушка не выдержала, она так любила поговорить, что стала говорить сама с собой и сама себе жаловаться; принц услышал это, подошел к двери и увидел

Болтушку в замочную скважину. Хитрая Голова стал с ней говорить через дверь и сказал ей то же самое, что и ее сестре: что только для того и вознамерился он проникнуть в их башню, чтобы предложить ей свое сердце и верность. Он с таким жаром восхвалял ее красоту и ум, что Болтушка, которая была совершенно уверена в своих замечательных качествах, оказалась столь глупа, что поверила его словам. Она ответила ему целым потоком слов, которые были не так уж нелюбезны. Видно, действительно эта принцесса без ума любила поговорить, раз уж она могла болтать в такую минуту. Ведь она была в ужасном унынии, уж не говоря о том, что ничего не ела с вечера, потому что у нее в комнате ничего съестного припасено не было. Она была страшно ленива и никогда ни о чем и не мечтала, лишь бы ей только поговорить; ни о чем дельном она никогда не задумывалась, а если ей что нужно было, так она просила Вострушку, эта же милая принцесса была столь же трудолюбива и предусмотрительна, сколь сестры ее ленивы и рассеянны, поэтому у Вострушки в комнате вечно были и марципаны, и мармелад, и варенье, сухое и жидкое, и все это она сама готовила. И вот Болтушка, у которой ничего этого не было, побуждаемая голодом и нежнейшими уверениями принца из-за двери, наконец отворила ее своему обольстителю. И когда она отворила, он в совершенстве разыграл перед ней комедию: он хорошо выучил роль.

Затем они вдвоем вышли из комнаты и отправились в буфетную замка, где было приготовлено разнообразное угощение, так как ведь корзинка всегда снабжала принцесс заранее. Сперва Болтушка огорчалась тем, что не знала, что случилось с ее сестрами, но потом забрала она себе в голову, уж не знаю почему, что обе они заперлись у Вострушки в комнате, а уж там у них всего вдоволь. Хитрая Голова поддержал ее в этом убеждении и сказал, что вечером пойдет к ним. Однако она не согласилась и решила, что надо пойти тотчас же, как только они покушают.

Наконец принц и принцесса накушались вдоволь, и, когда завтрак был окончен, Хитрая Голова попросил, чтобы она ему показала парадные покои замка. Он подал принцессе руку, и они пошли туда, а когда пришли, то принц снова стал уверять ее в своей любви, а также рассказывать ей о том, как ей будет хорошо, когда она выйдет за него замуж. Он сказал ей так же, как и Разине, что она должна сейчас же сделаться его женой, а

если раньше рассказать об их помолвке сестрам, то они не преминут воспротивиться этому, потому что как, без сомнения, самый могущественный из соседних принцев он представлял бы скорее партию для старшей сестры, а не для нее; и старшая принцесса уж ни за что не согласится на их союз, столь для него желанный. Болтушка долго судачила с ним об этом, но безо всякого толка и наконец решилась на такой же необыкновенный поступок, как и ее сестра: она согласилась стать женой юноши, а о своей хрустальной прялке и не вспомнила.

Вернулась к вечеру Болтушка в свою комнату вместе с принцем и первое, что увидела там, была ее хрустальная прялка, разбившаяся на мелкие кусочки. Она очень смутилась при этом зрелище, а принц спросил о причине ее смущения. Она так любила поболтать, что умолчать о чем-нибудь была неспособна и по глупости открыла Хитрой Голове тайну прялок. А принц злодейски порадовался, что отец принцесс узнает о дурном поведении своих дочерей.

У Болтушки тем временем пропало всякое желание идти к сестрам: она не без основания боялась, что они не одобряют ее поведения. Но принц предложил сам отправиться к ним, обещая, что сумеет уговорить их. Поверив ему, принцесса, не спавшая всю ночь, прилегла и задремала, а как только она заснула, принц вышел из комнаты, да и запер ее на ключ, как уже сделал с Разиней.

Не правда ли, прелестная графиня, Хитрая Голова был отъявленным злодеем, а эти две принцессы малодушны и крайне неосторожны? Я очень сержусь на всю эту компанию и не сомневаюсь, что и вы тоже; но не беспокойтесь, все они получают по заслугам. И только наша умница, храбрая Вострушка, будет награждена.

Когда коварный принц запер Болтушку, он побежал по всем комнатам дворца, заглядывая в каждую, и так как все они были отперты, то решил, что в той единственной комнате, которая оказалась запертой изнутри, и спряталась от него Вострушка.

Так как у него для всех была заготовлена одна любовная речь, он и перед дверью Вострушки стал говорить то же самое, что говорил ее сестрам. Но эта принцесса была не так проста, как старшие сестры, и очень долго ничего ему не отвечала. Наконец, видя, что он знает, что она в этой комнате, Вострушка сказала ему, что если действительно он питает к ней такую глубокую и искреннюю нежность, то пусть спустится в сад и

затворит за собой дверь, а после этого она поговорит с ним через окошко, которое выходит в сад.

Хитрая Голова и слышать о том не захотел, а так как принцесса по-прежнему отказывалась отпереть ему дверь, то злой принц, вне себя от нетерпения, достал крепкое полено да и высадил им дверь. Но тут он увидал, что в руках у Вострушки здоровенный молоток, который позабыли случайно в чуланчике около ее комнаты. От волнения она покраснелась, и хоть в очах ее ничего доброго он не увидал, все же она показалась Хитрой Голове восхитительно красивой. Он хотел броситься к ее ногам, но она, отбежав от него, гордо ему сказала:

— Если вы, принц, приблизитесь ко мне, я разобью вам голову этим молотком.

— Как, прекрасная принцесса, — воскликнул тогда лицемерный принц, — любовь, которую я питаю к вам, вызывает у вас такую ненависть?

И снова начал он ее превозносить, но уж из другого угла комнаты, и уверять, что весь горит любовью к ней, потому что столько наслышался о ее красоте и удивительном разуме. Он добавил, что только для того и явился переодетым, чтобы почтительнейше предложить ей свою руку и сердце, и что она должна ему простить выломанную дверь, потому что случилось это только от непомерной страсти. И кончил он тем, что стал ее уверять, как и сестер, что ей будет очень хорошо, если она станет его женой как можно скорее. Еще он сказал, что не знает, куда укрылись принцессы, ее сестры, потому что, думая только о ней, он не стал их разыскивать. Хитрая принцесса, сделав вид, что она смягчилась, ответила ему, что надо пойти за сестрами и тогда они все вместе решат это дело, но Хитрая Голова возразил ей, что никак на это согласиться не может, потому что ее сестры по праву старшинства непременно этому воспротивятся.

Подозрения Вострушки, которая не зря не доверяла коварному принцу, еще больше усилились, когда она услышала его ответ. Дрожа за участь сестер, она решила одним разом и за них отомстить и самой избежать той беды, которой, как она догадывалась, они подверглись. И вот юная принцесса сказала Хитрой Голове, что она с радостью принимает его предложение, но только она слышала, что браки, которые заключаются вечером, всегда бывают несчастными, поэтому она просит его отложить церемонию и соединить их судьбу завтра утром. Она

прибавила, что обещает ни о чем не рассказывать принцессам и просит оставить ее ненадолго одну, чтобы ей помолиться; а потом она отведет его в комнату, где для него найдется очень хорошая постель, а она запрется у себя до завтра.

Хитрая Голова был не очень-то храбрым малым, а тут, видя, что у принцессы в руках здоровенный молоток и она помахивает им, будто веером, решил согласиться с ней и вышел, чтобы она могла помолиться. Не успел он далеко отойти, как Вострушка бросилась стелить ему постель как раз над сточной канавой замка, отверстие которой выходило в одну из комнат. Эта комната была такая же опрятная, как и все остальные, но в полу было широкое отверстие, куда выбрасывались все отбросы и нечистоты из замка. Вострушка положила на эту дыру крест-накрест две тоненькие жерди, потом сверху накрыла их чистой постелью и возвратилась к себе в комнату. Через минуту вернулся Хитрая Голова, и принцесса отвела его туда, где приготовила ему постель, и ушла.

Принц, как был, не раздеваясь, бросился на постель, под его тяжестью тоненькие жерди сразу сломались, и он, не удержавшись, свалился на самое дно сточной канавы, посадив себе двадцать шишек на голове и весь разбившись. От падения принца громкий шум раздался в трубе, а комната Вострушки была неподалеку; она сейчас же поняла, что хитрость ее удалась на славу, и втайне очень тому порадовалась. Нельзя и описать ее восхищения, когда она услышала, как он барахтается в сточной канаве. Он вполне заслужил такое наказание, и принцессе было отчего радоваться. Но сейчас ей было не до радости, так как она думала о своих сестрах. Первым делом побежала она их искать. Болтушку найти было нетрудно. Хитрая Голова, заперев ее на двойной замок, оставил ключ в двери. Вострушка вбежала в комнату, и от шума ее шагов сестра мигом проснулась. Ей стало очень стыдно, когда она увидела Вострушку. Тут Вострушка рассказала ей, как она отделалась от лукавого принца, который явился, чтобы их обесчестить. Болтушка перепугалась, точно около нее гром грянул, потому что, несмотря на бесконечные свои пересуды, она была так мало просвещена, что, как глупенькая, поверила всему, что ей говорил принц. Есть еще такие дурочки на белом свете.

Скрывая свое женское горе, встала эта принцесса и пошла вместе с Вострушкой искать Разиню. Они обошли все покои замка, но не нашли ее. Наконец Вострушка решила, что она,

наверное, находится в комнатах около сада, и там они нашли ее, полуживую от горя и слабости. Ведь целый день она ничего не ела. Принцессы оказали ей всякую помощь, а потом выяснили все, что произошло. Этот разговор поверг Разиню и Болтушку в смертельную тоску, а потом они все трое пошли отдохнуть.

Хитрая Голова провел очень плохую ночь. Занялся день, но и он был для принца невеселым. Он находился в подземной канаве. Хорошо еще, что там было так темно и он не мог видеть, в какой грязи находится. Наконец, совершенно измучившись, он нашел-таки выход из своей западни, которая выходила в речку, довольно далеко от замка. Кое-как сумел он обратить на себя внимание людей, которые ловили рыбу в речке. Они вытащили его оттуда в таком виде, что им, добрым людям, жалко его стало. Доставили его ко двору короля, его отца, где он мог отдохнуть и вылечиться. Но неудача, которая его постигла, заставила его так возненавидеть Вострушку, что он больше думал о мести, чем о выздоровлении.

Вострушка зажила теперь очень печально. Добрая слава была ей дороже жизни, а постыдная слабость сестер приводила ее в такое отчание, что она ничего с ним поделать не могла. Однако обе ее сестры так плохо себя чувствовали после своих недостойных свадеб, что постоянству Вострушки предстояло новое испытание. Тем временем Хитрая Голова, который и так был ловким плутом, призывал на помощь всю свою хитрость, чтобы стать плутом из плутов. И сточная канава и синяки — все это не так его огорчало, как то, что ему пришлось встретить человека, который его перехитрил. Его крайне занимало, что вышло из двух его женитьб, и вот, чтобы поискусить больных принцесс, он велел принести под окна их замка два больших ящика с деревьями, отягощенными прекрасными плодами. Разиня и Болтушка, часто торчавшие у окон, тотчас заметили эти плоды, и тут же им страшно захотелось их покушать; они стали приставать к Вострушке, чтобы та спустилась в корзинке и нарвала этих плодов. Доброта младшей принцессы была так велика, что она, чтобы побаловать своих сестер, спустилась вниз и принесла им прекрасных плодов, которые те и съели с величайшей жадностью.

На другое утро появились новые плоды. Снова жадность обуяла принцесс, и снова Вострушка решила им угодить, но на этот раз слуги Хитрой Головы, сидевшие в засаде, не прозе-

вали ее так, как прозевали в первый раз: схватили они Вострушку и утащили ее на глазах сестер, которые волосы на себе рвали от горя.

Люди Хитрой Головы притащили Вострушку в деревенский домик, где их принц оставался до своего выздоровления. Так как он был в страшной ярости на эту принцессу, то стал ее всячески ругать, а она на это отвечала со стойкостью великой души, достойной героини, какой она и была. Наконец, продержав ее пленницей несколько дней, велел он ее свести на вершину высоченной горы и сам через минуту явился туда. Тут он ей сказал, что сейчас ее убьет таким способом, что отомстит за все, что она ему сделала. Затем вероломный этот принц показал ей на бочку, всю утыканную изнутри перочинными ножиками, бритвами да кривыми гвоздями, и сказал, что для того, чтобы наказать ее по заслугам, ее посадят в эту бочку и скатят с самого верха горы вниз.

Хоть Вострушка и не была римлянкой, она не больше испугалась казни, чем Регул, которому тоже грозила подобная участь. Юная принцесса сохранила всю свою стойкость и даже всю находчивость. А принц вместо того, чтобы залюбоваться геройским ее характером, еще больше разъярился и решил поторопиться с казнью. С этой целью наклонился он к отверстию бочки (которая должна была отомстить за него), чтобы убедиться, что там достаточно натыкано всяких смертоносных орудий. Увидав, как внимательно занялся бочкой ее мучитель, Вострушка, не теряя ни минуты, толкнула его в бочку да и скатила с самого верха горы вниз, не дав ему и опомниться. Вслед за тем бросилась она бежать со всех ног. Слуги принца, которые с крайним огорчением смотрели на то, как жестоко хочет расправиться их повелитель с этой очаровательной принцессой, и не подумали бежать за ней и ловить ее. Да, кроме того, они так были напуганы тем, что случилось с их господином, что ни о чем другом и думать не могли, как только о том, как бы им остановить бочку, которая с грохотом неслась вниз. Но все их старания ни к чему не повели: бочка скатилась к самому подножию горы, и там только вытащили они принца, покрытого тысячью ран.

Это несчастье с Хитрой Головой повергло в отчаяние и короля Добряка и принца Красавчика. Ну, а их подданные, те вовсе этим не огорчились. Хитрую Голову все ненавидели и даже удивлялись, что младший принц, который был так благороден и великодушен, мог

любить своего недостойного старшего брата. Но уж таков был добрый нрав принца Красавчика, что он очень был привязан ко всем своим родным, а Хитрая Голова всегда так ловко выказывал ему свою дружбу, что этот благородный принц никогда бы не позволил себе не отвечать ему тем же. Красавчик ужасно скорбел о ранах своего брата и принял все меры, чтобы вылечить его поскорее. Однако, несмотря на то, что все только и старались, как бы исцелить Хитрую Голову, ничего ему не помогало; наоборот, раны его, казалось, все больше и больше разбаливались и грозили ему долгим страданием.

После того как Вострушка избавилась от ужасной опасности, она счастливо достигла замка, где оставила своих сестер; но скоро ей пришлось испытать новые огорчения. У обеих старших принцесс родилось по сыну, и Вострушка очень была этим озабочена. Однако она ничуть не упала духом. Она так хотела скрыть позор своих сестер, что решилась еще раз на отважное предприятие, хотя и знала всю его опасность. Она приняла все меры предосторожности, какие только может внушить благоразумие для того, чтобы ее новый замысел мог удался. Она переоделась мужчиной, положила детей сестер в ящички, где были сделаны отверстия, в которые малютки могли бы дышать, села на лошадь, взяла с собой эти ящички да еще кое-что и таким образом приехала в столицу Добряка, где находился Хитрая Голова.

Когда Вострушка приехала в город, она узнала, что великолепные награды, которые раздавал принц Красавчик за лечение своего брата, привлекли ко двору всех шарлатанов Европы, ибо в те времена расплодилось множество всяких проходимцев без дела и без умения, которые выдавали себя за замечательных врачей, получивших от неба дар исцелять все болезни. Этим людям, единственная наука которых состояла в ловкой плутне, всегда ведь очень верили в народе. Они умели расположить к себе и поразить необыкновенным нарядом и странными именами, которые они принимали. Такие лекари никогда не остаются на своей родине, а то, что они прибыли издалека, нередко поддерживает веру в них у простого люда.

Изобретательная принцесса, разузнав хорошенько обо всем этом, придумала себе имя, которое казалось очень диковинным в этом королевстве, она назвала себя Санацио. Затем она разгласила повсюду, что рыцарь Санацио явился из дальних стран с удивительными тайнами, которые позволяют ему исце-

лять всякие раны, самые опасные и болезненные. Тотчас же принц Красавчик послал за мнимым рыцарем. Вострушка явилась, разыграла великого шарлатана так, что лучше и придумать нельзя, произнесла несколько загадочных слов крайне самоуверенным тоном; одним словом, все было в порядке. Принцессе понравились открытое лицо и приятные манеры принца Красавчика, и, поговорив с ним некоторое время о ранах Хитрой Головы, она сказала, что принесет бутылку несравненной воды, а пока оставляет два ящичка с замечательными мазями, которые должны быть полезны для раненого принца.

После этого мнимый лекарь ушел и не вернулся; все весьма беспокоились, куда он мог запропасться. Наконец решили уже послать за ним, чтобы поторопить его, а в это время из комнаты Хитрой Головы раздался детский плач. Кое-кто прислушался, и наконец догадались, что детский крик исходит из ящичков великого шарлатана.

То были племянники Вострушки. Она их как следует накормила перед тем, как снести во дворец, но уже прошло немало времени, им опять захотелось есть, вот они запели жалобными голосами. Открыли ящички, и все очень удивились, найдя там этих двух мартышек, которые оказались славными ребятами. Принц сейчас же заподозрил, что это новые затеи Вострушки; он пришел в неопишемую ярость, а боли его до такой степени усилились, что уже не оставалось сомнений в том, что он не выживет.

Принц Красавчик очень был этим огорчен, а Хитрая Голова, который до последнего вздоха сохранил все свое коварство, вздумал обманным путем воспользоваться привязанностью своего брата.

— Вы меня всегда любили, принц, — сказал он ему, — и вот теперь плачете обо мне. Я умираю и не нуждаюсь больше в доказательствах вашей дружбы. Но если вы действительно меня любите, обещайте исполнить мою просьбу.

Принц Красавчик, видя, в каком состоянии находится его брат, не мог ни в чем ему отказать и обещал с самыми страшными клятвами исполнить все, что тот у него попросит. Как только Хитрая Голова выслушал эти клятвы, обнял он брата и сказал:

— Я умираю утешенным, принц, так как знаю, что буду отомщен. Вот о чем я хочу просить вас: как только я умру, вы

должны посвататься к принцессе Вострушке. Конечно, вы легко добьетесь согласия этой плутовки, а как только она будет у вас в руках, вы должны тотчас же вонзить ей кинжал в самое сердце.

Принц Красавчик задрожал от ужаса при этих словах; пожалел он о том, что так неосторожно поклялся брату, но уж теперь было не время рассуждать, он не хотел и знака подать о том, как он горько раскаивается в своем обещании брату, который умер немного спустя. Король Добряк был очень этим огорчен. Ну, а народ вовсе не жалел Хитрую Голову и даже был доволен его смертью, так как теперь на престол должен был взойти принц Красавчик, которого все любили за его добрый нрав.

Снова благополучно вернулась к сестрам Вострушка и вскоре узнала о смерти Хитрой Головы. А немного спустя трем сестрам сообщили, что возвращается король, их отец. Поспешил явиться король в башню принцесс и первым делом потребовал их хрустальные прялки. Разиня взяла прялку Вострушки и показала ее королю, потом с глубоким поклоном вышла и отнесла прялку на ее место, затем то же проделала и Болтушка, наконец и Вострушка вышла со своей прялкой. Но недоверчивый король захотел увидеть все три прялки одновременно. И тогда только одна Вострушка смогла показать свою прялку. Тут король так рассердился на своих старших дочерей, что сейчас же послал к фее, которая дала ему хрустальные прялки, и просил ее всю жизнь их от себя не отпускать и так их наказать, как они того заслужили.

Наказание принцесс началось с того, что фея привела их в одну из галерей своего очарованного замка, где велела на стенах изобразить в красках историю бесконечного числа знаменитых женщин, которые прославились добродетелями и трудовой жизнью. Удивительными чарами феи все было так устроено, что все эти фигуры могли двигаться и работали с утра до вечера. Повсюду видны были трофеи и девизы во славу этих добродетельных женщин, и нелегко было сестрам сравнивать триумфы этих героинь с тем жалким состоянием, в которое привела несчастная их неосторожность. А чтобы еще более усилить это огорчение, фея сказала им сурово, что, если бы сестры так были заняты работой, как те, кого они видят на картинах, они бы не впали в недостойное распутство, сгубившее их, и что *праздность — мать всех пороков* и источник всех их несчастий.

Фея прибавила, что для того, чтобы помешать им впасть снова в подобные несчастья и чтобы заставить их наверстать потерянное время, она найдет им подходящее занятие. Действительно, она заставила принцесс нести самую тяжелую и самую грязную работу и, невзирая на их красоту, послала их обирать горох да полоть огород. Разиня не могла выдержать горя, которое ей причиняла такая жизнь, столь не подходящая к ее наклонностям, и умерла от горя и усталости. Болтушка же умудрилась однажды ночью бежать из замка феи, но разбила себе голову о дерево и умерла от этой раны на руках крестьян, подобравших ее.

У Вострушки была добрая душа, и ее очень огорчала судьба сестер; в это время она узнала, что принц Красавчик просил ее у короля, ее отца, себе в жены, и тот согласился на это, не предупредив ее, ибо в то время взаимные влечения ни во что не почитались при заключении браков. Испугалась Вострушка, когда о том узнала; она опасалась, не осталась ли ненависть Хитрой Головы в сердце брата, который так его любил, и страшилась, что этот юный принц только для того и хочет жениться на ней, чтобы отомстить за своего брата. Крайне обеспокоенная, принцесса отправилась посоветоваться с премудрой феей, которая ее любила в такой же мере, в какой терпеть не могла Разиню и Болтушку.

Фея не захотела ничего открыть Вострушке, она только сказала ей:

— Принцесса, вы умны и осторожны, и до сих пор ваши поступки были так обдуманны, как только они могут быть у того, кто помнит пословицу, что *недоверие есть мать безопасности*. Не забывайте и в будущем о важности этого изречения, тогда вы станете счастливой и без помощи моего искусства.

Вострушка так и не добилась от феи ничего более ясного и вернулась во дворец в ужасном волнении.

Несколько дней спустя явился посланник от имени принца Красавчика, и принцессу повезли к ее супругу великолепным кортежем. Ей устроили торжественный въезд уже в двух первых пограничных городах короля Добряка, а в третьем городе ее встретил сам Красавчик, который по приказанию своего отца выехал к ней. Все удивлялись, видя, как грустит принц перед своей свадьбой, которой он так добивался; сам король упрекал его за это и послал против воли навстречу принцессе.

Когда Красавчик посмотрел на нее, ее красота поразила его,

и он приветствовал ее так робко, что придворные обоих дворцов, которые знали, как умен и любезен принц, решили, что, верно, уж очень он тронут ее красотой и от любви к ней, должно быть, растерялся. Весь город оглашался радостными криками, и со всех сторон слышалась музыка да горели потешные огни. Наконец, после великолепного ужина, настала пора вести супругов в их покои.

Вострушка все время помнила изречение, о котором говорила ей фея, и держала свой замысел про себя. Подкупила она одну из придворных женщин, у которой был ключ от кабинета в тех покаях, что ей предназначались, и велела снести туда соломы, пузырь, бараньей крови да еще кишки одного из тех животных, которых ели за ужином. Под каким-то предлогом принцесса вышла в этот кабинет и смастерила там чучело из соломы, внутрь которого засунула кишки и пузырь, наполнив его бараньей кровью; потом нарядила она это чучело в женское спальное одеяние и в ночной чепец. Когда Вострушка раздела эту прекрасную куклу, она опять вернулась к гостям, а немного спустя повели принцессу с супругом в их покои. После того как они разделись, фрейлина взяла свечи и удалилась. Тотчас же Вострушка бросила соломенную женщину на постель, а сама спряталась в углу комнаты.

Принц несколько раз громко вздохнул, а потом взял свою шпагу и пронзил ею тело мнимой Вострушки. В тот же миг он почувствовал, как кровь брызнула во все стороны, пощупал — лежит соломенная женщина без движения.

— Что я сделал! — вскричал Красавчик. — Как! После стольких ужасных волнений, после стольких колебаний должен ли я оставаться верным клятве, если она ведет к преступлению? Я лишил жизни очаровательную принцессу, для любви к которой я был рожден! Ее очарование охватило меня, как только я ее увидел, и все-таки у меня не хватило силы освободить себя от клятвы, которую брат мой, объятый яростью, вынудил у меня так неожиданно и бесчестно! О небо! Разве можно даже подумать о том, чтобы наказывать женщину за ее чрезмерную добродетель? Ну что ж, Хитрая Голова, я удовлетворил твою несправедливую месть, но теперь, в свою очередь, я отомщу за Вострушку своей собственной смертью. Да, прекрасная моя принцесса, та же шпага должна...

При этих словах Вострушка услышала, что принц, который в исступлении выронил свою шпагу, ищет ее, чтобы пронзить

свое сердце; она не захотела, чтобы он сделал такую глупость, и закричала ему:

— Принц, да я вовсе и не умирала. Ваше доброе сердце заставило меня предугадать ваше раскаяние, и вот при помощи невинной хитрости я уберегла вас от преступления.

Затем Вострушка рассказала ему о своей предусмотрительности, которая внушила ей мысль сделать соломенную женщину. Принц был вне себя от радости, узнав, что она жива, и восхищался ее благоразумием во всяких обстоятельствах. Он чувствовал к ней бесконечную благодарность за то, что она уберегла его от преступления, о котором он и подумать не мог без ужаса, и не понимал, как мог проявить такую слабость, что не понял всего ничтожества несчастной клятвы, которую у него вырвали обманом.

Однако, если бы Вострушка не была всегда убеждена, что *недоверие есть мать безопасности*, она была бы убита, а ее смерть повлекла бы за собой кончину принца Красавчика, и стали бы потом все судить и рядить, какие странные чувства были у покойного принца. Да здравствуют предусмотрительность и находчивость! Они спасли этих двух супругов от мрачного несчастья для иной судьбы, самой сладостной в мире. Они всегда чувствовали друг к другу беспредельную нежность и прожили много добрых дней в славе и счастье, каких и не опишешь.

Вот, госпожа моя, преисполненная чудес история Вострушки. Признаюсь вам, что она мной приукрашена и рассказ был немножко длинноват. Но ведь когда рассказывают сказки, это значит, что дел у нас мало и мы хотим поразвлечься, а в таком случае, кажется мне, надо рассказывать подлиннее, чтобы подольше поговорить. Кроме того, я думаю, что различные подробности в наших забавных сказках и есть самое в них приятное. Вы можете поверить мне, очаровательная графиня, что сократить их весьма просто. Уверяю вас, что, когда вы захотите, я расскажу вам приключения Вострушки в очень немногих словах. Однако в детстве мне ее не так рассказывали, и рассказ длился по меньшей мере целый час.

Не сомневаюсь в том, что вам известно, какая это знаменитая сказка, но мне неизвестно, знаете ли вы, что говорит предание о ее старине. Предание удостоверяет, что трубадуры, или провансальские сказочники, выдумали сказку про Вострушку еще задолго до того, как Абельяр и славный граф Тибо Шампаньс-

кий стали писать романы. Такие сказки заключают в себе отличное нравоучение. Вы совершенно справедливо изволили заметить, что очень хорошо их рассказывать детям, чтобы внушать им чувство любви к добродетели. Не знаю, рассказывали ли вам о Вострушке, когда вы были ребенком, что же до меня —

Сто раз, наверно, няня повторяла
Мне вместо сказок о зверях
О королевских дочерях
Нравоучительны начала.
Здесь зло карает месть и страх,
А принц коварный в мрачном исступленьи
Решается на преступленье.
Нам эта сказка говорит,
Как две принцессы поживали,
Ленились без толку, судачили да спали.
И как ленивцев сторожит
Распутство, а за ним и стыд,
Которого они никак не ожидали,
А он казниться им велит.
Но в сей истории прекрасной, величавой
Не только преступленья есть,
Здесь доблесть, добродетель, честь
Являются, покрыты славой.
И после всех причуд судьбины злой
Вострушка, умница живая,
Да принц, жених ее, герой,
В великой славе отдыхают.
Историю о волшебствах
Ведь лучше слушать, чем рассказы о волках.
Мне с детства милы сказки эти.
Да и теперь их любят дети.
Но и высокий ум оценит наш рассказ, —
Графиня, вы могли б отлично
Талантом счастливым украсить их подчас,
О том вас просит галл античный.
Перенесите в оны дни
Рассказ простой и поэтичный,
От трубадуров к нам давно пришли они,
Их тайный смысл живет, скажу вам без поклепа,
Не хуже старика Эзопа.

СКАЗКА О ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА БЕЛОЧЕК

Такой девушки вы никогда не видели и не встречали, разве что образ ее возникал в ночных сновидениях, о которых вы забывали утром.

Эта девушка родилась в каком-то далеком уголке мира, где под лучами солнца распускались прекрасные цветы. При виде ее люди из холодных стран представляли себе неведомые цветущие сады, пестрых птиц и вечноголубые моря. О жизни ей было известно все, что неведомо вам, а об остальном она мало заботилась.

Однажды девушка попала в незнакомую ей страну. Она прибыла туда с одним-единственным желанием увидеть лесных белочек, посмотреть, как они играют на деревьях, и приручить этих зверьков, подарив им свою бескорыстную дружбу.

До сих пор она видела белочек только на картинках в альбомах, иллюстрирующих естественную историю. Еще ребенком она часто вырезала из своих книг изображения любимых зверьков.

Увидеть лесных белочек... Такое желание может показаться вам странным, пустым, недостойным двадцатилетней девушки, но ведь наша девушка не была похожа на других.

Однажды вечером друзья девушки, обыкновенные люди, каких вы видите и встречаете каждый день, привели ее на берег реки.

За обедом было очень весело. Мужчины говорили о рыбной ловле и о лучших способах приготовления рыбы, женщины — о предметах, которые нравятся женщинам. Девушка смотрела, как тяжелая луна, похожая на апельсин, поднимается над рекой. Она думала о лесе, расположенном поблизости, о ночи и о белочках.

После обеда кто-то предложил погулять под сенью деревьев, и все с восторгом согласилось. Опьяненные и своей молодостью, и выпитым белым вином, они разбрелись по лесу, напевая старинные вальсы и романсы, приходившие на память при лунном свете.

Должен признать, что ночь была словно создана для этого рассказа. Дорога едва белела при свете восходящей луны. За стволами деревьев прятались таинственные тени, в листьях зажигались серебристые отблески. Скоро весь лес сверкал, хотя

из-за легкого тумана это сверкание казалось каким-то матовым. Между деревьями пролегли странные аллеи, и лес казался фантастическим.

Девушка, увлеченная мечтой, внезапно оказалась в стороне от своих спутников. Она сошла с дороги и теперь ступала по моху и мертвым папоротникам. Лунный свет, ловко пробиваясь через листья, играл в ее волосах. Колючий кустарник склонялся, чтобы не разорвать ее платья, и старые стволы с запавшими в дупла глазами улыбались, когда она проходила мимо.

Лесные феи танцевали на серебристой лужайке. Когда появилась девушка, они приняли ее за одну из своих подруг, но затем увидели, что ошиблись.

— Эта девочка заблудилась, — сказала королева фей, — нужно вывести ее на дорогу, иначе она попадет во владения лесного духа, и тогда нам не удастся ее защитить.

Феи раскидали множество знаков, которые помогли бы девушке, указывая путь: заиграли заманчивые отблески, благоуханием наполнились тропинки, ведущие в ту сторону, куда нужно было идти девушке; мелодично зашуршали листья от налетевшего ветерка. Но девушка не обратила на все это никакого внимания: ее вела лишь одна мечта, а может быть — сама судьба.

Тогда королева фей превратилась в сову и сказала девушке: «Остановись, дитя мое, вернись к своим спутникам, ты слишком молода и красива, не рискуй жизнью в этом опасном лесу».

Но разве могли подействовать слова совы, когда шаги девушки направлялись какой-то таинственной силой?

В эту ночь лесной дух был в дурном настроении. Он враждовал с луной и поэтому рассматривал ее полное сияние как личное оскорбление. И в нем закипела злоба, когда он через тысячи невидимых нитей, связывающих его с деревьями, узнал, что человеческая нога осмелилась ступить на землю его королевства.

Лесной дух спустил с цепи своих слуг — ядовитых змей и хищных птиц, — наставил преграды из колючих кустарников. Он наполнил лес злобой и страхом. Но природа впервые не повиновалась ему. Колючие кустарники отказывались становиться поперек тропинки, деревья заботливо отводили свои высушенные ветви, чтобы не зацепить волосы девушки. Змеи решили, что на землю вернулась Ева, испугались и попрятались кто куда. Даже ночные птицы не захотели заслонить

лунный свет своими крыльями. Короче говоря, произошел самый настоящий бунт.

Увы, лесной дух обладал еще более могущественным оружием: он умел читать в женских сердцах. Пользуясь этим, он решал, как ему действовать и чей образ принять с помощью нечистой силы. На этот раз он понял, что подделка под прекрасного принца не годится, и превратился (вы догадались?) в прелестную белочку.

Восхищенная девушка пошла вслед за зверьком, который прыгал с ветки на ветку, спускался на землю, взбирался по стволам, позволяя подойти к нему совсем близко, но ни разу не дал прикоснуться к себе.

Луна поднялась совсем высоко, и ее лучи проникали в глубь леса, освещая своим странным светом все до последней травинки.

Почему у лесного духа не нашлось жалости к девушке, полной невинной радости? В этот вечер он походил на многих людей, которые упорствуют в каком-либо злом деле. Лесной дух, уверенный в своей волшебной власти, добрался до самого центра своих владений и стал взбираться на дерево. Девушка, не подозревая о колдовстве, последовала за ним. Она даже не задумалась, какое чудо вдруг сделало ее тело невесомым. Руками, созданными, чтобы ласкать лепестки роз, она хваталась за шершавые ветви и ствол. Девушка поднималась все выше и выше, думая лишь о белочке, которая по-прежнему прыгала над ее головой и завлекала ввысь, к небу.

И вдруг девушка очутилась на вершине дерева, возвышающегося над всем лесом. Тут белочка исчезла: лесной дух отправился спать, ухмыляясь при мысли о своей злой шутке.

Девушка осталась одна между землей и небом, между мраком и лунным светом. Безмолвный черный лес спал у ее ног, а над ее головой блистало все серебро мира. Какой выбор могла она сделать?

Не думая о ветви, которая служила ей опорой, она протянула руки к звездам...

На рассвете около тела разбившейся девушки появились лесные белочки. Они закрыли ей глаза, в которых еще отражался свет наступавшего дня, привели в порядок ее волосы, обрамляющие бледные щеки, и разгладили складки платья, чтобы люди, спутники девушки, нашли ее такой же красивой, какой они знали ее при жизни.

Затем белочки возобновили свои игры на ветвях — ведь природа создала их беспечными.

Я не знаю, случилась ли эта история в жизни, но мне известно, что все это было в мечтах, и до сих пор в лунные ночи лес носит серебристо-черный траур по девушке, любившей шаловливых белочек.

Кристиан ПИНО

СКАЗКА ПРО РАСТАЯВШУЮ ФЕЮ

Если в прекрасную весеннюю ночь вы посмотрите на небо, может быть, вам удастся заметить очень далекую маленькую планету, излучающую приятный розовый свет. Не многие астрономы знают о существовании этой планеты: для того чтобы увидеть ее даже с помощью самых мощных приборов, нужно любить не науку, а поэзию.

Поскольку эта планета безымянная, мы будем называть ее просто Звездочкой. В безмятежной, чистой атмосфере Звездочки живут феи, которые некогда обитали на земле. Им пришлось покинуть нашу планету из-за войн, ненависти, эгоизма и всех прочих проявлений людской злобы и пошлости. Феи с удовольствием прилетели бы обратно на землю, если бы знали, что найдут здесь только послушных детишек и великодушных взрослых людей.

Королева фей созвала в столице Звездочки большой совет. На повестке дня стоял важный вопрос, который вызвал оживленное обсуждение. Самая белокурая и самая красивая фея, по имени Розетта, обратилась с официальной просьбой о возвращении на землю. Королева фей пыталась было затянуть дело: она назначила следственную комиссию и потребовала составления длинных протоколов, желая отбить у своей маленькой подданной охоту к ее затее. Но замысел королевы не удался, и сегодня совету предстояло принять ответственное решение.

Дело в том, что на Звездочке существовал строгий закон: феи могли интересоваться жизнью других планет, посещать их невидимками по ночам, но им запрещалось перевоплощаться в людей под угрозой вечного изгнания со Звездочки.

И вот, несмотря на этот строгий закон, Розетта попросила разрешения возвратиться на землю.

«Она влюблена», — говорили между собой феи. Вспомнили, что как-то весенним вечером Розетта долго смотрела на молодого человека, конечно, студента, который работал в одной из комнат унылой серой гостиницы. На следующую ночь, как рассказывала одна болтливая фея, Розетта пролетела около окна своего возлюбленного и подула изо всех сил в комнату, чтобы наполнить ее ароматом своего волшебного дыхания. И каждая из фей находила в своей памяти какое-нибудь подтверждение тому, что душевное равновесие их подруги нарушено любовью.

Приступив к допросу, королева фей сделала вид, что ей ничего не известно о слухах, которые ходили среди ее подданных.

— Дитя мое, — мягко сказала она, — вы собираетесь совершить безрассудный поступок. Вам известен наш закон, и я не могу его нарушить, несмотря на дружеское расположение к вам. Все мы, присутствующие здесь, нежно вас любим. Неужели вы пожертвуете нашей искренней и вечной дружбой ради какого-то каприза?

— Милостивая государыня, — сказала Розетта, — я хочу жить на земле.

— Дитя мое, — продолжала королева фей, — ваши подруги рассказали мне о вас всякие вещи, в которые мне не хочется верить... Однако вы их не отрицаете. Неужели это правда? Тогда, Розетта, это еще один довод за то, чтобы вы остались среди нас. Чувства людей непостоянны: даже самая искренняя любовь длится не больше жизни. Мне известна ваша чувствительность, ваше стремление ко всему прекрасному и чистому. Не покидайте нашей идеальной планеты, где вы не слышите ни жалоб, ни клеветы и не видите ни воинов, ни пьяниц.

— Милостивая государыня, — сказала Розетта, — я хочу жить на земле.

— Дитя мое, неужели вы не понимаете, что вам предстоит утратить? Ведь вы знаете землю. Вы проводите целые вечера, гораздо больше, чем другие феи, около смертных, стараясь их утешить и направить на путь истинный. Часто ли вам удавалось сделать это? Наконец, Розетта, вы рисуете в облаках такие красивые картины, вы создаете из редких металлов прелестные резные кубки и украшения. Разве вы сумеете перенести повседневную пытку пребывания в мире пошлых гостиных, убогих домов и казенных памятников?

— Милостивая государыня, — сказала Розетта, — я хочу жить на земле.

— Дитя мое, поскольку вы настаиваете на своем желании, я не имею права препятствовать вам, но я могу поставить вам самые жесткие условия, и я это сделаю, чтобы вашему примеру не последовали другие безрассудные феи.

Затем королева попросила Розетту удалиться и стала обсуждать с почетными феями, членами совета, условия, которые должна принять непокорная фея, чтобы получить разрешение покинуть Звездочку. Обсуждение длилось долго, так как белокурые и миловидные феи были снисходительны, тогда как феи седые и высохшие оказались очень строгими.

Когда Розетта снова предстала перед советом, она увидела взволнованные и опечаленные лица. Но она даже не дрогнула, выслушав свой приговор.

— Дитя мое, — сказала королева, — вы отправитесь на землю и превратитесь в женщину, но ваше тело будет сделано из едва теплого воска. Поэтому вам придется жить только в холодных странах, никогда не подходить к огню и оберегать себя от солнечных лучей. Иначе вы растаете и ваше тело безвозвратно исчезнет, так как вам больше никогда не разрешится принять человеческий облик. Кроме того, отныне и навсегда наша Звездочка закрыта для вас. Принимаете ли вы эти условия?

— Милостивая государыня, — сказала Розетта, — я хочу жить на земле.

— Прощайте, дитя мое; ваши подруги поручили мне передать вам несколько золотых монет, букетик фиалок, который будет жить столько же, сколько вы, и это платье из тонкого муслина, сотканное ими. Сейчас фея Иоланда проводит вас до земли. Где вы желаете опуститься?

— Милостивая государыня, около моего возлюбленного, — ответила Розетта.

Маленькая фея спустилась с неба в большом городе, который она часто посещала раньше. Став женщиной, она не побежала сразу к унылой гостинице, в которой проживал ее возлюбленный, а сначала завила свои белокурые волосы, чтобы стать еще красивее. Отметив, что земные парикмахеры ни в чем не уступают небесным, она осталась довольна первым контактом с людьми.

Розетта не могла ходить в разгар дня по улицам в своем

небесном муслиновом платье, не привлекая внимания окружающих. Поэтому сразу же она зашла в швейную мастерскую. Оттуда она направилась к модистке, затем — в обувной магазин.

Продолжая увлекательное путешествие по большому городу, Розетта внезапно почувствовала сильную усталость. По ее лбу струились крупные капли пота. Тогда она вспомнила о предупреждении королевы фей и перестала заходить в магазины, где было слишком жарко.

Довольная своей внешностью, уверенная в себе, Розетта подошла к маленькой гостинице, без колебания вошла в нее, попросила у изумленной хозяйки комнату и с радостью принялась устраиваться в бедной клетушке, оклеенной выцветшими обоями. Тут фея задумалась. Ей были хорошо знакомы обычаи людей, и она знала, что мало одного желания заговорить с незнакомым человеком, нужно иметь повод к этому. Хотя Розетта обладала безудержным воображением, ей не удалось подыскать подходящий предлог для знакомства со своим возлюбленным. Присущая ей скромность взяла верх над нетерпением; она решила повременить со знакомством и, выключив отопление, легла на волосяной матрас.

На следующий день Розетту разбудил не чудесный свет Звездочки, а бледный земной рассвет. Ей понадобилось некоторое время, чтобы восстановить в памяти главные события предыдущего дня: приговор королевы фей, завивку волос... Она почувствовала себя счастливой от сознания своей независимости и близости к любимому человеку.

Когда она оделась, ей пришла в голову мысль спуститься в контору гостиницы, чтобы получить интересующие ее сведения. Хозяйка встретила ее крайне любезно, и не успела Розетта раскрыть рта, как она рассказала ей о своем детстве, о жизни своего сына и смерти мужа. Но когда маленькая фея чистосердечно рассказала о причине своего пребывания в гостинице, поток слов превратился в лавину.

— Ах, так это господин Франсуа! Сударыня, вам никогда не найти более любезного и серьезного возлюбленного. К сожалению, вы приехали слишком поздно, так как нынче вечером он уезжает. Да, сударыня, нынче же вечером. Он успешно прошел последний конкурс и получил назначение в какую-то колонию. Я не могу сказать вам, в какую именно, но это где-то на юге, в

тех краях, где дикари пьют человеческую кровь и в качестве музыкальных инструментов используют кости. Ведь это же колония!..

У Розетты не хватило храбрости объяснить хозяйке, что не все колонии находятся в таком плачевном состоянии. Лишь одно слово ударило ей в самое сердце — юг, то есть жара!

Тем не менее в тот же вечер фея сидела на скамье в неудобном вагоне, уносившем на юг и Франсуа. На ее коленях лежал букет фиалок, глаза горели вдохновением, длинные пальцы сжимали грубую обивку скамьи.

На следующий день Розетта взошла на борт большого корабля, на котором Франсуа отправлялся к месту своей службы. С виду она казалась беспечной молодой женщиной. Да и что значила для нее смерть, если мысли ее витали в мире вечности!

Погода была немного пасмурная, с моря дул легкий прохладный ветер. Маленькая фея стояла, опершись на перила, и чувствовала себя счастливой. Резкие запахи морского порта казались ей приятнее благоуханий страны фей. Все вокруг было прекрасно: помятые медные части корабля, старые небритые моряки, сама жизнь...

Кто из них заговорил первым? Я не знаю, то ли Розетта первой улыбнулась Франсуа, то ли Франсуа предложил ей сигарету или расставил для нее шезлонг, но так или иначе вечером молодые люди беседовали в окружении моря и звезд, словно они были знакомы всегда. На юге поднялась Звездочка, от которой исходил небывало яркий свет, но до Розетты, которая видела только глаза своего друга, не дошли сигналы ее далеких подруг.

Феям не дано изведать блаженство подобной ночи. Молодые люди, убаюканные ласковым плеском волн, оставались до рассвета вдвоем на палубе. Когда в небе занялась заря, Франсуа прервал очарование, сказав:

— Вам же холодно, у вас замерзли руки, пора вернуться в каюту.

— Мне никогда не бывает холодно, — живо ответила Розетта, — я боюсь только жары.

Франсуа рассмеялся:

— Тогда вам необходимо сойти в ближайшем же порту и сесть на корабль, идущий в северном направлении: ведь мы плывем в страны, где на солнцепоке можно за несколько минут

приготовить яичницу.

— Скажите, а вам так необходимо ехать туда? — спросила Розетта после некоторого молчания.

— Разумеется. Для мужчины нет ничего важнее служебной деятельности. Некоторые терпят в колониях неудачу или погибают — тем хуже для них, — но у меня здоровое сердце и крепкие нервы.

— А не кажется ли вам, что лучше умереть от любви, чем от укуса змеи, заболевания печени или трех десятков лет пребывания в конторе?

— У вас странные мысли, дорогая, — удивился Франсуа, но, взглянув на ее прелестное юное личико, тихо добавил: — А разве нельзя любить не умирая?

Она ничего не сказала в ответ.

В этот день королева фей по просьбе феи Иоланды созвала новое заседание совета.

— Милостивая государыня и вы, сестры, — заявила фея Иоланда после открытия заседания, — я знаю, что нельзя безнаказанно нарушать наш закон, но всем нам, за исключением злой феи Карабоссы, доступно сострадание. Потому-то я решила обжаловать дело нашей маленькой Розетты. Все вы понимаете, что ее ждет гибель. Неужели мы ничего не сделаем, чтобы спасти ее?

— Дитя мое, — ответила королева, — теперь Розетта находится вне пределов нашей власти. Если же наш гнев падет на возлюбленного Розетты, ее гибель еще неизбежнее. К чему избавлять ее от участи, которую она сама свободно избрала? Она же счастлива.

— Милостивая государыня, — продолжала Иоланда, — изгоните из сердца Розетты эту любовь или сверните корабль с его пути.

— Нет, — сказала королева, — мы не станем больше вмешиваться в земные дела.

И феи присоединились к ее мнению.

Франсуа целыми днями сидел один на палубе, погруженный в неведомые мечты. Розетта выходила из своей каюты только вечерами. Тогда жизнь приобретала для него новый смысл. Он строил планы на будущее, которые всегда одобрялись его подругой без всяких поправок. Франсуа рассказывал ей о своем

прошлом, о старой матери, о слегка глуховатой тетке, о селе-нии, в котором он родился и где был всеобщим любимцем. Его удивляло, что она не рассказывает ему ничего о себе, не показывает своих фотографий. Казалось, ей были известны все страны мира, но ни одной из них она не знала лучше остальных; может быть, исключение составлял большой город, в котором он учился. Он догадывался о существовании какой-то тайны. Но мог ли серьезный, благовоспитанный чиновник угадать истину?

Через несколько дней Франсуа заметил, что Розетта изменилась: она похудела, глаза ее впали, голос стал дрожащим, взгляд — тревожным. Розетта успокоила его:

— Это пустяки, Франсуа, мне надо просто привыкнуть к жаре.

Считая, что Розетта ведет себя легкомысленно, он хотел помешать ей поглощать слишком много мороженого и шербета и посоветовал перейти на горячий чай, но она удивительно бурно воспротивилась этому.

На седьмой день плавания с Розеттой произошел обморок, но она запретила звать судового врача. Ближайшая остановка предполагалась не раньше, чем через неделю, а отклониться от маршрута ради больной пассажирки капитан не согласился.

— Раз уж она не хочет видеть доктора, — проворчал он, — пусть заботится о себе сама.

Франсуа был в отчаянии, чувствуя себя бессильным перед этим странным заболеванием. На девятый день к нему вернулась надежда: случилась сильная буря, стало прохладнее, и Розетта ожила. Она поднялась на палубу, прелестная и веселая. Но она настолько исхудала, что муслиновое платье болталось на ней, как на палке.

В этот вечер Франсуа просил Розетту стать его женой. Она ничего не ответила, только нежно обняла его, а ее глаза были полны радости и отчаяния.

Королева фей, вы видите, как танцует Розетта, которая кажется совсем крошечной в объятиях своего жениха? Неужели в вас не окажется капли милосердия? Неужели злоба людей ожесточила ваше сердце и вы держите свою волшебную палочку запертой в ящике из облаков?

Увы, на десятый день солнце было палящим, как никогда, и каюты перестали служить достаточным убежищем от жары.

Розетта пыталась защитить свое тело и лицо с помощью шерстяных одеял и льда, но ее подтачивал внутренний огонь. Она поняла, что гибнет.

В полдень она взглянула на себя в зеркало и увидела лишь тонкое личико и высохшее тело. Ей не хотелось в таком виде показываться Франсуа. Она знала, что в это время он спит, набираясь сил для того, чтобы бодрствовать около нее всю ночь. Поэтому она спокойно надела в последний раз свое небесное платье, ставшее ей слишком широким, поднялась на палубу и, спрятавшись от посторонних взоров, подставила себя знойным лучам послеполуденного солнца...

В обеденный час один из матросов принес Франсуа подогнанное им муслиновое платье. Обеспокоенный Франсуа побегал в каюту Розетты. В ней было пусто, лишь на столе лежал букетик поблекших фиалок.

Звездочка по-прежнему сияет для тех, кто умеет смотреть на небо. Розетта так и не смогла вернуться на нее. Но королева фей не захотела, чтобы она вечно блуждала по безграничным просторам вселенной. Если вы увидите падающую звезду, более розовую и яркую, чем остальные, знайте, что на ней нашла приют одинокая душа маленькой растаявшей феи.

ДОНУА

ЛЕСНАЯ ЛАНЬ

Жили-были однажды король с королевой. Жили они счастливо, и подданные их обожали, одного только не хватало и тем и другим — не было у них наследника. Королева, уверенная, что король любил бы ее еще больше, если бы у них был сын, каждой весной отправлялась пить целебные воды, которые славились на всю округу. Туда съезжалось очень много народу и столько чужеземцев, что там встречались люди со всего света.

В большом лесу, куда ходили пить воды, было много источников; они были выложены мрамором и порфиром, так как все старались наперебой их украсить. Однажды королева, сидя на берегу источника, попросила всех своих дам удалиться и оставить ее одну. И стала она тут громко сетовать:

— Ах, как я несчастна, — говорила она, — что у меня нет

детей! У самых бедных женщин они есть; вот уже пять лет, как я только того и прошу у неба. Неужели я никогда не приласкаю своего ребенка? Неужели так мне и умереть без этой радости?

Говоря так, она заметила, что вода в источнике забурлила, потом из воды появился громадный рак и сказал ей:

— Великая королева, вы получите, наконец то, чего желаете. Скажу вам, что здесь неподалеку есть дивный дворец, построенный феями. Но его невозможно найти, потому что он окружен густыми тучами, через которые не может проникнуть взгляд смертного. Однако я хочу вам услужить, и если вы согласитесь довериться бедному раку, я вас туда отведу.

Королева молча слушала, так как очень была удивлена тем, что рак говорит по-человечьи. Потом она ответила ему, что очень рада воспользоваться предложением, но только она не умеет пятиться, как это делают раки. Рак усмехнулся и тут же превратился в хорошенькую маленькую старушку.

— Ну вот, госпожа моя, — сказала она, — как видите, нам незачем пятиться, и прошу вас считать меня своим другом, потому что я думаю только о том, чтобы быть вам полезной.

И она вышла из источника совсем сухой. Она была одета в белое с красным, а ее седые волосы были повязаны зелеными лентами. Никогда еще королева не видала такой любезной старушки. Она поклонилась королеве, поцеловала у нее руку и, не откладывая дела в долгий ящик, повела ее лесной дорожкой, которая королеву очень удивила, потому что сколько раз она ни проходила здесь, а этой дорожки никогда не замечала. Как же это она на нее попала? А дело все в том, что по этой дорожке феи ходили к источнику. Обычно она была совершенно закрыта колючим кустарником да терновником, но как только королева и ее спутница появились, тотчас же вместо колючек выросли розы, жасмины и апельсиновые деревья сплелись ветвями, образовав навес из листьев и цветов, земля покрылась фиалками, и тысячи различных птиц защекотали на деревьях.

Не успела еще королева опомниться от удивления, как глазам ее представилось уже ни с чем не сравнимое зрелище дворца, который весь был выстроен из алмазов; и стены, и крыши, и потолки, и полы, и лестницы, и балконы, и даже террасы — все было сделано из алмазов. Совершенно восхищенная, она не могла удержаться от радостного крика и спросила любезную старушку, во сне ли это или наяву.

— Госпожа моя, — отвечала та, — это вовсе не сон.

В ту же минуту двери замка открылись, и оттуда вышли

шесть фей. Но что это были за феи! Самые красивые и самые великолепные, какие когда-либо появлялись в их царстве. Они почтительно склонились перед королевой, и каждая поднесла ей цветок из драгоценных камней, чтобы у нее был целый букет; тут были роза, тюльпан, анемон, колокольчик, гвоздика и цветок граната.

— Королева, — сказали они ей, — мы не можем лучше выказать вам наше благоволение, как тем, что позволили вам посетить нас здесь; мы рады сообщить вам, что скоро у вас родится прелестная принцесса, которую вы назовете Желание, потому что вы ведь очень долго ее желали. Но не забудьте, как только она родится, позвать нас, потому что мы хотим одарить ее всякими добрыми качествами. Для этого вы должны только взять ваш букет и назвать каждый цветок по имени, думая о нас, и будьте уверены, что мы тотчас же появимся в ваших покоях.

Королева, не помня себя от радости, бросилась их обнимать, и целовались они добрых полчаса. После этого они пригласили королеву к себе во дворец, который был так прекрасен, что и описать нельзя. Дело в том, что строил его тот самый архитектор, который создал солнце, и он там все так и сделал, как на солнце, только поменьше. Глаза королевы едва могли выдержать его ослепительный блеск, и поминутно ей приходилось жмуриться. Они повели ее в свой сад. Никогда еще королева не видала таких прекрасных плодов: абрикосы там были величиной с голову, а кушая вишни, приходилось резать каждую на четыре части, и такого там были прекрасного вкуса плоды, что, попробовав их, королева во всю жизнь не хотела есть никаких других. Был там фруктовый сад, весь состоявший из искусственных деревьев, которые росли и цвели, как живые.

Не буду рассказывать, как восторгалась наша королева, сколько она говорила о своей маленькой принцессе Желание, как благодарила милых фей, которые ей сообщили такую приятную новость; одним словом, она выразила им всю свою нежность и признательность. Фея Источника тоже не была забыта ею. До самого вечера королева пробыла во дворце. Она любила музыку, а у фей были такие чудесные голоса, что они показались ей прямо небесными. Надавали ей всяких подарков, и она, еще раз поблагодарив фей, вернулась домой вместе с феей Источника.

Все были ужасно взволнованы ее отсутствием, ее искали повсюду с большим беспокойством и представить себе не могли, куда она могла деваться. Боялись даже, не похитил ли ее

какой-нибудь дерзкий чужеземец, потому что она была молода и красива. Одним словом, все чрезвычайно радовались ее возвращению, а так как сама она была бесконечно довольна теми надеждами, которые внушили ей феи, то своей приятной и изящной беседой очаровала всех.

Фея Источника покинула ее у самого ее дома; новые ласковые приветы сопровождали их расставание. Королева пробыла еще восемь дней на целебных водах и не преминула снова пойти в замок фей вместе со своей кокетливой старушкой, которая появлялась всегда в виде рака, а потом уж принимала свой естественный облик.

Королева уехала; она понесла и родила принцессу, которую называли Желание. Тотчас же взяла она в руки полученный ею букет, назвала каждый цветок по имени, и в тот же миг явились феи на колесницах. У каждой была особая: у одной колесница была из черного дерева и запряжена белыми голубями, у другой — из слоновой кости, а везли ее маленькие вороны; были еще колесницы из кедра и бамбука. Все это было выражением согласия и мира, ибо, когда феи гневались, они являлись на летающих драконах, на змеях, у которых пламя вырывалось из пасти и из очей, на львах, на леопардах, на пантерах, и на этих зверях они переносились из одного края земли в другой так быстро, что не успеешь сказать «здравствуйте» или «прощайте». Но на этот раз они были в самом лучшем настроении.

Королева радостно и величественно пригласила их войти, а за ними потянулись карлики и карлицы, сгибавшиеся под тяжестью всяких подарков. После того как они обняли королеву и поцеловали маленькую принцессу, они развернули привезенные ей пеленки, сделанные из такого тонкого и добротного полотна, что можно было сто лет ими пользоваться и они бы не изнашивались. Феи ткали это полотно в часы досуга. Что касается кружев, то они были еще лучшего полотна, и вся история мира была представлена на них с помощью иголки да веретена. После этого они показали еще простыни и одеяла, вышитые нарочно для этого случая, на них были изображены тысячи различных игр, которые любят дети. С тех пор как на белом свете есть вышивальщицы и вышивальщицы, еще не было таких чудесных вышивок. Но когда появилась колыбелька, королева вскрикнула от восхищения, потому что колыбель превосходила все, что она до сих пор видела. Она была сделана из такого редкого дерева, что оно стоило сто тысяч экю за фунт. Четыре маленьких амура поддерживали ее; это

были четыре мастерски сделанные фигурки, где искусство настолько превзошло свой материал, хотя сам-то он состоял из алмазов и рубинов, что прямо и не расскажешь. Маленькие амуры были оживлены феями, и, если дитя кричало, они потихоньку укачивали и убаюкивали его. Это было чудо как удобно для кормилиц.

Феи по очереди брали девочку на руки, сами пеленали и без конца ее целовали, потому что она уж и теперь была так хороша, что нельзя было на нее взглянуть и не полюбить. Заметив, что она хочет кушать, они тотчас же ударили по полу своей волшебной палочкой, и мгновенно появилась кормилица, такая, какую и нужно было для этой милой куколки. Теперь оставалось только наделить дитя дарами фей, и они не замедлили это сделать. Одна одарила ее добродетелью, другая — умом, третья — дивной красотой, следующая — счастливой судьбой, пятая пожелала ей здоровья, а шестая сказала, что все, что бы она ни начинала делать, будет выходить у нее очень хорошо.

Довольная королева тысячу раз их благодарила за все те милости, которые они оказали маленькой принцессе, но в эту самую минуту все увидели, как в комнату ползет такой громадный рак, что еле-еле пролезает в двери.

— А, неблагодарная королева, — сказал рак, — вы не изволили вспомнить обо мне? Как же это вы так скоро забыли фею Источника и ту услугу, что я вам оказала, проводив вас к моим сестрам? Как! Всех их вы позвали и только мной одной пренебрегли! По правде сказать, я это предчувствовала, потому и обернулась раком, когда заговорила с вами впервые, чтобы намекнуть, что ваша дружба ко мне вместо того, чтобы идти вперед, будет пятиться назад.

Королева, огорченная своим промахом, прервала ее и попросила у нее прощения; она говорила; что, вызывая фей, хотела назвать и ее цветок, но что это драгоценный букет сбил ее с толку, что для нее было бы немисливо забыть о тех одолжениях, которые та ей сделала, что она умоляет не лишать ее своей дружбы, а, главное, быть добрее к маленькой принцессе. Все феи, которые боялись, как бы фея Источника не посулила ребенку несчастий и неудач, присоединили свои голоса, чтобы смягчить ее.

— Милая сестрица, — говорили они, — пусть ваша светлость не изволит сердиться на королеву, которая никак не хотела вас огорчить! Покиньте, будьте милостивы, ваше обличье рака и сделайте так, чтобы мы увидали вас во всей вашей красе.

Как сказано, фея Источника была весьма кокетлива, и похвалы, которые расточали ей сестры, немного ее смягчили.

— Ну, хорошо, — сказала она, — я уж не причиню маленькой принцессе всего того зла, которое решила ей сделать, потому что я, правда, хотела ее погубить, и ничто не могло бы мне в этом помешать. Однако предупреждаю вас, что, если принцесса увидит дневной свет раньше, чем ей исполнится пятнадцать лет, ей придется в этом горько раскаяться, и, может быть, это ей даже будет стоить жизни.

Слезы королевы и мольбы славных фей не смогли ничего изменить в приговоре, который был произнесен. И она ушла, пятась, ибо не захотела покинуть свой панцирь рака.

Как только она удалилась из покоев, королева спросила фей, нет ли какого средства предохранить ее дочку от грозящих ей бедствий. Они сейчас же стали держать совет и, наконец, после того, как обсудили целый ряд различных соображений, остановились на следующем: надобно построить дворец без окон и дверей, с подземным ходом и воспитать принцессу в этом убежище, пока не минет роковой срок, в продолжение которого ей угрожает несчастье.

Трех ударов волшебной палочки достаточно было, чтобы воздвигнуть громадное здание. Снаружи оно было из белого и зеленого мрамора, на потолках и полах из алмазов и изумрудов изображены были цветы, птицы и тысячи разных приятных вещей. Все стены были обиты бархатом различной окраски, вышитым руками фей. А так как наши феи были учеными-историками, то они доставили себе удовольствие вышить самые замечательные истории; будущее было там представлено так же, как и прошедшее, и геройские дела величайшего короля в мире были изображены на многих коврах.

*Здесь духу Фракии подобен,
Победоносен, величав,
И страшный взор его среди военных слав
Молниеносен, дик и грозен,
А там — спокоен и велик,
В глубоком мире Францией он правит,
И целый мир его, ревнуя, славит,
И пред законами поник.
И живопись изображает
Черты различные его великих лет;
Он, грозный, грады покоряет,
Великодушен, мир лиет.*

Мудрые феи придумали все это для того, чтобы юная принцесса могла без труда изучить различные события жизни героев и других людей.

В ее дворце было светло только от блеска свеч, но их было такое множество, что казалось, в залах царит вечный день. Лучшие учителя были приглашены к ней. Ее ум, живость и догадливость почти всегда предупреждали то, что ей хотели сообщить. И все учителя восхищались без конца ее удивительными речами уже в том возрасте, когда другие дети едва умеют назвать по имени свою кормилицу. Ну, да ведь кого феи одарят, та не останется невеждой и дурочкой.

Но если ее разум пленял всех, кто ее видел, то не меньшее действие оказывала ее красота; она восхищала самых бесчувственных людей, а королева, ее мать, так та никогда бы с ней и на минуту не рассталась, если бы долг не заставлял ее быть около короля. Добрые феи приходили время от времени взглянуть на принцессу; они ей приносили разные невиданные редкости, платья как раз точно по мерке, да такие богатые и красивые, что можно было подумать, что они сшиты на свадьбу какой-либо юной принцессы, которая не менее мила, чем та, о которой я рассказываю. Все феи очень ее любили, но больше всех фея Тюльпанов, которая особенно заботливо напоминала королеве, что принцесса не должна видеть дневного света раньше, чем ей исполнится пятнадцать лет.

— Наша сестра, фея Источника, — говорила она королеве, — мстительна, и как бы мы ни лелеяли вашу дочку, она может принести ей немало зла, если захочет. Поэтому, госпожа моя, вы должны быть как можно бдительнее.

Королева обещала ей непрестанно думать об этом, но так как ее дочка уже приближалась к тому возрасту, когда должна была выйти из своего замка, она заказала живописцу ее портрет. Этот портрет был послан ко дворам самых великих королей мира. Не было принца, который бы не залюбовался им, а один принц так им пленился, что не мог даже расстаться с ним. Он повесил его у себя в комнате, запирался с ним один на один, разговаривал с ним, точно тот мог его слушать и понимать, и произносил перед ним самые нежные речи в мире.

Король, который теперь почти не видал своего сына, захотел узнать, чем тот занят и почему он не так весел, как обычно. Иные из придворных, что стараются ответить королю раньше других (а таких ведь немало), сказали ему, что следует опасаться, как бы принц не помешался, потому что он по целым дням

запирается у себя в комнате, и слышно, как он там одинёшенек разговаривает, точно там кто-то с ним есть.

Король выслушал это с беспокойством.

— Может ли это быть, — спрашивал он у своих приближенных, — чтобы мой сын помешался? Ведь он всегда был так умен. Вы знаете, что до сих пор все им восхищались, да и сейчас я не вижу, чтобы у него был блуждающий взор; просто он, мне кажется, чем-то удручен. Надо мне самому с ним поговорить: может быть, я разужнаю, что за безумие им владеет.

В конце концов король послал за ним, велел всем выйти вон, и после нескольких слов, которые сын выслушал невнимательно и на которые ответил невпопад, король его спросил, что с ним такое случилось и почему он так изменился. Принц, полагая, что минута благоприятна, бросился к его ногам и сказал:

— Вы решили женить меня на Черной Принцессе. Вы находите очень важным этот брачный союз, и я не могу обещать вам того же, говоря о принцессе Желание, но, отец мой и повелитель, в ней я вижу такую красу, которой нет у другой.

— А где вы их видели?

— Мне прислали портреты и той и другой, — ответил принц Воитель (его звали так после того, как он выиграл три больших сражения). — Уверяю вас, что я так сильно люблю принцессу Желание, что, если вы не расторгнете нашу помолвку с Черной Принцессой, я умру — и я рад, что не буду жить, потеряв надежду соединиться с той, которую люблю.

— Это, значит, с ее портретом, — продолжал строго король, — изволите вы вести разговоры, которые делают вас посмешищем всех придворных? Вас уже считают сумасшедшим, и если бы вы только знали, что мне об этом передают, то устыдились бы своей слабости.

— Я не могу упрекать себя за столь дивный пламень любви, — отвечал он, — и если бы вы увидали портрет этой прелестной принцессы, вы бы одобрили и чувства мои к ней.

— Ну так принесите его сейчас же, — сказал король с нетерпением, выдававшим его горе. Наверно, принц был бы тем весьма озабочен, если бы только не был уверен, что никто в мире не может сравниться по красоте с принцессой Желание. Он бросился к себе в комнату и вернулся к королю, который почти так же восхитился портретом, как и его сын.

— Ах, — сказал он, — дорогой мой Воитель, теперь я

понимаю, что вас так страстно волнует. Да я прямо помолодею, если при моем дворе будет такая очаровательная принцесса. Я сейчас же снаряжу послов к Черной Принцессе, чтобы расторгнуть вашу помолвку; пусть даже у нас с ней возгорится жестокая война, я все же решаюсь на это!

Принц почтительно поцеловал руки отца и несколько раз обнял его колени. Он так был доволен, что его еле узнавали. Он торопил отца послать поскорее гонцов не только к Черной Принцессе, но и к принцессе Желание. При этом он требовал, чтобы к ней был послан самый богатый и самый хитроумный человек, потому что ему придется выступать в самом блистательном посольстве и добиться того, чего принцу так хочется. Король остановился на Бекафиге; это был молодой, очень красноречивый вельможа, и доходу у него было сто миллионов в год. Он очень любил принца Воителя и, чтобы угодить ему, снарядил такой громадный и пышный посольский поезд, что и вообразить нельзя. Его усердие не знало пределов, ибо любовь принца увеличивалась с каждым днем, и он без конца умолял его ехать как можно скорей.

— Подумайте, — говорил ему принц, — ведь дело идет о моей жизни — я теряю рассудок, как подумаю, что отец принцессы может принять чье-нибудь другое предложение и не захочет его расторгнуть ради меня, и тогда я ее потеряю навек.

Бекафиг успокаивал его, чтобы немного оттянуть свой отъезд, так как ему очень хотелось, чтобы все его расходы принесли ему честь и почет. Он снарядил восемьдесят карет, которые все блестели золотом и алмазами, и самые красивые миниатюры не могли сравниться с теми, которые украшали эти кареты. Было еще пятьдесят других карет, двадцать четыре тысячи конных пажей, одетых роскошнее принцев, да и все остальное в этом великолепном поезде было им под стать.

Когда посланник был на прощальном приеме у принца, тот его дружески обнял и сказал ему:

— Не забудьте, мой дорогой Бекафиг, что жизнь моя зависит от супружества, которое вы едете устраивать; не упустите ничего, чтобы уговорить и привезти к нам принцессу, которую я обожаю.

Он снабдил его тысячей разных подарков, изящество и роскошь которых соперничали друг с другом: тут были и различные любовные изречения, вырезанные на алмазных печатках, карбункуловые часы с буквами имени принцессы Желание и

Браслеты с рубинами, вырезанными сердечком. Словом, чего он только не выдумал, чтобы ей понравиться.

Посланник вез с собой портрет юного принца, написанный человеком столь ученым и искусным, что портрет этот умел разговаривать и говорить весьма хитроумные любезности. По правде сказать, он не на все отвечал, что ему говорили, но это было уж не так важно. Бекафиг обещал принцу сделать все возможное, чтобы исполнить его желание, и прибавил при этом, что везет с собой такую кучу денег, что, если ему откажут в руке принцессы, он столкнется с кем-нибудь из приближенных дам и сумеет ее похитить.

— Ах, — воскликнул принц, — на это я не могу согласиться: мы можем ее обидеть такой непочтительностью.

Бекафиг ничего на это не отвечал и пустился в путь.

Шумные слухи о посольстве предупредили его прибытие. Король и королева были в восторге: они очень уважали его государя и знали о великих подвигах принца Воителя. Однако они еще лучше были осведомлены о личных достоинствах принца и потому, подумывая о том, что пора приискать жениха дочери, во всем мире не могли найти никого, кто был бы более достоин такой невесты. Для Бекафига приготовили целый дворец и сделали все надлежащие распоряжения, чтобы он увидел королевский двор в полном великолепии.

Король и королева решили, что посол должен увидеть принцессу Желание, но тут к королеве явилась фея Тюльпанов и сказала ей:

— Берегитесь, госпожа моя, и не приводите Бекафига к нашей малютке (так она всегда называла принцессу); ни в коем случае не должен он видеть ее, ибо еще не пришло время для этого, и не соглашайтесь отсылать ее к королю, который зовет ее, раньше, чем ей минет пятнадцать лет, ибо я уверена, что в этом случае с ней произойдет какое-нибудь несчастье.

Королева обняла добрую фею Тюльпанов и обещала ей послушаться ее совета, после чего они направились к принцессе.

Приехал Бекафиг. Его посольский поезд въезжал в столицу целых двадцать три часа, ибо в этом поезде было шестьсот тысяч мулов; их колокольчики и подковы были из чистого золота, чепраки из бархата и из парчи, расшитой жемчугами. Нельзя описать, какая толкотня была на улицах, все спешили поглазеть на поезд. Король и королева вышли навстречу послу, так довольны они были его приездом. Нечего и говорить, как он их приветствовал и с какими церемониями они встретились, но

когда он попросил разрешения представиться принцессе, то получил отказ, чем был весьма удивлен.

— Если мы отказываем вам, сеньор Бекафиг, — сказал ему король, — в том, что вы имеете полное право просить, то вовсе не из-за какой-то особой нашей прихоти. Чтобы вы поняли это, надобно вам рассказать диковинную историю нашей дочери. При ее рождении одна фея невзлюбила ее и пригрозила ей страшными несчастьями в том случае, если она увидит дневной свет до достижения пятнадцатилетнего возраста. Она живет у нас во дворце, лучшие покои которого находятся под землей. Мы хотели повести вас к ней, но фея Тюльпанов воспретила нам это.

— Как же так, государь? — спросил посланник. — Неужели мне выпадет несчастье возвратиться без нее? Вы благоволите выдать ее замуж за сына моего повелителя, и ее ожидают с величайшим нетерпением; возможно ли, чтобы вас останавливали какие-то пустяки вроде предсказаний фей? Вот портрет принца Воителя, который я должен ей преподнести, он до того здесь похож, что мне кажется, что я вижу его самого, когда смотрю на этот портрет. — Тут же он достал и показал им портрет принца, а так как этот портрет умел говорить только о принцессе Желание, то все услышали вот что:

— Прекрасная принцесса Желание, вы себе представить не можете, с каким жаром ожидаю я вас. Явитесь скорее и украсьте наш двор вашими несравненными прелестями.

Портрет больше ничего не сказал, но король и королева были так удивлены, что стали просить Бекафига отдать им этот портрет, чтобы снести его принцессе; Бекафиг был очень доволен и вручил им портрет.

Королева до сих пор ничего не рассказывала своей дочке о том, что происходило в столице, она даже запретила дамам, которые служили принцессе, рассказывать ей о приезде посла; но они ее, конечно, не послушались, и принцессе было известно, что затевается великое сватовство. Однако она была очень осторожна и ничего не сказала матери. Когда королева показала ей говорящий портрет принца, который сказал ей несколько вежливых и нежных слов, она была очень удивлена. Ведь ей никогда не приходилось видеть ничего подобного, а доброе лицо принца, его умный взгляд и правильные черты поразили ее не меньше, чем то, что портрет умел говорить.

— Были бы вы недовольны, — сказала ей, смеясь, королева, — супругом, похожим на этого принца?

— Госпожа моя, — отвечала принцесса, — мне не принадлежит выбор, и я всегда останусь довольна тем, кого вы мне предназначите.

— Ну, хорошо, — сказала королева, — а если выбор наш упал бы на него, разве вы не почувствовали бы себя счастливой?

Принцесса покраснела, опустила очи и ничего не ответила. Королева обняла ее и долго целовала. Она не могла удержаться от слез, когда вспомнила, что скоро расстанется со своей дочкой, потому что оставалось только три месяца до того дня, когда принцессе должно было исполниться пятнадцать лет. Но она скрыла свое огорчение и рассказала ей и о посольстве знаменитого Бекафига и обо всем, что до нее касалось. Она даже отдала ей редкостные подарки, которые ей привез посол. Принцесса полюбовалась ими, похвалила, проявив большой вкус, самые любопытные подарки, но время от времени ее взгляд ненароком отрывался от них и останавливался на портрете принца с какой-то особой радостью, ей до сих пор неизвестной.

Посол, видя, что ему не удастся добиться отъезда с ним принцессы и что хозяева довольствуются тем, что обещают ему ее, но обещают так торжественно, что в этом не приходится сомневаться, недолго пожил у короля и поехал обратно к своим повелителям, чтобы доложить о своем посольстве.

Как только принц узнал, что не может надеяться увидеть свою милую принцессу раньше трех месяцев, он принялся так жаловаться на судьбу, что встревожил весь двор. Он ничего не ел, стал печальным и задумчивым, цвет лица его, прежде свежий, стал болезненным. Целыми днями он лежал на диване в своей комнате и смотрел на портрет принцессы, все время писал ей письма и подносил их к ее портрету, как будто бы тот мог их прочесть. Наконец силы оставили его, и он опасно заболел. А чтобы открыть причину этой болезни, не нужно было ни медиков, ни лекарей.

Король был в ужасном отчаянии. Он так нежно любил сына, как никогда еще ни один отец не любил своих детей. А теперь он начал бояться, что его потеряет. Какое горе для отца! И он не мог и придумать, как помочь принцу. Принц думал только о принцессе Желание, он не мог жить без нее, он погибал. В такой великой крайности король решил сам отправиться к королю и королеве, которые обещали ему принцессу, и упро-

сить их, чтобы они сжалились над несчастным принцем и не затягивали их свадьбы. Потому что если еще дожидаться, пока принцессе минет пятнадцать лет, то случится так, что эта свадьба никогда не состоится.

Итак, король решился на чрезвычайный шаг, но что делать, если иначе пришлось бы видеть гибель своего любезного и дорогого сына? Однако тут оказалась еще одна трудность, которую никак нельзя было одолеть. Король был уже стар и мог отправиться в путь только на носилках, а такой способ путешествия плохо согласовывался с нетерпением сына. Поэтому король опять отправил верного Бекафига с письмами к королю и королеве, где в самых трогательных словах просил их уступить ему.

В это время принцесса Желание любовалась портретом принца с таким же удовольствием, с каким он сам любовался ее портретом. Она все время в мечтах переносилась туда, где был он, и, хотя старалась скрыть свои чувства, все же их нетрудно было обнаружить. Две ее фрейлины, из которых одну звали Левкой, а другую Колючая Роза, заметили, что она немножко скучает. Левкой очень любила принцессу и была ей верна, а Колючая Роза всегда втайне завидовала и ее достоинствам и высокому положению. Мать Колючей Розы воспитала принцессу и после этого стала ее приближенной дамой; она бесконечно любила принцессу, но свою дочь обожала до безумия, и видя теперь, что ее дочь ненавидит прекрасную принцессу, и сама стала гораздо меньше любить свою воспитанницу.

Посол, которого отправили ко двору Черной Принцессы, был не очень-то хорошо там принят, когда узнали, с каким приятным известием он к ним явился. А надо сказать, что эта эфиопская принцесса была самым мстительным существом в мире. Она считала, что с ней поступили не очень-то порыцарски — только что посватались к ней и получили ее согласие, и вдруг является посол с вежливым отказом. Она видела портрет принца и была в него влюблена, а ведь эти эфиопки если полюбят, так уж так безумно, как никто другой.

— Как же так, господин мой посланник, — сказала она, — верно, ваш повелитель полагает, что я не столь богата или не так уж красива? Прогуляйтесь по моим владениям, и вы увидите, что нет на свете другого такого обширного государства. Пойдемте со мной в мою королевскую сокровищницу, и вы увидите там столько чистого золота, что из всех россыпей Перу

не добыть столько. Наконец, взгляните на черную мою кожу, на мой расплуснутый носик, на толстые мои губы - ну, разве не такие бывают красавицы?

— Госпожа моя, — отвечал посол, который до смерти боялся, как бы ему не пришлось попробовать палок, как это иной раз случается с послами в восточных странах, — я проклинаю моего повелителя так, как только дозволено его подданному, и если бы небо даровало мне самый блистательный трон во вселенной, я, уж поверьте, недолго бы думал, с кем его разделить.

— Эти мудрые слова спасли вам жизнь, — отвечала она ему, — я было собиралась с вас начать свою месть, но это было бы несправедливо, так как теперь я вижу, что вы не виноваты в отвратительном поступке вашего государя. Идите к нему и скажите, что я очень счастлива разорвать нашу помолвку, потому что не люблю обманщиков! — Посол, который только о том и думал, как бы с ней распроститься, не замедлил воспользоваться ее приказанием и уехал.

Но эфиопка была слишком уязвлена поступком принца Воителя, чтобы простить его. И вот села она на колесницу из слоновой кости, запряженную страусами, которые быстро побежали, делая по десять миль в час. И направилась она во дворец феи Источника, которая была ее крестной и лучшим другом. Она рассказала ей все свои злоключения и умоляла помочь ей в ее обиде. Фея, тронутая горем своей крестницы, посмотрела в волшебную книгу и тотчас же прочла там, что принц Воитель покинул Черную Принцессу только ради принцессы Желание, в которую влюблен без ума, и даже занемог единственно от нетерпения ее видеть. Хотя фея почти было простила принцессу Желание к этому времени, но тут она снова распалилась ужасным гневом против нее. Она не видала принцессы со дня ее рождения и, наверно, уже не причинила бы ей никакого зла, если бы мстительная Чернавка не стала звать к ее помощи.

— Как! — воскликнула в ярости фея. — Так, значит, опять эта несчастная Желание будет раздражать меня? Нет, прелестная моя Принцесса, нет, крошечка моя, я не потерплю, чтобы тебя обижали, — небо и все стихии замешаны в этом деле. Возвращайся спокойно к себе домой и надейся на свою крестную.

Черная Принцесса поблагодарила ее и поднесла ей цветов и фруктов, чем та осталась очень довольна.

Посол Бекафиг спешил со всей быстротой в столицу отца принцессы Желание. Он бросился к ногам короля и королевы,

немало пролил слез и сказал самыми трогательными словами, что принц Воитель умрет, если они дольше будут откладывать радостное свидание его с принцессой, их дочерью; что ведь в конце концов осталось только три месяца до того срока, когда ей исполнится пятнадцать лет; что ничего дурного с ней за такой короткий срок случиться не может; что он берет на себя смелость заметить, что такое слепое доверие к феям может повредить их королевскому достоинству. Одним словом, он убеждал их со всем искусством, каким славился. Они поплакали вместе с ним, когда представили себе печальное состояние молодого принца, и наконец сказали ему, что все обдумают и через несколько дней дадут ему решительный ответ. Посол им ответил, что может задержаться только на несколько часов, так как повелитель его тяжело болен и воображает, будто принцесса сама откладывает свой отъезд, потому что он ей ненавистен. Тогда они сказали, что в этот же вечер все решат.

Королева побежала во дворец к своей дорогой дочке и рассказала ей все, что произошло. И тогда принцесса Желание беспримерно опечалилась, сердце у нее сжалось, и она упала без памяти. Тут королева поняла, что принцесса любит принца, и сказала ей:

— Не удручайтесь этим, дорогое дитя мое, ведь вы можете в один миг исцелить его от болезни, меня беспокоят только страшные угрозы феи Источника, которые она произнесла в день вашего рождения.

— Я уверена, — возразила принцесса, — что если бы мы приняли некоторые предосторожности, то провели бы злую фею. Ну, если бы, например, я поехала в большой карете, со всех сторон закрытой, куда не проходил бы ни один солнечный луч? Ее бы открывали только ночью, чтобы дать нам поесть, и таким образом я бы счастливо доехала до принца Воителя.

Королеве очень понравилось это предложение, она рассказала о нем королю, который тоже его одобрил. Он сейчас же послал за Бекафигом, и они пообещали ему, что принцесса поедет в самом скором времени, так что посол может вернуться и сообщить эту добрую новость своему повелителю. К этому они еще добавили, что для того, чтобы ни на одну лишнюю минуту не задержаться, они не станут даже, как оно подобало бы, готовить для дочери пышный поезд и богатый гард роб. Посол в полном восторге бросился к ногам короля и королевы, благодаря их, а затем немедленно уехал, так и не увидав принцессы.

Горько было бы принцессе расставаться с королем и с королевой, если б не привязалась она уже сердечно к принцу, а ведь это такое чувство, которое заглушает почти все другие.

Построили ей карету, снаружи всю из зеленого бархата, с большими золотыми украшениями, а внутри все было обито серебряной парчой, расшитой розами. В этой карете не было ни единого стекла, и была она очень большая. Закрывалась она наглухо, крепче, чем ларчик, и один из самых важных вельмож королевства хранил ключ, которым запирались замки в дверцах.

*Красою Грации сияли,
Утехи, игры, легкий смех!
И, улетая дальше всех,
За ней амуры поспешали.
Взор сочетала величавый
С небесной нежностью она,
Мечта была поражена
Ее улыбкою и славой.
Она могла нас подивить
Красою царственного вида;
Как нежная Аделаида,
Сюда пришла она, чтоб мир нам подарить.*

Только немногие кавалеры должны были сопровождать принцессу, дабы не обременять поезда большой свитой. Подарили ей драгоценные ожерелья, которым цены не было, и несколько богатейших платьев, и вот после прощания, когда король с королевой и весь двор заливались слезами, принцессу посадили в темную карету, а вместе с ней поехали Левкой и Колючая Роза со своей матерью.

Может быть, вы уже позабыли, что Колючая Роза совсем не любила принцессу Желание, но зато она очень любила принца Воителя, потому что видела его говорящий портрет. До того он ее поразил, что, уже собравшись ехать с принцессой, она сказала матери, что не жить ей на белом свете, если эту свадьбу сыграют, и что если мать хочет видеть ее живой, пусть она эту свадьбу расстроит. Мать просила ее не огорчаться и сказала, что постарается все устроить, чтобы только сделать дочку счастливой.

А королева, посылая свое дорогое дитя в путешествие, ни на кого так не надеялась, как на эту злую женщину.

— Сокровище мое я доверяю вам! — говорила она ей. — Оно

мне дороже жизни. Смотрите, чтобы она была здорова, а главное, чтобы не увидела дневного света, — тогда все пропало. Вы ведь знаете, какими бедствиями ей это грозит, и я уговорилась с послем принца Воителя, что, пока ей не исполнится пятнадцати лет, она будет жить в особом замке, где никакого света, кроме свеч, не будет.

От королевы эта женщина получила много всяких подарков, чтобы она лучше выполнила ее поручение. А та обещала королеве глаз не спускать с принцессы и, как только приедут на место, ей обо всем написать.

И вот, понадеявшись на эти обещания, король и королева не очень тревожились за дочь, и это облегчало им разлуку с ней. Каждый вечер кавалеры, сопровождавшие принцессу, открывали карету, чтобы приготовить ей ужин, и от них Колючая Роза узнала, что скоро они приедут в город, где их ожидали. Тогда Колючая Роза стала торопить свою мать, чтобы та сделала поскорей то, что ей обещала, потому что она боялась, как бы король с принцем не выехали им навстречу, а тогда уже не будет случая расстроить свадьбу. И вот однажды около полудня, когда солнце ярко светит, взяла мать Колючей Розы большой острый нож, который заранее припасла, да и прорезала одним ударом верх у кареты. И тогда принцесса Желание впервые увидела солнечные лучи. Не успела она и взглянуть на белый свет, как испустила глубокий вздох и выскочила из кареты, обернувшись белой ланью. И пустилась она бежать в лес все дальше и дальше, покуда не забралась в самую глушь, где и стала горевать одна-одинешенька о том, чем она была да чем стала.

А фея Источника, которая и затеяла все это необычайное дело, видя, что все, кто сопровождал принцессу, бросились ей на помощь — кто за ней в лес, а кто к принцу Воителю, чтобы известить его о том, какое приключилось горе, — готова была перевернуть всю природу: гром загремел, молния засверкала, так что самые храбрые перепугались, а кроме того, своим волшебством она всех этих людей унесла далеко-далеко от этого места, где их присутствие ей не нравилось.

Только и остались там Левкой да Колючая Роза со своей матерью. Левкой бросилась за своей госпожой, оглашая леса и горы своими жалобами и именем принцессы. А другие две, очень довольные тем, что освободились от тяжелой обязанности, не теряя ни минуты, принялись за то, что задумали. Колючая Роза надела самые богатые платья принцессы Желание. Королевская мантия, которую сшили к

свадьбе, была бесподобной роскоши, а в корону были вправлены алмазы в два или в три раза больше кулака, скипетр был из цельного рубина, а держава, которую она взяла в другую руку, была из жемчужины побольше головы. Уж такие это были драгоценные вещи, и как тяжело их было нести! Но Колючая Роза хотела разыграть из себя принцессу и решила ничего не упустить в королевском наряде.

В этом наряде Колючая Роза с матерью, которая несла шлейф ее мантии, пошла по дороге к столице принца Воителя. Поддельная принцесса важно шагала вперед, ничуть не сомневаясь в том, что им окажут торжественный прием; и действительно недалеко они еще отошли, как заметили, что навстречу им движется конница, а посреди ее два великолепных паланкина, сверкающие золотом и драгоценными камнями, и несут их мулы, украшенные султанами из зеленых перьев (это был любимый цвет принцессы). Король, находившийся в одних носилках, и больной принц, бывший в других, не знали, что и подумать об этой странной паре, которая к ним приближалась. Самые нетерпеливые из всадников поскакали им навстречу и, увидав их роскошные одежды, решили, что это, должно быть, важные особы. Они соскочили с коней и почтительно им поклонились.

— Скажите мне, — спросила их Колючая Роза, — кто находится в этих носилках?

— Госпожа моя, — отвечали ей, — это король наш и принц, его сын, которые выехали навстречу принцессе Желание.

— В таком случае, — отвечала она, — поезжайте к ним и скажите, что принцесса идет им навстречу; одна фея, которая завидовала моему счастью, рассеяла всех моих провожатых страшными ударами грома, сверкающими молниями и всякими чудесными явлениями; со мной только и осталась моя приближенная дама, у которой письма моего отца и мои драгоценности.

В тот же миг рыцари поцеловали край ее мантии и поскакали обратно, чтобы доложить королю, что перед ними принцесса.

— Как! — вскричал он. — Она идет пешком и при дневном свете?!

Они передали то, что она им рассказала. Принц, горевший нетерпением, подозвал их к себе и, не дав им слова выговорить, спросил:

— Поклянитесь мне, что она — диво красоты, истинное чудо, настоящая принцесса!

Они ничего ему не ответили и весьма удивили тем принца.

— Чтобы не перехвалить, вы предпочитаете молчать, — заметил он.

— Государь, вы ее сейчас сами увидите, — отвечал самый смелый из них, — она, наверно, очень изменилась, потому что устала с дороги.

Принц был очень удивлен и, конечно, не будь он так слаб, сейчас же соскочил бы с носилок из нетерпения и любопытства. Король спустился на землю и вместе со всем своим двором подошел к поддельной принцессе. Но, взглянув на нее, громко вскрикнул и, отступив на несколько шагов, сказал:

— Что я вижу! Какое вероломство!

— Государь, — сказала ему приближенная дама принцессы, отважно выступая вперед, — перед вами принцесса Желание, и вот письма короля и королевы; вручаю вам также и ларчик с драгоценностями, которые они мне передали, когда мы отъезжали.

Король угрюмо промолчал, а в это время принц, опираясь на Бекафига, подошел к Колючей Розе. О боги! Что с ним сделалось, когда он рассмотрел эту странную фигуру, при одном взгляде на которую прямо страшно делалось. Она была так высока, что одежды принцессы еле достигали ей до колен, худа она была как щепка, нос — крючком, словно у попугая, красноватый, лоснящийся, и зубы у нее были такие черные да кривые, каких ни у кого другого не было. Словом, насколько принцесса была хоороша, настолько эта была страшна.

Принц, который ни о чем не думал, как только о своей милой принцессе, стоял как вкопанный, глядя на нее с великим удивлением; долгое время он не мог рта раскрыть и наконец сказал королю:

— Я жертва предательства; чудеснейший портрет, которому я отдал мою свободу и любовь, не имеет ничего общего с дамой, которую к нам прислали. Нас захотели обмануть и обманули — и это будет стоять мне жизни.

— Как, государь, — воскликнула тут Колючая Роза, — вас хотели обмануть, говорите вы? Знайте же, что вы никогда не будете обмануты, если станете моим супругом.

Ее бесстыдство и самомнение были беспримерны. Ее мать добавила еще со своей стороны.

— Ах, красавица моя принцесса! — вскричала она. — Куда мы попали? Разве так принимают дочь короля? Каково непостоянство людей! На что они только способны! Но король, ваш отец, сумеет дать им достойный ответ.

— И мы заставим его это сделать, — ответил король. — Он обещал нам красавицу принцессу, а вместо нее посылает нам

скелет, мумию, на которую страшно смотреть. Теперь уже мне не удивительно, что он пятнадцать лет держал это сокровище под спудом: он хотел поймать на этом какого-нибудь простачка. Жребий пал на нас, но мы еще постоим за себя!

— Какие оскорбления! — вскричала поддельная принцесса. — Несчастливая я, что мне пришлось ехать, доверяясь словам таких людей! Подумаешь, какое преступление — заставить нарисовать себя на портрете чуточку красивее, чем ты есть, — да ведь это же все делают каждый день. Если бы это могло препятствовать браку, вряд ли многим принцам удалось бы жениться.

Король и принц, вне себя от ярости, не удостоили ее ответа. Каждый из них снова взошел в свои носилки, и без дальних церемоний один из гвардейцев посадил принцессу на лошадь позади себя, и так же пышно усадили и ее приближенную даму. Их повезли в город и там по приказу короля заключили в замок Трех Башен. Принц Воитель до того был удручен этим неожиданным ударом, что сначала всю скорбь затаил в своем сердце. Когда же, наконец, собрался с силами и заговорил, как только не плакался он на свою злую судьбу! Он по-прежнему был влюблен, но ему не о ком было теперь вздыхать, кроме как о портрете. Его надежды более уже не существовали, все его прекрасные мечты о принцессе Желание рушились. Он готов был скорее умереть, чем жениться на той, кого принимал за принцессу. Трудно даже себе представить, как велико было его отчаяние; он не мог больше выносить шума королевского двора и решил, как только здоровье ему это позволит, удалиться тайно в какое-нибудь уединенное место и там провести остаток своей грустной жизни.

Принц никому не рассказывал об этом своем решении, кроме верного Бекафига; он был уверен, что тот последует за ним повсюду. С ним говорил он чаще, чем с кем-либо другим, об ужасном обмане, жертвою которого стал. Как только принц начал поправляться, он немедленно уехал, оставив на столе в кабинете короля длинное письмо. В нем он уверял отца, что, когда немного успокоится, вернется к нему, но просит, в ожидании его возвращения, обдумать их общую мезь и по-прежнему держать в плену отвратительную принцессу.

Легко представить себе горе короля, когда он прочел это письмо. Разлука со столь дорогим сыном едва не довела его до смерти. А покуда все приближенные старались его успокоить, принц и Бекафиг были уже далеко. Спустя три дня они очутились в большом лесу, который был очень темен благодаря густой своей листве и очень приятен свежестью травы и ручей-

ков, что журчали повсюду. Принц, еще не вполне здоровый и утомленный долгой дорогой, соскочил с коня и, грустный, бросился на траву, подложив руку под голову. Он был еще так слаб, что почти не мог говорить.

— Государь, — сказал ему Бекафиг, — пока вы будете отдыхать, я пойду поискать, нет ли здесь каких-нибудь плодов, чтобы мы могли освежиться, а кстати, посмотреть, куда мы с вами попали. — Принц ничего ему не ответил, а только знаком показал, что он может идти.

Давно уж мы с вами оставили нашу лесную лань — я говорю о несравненной принцессе. Она была ланью и безутешно расплакалась, когда неожиданно увидала свое отражение в воде источника, который послужил ей зеркалом.

— Как! — сказала она. — Это я? Сегодня действительно со мной произошло самое страшное приключение, какое феи могли только послать невинной принцессе вроде меня! Сколько же времени останусь я в этом образе? Куда мне деваться, чтобы львы, медведи и волки не загрызли меня? Как же я буду есть траву?

Так она задавала самой себе тысячу вопросов, чувствуя самую горькую печаль. Одно только могло ее немного утешить: это то, что она была такой же прелестной ланью, какой была красавицей принцессой.

Голод начал мучить принцессу, и она принялась с аппетитом жевать траву, сама этому удивляясь. Потом она прилегла на мох. Спустилась ночь, принцесса провела ее в непостижимом страхе. Она слушала, как хищные звери бродят неподалеку, и не раз, забывая о том, что она лань, пыталась влезть на дерево. Дневной свет ее несколько успокоил, она любовалась его красотой, и солнце ей казалось столь чудесным, что она не переставала глядеть на него; все, что она до сих пор о нем слышала, казалось ей ничего не значащим по сравнению с тем, что она теперь видела. Это было единственным утешением, которое нашла она в этом пустынном месте. Она была совершенно одна в продолжение нескольких дней.

Фея Тюльпанов, которая всегда любила принцессу, сочувствовала ее горю, но она очень досадовала, что ни королева, ни принцесса не воспользовались ее советами, ведь она много раз им говорила, что, если принцесса уедет раньше, чем ей минет пятнадцать лет, это добром не кончится. Однако она не хотела обрекать принцессу в жертву ярости феи Источника и направила шаги Левкоя к лесу, чтобы новая эта наперсница могла утешать принцессу в ее несчастье.

Красивая лань шла потихоньку по берегу ручья, когда Левкой, которая так устала, что уж не могла идти дальше, прилегла отдохнуть. Она печально размышляла о том, в какую бы сторону ей направиться, чтобы найти свою дорогую принцессу. Когда лань ее заметила, одна одним прыжком перенеслась через широкий и глубокий ручей, бросилась к Левкое и начала нежно к ней ласкаться. Левкой была очень этим удивлена, она недоумевала, то ли здешние звери так уж особенно любят людей, то ли эта лань знает ее. В конце концов ведь было очень странно, чтобы дикая лань оказывала человеку такие любезности.

Она внимательнее на нее посмотрела и с крайним удивлением заметила, что две крупные слезы катятся из ее глаз; тут уж она больше не сомневалась, что перед ней ее любимая принцесса. Она взяла в руки ножки лани и стала целовать их с такой же нежностью и уважением, как, бывало, целовала ручки принцессы. Она заговорила с ней и поняла, что лань ожидала ее, но не может ей отвечать; тут слезы и вздохи с обеих сторон возобновились с новой силой. Левкой обещала своей повелительнице, что ни за что ее не покинет, лань отвечала ей глазами и кивками головы, что этому очень рада и что теперь многие ее горести не так ей будут страшны.

Почти весь день они были вместе. Лань, боясь, что Левкою захочется покушать, повела ее в дальний край леса, где она заметила дикие деревья, на которых росли очень вкусные плоды. Левкой ела их без конца, так как она умирала от голода, но когда насытилась, та впала в страшное беспокойство, потому что представить себе не могла, где и как они будут спать. Ей казалось немыслимым остаться спать в лесу, среди тысячи опасностей, которые могли приключиться.

— Разве вам не страшно, милая лань, — говорила она, — провести здесь ночь? — Лань подняла очи вверх и горько вздохнула. — Но ведь вы, — продолжала Левкой, — бегали по всему этому громадному лесу, ужели же здесь нет какого-нибудь домика, хижины какого-нибудь угольщика, дровосека или кельи монаха?

Лань ответила ей кивком головы, что ничего она такого не видала.

— О боги! — воскликнула тогда Левкой. — Завтра меня уже не будет в живых! Если удастся мне избежать тигров и медведей, я уверена, что умру просто от страха. И не подумайте, дорогая принцесса, что я говорю о своей судьбе; я думаю

только о вас. Увы, каково-то остаться в этих глухих местах одной! И никто не утешит вас! Может ли быть что-нибудь ужаснее?

Бедная лань принялась плакать, она рыдала прямо как человек.

Ее слезы тронули фею Тюльпанов, которая ее нежно любила. Несмотря на то, что принцесса ее не послушалась, все-таки она продолжала все время заботиться о ней, и тут она внезапно появилась.

— Я не буду вас корить,— произнесла она, — мне слишком тяжело видеть вас в таком положении.

Лань и Левкой бросились перед ней на колени. Одна целовала руки феи и нежно к ней ласкалась, а другая умоляла фею пожалеть принцессу и вернуть ей образ человеческий.

— Это не в моей власти, — отвечала фея Тюльпанов, — та, кто причинил ей это, — могущественная волшебница. Но я могу сократить срок этого испытания, а чтобы облегчить его, обещаю вам, что, как только день сменится ночью, она перестанет быть ланью, однако, чуть займется утренняя заря, опять обратится в лань и будет бегать по лесам и долам, как дикий зверь.

Это уж было немало — хоть ночью не быть ланью, и принцесса в восхищении начала прыгать и скакать, что очень разве-селило фею Тюльпанов.

— Идите же, — сказала она им, — вот по этой тропинке, и вы найдете хижину, довольно опрятную для этих мест.

И, произнеся эти слова, она исчезла. Левкой послушалась ее, она пошла с ланью по указанной феей дороге, и они вышли к хижине, у дверей которой сидела старуха и вязала корзинку из тонкого ивняка. Левкой поклонилась ей.

— Приютите меня, бабушка, — сказала она, — с моей ланью! Может быть, у вас найдется комнатка для нас?

— Хорошо, доченька, — отвечала та, — вам найдется местечко; входите, входите сюда с вашей ланью. — И она повела их в прелестную комнатку, со стенами из дерева дикой вишни; там стояли две кровати с чистым бельем и покрывалами — и все было так чистенько и просто, что принцесса говорила потом, что никогда не видала более приятного жилья.

Как только совсем смерклось, принцесса Желание обернулась человеком. Сто раз, а то и больше поцеловала она Левкою, от всей души благодаря ее за добрые чувства к ней, за то, что

она не оставила ее в беде. И еще она обещала ей устроить ее счастье, как только кончатся все их испытания.

Старушка постучала к ней потихоньку и, не входя к ним, протянула Левкое прекрасные плоды, которая принцесса покушала с большим аппетитом, и затем они улеглись спать. Как только занялся день, принцесса Желание снова стала ланью и принялась скрести копытцем дверь, чтобы Левкой отворила ей. Грустно им было расставаться, хоть и ненадолго, но лань быстро побежала в самую гущу леса и стала там бегать и прыгать, как она делала это и раньше.

Мы уже сказали, что принц Воитель остался один в лесу, а Бекафиг пошел поискать ему диких плодов. Совсем уже было поздно, когда он наткнулся на избушку доброй старушки, о которой только что шла речь. Вежливо потолковал он с ней и попросил еды для своего повелителя. Старушка наложила полную корзину всякой снеди и подала ему.

— Боюсь я, — сказала она ему, — чтобы не случилось чего с вами ночью в темном лесу; есть у меня для вас комнатка, хоть и бедная, да вас в ней дикие львы не тронут. — Он ее поблагодарил и сказал, что он здесь не один, а с одним своим другом и пойдет ему об этом сказать. Действительно, ему удалось уговорить принца, и тот согласился идти к доброй старушке. Она встретила их на пороге и бесшумно провела в комнату, точь-в-точь такую же, как и комнатка принцессы; они помещались рядом и разделялись только перегородкой.

Принца всю ночь беспокоили грустные мысли. Как только блеснули первые лучи солнца в окошках, он поднялся и, чтобы разогнать тоску, пошел в лес, сказав Бекафигу, чтобы не сопровождал его. Долго он шел куда глаза глядят и наконец вышел на широкую поляну, поросшую деревьями да мхом. Только он показался, как лань пустилась бежать оттуда. Посмотрел он на нее, да и погнался за ней. Охота была его любимой забавой, но после болезни он уже не мог очень быстро бегать. Несмотря на это, он все-таки долго гнался за ланью и время от времени пускал в нее стрелу. Бедная лань умирала от страха, хоть ни одна стрела не ранила ее, ибо фея Тюльпанов охраняла ее, и поистине принц так метко стрелял, что только рука феи могла защитить от его стрел. Никогда еще принцесса-лань так не уставала, никогда еще ей не приходилось так бегать. Наконец, ей удалось какой-то тропинкой так ловко ускользнуть, что опасный охотник потерял ее из виду, и так как он и сам очень устал, то прекратил преследование.

День клонился к вечеру, и лань с радостью увидела, что пора уж ей возвращаться, и побежала к домику, где с нетерпением ждала ее Левкой. Вбежав в комнату, бросилась она, еле дыша, на кровать, вся мокрая, так она измучилась. Левкой ее ласкала и жалела, умирая от любопытства узнать, что с ней такое приключилось. Пришел час, когда ей пора было стать снова девушкой; тогда она бросилась на шею своей любимице и сказала:

— Увы, я боялась только феи Источника и злых хозяев лесов, а сегодня за мной гнался молодой охотник, и так мне пришлось от него бежать, что я почти даже его и не разглядела. Стрела за стрелой летели за мною, угрожая мне неминуемой смертью, и уж не знаю, каким я чудом спаслась.

— Не надо вам больше отсюда выходить, принцесса, — сказала Левкой, — оставайтесь здесь, в этой комнате, покуда не минет роковое время вашего испытания. А я схожу в ближайший город, куплю разных книжек, чтобы не было нам здесь скучно; почитаем мы с вами новые сказки про фей да будем сочинять стихи да песенки.

— Молчи, молчи, моя дорогая, — отвечала ей принцесса, — не нужно мне никаких развлечений, потому что я все время думаю о милом моем принце Воителе; но та ужасная сила, которая обращает меня днем в лань, та же сила заставляет меня вопреки моим желаниям делать то, что делают все лани: я бегая и ем траву, как и они. Днем нет моих сил оставаться в комнате.

До того она устала после погони, что сейчас же попросила поесть, а потом ее красивые глаза закрылись, и она заснула до зари. И как только занялась заря, опять обернулась ланью и убежала в лес.

Принц к вечеру тоже вернулся к своему другу.

— Я провел весь день, — сказал он, — гоняясь за самой красивой ланью, какую я когда-либо видел, но она с удивительной ловкостью провела меня. Стрелял я так метко, что не понимаю, как она могла увернуться от моих стрел. Чуть рассветет, я снова пойду в лес, и уж на этот раз ей от меня не уйти.

И вот наш юный принц, который хотел позабыть о своей мечте, казавшейся ему теперь несбыточной, был очень доволен, опять пристранившись к охоте. С раннего утра отправился он опять туда же, где спугнул лань, но та на этот раз поостереглась там показываться, боясь, чтобы опять не при-

шлось ей туго. Смотрел он, смотрел по всем сторонам, долго ходил по лесу, устал и разгорячился. Увидав на дереве очень красивые яблоки, он обрадовался, сорвал их, попробовал, и тут же одолела его дремота. Упал он на свежую траву под деревьями, где кругом щебетали птицы, и сладко заснул.

Пока он спал, боязливая наша лань, которой нравились уединенные места, прибежала как раз туда, где он лежал. Если бы она его раньше заметила, то, конечно, тотчас же убежала, но она увидала его, совсем уже к нему приблизившись, и не могла удержаться, чтобы не посмотреть на него. Так крепко он спал, что она перестала бояться и решила на досуге хорошенько его разглядеть. Боги! Что с ней только сделалось, когда она его узнала! Ведь она так о нем мечтала, что не могла забыть его за столь короткое время! Ах, любовь, любовь! Что ты только делаешь! Ужели же бедной лани погибнуть от руки ее возлюбленного? Так, верно, оно и будет, потому что она уже не думает о своей безопасности. Она прилегла в нескольких шагах от него и от радости глаз с него не сводила; она вздыхала, она тихо стонала. Наконец, осмелев, подошла к нему еще ближе, коснулась его — и он проснулся.

Принц был ужасно удивлен. Он узнал лань, которая так его помучила и которую он так долго искал, но странно, что она решилась так близко к нему подойти! Она не стала дожидаться, пока он ее поймает, и бросилась со всех ног бежать, он — за ней. Время от времени они останавливались, чтобы передохнуть, потому что красавица лань еще не отдохнула после вчерашней погони, да и принц тоже. Но что больше всего замедляло бег — увы! сказать ли, — было то, что ей страх как не хотелось удалиться от того кто ранил ее не стрелами, а любовью. Он не раз видел, как она оборачивалась к нему, словно спрашивая, неужели он хочет, чтобы она погибла от его руки; но как только он ее настигал, она делала новое усилие и убегала.

— Ах, малютка лань, — вскричал он, наконец, — если бы ты только могла понимать меня! Тогда бы ты не стала убегать от меня; ведь я люблю тебя, я хочу кормить тебя да ухаживать за тобой — такая ты красавица! — Но ветер унес его слова, и она не слыхала их.

Наконец, обежали они кругом весь лес, и наша лань, совсем обессилев, замедлила шаг. А принц в это время удвоил силы и нагнал ее с такой радостью, что сам себе не верил. Он видел, что

она совсем выбилась из сил; она упала, бедняжка, полумертвая от усталости, и ждала только смерти от рук своего победителя. Но, вместо того чтобы причинить ей зло, он начал ее ласкать.

— Красавица моя лань, — сказал он ей, — не бойся меня, я хочу тебя взять с собой и никогда с тобой не разлучаться.

Он нарезал ей ветвей, постлал их ровненько, покрыл мхом, набросал на них роз, которые кругом цвели на кустах, потом взял лань на руки, положил ее головку себе на плечо и уложил ее потихоньку на это ложе. Потом сел около нее, время от времени срывал вкусные травы и давал ей, а она ела их из его рук.

Принц продолжал с ней говорить, хоть и был уверен, что она его не понимает. Но как ей ни приятно было его видеть, все-таки она беспокоилась, потому что надвигалась ночь.

«Что-то будет, — думала она, — когда он увидит, как я вдруг обращусь в девушку? Наверное, испугается и убежит от меня, а если не убежит, как я буду с ним одна в темном лесу?» Она только о том и думала, как бы ей убежать от него, но он сам ей в этом помог: боясь, что ей захочется пить, он пошел посмотреть, нет ли где поблизости какого-нибудь источника, куда бы он мог ее отвести. Как только он ушел, она тотчас же вскочила и помчалась к своему домику, где ее ждала Левкой. Она бросилась на постель. Стемнело; снова она стала принцессой и рассказала подруге свое приключение.

— Поверишь ли, моя дорогая, мой принц Воитель два дня охотился за мной в этом лесу, и когда он наконец поймал меня, то стал меня нежно ласкать. Ах! До чего же этот портрет, который мне тогда подарили, мало на него похож; он во сто раз красивее. Другой на охоте замажется да обдерется, а он все так же хорош, а до чего мил и красив, и рассказать тебе не сумею. Ну, не несчастная ли я, что мне приходится бежать от принца, который мне сужен всеми моими родными, — бежать от него, который меня любит и которого я люблю! Надо же было, чтобы злая фея возненавидела меня со дня моего рождения и погубила всю мою жизнь. — Она принялась плакать, а Левкой ее утешала, уверяя, что скоро все ее несчастья сменятся радостями:

Как только принц отыскал ручей, он пошел назад к своей милой лани; но ее уже не было на том месте, где он ее оставил. Тщетно искал он ее повсюду и чувствовал такую обиду на нее, словно она обладала разумом. «Как! — воскликнул он. — Неужели же мне придется иметь вечно повод жаловаться на этот лживый и вероломный женский пол?» В тоске возвратился

он к доброй старушке. Он рассказал своему наперснику все приключения с ланью, обвиняя ее в неблагодарности. Бекафиг не мог не улыбнуться гневу принца и посоветовал ему наказать лань, когда он встретится с ней.

— Только ради этого я здесь и останусь, — ответил принц, — затем мы отправимся дальше.

Настало утро, и вместе с ним принцесса обернулась белой ланью. Не знала она, на что решиться: то ли бежать ей в те места, где обычно гуляет принц, то ли не попадаться ему на глаза. Наконец она выбрала последнее и ушла далеко, но юный принц был тоже не прост и тоже пошел другой дорогой, подозревая, что она пустится на хитрости. И он нашел ее в самой глуши леса. Она чувствовала себя в безопасности. И тут-то вдруг его заметила. В тот же миг она вскочила, одним прыжком перенеслась через кусты и помчалась быстрее ветра, словно ее вчерашняя проделка с ним заставила ее еще больше его бояться. Но в ту минуту, как она перебежала одну тропинку, он схватил лук да так ловко нацелился, что стрела вонзилась ей в ногу. Она почувствовала ужасную боль, силы оставили ее, и она упала.

Ах! Амур, жестокий и безжалостный, где же ты был? Как! Ты позволил, чтобы несравненную девушку ранил ее нежный возлюбленный? Но печальный конец был неизбежен, ибо так подстроила фея Источника. Принц подошел к лани. Когда он увидал, что кровь бежит из раны, ему стало очень жаль ее. Он сорвал длинные стебли трав и перевязал ими раненую ножку, потом, как и в прошлый раз, сделал ложе из ветвей. Он положил голову лани себе на колени и сказал ей:

— Не сама ли ты виновата, ветреница моя, в том, что с тобой случилось? Зачем ты вчера меня покинула? Но сегодня уж этого не случится, потому что я понесу тебя сам.

Лань ничего не ответила, да и что бы она сказала! Она и виновата была и говорить не могла, а ведь вовсе не всегда те, кто виноват, молчат. Принц нежно ее ласкал.

— Как мне больно, — говорил он, — что пришлось тебя ранить! Ты будешь, верно, теперь меня ненавидеть, а ведь я хочу, чтобы ты любила меня.

Казалось, коли его послушать, что какой-то тайный гений нашептывал ему то, что он говорил лани. И вот уже приближался час, когда пора было возвращаться к старушке хозяйке; он поднял свою добычу, и нелегко ему пришлось; он то нес ее, то вел, а то и волочил за собой. Она вовсе не хотела с ним идти.

«Что со мной будет? — думала она. — Ну как же мне очутиться с ним с глазу на глаз! Ах, лучше уж умереть!»

Она нарочно двигалась самым неуклюжим образом и очень обременяла его. Он так устал, что весь был мокрый, и, хотя уж недалеко было до их маленького домика, почувствовал, что ему одному не справиться. Он пошел позвать своего верного Бекафига, но, прежде чем покинуть свою добычу, привязал ее несколькими узлами к дереву, чтобы она опять не убежала.

Увы! Кто же мог подумать, что красивейшая принцесса в мире подвергнется такому обращению со стороны принца, который ее обожал! Она тщетно пыталась разорвать свои путы, но только еще сильнее их затягивала, а кроме того, на беду, образовалась мертвая петля, грозившая ее задушить. В это время Левкой, которой надоело сидеть все время взаперти в своей комнате, вышла подышать свежим воздухом и направилась как раз туда, где белая лань билась в путах. Что с ней только сделалось, когда она увидела свою дорогую повелительницу! Она бросилась развязывать ее, а узлов было много, да все в разных местах; наконец дело было сделано, но в эту минуту появились принц с Бекафигом.

— Несмотря на все мое уважение к вам, госпожа моя, — сказал принц Левкое, — позвольте мне сказать вам, что вы хотели присвоить чужое добро: я ранил эту лань, она моя, я люблю ее и умоляю вас оставить ее мне.

— Сударь, — вежливо отвечала Левкой (она была и стройна и прелестна), — эта лань была моей еще до того, как вы ею завладели, и я готова скорей от жизни своей отказаться, чем от нее. А если вы хотите видеть, знает ли она меня или нет, отпустите ее на минутку... Ну-ка, моя Белочка, обнимите меня. — Лань бросилась ей на шею. — Поцелуйте меня в правую щеку. — Лань поцеловала. — Коснитесь моего сердца. — Она тронула ее грудь ножкой. — Вздохните. — И она вздохнула. Принц уже не мог больше сомневаться в том, что Левкой говорит правду.

— Возвращаю ее вам, — благородно заявил он, — но, поверьте, с немалым сожалением. — И Левкой тотчас же ушла со своей ланью.

Они не знали, что принц живет в том же домике; он издалека следил за ними и был очень удивлен, когда увидел, что они входят в хижину доброй старушки. Очень скоро вслед за ними вернулся и он, и, так как ему очень любопытно было узнать о

белой лани, то спросил у старушки, кто эта девушка с ланью. Та ответила, что не знает ее, что пустила ее к себе вместе с ланью, что она ей хорошо платит и живет очень одиноко. Бекафиг осведомился, где их комната, и узнал, что она соседняя с их комнатой и что их отделяет друг от друга только перегородка.

Когда они пришли к себе, Бекафиг сказал принцу, либо он ошибается так, как еще никто никогда не ошибался, либо девушка, которую они только что видели, жила с принцессой Желание, и он ее видел во дворце, когда приезжал туда с посольством.

— Какие мрачные воспоминания оживляете вы! — сказал ему принц. — И каким образом могла бы она очутиться здесь?

— Этого я не знаю, сеньор, — добавил Бекафиг, — но мне очень хочется посмотреть на нее еще раз, и так как нас разделяет всего лишь дощатая перегородка, я проделаю в ней отверстие.

— Вот бесполезное любопытство, — грустно сказал принц, потому что этот разговор снова пробудил все его горести. Он отворил окно, выходившее в лес, и стал мечтать.

Тем временем Бекафиг трудился и скоро просверлил довольно большое отверстие. Посмотрел он и увидел прелестную принцессу, одетую в платье из серебряной парчи с кармазинными цветами, шитое золотом и изумрудами. Ее волосы падали тяжелыми волнами на самую красивую шею в мире, лицо пленяло живыми красками, а очи приводили в восхищение. Левкой стояла перед ней на коленях и перевязывала ей руку, откуда обильно текла кровь. Казалось, что они обе очень озабочены этой раной.

— Дай мне умереть! — говорила принцесса. — Легче смерть, чем это плачевное существование, которое мне приходится влачить. Как! Целый день быть ланью, видеть своего суженого и не быть в состоянии говорить с ним, рассказать ему о своем роковом несчастье! Ах! Если бы ты знала, как трогательно говорил он со мной, когда я была ланью, какой у него голос, какие у него благородные и располагающие движения, ты бы еще больше меня пожалела, зная, что я не могу поведать ему о моей горькой судьбе.

Можно себе представить, как был удивлен Бекафиг всем, что он увидел и услышал. Он подбежал к принцу и отвел его от окошка с невыразимой радостью.

— Ах, принц, — сказал он, — не медлите, подойдите же к перегородке, и вы воочию увидите ту, чей портрет вас очаровал.

Принц посмотрел и тотчас узнал принцессу. Он бы умер от счастья, если бы не боялся, что его морочат какие-то чары. Ибо что же тогда означала удивительная встреча с Колючей Розой и ее матерью, которые были заключены в замок Трех Башен и называли себя одна принцессой Желание, а другая ее приближенной дамой?

Однако любовь обнадеживала его. Всякому хочется убедить-ся в том, на что направлены его желания, а случай был таков, что приходилось или умереть от нетерпения, или дознаться истины. И принц, не откладывая дела в долгий ящик, подошел к двери комнаты принцессы, да и постучался тихонько. Лев-кой, не сомневаясь, что это стучится старушка хозяйка, кото-рая, кстати, была ей нужна, чтобы помочь перевязать руку ее повелительнице, поспешила отворить дверь и оцепенела от удивления, увидав перед собой принца, который сразу же бро-сился к ногам принцессы Желание. Восторг его был так велик, что он не мог ничего толком сказать, и как мы ни старались узнать, что он ей говорил в эти первые минуты, так никого и не нашли, кто мог бы нам в этом помочь. Принцесса была вне меньшем замешательстве, но тут вмешался Амур, который час-тенько служит посредником для тех, кто немеет от любви, и убедил их обоих, что никогда еще не говорили они так умно или по крайней мере так трогательно и так нежно. Слезы, вздохи, клятвы, даже лукавые улыбки — все здесь было.

Так прошла ночь, занялся день, а принцесса Желание даже не подумала о том, что она так и не обернулась ланью. Вдруг она это заметила; ничто не могло сравниться с ее радостью, но она так любила принца, что не могла и минуты выдержать, чтобы не поделиться с ним ею. И тут же начала ему рассказы-вать всю свою историю с такой прелестью, с таким естествен-ным красноречием, что самых записных умников за пояс за-ткнула.

— Как, — воскликнул он, — прелестная моя принцесса, так это вас я ранил в образе белой лани! Как же мне искупить ужасное мое преступление? Я готов умереть от горя на ваших глазах. — Он так был удручен, что огорчение это было написа-но на его лице. И от этого принцесса Желание страдала более, чем от своей раны; она уверяла его, что все это пустяки и что она даже рада этой беде, принесшей ей столько радости.

Она так убедительно говорила, что он не мог больше сомневаться в ее доброте. Чтобы все ей было понятно, он, в свою очередь, рассказал

ей о том обмане, который затеяли Колючая Роза со своей матерью, и добавил, что надо поторопиться известить отца о его счастье, о том, что он ее нашел, ибо иначе возгорится ужасная война, так как отец его не преминет отомстить за оскорбление, которое ему будто бы было нанесено. Принцесса Желание упростила его послать письмо с Бекафигом; тот уже готов был исполнить его приказание, как вдруг по лесу разнесся страшный гул и звон военных труб, рогов, литавр и барабанов; им показалось даже, словно большое войско проходит мимо их домика. Принц глянул в окошко и узнал многих рыцарей, знамена и значки; он скомандовал им остановиться и ожидать его.

Никогда еще не ликовало так войско, как на этот раз; все были убеждены, что сам принц Воитель поведет их, чтобы отомстить отцу принцессы Желание. Войском предводительствовал сам отец принца, несмотря на свой преклонный возраст. Его несли в бархатном паланкине, изукрашенном золотой вышивкой, а за ним ехала открытая повозка, где везли Колючую Розу с матерью. Принц Воитель, увидав паланкин, бросился к нему, а король, простирая к сыну руки с отеческой любовью, вскричал:

— Откуда вы, сын мой? Как могли вы причинить мне такое горе, уехав от нас?

— Государь, — отвечал принц, — благоволите меня выслушать.

Король тотчас сошел с носилок, и, отойдя с ним в уединенное место, сын рассказал ему о своей счастливой встрече и об обмане Колючей Розы.

Обрадованный король воздел руки и благодарил небо за его милость. В эту минуту он увидел принцессу Желание, которая была красивее и блестела ярче всех звезд небесных. Она сидела на великолепной лошади, игравшей под ней, множество разноцветных перьев окружало ее головку, и самые большие алмазы мира украшали ее одежду. Она была одета охотницей. Левкой, которая сопровождала ее, также была в замечательном наряде. Все это было делом рук феи Тюльпанов, это она обо всем позаботилась, и ее старания увенчались полным успехом. Маленький домик в лесу тоже был создан для принцессы, и там фея много дней под видом доброй старушки принимала и потчевала свою любимицу.

Когда принц узнал свои войска и выбежал навстречу отцу, фея вошла в комнату принцессы Желание; она подула на ее руку, и рана мгновенно зажила, и тут же она обрядила принцессу в такой пышный наряд, что, когда появилась она перед глазами короля, он так был очарован, что с трудом мог пове-

рить, что перед ним не бессмертная богиня. Он приветствовал ее самыми ласковыми словами, которые только можно было придумать для такого случая, и просил ее не медлить и поскорее стать королевой его царства.

— Да, — сказал он, — я решил передать королевство принцу Воителю, чтобы он еще более был достоин такой невесты!

Принцесса Желание ответила ему со всей вежливостью, какую можно ожидать от хорошо воспитанной особы, а потом, глянув на двух пленниц в повозке, закрывших себе лица руками, она великодушно попросила короля простить их и разрешить им уехать в той же повозке, куда им заблагорассудится. Король согласился, и тут он еще раз восхитился ее сердечной добротой и похвалил ее за это.

Тут же отдали приказ всей армии повернуть налево кругом и маршировать с музыкой домой. Принц вскочил на коня и поехал радом с принцессой. В столице их встретили громогласные крики восторга; приготовили все, что нужно, ко дню свадьбы, который прошел весьма торжественно благодаря присутствию шести благосклонных фей, любивших принцессу. Они поднесли принцессе такие богатые подарки, что и вообразить себе нельзя, и, между прочим, великолепный дворец, тот самый, в котором впервые увидела их мать-королева. Он мгновенно возник в воздухе: пятьдесят тысяч крылатых амуров принесли его и потом установили на широкой поляне на берегу речки. Ну, прекраснее такого подарка, конечно, уж ничего и быть не могло.

Верный Бекафиг просил своего повелителя поговорить с Левко-ем, чтобы она стала его женой после того, как справят свадьбу принца. Принц согласился. Прелестная девушка была очень рада, что нашла себе такого хорошего мужа в чужом королевстве. Фея Тюльпанов, которая была еще щедрее своих сестер, подарила ей на свадьбу четыре золотые копи в далекой Индии, чтобы она была такой же богатой, как и ее будущий муж. Целый месяц праздновали свадьбу принца, каждый день устраивали новое празднество, и песни о приключении белой лани распевали повсюду.

ПРАВОУЧЕНИЕ

*Принцесса слишком поспешила
Покинуть темный замок свой,
Куда от мести роковой
Ее премудро фея скрыла.
Ее несчастья, превращения,
Остерегая, учат нас,*

*Какие страшные мученья
Нетерпеливых в свете ждут подчас.
О вы, кому любовь рукою тороватой
Дала черты, способные пленять!
Краса — нередко злой вожатый,
А можно ли ее скрывать?
Вам верной кажется защитой,
Что вы, любимая, не любите сейчас,
Но как опасен пламень скрытый,
Взгляните на него — и он зажжет и вас.*

ГОЛУБАЯ ПТИЦА

Жил-был некогда король, очень богатый и деньгами и угодьями. Умерла у него жена, и никак он не мог утешиться. Целую неделю не выходил он из своего кабинета да об стены головой бился, так был огорчен. Все стали бояться, как бы он насмерть не убился, а потому потихоньку на стены под ковры навешали пуховиков. Теперь уж он мог биться, сколько ему угодно.

Все его подданные, потолковав между собой, решили идти его утешать, кто чем может. Иные приготовили важные и глубоко-мысленные речи, иные — более приятные и даже веселые, но ничто не трогало короля, он еле слушал, что ему говорили. Наконец, явилась к нему некая дама, укрытая всякими траурными черными крепами, вуалями да мантиями, и до того громко она плакала и рыдала, что король даже рот разинул. Она сказала ему, плача, что пришла не для того, чтобы попытаться уменьшить его горе, а чтобы увеличить его, ибо нет на свете ничего более справедливого, нежели оплакивать достойную женщину. Что до нее, так она сама потеряла самого лучшего мужа в мире и будет плакать о нем, пока глаза не выплачет. Сказав это, заплакала она вдвое громче, и тут же король по ее примеру тоже зарыдал.

Он ее принял лучше, нежели других. Рассказал ей о великих достоинствах умершей своей супруги, она же еще больше о своем муже. И столько они толковали об этом, что под конец уж и говорить больше было нечего. Когда хитрая вдовушка заметила, что разговор почти истощился, приподняла она немножко свои вуали, и обездоленный король не без удовольст-

вия стал развлекаться видом этой обездоленной женщины. А она то сюда поглядит, то туда обернется, а глаза у нее большие, синие, ресницы длинные, черные и лицо цветущее. Все это король рассмотрел с большим вниманием. Стал он понемногу все меньше о своей жене вспоминать, а потом и вовсе перестал. Вдовушка ему сказала, что она вечно будет своего мужа оплакивать, а король стал ее упрашивать не увековечивать так своей скорби. В заключение всех удивил он, женившись на ней, и черные одежды сменились зелеными и розовыми: достаточно иной раз узнать слабость человека, чтобы покорить его сердце, а потом делай с ним что угодно.

От первого супружества у короля была только одна дочка, но ее считали восьмым чудом света. Звали ее Флориной, так как она напоминала богиню Флору своей свежестью, юностью и красотой. Никогда она роскошных платьев не носила: идет, бывало, в легком тафтяном платьице, только разве застешку с блестящими камнями наденет, вся в цветах, и особенно были они хороши в ее чудесных косах. Было ей пятнадцать лет от роду, когда король во второй раз женился.

Новая королева сейчас же велела послать за своей дочкой, которая воспитывалась у своей крестной, феи по имени Суссио. Но хоть и воспитывала ее фея, дочка королевы все-таки ни красотой, ни грацией не обладала. Как над ней фея Суссио ни старалась, никакого толку добиться не могла. Но все-таки фея ее очень любила.

Звали ее Пеструшка, потому что у нее все лицо было в рыжих пятнах, как у рыбки-пеструшки. Ее черные волосы были всегда такие сальные и грязные, что тронуть страшно, а желтая кожа лоснилась от жира. Королева от нее была без ума и только и говорила, что о своей ненаглядной Пеструшке. А так как Флорина перед дочкой имела все преимущества, то это королеву приводило в отчаяние, и она всячески старалась ее перед королем очернить. Дня не проходило, чтобы королева и Пеструшка не делали чего-нибудь во вред Флорине. Но добрая и умная принцесса старалась не обращать на это внимания.

Сказал однажды король королеве, что и Флорина и Пеструшка уже невесты на выданье и что, как только приедет к ним ко двору какой-нибудь принц, надо одну из них за него выдать замуж.

— Я полагаю, — ответила ему королева, — что надобно сперва выдать мою дочь, она ведь старше вашей, а так как она еще в тысячу раз ее любезнее, тут даже и говорить не о чем.

Король спорить не любил, согласился и сказал, что предоставляет все ее воле.

Через несколько дней узнали, что едет к ним некий король, который так был хорош собой, что все его звали Очарователем. Никогда еще никто не видал короля более любезного и более блистательного. И ум его и внешность вполне соответствовали его имени. Как только королева о том проведала, созвала она всех вышивальщиков, всех портных и всех мастеров, чтобы приготовить своей Пеструшке платьев и украшений побольше. А короля упросила, чтобы Флорине ничего нового не шили, а, кроме того, ее прислужниц подговорила выкрасть у нее все одежды, гребни и украшения как раз в тот день, когда король Очарователь приехал. Пошла Флорина одеться и даже ни одной ленточки не нашла. Она сразу догадалась, кому обязана этой услугой. Посылает она к купцам в лавки тканей купить, а те отвечают, что королева запретила товары ей продавать. И осталась она в простеньком платьице, изрядно поношенном, и так было ей стыдно, что, когда король Очарователь появился, спряталась она в дальний уголок залы.

Королева приняла его с великими церемониями, представила ему свою дочку, которая от богатых украшений и нарядов, как солнце, блестела, но от этой роскоши казалась еще противней. Король Очарователь как на нее взглянул, тут же и отвернулся, а королева стала сама себя уверять, что это оттого отвернулся он, что уж очень ему дочка ее понравилась и он перед ней робеет. И каждую минуту свою Пеструшку к нему подводила. А тут он спросил, нет ли здесь другой принцессы, которую зовут Флориной.

— Есть, — ответила ему Пеструшка, показывая на ту пальцем, — вон она там прячется, ведь она не из храбрых.

Флорина же покраснела и до того стала хороша, до того хороша, что король Очарователь замер от восхищения. Вскочил он с места и отвесил глубокий поклон принцессе.

— Госпожа моя, — сказал он ей, — несравненная красота ваша так украшает вас, что нужды вам нет ни в каких других украшениях.

— Король, — отвечала она ему, — уверяю вас, что я не привыкла так грязно одеваться, и очень вы бы меня порадовали, если бы совсем на меня не смотрели.

— Немыслимо, — воскликнул король Очарователь, — чтобы была на свете такая удивительная принцесса и люди могли бы еще кем-нибудь любоваться.

— Ах, — сказала разъяренная королева, — довольно я слушала вас. Поверьте, гость дорогой, что Флорина и без того страшная кокетка, и ни к чему ей расточать столько сладких слов.

Король Очарователь тотчас же разгадал, почему королева ему так говорит, но так как принудить ни к чему его не могли, то он продолжал выказывать свое восхищение Флориной и беседовал с ней часа три подряд.

Рассерженная королева и неутешная Пеструшка, которой не удалось одержать верх над Флориной, бросились к королю со страшными жалобами и добились такого приказа, чтобы на время, пока у них гостит король Очарователь, Флорину заключили в высокую башню, откуда уж ей дорогого гостя не увидеть. И вот как только Флорина вернулась к себе в комнату, схватили ее четыре молодца в черных масках и унесли в башню на самый верх. Пришла она в совершенное отчаяние, потому что поняла, для чего с ней так поступают: чтобы она не могла понравиться королю, который ей уже очень нравился и за кого она не прочь была бы и замуж пойти.

Король Очарователь ничего о том не знал и с величайшим нетерпением дожидался времени, когда вновь с Флориной увидится. Захотелось ему о ней поговорить с теми придворными, кого король приставил к нему для вящего почета, но те по приказу королевы стали всячески ему ее порицать: и кокетка-то она, и характер-то у нее злой да непостоянный, и друзей-то своих и прислугу вечно мучает, и нечистоплотна она, и до того уж скупа, что лучше готова одеваться простой пастушкой, лишь бы не тратить те деньги, что отец дает на наряды. Слушая все это, король Очарователь страдал душевно и еле-еле сдерживал свой гнев.

— Нет, — говорил он сам себе, — немыслимо, чтобы судьба вложила такое дурное сердце в такой перл создания. Согласен я, что плохо она была одета, когда я ее встретил, но смущение ее доказывает, что она к тому непривычна. И может ли быть она злой при такой ее скромности и очаровательной нежности? Нет, уж этому я никак не поверю, а скорее поверю тому, что это ее королева так расписывает. Недаром она ей мачеха, а уж дочка-то ее, принцесса Пеструшка, — такой уж гадкий зверь, что дивиться нечему, коли она завидует этому самому совершенному из всех творений.

Покуда он так рассуждал сам с собой, придворные стали догадываться, что не очень-то ему нравится о принцессе такие

речи слушать, и нашелся тут один из них похитрее, который, чтобы выведать чувства короля, слова свои изменил, да и голос тоже и начал ему Флорину выхвалять. При его словах король точно проснулся от долгого сна, разговорился, и лицо его засияло радостью. Ах, любовь, любовь, до чего трудно скрыть тебя! Везде-то ты проявляешься: и на устах любовника, и в очах его, и в звуке голоса. Когда человек любит, то и молчание его, и разговор, и радость, и грусть — все только о любви и говорит.

Не терпелось королеве узнать, действительно ли король Очарователь так увлечен, и послала она за теми, кому на этот случай доверилась, и всю ночь их о том выпрашивала. Все, что они ей ни говорили, только в том ее убеждало, что король Очарователь влюблен во Флорину.

Но что мне сказать вам о тоске бедняжки принцессы? Лежала она на земле в той ужасной темнице, куда ее принесли люди в масках.

— Не так бы я горевала, — говорила она, — если б меня в эту темницу раньше того заключили, как к нам гость дорогой приехал. А теперь я все вспоминаю о нем, а от этого мне еще горше. Нечего и сомневаться, что королева со мной так ужасно поступила, чтобы помешать мне вновь видеть его. Увы, мне! Дорогой ценой платит мое спокойствие за невеликую мою красоту!

И так она горько плакала, так горько, что если бы ее лютый враг увидел, так и тот бы ее пожалел.

Так прошла ночь. А королева, которая хотела во что бы то ни стало привлечь к себе короля Очарователя знаками своего внимания, послала ему в подарок великолепные, богатые одежды, шитые портными по самой последней моде. А сверх того послала она ему орден Кавалеров Амура, который заставила учредить короля, своего супруга, в день их свадьбы. Был тот орден в виде золотого сердца, украшенного пламенного цвета эмалью, окруженного несколькими стрелами, и одна из стрел пронзала его с такой надписью *Единая меня ранит*. Королева приказала, чтобы для короля Очарователя это сердце было выточено из цельного рубина в страусовое яйцо величиной, каждая стрела из алмаза в палец длиной, а цепь, на которой то сердце висело, была сделана из жемчуга, причем наименьший из них целый фунт весил, — словом, с тех пор как стоит белый свет, ничего такого не было видано.

Король Очарователь, как тот орден увидел, несколько времени даже и слова вымолвить не мог. В то же время поднесли ему

книгу, листы которой были из тончайшего пергамента, с восхитительными миниатюрами, а переплет золотой с драгоценными камнями; в книге в самых нежных и любезных словах был написан статут ордена Кавалеров Амура. При сем королю сказали, что те подарки посылает ему принцесса, которую он видел, и она просит его быть верным ее рыцарем. Подумал он было при этих словах, что это та самая принцесса, которая ему полюбилась.

— Ах! — воскликнул он. — Так это прекрасная принцесса Флорина так великодушно и так приветливо обо мне вспоминает?

— Государь, — отвечали ему, — вы изволили именем ошибиться: мы к вам от прелестной Пеструшки явились...

— Которая меня себе в рыцари прочит? — сказал король строго и холодно. — Весьма огорчен, что не могу сей великой чести принять. Но короли ведь сами себе не хозяева, и они не властны по собственному желанию накладывать на себя любое обязательство. Мне известны рыцарские обязанности, и я все готов выполнить, а потому предпочитаю от милости принцессы отказаться, дабы не делать того, что несовместимо с королевским достоинством.

С этими словами положил он обратно в корзинку и сердце, и цепь, и книгу и отослал все назад. А королева со своей дочкой едва не задохнулась от ярости, видя, как чужеземный король, кому они такую честь оказали, с ними распорядился.

Когда пришло время королю Очарователю идти в покои короля и королевы, он пошел туда в надежде увидеть Флорину и взглядом всюду ее искал. Чуть только услышит, что кто-то входит, тотчас голову поворачивает к двери, и видят все, беспокоится и грустит он. Догадывалась злая королева, что у него на душе делается, но и виду не подавала. Она только и говорила ему, что о веселых гуляньях, а он отвечал ей на все невпопад. Наконец он прямо спросил о принцессе Флорине.

— Король, — отвечала ему королева надменно, — король, отец ее, запретил ей выходить из своей комнаты, покуда моя дочка замуж не выйдет.

— Но зачем же такую красавицу, — спросил король Очарователь, — держать взаперти?

— Мне это неизвестно, — сказала королева. — Но даже если я это узнаю, у меня есть право не отвечать вам на подобный вопрос.

Тут король Очарователь страшно разгневался. Он с ненавистью смотрел на Пеструшку и только думал о том, что из-за этого жалкого чудовища лишен он радости видеть красавицу

принцессу. Скоро откланялся он королеве, слишком тяжело ему было беседовать с нею.

Вернувшись к себе, призвал он одного юного принца из своей свиты, которого очень любил, и сказал ему, что все на свете отдаст, лишь бы какая-нибудь из прислужниц принцессы устроила так, чтобы ему с ней поговорить хоть минуту. Этот принц без труда нашел некоторых дворцовых дам, которые с ним втайне поговорили. И одна из них сообщила ему, что в этот самый вечер будет Флорина ждать у маленького окошка, выходящего прямо в сад, и что там с ней король Очарователь сможет поговорить, однако с великими предосторожностями, чтобы о том не узнали.

— Потому что, — добавила она, — король и королева до того строги, что казнят меня, ежели дознаются, что я помогала любви короля Очарователя.

Молодой принц, радуясь, что так все устроилось, пообещал ей все, что она желала, и бросился к своему королю возвестить ему о часе свидания. Но злая его наперсница не преминула тут же пойти к королеве, обо всем рассказать ей и спросила, каковы будут ее приказания. А та тотчас решила, что следует к тому окошку послать свою дочь; и она подучила ее, что ей делать и говорить, а Пеструшка хоть и очень глупа была, но все-таки постаралась все выполнить.

Такая ночь была темная, что королю Очарователю невозможно было бы заметить обман, даже если бы он и не так в своем счастье был уверен. Подошел он к окошку в полном восторге и невыразимой радости и сказал Пеструшке все, что мог бы Флорине сказать, чтобы ее уверить в своей страсти. Пеструшка, пользуясь обстоятельствами, ему отвечала, что нет ее несчастней на белом свете из-за злой мачехи и придется страдать ей, покуда королевину дочь не возьмут замуж. А король уверил ее, что если она согласится выйти за него, то не может быть для него большей радости, как разделить с ней и корону свою и сердце. С этими словами снял он с руки перстень и, надев его Пеструшке, сказал, что это вечный залог его верности и что ей надо лишь время выбрать, чтобы с ним тайно отправиться. А Пеструшка на его горячие заявления отвечала как только могла умнее. Заметил он тут, что ничего она дельного не умеет сказать, и очень бы это его огорчило, если бы он не подумал, что она боится, как бы ее королева не застигла, и потому у нее мысли путаются от страха. И покинул он ее лишь с условием встретиться на другой день опять в тот же час, что она ему и обещала от всей души.

Королева, узнав об успехе свидания, весьма обрадовалась. И действительно, в назначенный день король Очарователь явился похитить принцессу в воздушных носилках, запряженных крылатыми лягушками: один его друг волшебник подарил ему эти носилки. Ночь была темная-темная. Пеструшка вышла тайком из маленькой дверцы, а ожидавший король схватил ее в объятия и не меньше чем сто раз поклялся в вечной верности. Но так как скучно было бы ему долго летать на своих воздушных носилках, не женясь на любимой принцессе, он спросил ее, где она желает свадьбу сыграть. Она отвечала, что есть у нее крестная фея по имени Суссио, весьма знаменитая, и хотелось бы ей отправиться в ее замок. Хоть король дороги туда не знал, но ему стоило лишь о том сказать своим громадным крылатым лягушкам. Им вся карта вселенной была известна, и через малое время доставили они короля с Пеструшкой к фее Суссио. А у той во дворце до того было светло, что король, как только приехал, сейчас же узнал бы свою ошибку, не будь принцесса так старательно укутана. Пошла она к своей крестной и, поговоривши с нею наедине, рассказала, как она изловила короля Очарователя, и просила его уговорить.

— Ах, дочка моя, — сказала фея, — трудно это будет сделать, потому что очень уж он привязан к Флорине. И чует мое сердце, наделает он нам хлопот.

Тем временем король дожидался их в зале, где все стены были из алмазов, до того чистых и прозрачных, что он насквозь через стену увидел, как Суссио и Пеструшка шепчутся друг с другом.

— Как, — сказал он себе, — уж не предан ли я? Откуда это демоны принесли врага нашего спокойствия? Ужели она сюда явилась, чтобы расстроить брак мой? А дорогой моей Флорины что-то не видно! Уж не догнал ли ее отец?

Много всяких мыслей приходило ему в голову, и он не на шутку встревожился. Но его ждало и гораздо худшее, когда они вошли в залу и фея Суссио решительно ему заявила:

— Король Очарователь, вот перед вами принцесса Пеструшка, которой вы обещали быть верным супругом. Она мне крестница, и я желаю, чтобы вы на ней немедленно женились.

— Я! — вскричал он. — Чтобы я женился на этом маленьком чудовище! Вы, наверное, полагаете, что у меня очень покорный нрав, если мне делаете такие предложения. Знайте же, что ничего я ей не обещал, а ежели она говорит иное, так она...

— Остановитесь, — перебила его фея Суссио, — и не будьте столь дерзки. Как смеете вы не оказывать мне должного почтения?

— Я готов, — отвечал король, — почитать вас, как надлежит почитать фею, только отдайте мне мою принцессу!

— А разве я не ваша принцесса, вероломный? — воскликнула Пеструшка, показывая кольцо на своей руке. — Кому же вы это кольцо дали в залог своей верности? С кем же вы у маленького окошка говорили, как не со мной?

— Как так! — вскричал он. — Значит, меня обманули и провели? Ну, я не дамся в обман! Ко мне, лягушки мои верные! Немедленно прочь отсюда.

— Не в вашей это власти, коли я на то не соглашусь, — заявила Суссио. Она притронулась к нему, и ноги его пристали к паркету, точно их гвоздями приколотили.

— Хоть вы меня камнями побейте, хоть вы с меня шкуру сдерите, — воскликнул тогда король, — но ничьим я никогда не буду, кроме Флорины! Решение мое твердо, а там как хотите пользуйтесь вашим могуществом.

Суссио обращалась к нему и с нежностью, и с угрозами, и с посулами, и с мольбами. Пеструшка плакала, кричала, стонала, сердилась, унижалась. Но король ни слова не говорил и, взирая на них с величайшим негодованием, ничего на их речи не ответил.

Так прошло двадцать дней и двадцать ночей, и все это время они все говорили да говорили, не евши, не спавши, не присевши. Наконец Суссио, вконец измучившись, сказала королю:

— Вижу я, что вы упрямец, который не хочет внять голосу разума. Ну, выбирайте: или вы семь лет будете каяться в том, что нарушили данное вами слово, или женитесь на моей крестнице.

Король, продолжавший хранить глубокое молчание, тут внезапно воскликнул:

— Делайте со мной что хотите, лишь бы я был от этой нюни избавлен!

— Сами вы нюня! — отвечала ему разъяренная Пеструшка. — Забавно на вас смотреть, королек лягушачий, приехавший к нам лишь затем, чтобы меня разобидеть и слово свое нарушить. Да будь у вас чести на четыре гроша, разве вы так поступили бы?

— Вот уж поистине трогательные укоризны я слышу! — ответил ей король, насмехаясь. — Видно, ошибся я, что не взял в жены такое сокровище!

— Нет, нет, нет! — вскричала тут Суссио в ярости. — Не бывать ей твоей женой. А теперь лети; в окошко, ежели хочешь, потому что быть тебе семь лет Голубой Птицей.

В то же мгновение облик короля стал изменяться. Руки его покрылись перьями и превратились в крылья, ноги стали черными да тоненькими, и на них крючковатые когти выросли, тело уменьшилось, весь он покрылся длинными, тонкими перьями, отливающими небесной лазурью; глаза округлились и заблестали, словно солнце; нос его стал клювом цвета слоновой кости; на голове поднялся белый хохолок в виде короны. И стал он птицей, которая восхитительно пела, но могла и говорить. Увидев свое превращение, он испустил жалобный крик, вспорхнул, да и вылетел в окно, покидая мрачный дворец Суссио.

В глубокой тоске стал он перелетать с ветки на ветку, выбирая только деревья, посвященные или любви, или печали, — то мирты, то кипарисы. И петь жалобные песни, оплакивая горькую судьбу свою и Флорины.

«Куда-то враги, — думает он, — могли ее запрятать? Что случилось с прекрасной их жертвой? Не погубила ли ее жестокость королевы? Где искать мне ее? Неужели осужден я семь лет без нее томиться? Может быть, ее за это время выдадут замуж, и я навек потеряю надежду, которой жизнь моя держится».

И так все эти мысли огорчали короля Голубую Птицу, что готов он был умереть.

А фея Суссио в это время отослала Пеструшку к королеве, которая очень беспокоилась тем, как свадьба прошла. Но когда увидела она свою дочь и та ей все рассказала, королева пришла в ужасную ярость, которая вновь обратилась на бедную Флорину.

— Ну уж, — сказала королева, — не раз ей придется раскаться, что понравилась она королю Очарователю.

Поднялась она в башню вместе с Пеструшкой, которая была разодета в самые дорогие платья. На голове у нее была алмазная корона, и три дочери самых богатых баронов королевства несли шлейф королевской мантии. А на пальце у нее был перстень короля Очарователя, который Флорина, однажды беседуя с ним, заметила на его руке. Очень она была удивлена, увидав Пеструшку в таком пышном наряде.

— Вот моя дочь, — сказала королева, — пришла вам показать свои свадебные подарки. Король Очарователь женится на ней. Любит он ее без ума, и никогда еще я не видала, чтобы человек был так счастлив.

В ту же минуту перед принцессой развернули золотые и серебряные ткани, выложили из больших корзин драгоценности, кружева да

ленты. Пеструшка не преминула и королевским кольцом блеснуть, так что Флорина уж не могла сомневаться в своем несчастье. Заплакала она, закричала в отчаянии, чтобы убрали от нее все эти роковые подарки, что отныне будет она носить только черный цвет и что лучше б ей сейчас же умереть. И упала она без памяти, а злая королева, довольная своим успехом, даже помочь ей не позволила. Оставив ее в самом несчастном положении, пошла она к королю-отцу и вероломно ему доложила, что дочь его до такой степени изъясняла им свою нежность, что, наверное, помешалась, а потому никак нельзя выпускать ее из башни. Король на это ответил, что она может поступать, как ей заблагорассудится, а он всегда ею будет доволен.

Когда принцесса очнулась от своего забытья и стала думать о том, как с ней обращаются и как недостойная мачеха ее мучает, и о том, что теперь она навек потеряла надежду соединиться с королем, она до того загрустила, что всю ночь напролет проплакала. Подошла она к окошку и стала тихо и трогательно жаловаться на свою судьбу. Когда рассвело, она затворила окно и продолжала плакать.

На следующую ночь опять она отворила окошко, испуская глубокие вздохи и стенания. Слезы потоком лились из очей; настал день, и опять спряталась она в своей комнате. Между тем король Очарователь, или, вернее сказать, король Голубая Птица, все вокруг дворца порхал, думая хоть издали увидеть дорогую свою принцессу. И если она горевала, то и он не меньше. Подлетал он к окнам как только мог поближе, чтобы в комнаты заглянуть, но, боясь, как бы Пеструшка не заметила и не узнала его, делал это с большой опаской.

— Тут ведь дело идет о моей жизни, — говорил он сам себе. — Если эти злодейки узнают, где я нахожусь, они будут мне мстить. И либо мне улететь отсюда придется, либо буду подвергаться крайней опасности.

По этим причинам был он очень осторожен и решался петь только по ночам.

Напротив окна Флорины рос высокий-высокий кипарис. И вот король Голубая Птица однажды взлетел на него. И только что сел он на ветку, как вдруг слышит: кто-то жалобным голосом на судьбу свою плачется.

— Долго ли мне еще мучиться? — говорил нежный голос. — Неужто смерть не придет мне на помощь? Вот ведь кто ее боится, к тем раньше времени она приходит, а я и зову ее, да она, злая, меня избегает. Ах, чудовище ты, королева, что я тебе

сделала, что ты меня держишь в этой ужасной тюрьме? Разве нет у тебя других мест, чтобы меня мучить? Уж лучше бы ты заставила меня смотреть на то счастье, которым твоя недостойная дочь наслаждается с королем Очарователем.

Голубая Птица ни слова из этих жалоб не проронил и очень им удивился. С крайним нетерпением дожидался он дня, чтобы взглянуть на горящую пленницу, но не успело еще рассвети, как она затворила окно и ушла.

Любопытный король-птица прилетел и на другую ночь, а ночь была ясная, лунная, — увидел он девушку в башенном окне и снова услышал ее жалобы.

— Судьба ты моя, — говорила она, — ты льстила меня королевской короной, ласкала отчей любовью, так что же я тебе сделала, что ты послала мне такое горе? Неужели я в нежном моем возрасте уже должна испытать твое непостоянство? Приди ко мне, о смерть, заклинаю тебя всем, чем могу, положи конец роковой моей жизни.

Голубая Птица слушал все это и, чем дальше слушал, тем все больше уверялся, что это плачет его дорогая принцесса. И сказал он ей:

— Обожаемая моя Флорина, чудо наших дней, зачем вы так скоро желаете окончить дни свои? Беды ваши ведь вовсе не безнадежны.

— Кто это, — вскричала она, — говорит со мной так утешительно?

— Несчастный король, — отвечает Птица, — который любит вас и никогда никого, кроме вас, любить не будет.

— Любит меня? — повторила она. — Наверное, это новые козни моих врагов, но что же они выиграют этим? Если они хотят узнать мои чувства, то я их не скрываю.

— Нет, королева моя, — отвечал король-птица, — с вами говорит тот, кто любит вас и неспособен вас предать.

И с этими словами вспорхнул он на окно. Флорина сперва было испугалась необыкновенной птицы, которая так умно и человечьи говорит, но тоненький соловьиный голосок и красота оперения ее успокоили.

— Неужели довелось мне вновь вас увидеть, принцесса? — воскликнул король-птица. — Неужто дано мне насладиться этим счастьем? Сердце мое готово разорваться от радости. Но, увы, радость эта отравлена вашим заточением и тем ужасным состоянием, на которое злая фея Суссио обрекла меня на семь лет.

— Но кто же вы, очаровательная птичка? — спросила принцесса, лаская его.

— Вы сами назвали мое имя, — ответил король, — а еще притворяетесь, будто не узнаете меня.

— Как, — воскликнула она, — сам великий король, король Очарователь, и вдруг стал маленькой птичкой, которая у меня в руках?

— Увы, прекрасная Флорина, так оно и есть, — ответил король, — и если что меня и может утешить, так только то одно, что я это несчастье предпочел отказу от вашей любви.

— От любви моей? — сказала Флорина. — Ах, не пытайтесь обмануть меня! Я знаю, я знаю, что вы на Пеструшке женились: я узнала ваше кольцо на ее руке и всю ее видела, сверкающую алмазами, которые вы ей надарили. Она пришла оскорбить меня в горькую мою темницу, украшенная богатой короной и королевской мантией, которые она получила из ваших рук, а я-то украшена была цепями да оковами!

— Как? — спросил король. — Вы ее видели в таком наряде? И они с матерью решились сказать, что это мои подарки? О небо, слышать такую ужасную ложь и не быть в состоянии отомстить за нее в тот же миг! Знайте же, что они хотели меня обмануть и, пользуясь вашим именем, заставили похитить ужасную Пеструшку. Но как только я увидел свою ошибку, тотчас же покинул обманщицу и решил лучше семь долгих лет быть Голубой Птицей, нежели поступиться верностью, в которой я вам поклялся.

И так трогательно было слушать Флорине своего милого возлюбленного, что она даже о несчастной своей темнице позабыла. И что она только ему не говорила, чтобы его утешить в печальной его участи, чтобы уверить его, что и она не меньше бы для него сделала, чем он для нее сделал! Занимался день, и уж многие из королевской стражи пробудились, а Голубая Птица и принцесса все еще говорили друг с другом. С великим трудом они разлучились, условившись, что каждую ночь будут так встречаться. Радость найти друг друга была так велика, что нет слов ее описать. Каждый со своей стороны благодарил за это любовь и судьбу. И в то же время Флорина беспокоилась о Голубой Птице.

— Кто охранит его от охотников, — говорила она, — да от острых орлиных когтей или от какого-нибудь проголодавшегося коршуна? А ведь тот его съест с таким аппетитом, что даже и не заподозрит, какого он великого короля кушает. О небо! Что будет со мной, если его тонкие легкие перышки ветер занесет ко мне в комнату, возвещая о несчастье, которого я так боюсь?

Эта мысль не позволила бедной принцессе и глаз сомкнуть,

потому что в любовном ослеплении воображение кажется действительностью и то, что в другое время немыслимо, представляется легко возможным. Так проплакала она целый день, пока не настал час подойти к окошку.

Очаровательный король-птица, спрятавшись в дупле дерева, целый день думал о своей принцессе.

— Как я рад, — говорил он, — что нашел ее! Как она привлекательна, как живо ощущаю я ту доброту, которую она мне изъясняет.

Этот нежный любовник с величайшим нетерпением переносил наказание, не позволявшее ему жениться, и никогда еще никто так страстно не мечтал об окончании срока. Ему так хотелось оказать Флорине всевозможные любезности, что полетел он в столицу своего королевства, к своему двору, впорхнул в свой кабинет через разбитое стекло и достал из сокровищницы алмазные подвески для ушей, такие красивые и такой превосходной работы, что подобных еще на свете не было. В тот же вечер принес он их Флорине и просил надеть.

— Я согласна была бы надеть их, если бы вы видели меня днем, — отвечала она, — но так как я только ночью беседую с вами, то не стану их надевать.

Король-птица пообещал ей распорядиться так своим временем, чтобы являться перед ней в тот час, когда она пожелает. Она сейчас же надела подвески, и ночь прошла в приятных разговорах, как и предшествующая.

На другой Голубая Птица опять полетел в свое королевство, впорхнул в свой кабинет через разбитое окно и унес с собой самые роскошные браслеты, какие когда-либо видели: были они из цельного изумруда, граненого и выточенного посередине, чтобы можно было руку продеть.

— Вы, верно, думаете, — сказала ему принцесса, — что мои чувства к вам нуждаются в поощрении подарками? Плохо вы меня знаете!

— Нет, госпожа моя, — отвечал он, — не думаю, чтобы безделушки, которые я вам подношу, были необходимы, чтобы мне сохранить вашу нежность, но моя нежность была бы оскорблена, если бы я упустил какую-нибудь возможность оказать мое вам внимание. А когда меня нет с вами, эти маленькие драгоценности напоминают вам обо мне.

Вслед за тем Флорина сказала ему немало любезных слов, а он отвечал ей тысячью таких же любезностей.

На другую ночь влюбленный король-птица не преминул принести своей красавице часики, которые были удивительной величины, ибо были сделаны в жемчуге и притом изящество работы превосходило даже этот драгоценный материал.

— Зачем дарить мне часы? — любезно сказала она ему. — Когда вас нет со мной, время тянется без конца, а когда мы вместе, оно пролетает как сон, и потому все равно не могу я мерить его точной мерой.

— Увы, принцесса, — воскликнул Голубая Птица, — хоть и держусь я того же мнения, что и вы, но убежден, что вы из деликатности преувеличиваете.

— После того, что вы переносите, — отвечала она, — чтобы сохранить мне ваше сердце, я думаю, что нельзя идти далее в дружбе и преданности.

Как только день занимался, король-птица забивался в глубь дупла дерева, чьи плоды служили ему пищей. А иногда он распевал чудесные песни, и голос его восхищал прохожих; они слушали, но никого не видали, а потому все решили, что то поют духи. Это мнение так распространилось, что в тот лес никто не решался входить. Кругом рассказывали тысячи баснословных приключений, которые будто бы там произошли, и этот всеобщий страх служил Голубой Птице верным защитником.

Дня не проходило, чтобы он не дарил чего-нибудь Флорине: то принесет жемчужное ожерелье, то сверкающие перстни тончайшей работы, то алмазные застёжки, то драгоценные печати, то букетики самоцветных камней, подражавших окраске цветов, то занимательные книжки, то медали; таким образом у нее скопилось множество всяких удивительных сокровищ. Она украшалась ими только на ночь, чтобы понравиться королю, а днем, так как ей некуда было их запирать, заботливо прятала их в свой соломенный тюфячок. Так протекли два года, и Флорина ни разу больше не оплакивала своего заключения, да и как можно было ей плакаться? Она рада была каждую ночь видеть своего возлюбленного, и никогда еще у нее не было столько прелестных вещей. Хотя она ни с кем не видалась, а Голубая Птица днем прятался в дупле дерева, все же у них всегда была тысяча новостей друг для друга, потому что сердца их всегда давали им предмет для беседы.

В то же время злая королева, которая так жестоко держала Флорину в заключении, делала тщетные усилия, чтоб выдать замуж свою Пеструшку. Посылала она послов, чтобы предложить ее в жены, всем принцам, каких только знала по имени, но когда послы приезжали, их тотчас же без дальних слов выпроваживали вон.

— Если бы речь шла о принцессе Флорине, — говорили им, — мы бы вас с радостью приняли, что же до Пеструшки, то пусть остается навеки девою, никто плакать не станет.

А после доклада послов Пеструшка и ее мать еще больше злобились на ни в чем не повинную принцессу, которую они преследовали.

— Как, — говорили они, — несмотря на то, что она находится в заключении, эта высокомерная особа все-таки становится нам поперек! Как простить ей все гадости, которые она нам наделала! Быть не может, чтобы она не состояла в секретной переписке с заморскими странами, — а уж это одно есть государственное преступление; поймает-ка ее по свежему следу и найдем все возможные способы, чтобы ее уличить.

Мать и дочь совещались так долго, что было уже за полночь, когда они решили подняться на башню и допросить ее. Она в это время стояла у окна, беседуя с Голубой Птицей, украшенная своими драгоценностями, и чудные ее волосы были убраны с такой тщательностью, которая несвойственна удрученным людям. Комната ее и постель были усыпаны цветами, а несколько испанских пастилок, которые она только что сожгла, наполняли комнату чудным ароматом. Королева стала подслушивать у двери, и показалось ей, что там поют арию на два голоса, а у Флорины голос-то был почти небесный. И вот какие нежные слова она услышала:

*О, как судьбой огорчены мы,
Как мы страдаем от нее
За то, что, несмотря на все,
Друг другом нежно мы любимы.
Но что б ни делали враги,
Друг другу будем дороги.*

Несколько вздохов заключили их маленький концерт.

— Ах, Пеструшка, нас предали! — вскричала королева и, толкнув со всей силы дверь, бросилась в комнату.

Что было делать Флорине в этот миг? Быстро распахнула она окно, чтобы дать время своей королевской птичке улететь, гораздо более занятая его спасением, нежели своим; но у него не хватило решимости оставить ее одну, ибо зоркие его глаза видели опасность, которой подвергалась принцесса. Он видел королеву и Пеструшку и — какой ужас! — был бессилен защитить свою любимицу! А они приближались к ней, как фурии, жаждущие ее растерзать.

— Нам известны ваши коварные замыслы против королевств-

ва! — закричала ей королева. — Не думайте, чтобы ваше высокое положение спасло вас от наказания, которое вы заслужили!

— Но с кем же могу я злоумышлять? — возразила принцесса. — Не вы ли моя тюремщица вот уж два года? Кого я видела, кроме тех, кого вы ко мне посылали?

Пока она говорила, королева и ее дочка с несказанным изумлением смотрели на ослепительную красоту ее и на замечательные ее украшения.

— А откуда же у вас, сударыня, — сказала королева, — камни эти, горящие, как солнце? Уж не станете ли вы нас уверять, что у вас в башне копи открылись?

— Я их здесь нашла, — отвечала Флорина, — а больше мне нечего вам сказать.

Королева внимательно на нее посмотрела, стараясь проникнуть в самую глубину ее мыслей.

— Напрасно полагаете вы нас одурачить, — сказала она, — нечего нам рассказывать небылицы. Знайте, принцесса, что нам известно все, что вы делаете с раннего утра и до позднего вечера. А вам все эти драгоценности только затем поднесли, чтобы вы продали за них королевство вашего отца.

— Да уж, в самом деле, это в моей власти — продать его! — отвечала принцесса с презрительной улыбкой. — На какие только козни неспособна несчастная принцесса, которая столько времени томится в оковах!

— А для кого же это, — продолжала королева, — причесались вы столь кокетливо, для кого ваша комната наполнена ароматом, а одеты вы так, что и при дворе вашего батюшки вы так не наряжались?

— Немало у меня досуга, — отвечала принцесса, — что же удивительного, что я уделяю время на то, чтобы одеться. Я столько часов провожу, оплакивая свои несчастья, что нечего меня за это упрекать.

— Так, так, посмотрим, — сказала королева, — не завязала ли эта невинная особа каких-нибудь дел с врагами нашими.

И стала она сама все осматривать да обыскивать. Подошла к тюфячку, встрясла его и нашла там такое количество алмазов, жемчугов, рубинов, изумрудов и топазов, что и придумать не могла, откуда все это взялось. И решила она в укромное место подложить подметные письма и тем погубить принцессу. Улучив время, хотела она сунуть их незаметно в очаг. Но, на

счастье, король Голубая Птица сидел как раз над очагом, а глаза у него были такие острые, как у рыси, и разговор он весь слышал.

— Берегись, Флорина, берегись: твой враг собирается предать тебя! — прокричал он.

Этот голос, столь неожиданный, так перепугал королеву, что она не посмела исполнить задуманное.

— Видите, сударыня, — сказала принцесса, — воздушные духи мне покровительствуют.

— Я уверена, — отвечала королева, трясаясь от ярости, — что это демон помогает вам. Но, как бы они ни старались, отец ваш найдет на вас управу.

— Небу да будет угодно, — воскликнула Флорина, — чтобы я боялась только гнева отца моего! Но ваша ненависть, сударыня, гораздо ужасней.

Королева ушла от нее, ошеломленная всем, что она видела и слышала. Стала она совет держать со своими приближенными, что бы ей предпринять против принцессы. А они на то ей ответили, что ежели принцессу взяли под свое покровительство какая-нибудь фея или какой-нибудь волшебник, то, подвергнув ее новым мучениям, можно сильно их прогневать, а потому лучше постараться открыть ее козни. Королева с тем согласилась и послала ночевать в башню одну юную девицу, которая, прикинувшись невинной, сказала принцессе, как велено было, что она прислана ей для услуг. Но был ли смысл в таком грубом притворстве? Принцесса сразу же поняла, что она представлена шпионить; горе ее было ужасно.

— Уж не придется мне больше с моим милым королем-птичкой беседовать! — говорила она. — Помогал он мне горе переносить, а я ему горе облегчала, и жили мы нашей нежностью. Что-то он теперь будет делать? Что-то я сама буду делать?

И, думая о том, она проливала ручьи слез.

Она теперь не решалась подходить к окну, хоть и слышала, как он кругом порхает; до смерти хотелось ей отворить окно, но она боялась подвергнуть его жизнь опасности. Так целый месяц не появлялась она у окна. Король Голубая Птица был в полном отчаянии. Каким только жалобам он не предавался! Как ему жить без своей принцессы? Никогда еще он так не чувствовал горя от ее отсутствия и от своего превращения. Тщетно искал он средств от того и от другого — сколько он ни ломал себе голову, так ничего придумать не мог.

Шпионка, которая целый месяц за ней днем и ночью смот-

рела, глаз не смыкая, так измучилась наконец бессонницей, что однажды уснула глубоким сном. Флорина, заметив это, отворила окошко и сказала:

*Птичка моя, ты небес синее,
Милая птичка, лети поскорее.*

Так она и сказала, слово в слово. А король-птичка так это внятно услышал, что через миг уже был на окне. Какое счастье они испытали! Сколько новостей надо было им друг другу рассказать! Уверения в нежности и верности возобновлялись тысячу и тысячу раз. Принцесса не могла удержаться от слез, а возлюбленный ее был растроган и утешал ее как только мог. Наконец пришло время расставаться, и, раньше чем тюремщица успела проснуться, распрощались они самым нежным образом. На другой день шпионка снова заснула, а принцесса проворно подошла к окну и сказала, как и в прошлый раз:

*Птичка моя, ты небес синее,
Милая птичка, лети поскорее.*

Сейчас же птичка прилетела, и ночь прошла, как и первая, без шума и помехи, чем наши влюбленные были очень довольны, надеясь, что надзирательница так полюбила спать, что и впредь ничего другого по ночам делать не станет. В самом деле, и третья ночь прошла так же счастливо, но на четвертую шпионка сквозь сон услышала шум и стала прислушиваться, не подавая вида. Потом пригляделась она хорошенько и увидала в лунном луче, как самая красивая птица на белом свете разговаривает с принцессой, ласкает ее своей маленькой лапкой и тихонечко клювом клюет. Наконец, расслышала она многое из их разговора и тем была очень удивлена, потому что король Голубая Птица говорил, как влюбленный, а прекрасная Флорина с нежностью ему отвечала.

Настал день, они распростились и, словно предчувствуя свои будущие невзгоды, расстались с великой печалью. Вся в слезах бросилась принцесса на постель, а король вернулся к себе в дупло. Тюремщица побежала к королеве и рассказала ей все, что видела и слышала. Королева сейчас же послала за Пеструшкой и своими наперсницами. Долго они рассуждали, и наконец все сошлись на том, что Голубая Птица есть не кто иной, как сам король Очарователь.

— Какое оскорбление! — воскликнула королева. — Какой позор, Пеструшка ты моя! Дерзкая эта принцесса, которая, я думала, предастся скорби, преспокойно себе развлекается приятными разговорами с нашим неблагодарным изменником! Ну, уж и отомщу я им, да так жестоко, что долго о той казни говорить будут.

Пеструшка умоляла ее ни единого часа не терять, и так как она, по ее мнению, еще более в том деле была заинтересована, нежели королева, то умирала от радости, размышляя обо всем, что могло бы наших влюбленных огорчить.

Королева отослала свою шпионку в башню и велела ей не выказывать ни подозрения, ни любопытства, а сделать вид, будто она еще крепче спит, чем обычно. Улеглась та спать спозаранку, захрапела как можно громче, а бедняжка принцесса, отворив окошко, прокричала:

*Птичка моя, ты небес синее,
Милая птичка, лети поскорее.*

Но тщетно звала она в эту ночь короля-птичку, ибо злая королева велела повесить на кипарис шпаги, ножи, бритвы, кинжалы, и он, взлетев на него и поранив себе ноги об одно из этих смертоносных орудий, упал на другое и поранил себе крылья. Наконец, весь израненный, кое-как добрался он до своего дерева, оставляя за собой длинный кровавый след.

Где были вы, прекрасная принцесса, что не могли помочь вашему королю-птичке? Но она, наверное, умерла бы с горя, когда увидала бы его в таком плачевном виде. А он не хотел больше о своей жизни заботиться, уверенный, что это сама Флорина с ним так жестоко обошлась.

— Ах, коварная, — восклицал он горестно, — так-то ты платишь за страсть самую чистую и самую нежную, какая когда-либо была? Если ты моей смерти хотела, почему сама мне про то не сказала? Я с радостью принял бы смерть от твоей руки. А я-то к тебе летел с такой любовью, с таким доверием! Страдал я за тебя, и страдал не жалуясь! Как! Ты меня предала самой жестокой из женщин? Она была общим нашим врагом, а ты с ней заключила мир за мое горе. Это ты, Флорина, ты меня изъязвила кинжалами. Руку позаимствовала ты у Пеструшки и направила в мою грудь!

Мрачные эти мысли привели его в такое отчаяние, что он решил умереть.

Но его друг чародей, увидев, что крылатые лягушки к нему вернулись, а король и глаз не кажет, так тем огорчился, что

восемь раз всю землю кругом облетел, но найти его не мог. Облетал он теперь землю в девятый раз и пролетал как раз тем лесом, где скрывался король. Следуя правилам, о которых они с ним уговорились, он затрубил протяжно в свой рог, а потом прокричал пять раз подряд что есть силы:

— Король Очарователь, король Очарователь, где вы?

Король узнал голос своего лучшего друга.

— Приблизьтесь, — сказал он, — к этому дереву и посмотрите на несчастного короля, вашего любимца, который утопает в своей крови.

Вне себя от удивления, чародей смотрит во все стороны и ничего не замечает.

— Я — Голубая Птица, — сказал тогда король слабым, умирающим голосом.

При этих словах волшебник без труда отыскал его в его маленьком гнездышке. Другой на его месте очень бы удивился, но ему были хорошо известны все тайны некромантии. Стоило ему произнести несколько слов, и кровь, сочившаяся еще из ран, сразу остановилась. Потом сорвал он некоторые травы, которые нашел тут же в лесу, пошептал над ними свою тарабарщину и тотчас короля так исцелил, как будто тот и ввек ранен не был.

Тогда чародей попросил его рассказать, как это он стал птицей и кто его так жестоко изранил. Король удовлетворил его любопытство и рассказал ему, что это Флорина выдала тайну любовных его посещений и, желая помириться с королевой, согласилась увешать кипарис кинжалами да бритвами, которыми и был он почти что искромсан; тысячу раз обвинял он в неверности свою принцессу, говоря, что уж лучше было бы ему раньше умереть, не узнав ее злого сердца. С гневом стал чародей говорить о ней, да и о всех женщинах и посоветовал королю забыть ее.

— Какое было бы несчастье, — сказал он, — если бы вам пришлось и далее любить эту неблагодарную! После того, что она вам сделала, всего можно от нее опасаться.

Король Голубая Птица не мог с ним согласиться: он все еще слишком любил Флорину; и тогда волшебник, поняв его чувства, как тот ни пытался их скрыть, сказал ему нежно:

Зачем без толку утешать?

Когда страданье нас тревожит,

Другого нам нельзя понять,

Одна печаль нам сердце гложет.

*Пусть время тихо пролетит
В своем целительном теченье.
Л без него и утешенье
Нас только хуже раздражит.*

Король-птица согласился с ним и попросил своего друга отнести его к себе и посадить в клетку, где бы ему не грозила лапа кота или иные смертоносные орудия.

— Ну, — сказал ему чародей, — неужели вы еще пять лет будете оставаться в таком плачевном положении, столь неподходящем для ваших дел и вашего королевского достоинства? Потому что ведь в конце концов есть у вас и враги, которые утверждают, будто вы умерли; они хотят поработить ваше королевство, и, боюсь, как бы вам не потерять его раньше, чем к вам вернется прежний ваш образ.

— А нельзя ли мне, — спросил тот, — отправиться в свой дворец и там, как прежде, управлять своим королевством?

— О, — воскликнул его друг, — трудно это! Тот, кто готов подчиняться человеку, станет ли слушать попугая? Боялись они вас, когда вы были королем, окруженным величием и блеском, а увидя вас маленькой птичкой, они у вас все перья повывернут.

— Ах, люди, люди! Как они слабы. Как они склонны к пышности внешней! — воскликнул король. — Ничего для вас не значат ни заслуги, ни добродетель! Ну что ж, — продолжал он, — будем мудрецами и станем презирать то, чего не можем получить, — наша участь еще не самая худшая.

— Ну, я так скоро не сдамся, — ответил волшебник, — надеюсь, я еще найду хороший выход.

А Флорина, бедная Флорина, огорченная тем, что не видит больше своего короля, дни и ночи проводила у окна и все повторяла:

*Птичка моя, ты небес синее,
Милая птичка, лети поскорее.*

И даже присутствие шпионки ее не стесняло: так она была удручена, что ни о чем уже не думала.

— Что случилось с вами, король Очарователь? — восклицала она. — Неужели общие враги наши вновь заставили вас почувствовать ужасные последствия их злобы? Неужели пали вы жертвой их ярости? Увы, увы, неужели нет вас больше? Неужто мне вас больше не видать? Или, утомившись моими несчастьями, покинули вы меня на невзгоды моей судьбы?

Сколько слез, сколько рыданий сопровождали ее нежные жалобы! Как долго текли часы в отсутствие любезного и дорогого ее возлюбленного! Принцесса, сраженная, больная, поху-девшая, изменившаяся, через силу себя поддерживала; она была уверена, что с ним случилось что-то ужасное.

А королева и Пеструшка ликовали. Так сладка показалась им месть, что даже и обида не так уж была им тяжела. Да и в конце концов о какой обиде шла речь? Только и было того, что король Очарователь не захотел на маленьком чудовище жениться, ненавидеть которое он имел тысячи причин. А в это время отец Флорины, который был уже стар, захворал, да и умер. И судьба злой королевы и дочери ее сразу переменилась, пошли разговоры, что они только у короля в чести были, да и той честью немало злоупотребляли. Взбунтовался народ, бросился ко дворцу и стал требовать принцессу Флорину, называя ее единственной государыней. Разъяренная королева думала высокомерием уладить дело, вышла на балкон и стала бунтовщикам грозить. Ну, тут уж все взбунтовались, бросились ко дворцу, выломали двери, разгромили ее покои, а самое королеву побили камнями. Пеструшка спаслась к своей крестной, фее Суссио, дабы избежать судьбы своей матери.

Собрались тут вельможи королевства и поднялись в башню, где принцесса лежала тяжело больная. Не знала она ни о смерти отца, ни о казни врага своего. Услышав такой великий шум, она решила, что то идут за ней вести ее на смерть. И она не испугалась, потому что жизнь стала ей ненавистна с тех пор, как потеряла она Голубую Птицу. Но подданные бросились к ее ногам и рассказали о переменах в ее судьбе, а она даже и не обрадовалась. Принесли ее во дворец и короновали.

Все так заботились о ее здоровье, и так ей не терпелось идти на поиски Голубой Птицы, что она стала поправляться, и скоро у нее уже достало сил, чтобы назначить Совет, который бы управлял королевством в ее отсутствие. А затем взяла она с собой на тысячу миллионов драгоценных камней, да и ушла ночью совсем одна, и никто и не знал, куда она отправилась.

Волшебник, который принимал участие в делах короля Очарователя, не имея достаточно власти разрушить злые чары феи Суссио, решил отправиться к ней и предложить ей некоторые условия, на которых она согласилась бы вернуть королю его прежний образ. Запряг он своих крылатых лягушек и прилетел к фее, которая как раз беседовала с Пеструшкой. От волшебни-

ка до феи рукой подать; они знавали друг друга уже лет пятьсот, не то шестьсот и за это время и ссорились и мирились. Она его приняла очень любезно.

— Чего угодно куманьку дорогому? — спросила она его (все они друг друга так называют). — Могу ли чем-нибудь быть полезна ему?

— Да, кумушка, — отвечал волшебник, — чтобы доставить мне удовольствие, все в вашей власти; дело идет о лучшем друге моем, о короле, которого вы сделали несчастным.

— А, а! Понимаю я вас, куманек, — воскликнула Суссио, — очень мне неприятно, но нечего ему на мою милость надеяться, коли не хочет он на моей крестнице жениться. Вот она перед вами, хороша и прекрасна; пусть он подумает.

Волшебник чуть не онемел, так гадка ему показалась Пеструшка, а все же не хотелось ему уезжать, ни о чем с феей не договорившись, потому что уж очень большим опасностям подвергался король, сидя в клетке. Однажды сломался гвоздь, на котором клетка висела, клетка упала, и его пернатое величество от этого падения жестоко пострадало; кот Мине, который случился в комнате в это время, подбежал и так его по глазу когтями царапнул, что думал король кривым остаться. Другой раз забыли ему воды налить, и заработал бы он себе как раз типун на язык, коли наконец не перепало бы ему нескольких капелек воды. Обезьянка волшебника, маленький разбойник, ускользнув на волю, изловила его за перья сквозь прутья клетки, а после того у него столько перьев осталось, что и на сойку или дрозда не хватило бы. Но самое худшее заключалось в том, что мог он скоро свое королевство потерять, потому что наследники его все новые да новые плутни затевали, дабы доказать, что он умер. Наконец волшебник договорился со своей кумой Суссио на том, что она привезет Пеструшку во дворец короля Очарователя, пусть она проживет там месяц-другой, покуда он не примет решения жениться на ней, и тогда фея вернет ему человеческий образ, но при условии, что ежели он не женится, так опять станет птицей.

Подарила фея Пеструшке чудные одежды, все золотые да серебряные, посадила ее позади себя верхом на дракона, и понеслись они в королевство короля Очарователя, который прибыл со своим верным другом чародеем. Три раза тронула она птицу волшебной палочкой, и в тот же миг король стал таким, каким был раньше: красивым, любезным, остроумным и великолепным. Дорого он заплатил за то, чтобы свое испытание сократить, и от одной мысли, что придется ему жениться на Пеструшке, весь он дрожал. Как ни

уговаривал его умными речами волшебник, не столько он о делах своего королевства думал, сколько о том, как бы тот срок оттянуть, в какой ему Суссио приказала на Пеструшке жениться.

А тем временем королева Флорина в крестьянской одежде, прикрывая лицо растрепанными волосами, в соломенной шляпе на голове да с холщовой сумой за спиною пустилась в путь; то пешком, то на лошади, то морем, то сушей спешила она вперед. Однако, не зная, куда ей направиться, она все время боялась, что идет не в ту сторону, где находится любезный ее король. Однажды остановилась она около ручья, где вода серебрилась на маленьких камушках, и ей захотелось помыть себе ноги. Уселась она на лужке, подвязала лентой белокурые свои волосы и опустила ноги в воду; и похожа она была на богиню Диану, купающуюся после охоты. В то время проходила мимо маленькая старушка, вся сгорбленная и опирающаяся на толстую клюку; остановилась старушка и говорит ей:

— Что это вы делаете, красавица? Да неужели вы совсем одна?

— Ах, бабушка, — ответила ей королева, — в немалой я компании путешествую, потому что со мной мои огорчения, заботы да неудовольствия.

При этих словах слезы потекли из ее глаз.

— Как, — сказала ей добрая старушка, — такая вы молодая, и плачете! Э, дочка, не огорчайтесь. Скажите мне все, как есть, и надеюсь, что смогу вам помочь.

Королева охотно рассказала ей о своих бедах, о соучастии феи Суссио в этом деле и о том, наконец, что она Голубую Птицу ищет.

Тут старушка выпрямилась, прибралась, в один миг лицо ее переменилось, и явилась она красивой, молодой, великолепно одетой и, приветливо улыбнувшись королеве, сказала:

— Несравненная Флорина, узнайте, что король, которого вы ищете, уже больше не птица. Сестра моя Суссио вернула ему прежний образ, и он ныне в своем королевстве; не огорчайтесь, ступайте туда и вы достигнете цели ваших желаний. Вот вам четыре яйца; разбейте их, когда будете вы в великой нужде, и тогда вы получите помощь.

С этими словами она исчезла. Флорина была очень утешена тем, что услышала, положила яйца в суму и направила шаги свои в королевство короля Очарователя.

Восемь дней и восемь ночей шла она, не останавливаясь, и пришла к подножию горы, невероятно высокой; вся она была

из слоновой кости и до того крута, что невозможно было ступить на нее, не упав. Королева без конца пыталась влезть на гору, скользила да уставала и, наконец, отчаявшись преодолеть такое препятствие, легла она у подошвы горы и готовилась уже умереть, как вдруг вспомнила про те яйца, которые ей дала фея. Взяла она одно яйцо и сказала:

— А ну-ка, посмотрим, не посмеялась ли она надо мной, добрую помощь мне посулив.

Разбила она яйцо, а в нем, глядь, золотые подковки лежат. Надела она их на ноги да на руки и пошла по горе из слоновой кости безо всякого труда, потому что шипы от подколовок впивались в гору и не давали скользить. Дошла она наконец до самой вершины, взглянула вниз — новое горе: сойти нельзя. Весь склон той горы — сплошное хрустальное зеркало, которое было добрых две мили в ширину да шесть в высоту. В него смотрелись шестисот тысяч дам, и всякая в том зеркале такой себя видела, какой хотела. Рыжая отражалась там белокурой, темно-русская становилась черноволосой, старуха казалась молоденькой, а молодая так вовсе не старела; словом, так хорошо скрывало то зеркало все недостатки, что сходились к нему люди со всех четырех концов света. Было от чего со смеху помереть, как поглядишь на все жеманства да гримасы этих кокеток. Это обстоятельство привлекало туда немало и мужчин, зеркало и им нравилось. Одних оно показывало с чудными кудрями, других и выше и стройнее станом, и вид придавало воинственный, и лицо озаряло красотой. Они смеялись над женщинами, а те, в свою очередь, смеялись над ними, а потому ту гору прозвали тысячью разных имен. Никому, однако, не удалось взойти на ее вершину, и когда увидели они Флорину, то все дамы отчаянно стали кричать:

— Куда эта безумная идет? Ишь, какая ловкая, по зеркалу ходить умеет! Разобьет она нам наше зеркало!

И шум они подняли ужасный.

Смотрит королева и не знает, как ей быть, видит, что опасно по зеркалу спускаться. Разбила она еще одно яйцо, и вышли оттуда два голубя, запряженные в маленькую колесницу. И тут же на глазах она настолько увеличилась, что королева удобно уселась в ней, и свезли ее голуби тихонько вниз безо всякого беспокойства. Она им и говорит:

— Друзья мои, доведите уж меня до самого двора короля Очарователя. Будьте уверены в великой моей благодарности.

А голуби те, вежливые и послушные, не останавливались ни днем, ни ночью, пока не прибыли к городским воротам. Сошла Флорина с колесницы и сладко поцеловала каждого, а поцелуи ее были дороже короны.

И как же у нее билось сердце, когда она вступала в город! Запачкала она себе лицо, чтобы никто ее не узнал. И стала спрашивать она у прохожих, как бы ей короля повидать. Засмеялись ей в ответ.

— Короля повидать? — говорят. — Ишь, чего захотела, Милка-Замарашка! Поди-ка, поди-ка умойся, не такие у тебя глаза, чтоб на великого короля ими смотреть!

Ничего им королева не ответила, пошла тихо дальше и начала других спрашивать, где бы ей короля увидеть.

— Завтра, — отвечают ей, — придет он в храм с принцессой Пеструшкой, потому что он наконец согласился на ней жениться.

Небо! Вот какие новости она узнала! Пеструшка, недостойная Пеструшка выйдет замуж за короля! Флорина готова была умереть от горя: силы ее оставили, ни говорить она не могла, ни шагу ступить, и уселась она на камни у чьей-то двери, скрыв лицо волосами и соломенной своей шляпой.

— Ах, я, несчастная! — говорила она. — И пришла-то я сюда, только чтобы увеличить торжество моей соперницы и быть свидетельницей ее радости! Вот почему король Голубая Птица перестал прилетать ко мне! Из-за этого маленького чудовища оказал он мне самую жестокую неверность, когда я в горестях непомерных старалась о спасении его жизни! Бросил меня изменник, забыл обо мне, словно и не видел меня никогда. Предоставил он мне в разлуке с ним печалиться, а самому и заботы мало о разлуке со мной.

Когда нас удручает такое горе, так и аппетита нет; искала королева, где бы ей устроиться, и улеглась не поужинав. С первыми лучами солнца она поднялась и побежала в храм. Долго ее туда стража и солдаты не пускали, и немало она их окриков наслушалась. Вошла она и видит два трона — короля и Пеструшки, которую уже королевой считали. Каково было смотреть на это нежной Флорине! Подошла она к трону своей разлучницы и стала рядом, прислонившись к мраморной колонне. Первым явился король, красивее и любезнее, чем когда-либо. Вслед за ним появилась Пеструшка, богато разодетая, но до того безобразная, что смотреть было страшно. Поглядела она на королеву, наморщив брови.

— Кто ты такая, — спросила она ее, — что осмеливаешься приближаться к моей великолепной особе и к моему золотому трону?

— А зовут меня Милка-Замарашка, — та ей отвечает, — и пришла я издалека всякие редкости продавать.

Пошарила она в своей холщовой суме и вынимает оттуда изумрудные браслеты, которые ей король Очарователь подарил.

— О-го-го! — сказала Пеструшка. — Важные стекляшки, хочешь за них пять золотых?

— Покажите-ка их, госпожа моя, знатокам, — отвечала королева, — тогда мы и сторгуемся.

Пеструшка, которая так в короля была влюблена, как только такая жаба влюбиться может, рада была всякому случаю с ним поговорить. Подошла она к его трону и показала ему браслеты, прося высказать свое мнение. Поглядел он на них и вспомнил о тех, что Флорине дарил; побледнел он, вздохнул и долго молчал; наконец, боясь, как бы не заметили его смущения, поборол он себя и ответил:

— Этим браслетам, я полагаю, такая цена, как всему моему королевству. Думал я, что одна такая пара на свете есть, а вот, оказывается, нашлись и схожие.

Вернулась Пеструшка на свой трон, и так она на нем была хороша, будто устрица из ракушки выглядывает. И спросила она королеву, сколько та без запроса хочет за те браслеты.

— Трудно вам будет, госпожа моя, — отвечала ей королева, — заплатить за мои браслеты; лучше другой я вам торг предложу. Коли вы мне позволите одну ночку в Говорящем Кабинете во дворце короля переночевать, отдам я вам мои изумруды.

— Ладно, Милка-Замарашка! — ответила ей Пеструшка, хохоча как полоумная и показывая зубы, длинные, что кабаньи клыки.

А король ни слова не спросил о том, откуда взялись те браслеты, не потому, что он о той не подумал, кто их принес (да и чем могла бы она его любопытство возбудить?), а потому, что не мог побороть он свое отвращение к Пеструшке. А надо сказать, что король, будучи Голубой Птицей, принцессе рассказывал, что под его покоем есть такой кабинет, который называется Говорящим Кабинетом, и так он хитро устроен, что даже если там и шепотом что сказать, то все королю слышно бывает, когда он спит в своей комнате. А так как Флорина хотела его упрекнуть в его неверности, то лучшего способа она и выдумать не могла.

Привели ее по Пеструшкиному приказу в тот кабинет, и начала она жаловаться и горевать.

— Сомневалась я в своем горе, — говорила она, — а вот оправдалось оно, жесток ты, король Голубая Птица! Забыл ты меня и мою разлучницу недостойную любишь! И браслеты, которые я из твоих рук вероломных получила, ничего тебе обо мне не напомнили, так ты от меня отделился!

И тут рыдания прервали ее слова, а когда силы к ней вернулись, снова начала она плакаться, и так до самого утра.

Лакеи дворцовые слышали, как она всю ночь жаловалась и вздыхала, сказали о том Пеструшке, а та у королевы спросила, чего она такой шум подняла. Сказала ей королева в ответ, что спала она крепко, только бывает с ней, что она по ночам кричит и громко бредит. А король, так тот и вовсе ничего не слышал по роковой случайности: с тех пор как он Флорину полюбил, пропал у него сон, и, чтобы ночью хоть немного отдохнуть, принимал он, ложась в постель, горькие сонные капли.

Весь-то день провела королева в тяжелой заботе.

— Если он меня слышал, — рассуждала она, — неужели он так жестоко ко мне равнодушен? А если не слышал, что ж мне такое придумать, чтобы услышать он мог?

Не было больше у нее никаких необычайных редкостей, и хотя драгоценные камни всегда хороши, но надо было что-нибудь особое найти, чтобы вкус Пеструшки раззадорить, и опять взялась королева за свои волшебные яйца. Разбила она третье — и выехала из него маленькая карета из полированной стали, вся украшенная золотом. Была она запряжена шестью зелеными мышами, на козлах сидел розовый крысенок, а фореитор, тоже крысиного рода, был серо-льняной масти. Внутри кареты помещалось четверо марионеток, только были они гораздо живей и хитрей тех, что показывают на ярмарках в Сен-Жермене и Сен-Лоране. Замечательные штуки они выделявали! Особенно двое маленьких цыганочек так отплясывали сарабанду да пасспье, что не уступили бы Леансу.

Королева была в восторге от этого нового дивного творения некромантии, но не сказала ни слова до вечернего часа, когда Пеструшка отправлялась на прогулку. Тогда королева вышла в аллею и пустила скакать своих мышей, которые везли карету, крысят и марионеток. Так эта штука Пеструшке понравилась, что она раза два-три воскликнула:

— Милка-Замарашка, Милка-Замарашка, хочешь пять золотых за карету да за запряжку мышиную?

— Спросите-ка вы у ученых да у докторов королевства, —

сказала Флорина, — сколько такое чудо может стоить, за ту цену я и уступлю.

А Пеструшка, которая не любила себе ни в чем отказывать, заявила ей:

— Говори прямо цену, да не надоедай мне своей грязной особой!

— Еще разок в Говорящем Кабинете переночевать, — отвечала Флорина, — вот все, что я прошу.

— Иди, — сказала Пеструшка, — уж так и быть, дура ты убогая, не откажу я тебе.

А обернувшись к своим дамам, добавила:

— Вот глупая тварь, такие редкости продает ни за что.

Настала ночь. Флорина все высказала, что только могла придумать самого нежного, но опять она зря старалась, как и раньше, потому что король никогда не забывал принимать своих сонных капель. А лакеи дворцовые между собой толковали:

— Конечно, эта крестьянка сумасшедшая; чего она всю ночь рассуждает?

— А что ни говори, — отзывались другие, — не так уж глупо она причитает.

С нетерпением дожидалась она дня, чтобы узнать, слышал ли ее король.

— Глух этот варвар жестокий к моим речам! — говорила она. — Не слышит он больше дорогую свою Флорину! А я по слабости своей все еще люблю его! Да, правда, заслуживаю я его презрение!

Но, сколько она ни рассуждала, не могла себя от любви излечить. Только одно яйцо у нее в суме и оставалось, решила она к нему прибегнуть и расколола его. И тут же из скорлупы появился пирог, украшенный шестью птицами, на славу изжаренными, ломтиками сала обложенными, вообще мастерски изготовленными; притом пели они дивными голосами, судьбу предсказывали и умели лечить от всяких болезней лучше самого Эскулапа. Осталась королева довольна таким чудом, и пошла она в переднюю к Пеструшке со своим говорящим пирогом.

Ждет она, покуда та выйдет, а один из дворцовых лакеев подошел к ней и говорит:

— А знаете ли вы, Милка-Замарашка, что если бы король на ночь не принимал капель сонных, вы бы ему нынче никакого покоя не дали, потому что всю вы ночь так болтаете, что просто сил нет.

Тут Флорина поняла, почему король ее не слышал. Пошарила она у себя в суме и говорит:

— Не боюсь я королевский покой нарушить, и если бы вы ему нынче с вечера тех сонных капель не дали, а я бы в том кабинете спала, эти вот жемчуга и алмазы были бы вашими.

Лакей на то согласился и обещал свое слово сдержать.

Через несколько минут появилась Пеструшка, заметила королеву с ее пирогом, а та притворилась, будто съесть его собирается.

— Что ты там делаешь, Милка-Замарашка? — спросила она.

— Госпожа моя, — отвечала Флорина, — собираюсь есть астрологов, музыкантов да лекарей.

В тот же миг птицы принялись петь благозвучней сирен; а потом все сразу закричали:

— Дайте монетку, а мы судьбу вам предскажем!

А одна из уток, которая в середине сидела, громче других прокричала:

— Кач! Кач! Кач! Я — великий врач! Нет меня полезней ото всех болезней, всякую хворость мигом излечу, только от любви лечить я не хочу!

Пеструшка рот разинула от удивления, никогда она еще такого чуда не видала. И начала она восклицать:

— Ну и пирог! Ну и пирог! С места мне не сойти! Хочу, чтоб он был мой! Эй! Эй! Ну-ка, говори скорей, Милка-Замарашка, что тебе за него дать.

— Переночевать бы еще ночку в Говорящем Кабинете, — ответила Флорина, — а больше ничего мне не нужно.

— Ладно уж, — сказала великодушно Пеструшка (обрадовалась она, получив такой удивительный пирог), — так и быть, получишь сверх того целый золотой пистоль.

Флорина, еще более довольная, чем раньше, ибо теперь у нее была надежда, что король ее услышит, поблагодарила и вышла.

Как только настала ночь, провели ее в кабинет. Как пламенно она желала, чтобы дворцовый лакей сдержал свое слово и вместо сонных капель чего-нибудь другого королю налил и сон его разогнал. Подождала она, пока все заснут, и принялась за свои жалобы.

— Скольким я опасностям подвергалась, чтобы найти тебя, — говорила она, — а ты меня избегаешь и на Пеструшке хочешь жениться! Что сделала я тебе, жестокий, что ты все свои клятвы позабыл? Помнишь ли ты о своем превращении, о моей доброте, о наших нежных беседах?

И почти все разговоры их повторила она слово в слово, и память ее доказывала, как дороги они были ей.

А король вовсе не спал и ясно слышал и голос Флорины и

каждое слово ее, только понять не мог, откуда идет тот голос. И тут сердце его, исполнившись нежностью, так живо напомнило ему несравненную его принцессу, что с такой же горечью ощутил он разлуку с ней, как в тот миг, когда его ножи на кипарисе изранили. И стал он тоже, вспоминая ее, говорить.

— Ах, принцесса, — говорил он, — как жестоко вы обошлись со своим обожателем! Возможно ли, что вы предали меня нашим общим врагам?

Услыхала Флорина его речь и отвечала ему, что, ежели бы он соизволил выслушать Милку-Замарашку, она бы ему все те тайны открыла, в которые он до сих пор проникнуть не мог. В тот же миг кликнул нетерпеливый король своего слугу и попросил тотчас же отыскать и привести к нему Милку-Замарашку. А слуга на то ему ответил, что это дело нехитрое, потому что она спит в Говорящем Кабинете.

Король не знал, что и подумать: можно ли поверить, чтобы такая великая королева, как Флорина, замарашкой переделалась? И можно ли поверить, чтобы у Милки-Замарашки был голос королевы и все бы ее тайны она знала, если бы не была она самой королевой? В таком недоумении поднялся король с ложа, оделся поспешно и потайным ходом спустился в Говорящий Кабинет. И хоть королева Пеструшка на ключ его заперла и ключ вынула, но у короля был свой, который все двери во дворце отпирал.

И увидел он свою Флорину в ее легком тафтяном платье, которое она носила под своими лохмотьями, чудные ее волосы по плечам рассыпались, лежит она на постели, а издалека лампа чуть светит. И едва только король вошел и узнал ее, загорелась в нем прежняя любовь, забыл он свои обиды, бросился к ее ногам, оросил ее руки слезами и думал, что умрет от радости и от горя, и от тысячи мыслей, которые проносились у него в голове.

Королева не меньше его растрогалась, стеснило ей сердце, еле вздохнуть могла. Долго смотрела она безмолвно на короля, а когда набралась сил заговорить, уж не стала его упрекать: так радостно было ей его видеть, что забыла она про все свои жалобы. Наконец они объяснились, оправдались друг перед другом, пробудилась их нежность, и только одно их смущало — мысль о фее Суссио.

Но в этот миг вдруг перед ними появился королевский доброжелатель-волшебник вместе с той знаменитой феей, что дала Флорине четыре яйца. Поздоровавшись с ними, они объявили, что, заключив друг с другом союз на пользу короля с королевой, победили они фею Суссио и теперь уж их свадьбе ничто не помешает.

Легко представить себе радость юных влюбленных. Только день занялся, по всему дворцу объявили эту новость, и все были в восторге видеть Флорину. Узнала о том и Пеструшка, прибежала она к королю — и каково-то было ей увидеть там свою соперницу! И только она рот открыла, чтобы ее изругать, как появились волшебник с феей и тут же превратили ее в пеструю свинью, так что она по-прежнему Пеструшкой осталась и могла сколько угодно хрюкать, если и не ругаться по-прежнему. Хрюкая, побежала она со всех ног на скотный двор, где все стали над ней хохотать и тем уж совсем довели ее до отчаяния.

А король Очарователь и королева Флорина, освободившись от столь ненавистной им особы, ни о чем больше и не думали, как о своей свадьбе. До чего та свадьба была пышной да веселой, рассказать нельзя. А они неописуемо были счастливы, соединившись после таких долгих испытаний.

ПРАВОУЧЕНИЕ

*Когда о короле Пеструшка возмечтала,
И хоть не нравилась ему,
Но цепью той она сковать его желала,
Которой не разрезать никому.
О, как была она неосторожна
И не подумала о том, что брак такой
Принять за рабство было б можно
Без страсти нежной и живой.
А принц, я думаю, дорогой шел неложной:
Ведь лучше Птицей Голубой летать,
Вороной черной быть иль, наконец, совою,
Чем с нелюбимою женою
Сидеть да ссориться и счастья не видеть.
Такими браками наш скучный век обилён,
А ведь куда счастливей был бы он,
Когда бы чародей всемогущ
Явился к нам сюда и дал бы свой закон:
Чтоб больше не терпеть нам бракосочетаний,
Что решены деньгой в кармане,
А тот пусть женится, кто истинно влюблен.*

Содержание

ВОЛШЕБНАЯ ПЕЩЕРА

МАЛЕНЬКИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ. Французская сказка. <i>Перевод М. Абкиной</i>	7
ДВА ГОРБУНА И ГНОМЫ. Французская сказка. <i>Перевод Т. Хмельницкой</i>	11
ОВСЯНАЯ ЛЕПЕШКА. Шотландская сказка. <i>Перевод Н. Лосевой</i>	14
ВОЛШЕБНАЯ ПЕЩЕРА. Шотландская сказка. <i>Перевод Н. Зиновьевой</i>	17
ВОЛШЕБНАЯ КРАСКА. Шотландская сказка. <i>Перевод С. Григорьевой</i>	19
ГНОМ И ЧЕРНЫЙ ПОРОСЕНОК. Шотландская сказка. <i>Перевод Н. Лосевой</i>	21
ЗАКОЛДОВАННАЯ МАСЛОБОЙКА. Шотландская сказка. <i>Перевод С. Григорьевой</i>	24
ЧУДЕСНЫЙ САПОЖНИК. Шотландская сказка. <i>Перевод И. Воронос</i>	27
ДОБРЫЕ СОСЕДИ. Шотландская сказка. <i>Перевод С. Григорьевой</i>	30
3. Топелиус. КНУТ-МУЗЫКАНТ. <i>Пересказ А. Любарской</i>	33
Я. и В. Гримм. ГНОМ-ТИХОГРОМ. <i>Пересказ Г. Граббе</i>	45
КАРЛИКОВ КАМЕНЬ. Шотландская легенда. <i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	51

РЫЦАРЬ-ЭЛЬФ. Шотландская сказка.	
<i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	60
ТЭМ-ЛИН. Шотландская сказка.	
<i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	67

ПРОДЕЛКИ ТРОЛЛЕЙ

КАК ЗАМУХРЫШКА АСКЕЛАДДЕН С ТРОЛЛЕМ СОСТЯЗАЛСЯ. Норвежская сказка.	
<i>Перевод И. Цветковой</i>	73
ПАДЧЕРИЦА И РОДНАЯ ДОЧКА. Норвежская сказка.	
<i>Перевод Е. Суриц</i>	75
КАРИ ЗАМАРАШКА. Норвежская сказка.	
<i>Перевод Э. Раузиной</i>	82
КОРОТЫШКА. Норвежская сказка. <i>Перевод Е. Суриц</i>	92
РАСТРЕПА. Норвежская сказка. <i>Перевод Е. Суриц</i>	103
ДОБРЫЙ ДРУГ. Датская сказка. <i>Перевод Е. Суриц</i>	108
ЗОЛОТОЙ ФОНАРИК, ЗОЛОТОЙ КОЗЕЛ И ЗОЛОТАЯ ШУБА. Шведская сказка. <i>Перевод Е. Суриц</i>	114
ПОДЗЕМНЫЙ ПРИНЦ ХАТТ. Шведская сказка.	
<i>Перевод Е. Суриц</i>	119

РАСТАЯВШАЯ ФЕЯ

ЗНАМЯ ФЕЙ В ДАНВЕГАНЕ. Шотландская сказка.	
<i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	137
ФЕЯ И КОТЕЛ. Шотландская сказка.	
<i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	143
НОЧНЫЕ ПОМОЩНИЦЫ ДОБРОЙ ХОЗЯЮШКИ. Шотландская сказка.	
<i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	145
ФЕЯ И ФЕРМЕРША. Шотландская сказка.	
<i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	149
ПАЖ И СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОК. Шотландская сказка.	
<i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	154
КУЗНЕЦ И ФЕИ. Шотландская сказка.	
<i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	157

ФЕИ МЕРЛИ НОВОЙ СКАЛЫ. Шотландская сказка.	
<i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	162
ВОЛЫНЩИК ИЗ КЕЙЛА. Шотландская сказка.	
<i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	165
ФАРКУЭР МАК-НЕЙЛ. Шотландская сказка.	
<i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	168
ДАРЫ ФЕИ КРЕНСКОГО ОЗЕРА. Итальянская сказка.	
<i>Пересказ Н. Гессе и З. Задунайской</i>	172
ВЕСЕЛЫЙ САПОЖНИК. Итальянская сказка.	
<i>Пересказ И. Гессе и З. Задунайской</i>	181
ПАСТУХ ИЗ КАЛЬТАНИСЕТТЫ. Итальянская сказка.	
<i>Пересказ Н. Гессе и З. Задунайской</i>	184
ГРОТ КОРБЬЕР. Французская сказка.	
<i>Перевод К. Варшавской</i>	186
МАЛЕНЬКАЯ АННЕТТА. Французская сказка.	
<i>Перевод А. Кулишер</i>	189
Ш. Перро. ПОДАРКИ ФЕИ. <i>Пересказ Т. Габбе</i>	193
Ш. Перро. СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА.	
<i>Пересказ Т. Габбе</i>	195
Л. де Виллодон. СМЫШЛЕНАЯ ПРИНЦЕССА, ИЛИ	
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОСТРУШКИ. <i>Перевод С. Боброва</i>	202
К. Пино. СКАЗКА О ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ	
ЛЮБИЛА БЕЛОЧЕК. <i>Перевод В. Мартынова</i>	223
К. Пино. СКАЗКА ПРО РАСТАЯВШУЮ ФЕЮ.	
<i>Перевод В. Мартынова</i>	226
Д'Онуа. ЛЕСНАЯ ЛАНЬ.	
<i>Перевод С. Боброва и А. Федорова</i>	233
Д'Онуа. ГОЛУБАЯ ПТИЦА.	
<i>Перевод А. Федорова и Л. Успенского</i>	266

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Эта книга — из 20-томной серии «Сказка за сказкой», к выпуску которой приступили издательско-производственный центр «КИМОС», фирма «РИТА» (г. Москва) и ТОО «Библиополис» из г. Санкт-Петербурга.

Серия поможет Вам открыть безграничное богатство сказочного мира. Он принадлежит всем нам, но прежде всего детям, им и адресованы наши книги.

Группой молодых художников подготовлено красочное оригинальное оформление. Оно станет сюрпризом для Вас, как и многие мало известные тексты сказок.

Вышли и выходят из печати:

Братец Лис и Братец Кролик.

Сказочные истории из жизни птиц и зверей.

Заколдованный халат.

Арабские сказки, не вошедшие в «1001 ночь».

**Джованнино и Пульчероза, а также
Чиполлино и другие.**

Итальянские сказки.

Жил-был король...

Сказки писателей Европы.

Золотая ладья.

Сказки и легенды с лазурной Адриатики.

Шутка Черного Лешего.

Сказочные истории о русалках, домовых и прочей нечистой силе.

Подарки феи.

Сказки из жизни эльфов, троллей и фей.

Великанья изба, колбасная крыша.

В стране великанов и змей.

По вопросам реализации обращаться:

г. Москва, тел. (095) 176-8004

ПОДАРКИ ФЕИ

Редактор

Л. Хренникова

Художник

О. Платова

Технический редактор

А. Щербаков

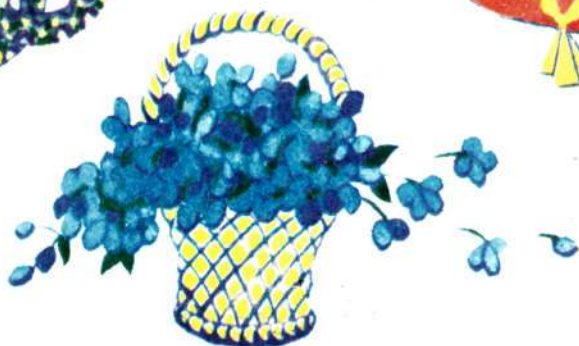
Корректор

С. Цыганова

Сдано в набор 29.V.1993. Подписано в печать 7.VI.1993. Формат 70х 100¹_{/16}
Бумага офсетная. Гарнитура «Тайме». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0.
Уч.-изд. л. 24,7 Тираж 50000 экз. Заказ № 3 1 0 3 2

Полиграфкомбинат Государственного департамента Республики Молдова
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
277004, г. Кишинев, ул. Митрополита Петру Мовилэ, 35.

**Наша серия - сказки всех
времен и континентов -
многотомная сказочная
энциклопедия для дома**